

СМЕНА

июнь
2001

Алексей Перминов **Как убить Эйнштейна**

Виктор Прунин **Брызги шампанского**

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ

НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чингина

Сдано в набор 17.4.2001.

Подписано к печати 16.5.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 1226

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14,

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (http://studio.cron.ru)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

ООО "Издательский дом

журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

28 *Фенри Каттнер*
**ЖИЛИЩНЫЙ
 ВОПРОС**
 Зарубежный рассказ

106 *Виктор Троицкий*
**БРЫЗГИ
 ШАМПАНСКОГО**
 Криминальный роман

18 *Светлана
 Вестужева-Лада*
ОТ РОЖДЕНИЯ ДО...

55 *Игорь Гаманюков*
**ОБОРОТНИ
 В ПОГОНАХ**

234 *Алиса Песцова*
ОДЕЖДА ГОВОРИТ

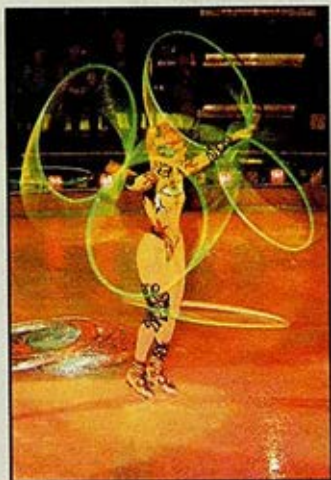
244 *Алексей Перминов*
**КАК УБИТЬ
 ЭЙНШТЕЙНА**

255 *Игорь Логвинов*
**ОТДЫХ —
 ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ**

стр. 64

На 1-ой обложке:
 Фото FOTO BANH.

стр. 262

4 *Леонид Дернер*
**ПОД СЕНЬЮ
"ТРОИЦЫ"**

40 *Любовь Русева*
**ДУШОЙ ЕКАТЕРИНЕ
РАВЕН!**

64 *Екатерина
Улановская*
**ВОСХОЖДЕНИЕ,
ИЛИ ПОРТРЕТ
ДИРИЖЕРА НА
ФОНЕ ОРКЕСТРА**

78 *Людия Байрамова*
ВЕРЕЩАГИН

96 *Елена Прокофьева*
МИСТИФИКАТОР

262 *Максим Никулин:*
**"ЦИРК ДОЛЖЕН
УДИВЛЯТЬ
И НЕМНОГО ПУГАТЬ"**

270 *Грета Вороневі*
**ОТ ВОЛЫНКИ
ДО ЖАЛЕЙКИ...**

15 *Борис Рябухин*

105 *Сергей Каратов*

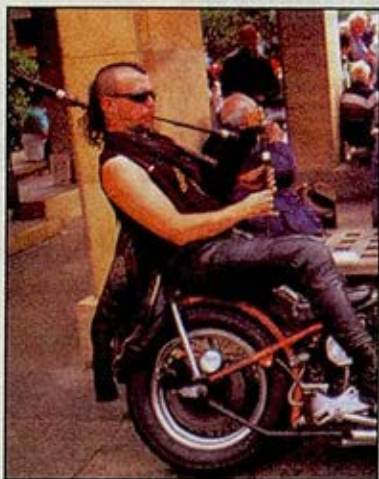
Гэри Брандер
**БЛИЗКИЕ
КОНТАКТЫ
В ОКРУГЕ
МЭДИСОН**

Писатель Мэтью Крайтон даже не предполагал, что в один прекрасный день фантастика и секс реально войдут в его жизнь.

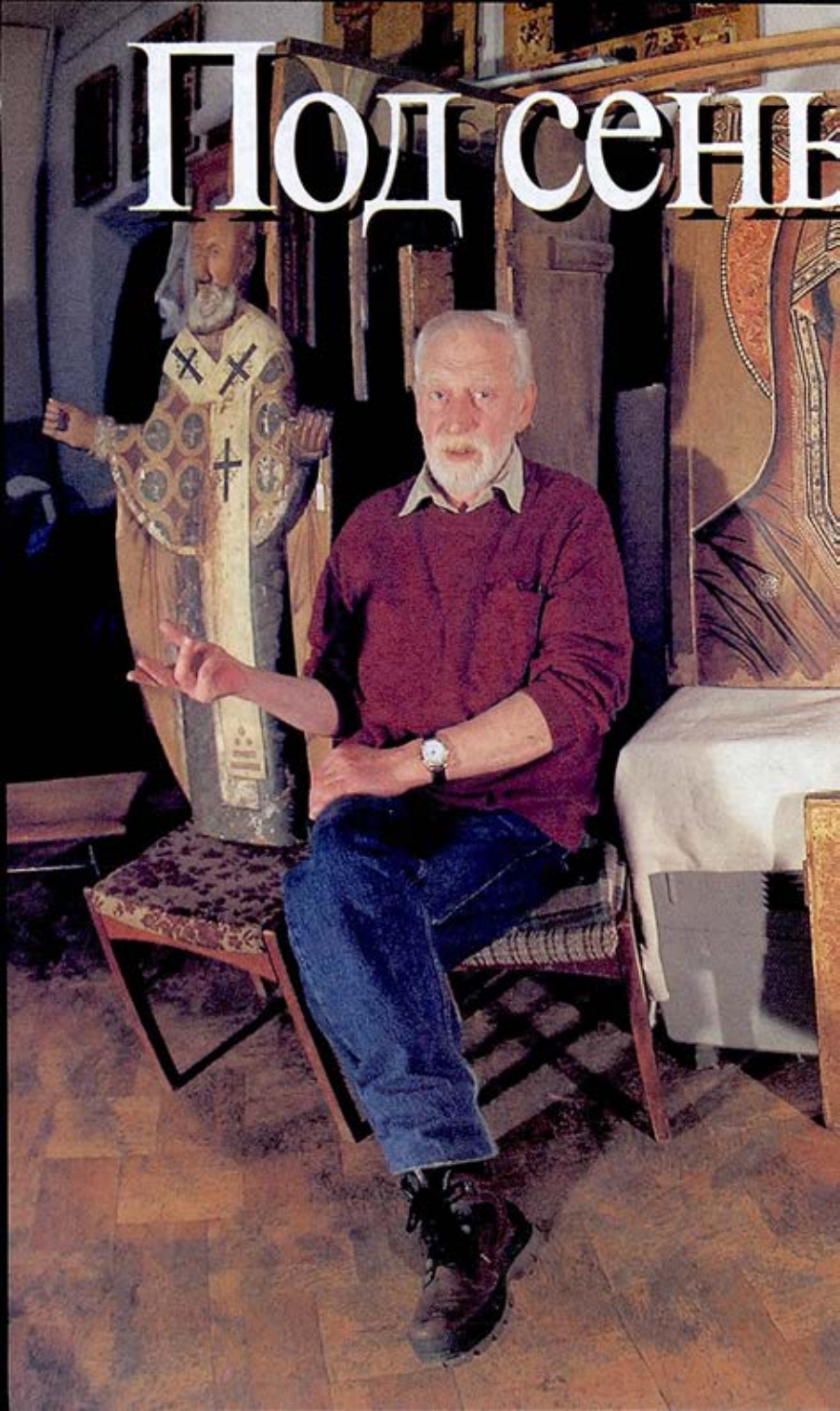
Встреча с НЛО и полные чувственности и восторга часы, проведенные с королевой инопланетян, помогли ему написать новый роман. Но... за то, что Крайтон поведал миру о своих впечатлениях, пришельцы из космоса отомстили ему весьма своеобразно.

Иван Зюзюкин
ЗАГАДКА ФОРДА

Мичиганский фермер, механик-самоучка, помешавшийся на изобретательстве, никому тогда не известный Генри Форд, имея первоначальный капитал всего лишь 200 долларов, в свои сорок лет решает заняться бизнесом. В считанные годы он становится не просто мультимиллионером, владельцем гигантской автомобильной империи, но и личностью, во многом определившей ход истории XX века.

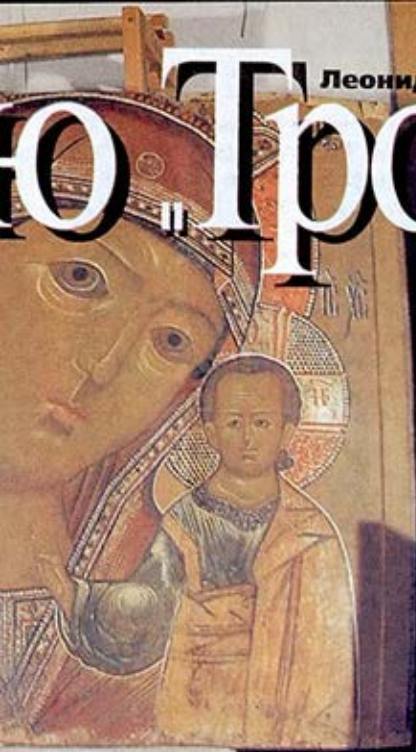

Под сенью

Леонид ЛЕРНЕР

Ю "Троишцы"

"Произведения искусства встают из своих могил в те моменты истории, когда они необходимы. В дни глубочайшего развала, в годы полного разброда открывается древнерусское искусство, чтобы дать урок гармонического равновесия".

Максимилиан Волошин

Я ехал в музей Андрея Рублева на выставку, а память возвращала в дни, когда в столичном кинотеатре впервые демонстрировался "Андрей Рублев" Тарновского. Вспомнилось, как на последних кадрах черно-белого фильма вдруг возник цвет — вспыхнула божественная радуга икон и, потрясенный их красотой, зал встал. В едином порыве поднялись мы навстречу творениям Мастера. И, быть может, только в этот

момент с отчаянием осознали, что столько лет жили без него. Оттуда нам, не ведавшим Господа, было знать, что человек, оставивший на земле бессмертные иконы и фрески, не покидал нас. И никогда не покинет.

"Поповская" фамилия

Сорок лет назад, будучи студентом исторического факультета МГУ, я не сомневался, что Андрей Рублев вовсе не церковный, а народный художник. Недаром даже Ленин, ненавидевший иконы, хотел поставить памятник Рублеву. Жаль, что не успел... Знал я и то, что Андрей Рублев жил некогда в старейшем московском Спасе Нерукотворного Андронином монастыре, где расписывал Спасский собор. И, само собой, считал, что

только потому этот храм и уцелел во времена большевистской антирелигиозной ванханалии.

— Извините, но тут я вас слегка поправлю, — улыбаясь моим воспоминаниям, говорит профессор Геннадий Викторович Попов. — На самом деле все было так, да не так. После войны вновь ожил генеральный план реконструкции Москвы, согласно которому предстояло добыть все, что "не представляет исторической ценности" — в том числе и комплекс зданий Андронинова монастыря. Но летом 1947 года, в дни 800-летия столицы, архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский сделал ошеломляющее сообщение: в архиве историка XVIII века Миллера обнаружен рисунок надгробной плиты Андрея Рублева, сделанный в Андрониновом монастыре. И теперь можно с уверенностью сказать, что гениальный русский иконописец похоронен именно здесь. То была чистейшая мистификация, такого "рисунка" не существовало, да и не могло быть — монахов хоронили в безымянных могилах. Но эта святая ложь не только спасла древний монастырь, но стала главным поводом к созданию музея великого русского художника.

В те дни Гена Попов, мальчик из подмосковной Электростали, пошел в первый класс. Порог Андронинова монастыря он впервые переступил уже окончив школу. А семь лет назад стал директором Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

— Расскажите, как дошли до жизни такой? — интересуюсь я. — "Поповская" фамилия обязывала?

— Наверно, обязывала. Поповых на Руси пруд-пруди, но далеко не у всех церковные корни. Моя же семья до революции была чисто священническая. Впрочем, уроженец молодого городка советских энтузиастов, я до поры об этом не знал. Такие вещи в нашей семье просто не обсуждались. И, конечно, не случайно: дед по матери был приходским священником — в 1925-м пошел по этапу; дед по отцу — епископ, в 1918-м попал в черный список и погиб. В детстве я ни разу в церкви не был. Крестился в 30 лет, будучи уже кандидатом искусствоведения. А ведь и кандидатскую, а затем и докторскую защищал по иконе. В 70-х вышли мои книги о московской и тверской школах древнерусской живописи.

Я помню эти книги Попова. В них особенно притягивало то, что сам автор и являлся добытчиком описываемых икон, сам искал и находил эти сокровища для родного музея.

— Как же вы попали сюда?

— Сначала казалось — случайно. Отец был строителем, я с детства рисовал и пошел в Архитектурный. Но — к счастью! — экзамен завалил. И отец сунул меня, семнадцатилетнего, сюда, в Андронинов, в реставрационные мастерские — чертеньником. Думал, на годик, до следующих экзаменов. А получилось — на всю жизнь.

Попову, конечно, повезло. Ведь именно тогда, в тиши и неизвестности, работали здесь величайшие специалисты: легендарный мастер Дмитрий Сухов — "монах от реставрации", возродивший благолепие Собора Василия Блаженного перед коронацией Николая II; волшебник Петр Барановский, благодаря которому уже в наши дни восстановили

с десяток уникальных архитектурных памятников, в том числе Назанский собор на Красной площади; а группу молодых реставраторов возглавлял Лев Давид (прямой потомок знаменитого французского художника Луи Давида — Л.Л.), который и создал интерьер музея.

История Андроникова монастыря удивительным образом (я бы сказал — даже мистически) с первого до нынешнего дня связана с жизнью человека, оставившего таинственной загадочный, но и такой заметный след на русской земле. Первые камни в фундамент обители легли в год рождения Рублева. Древнейший столичный монастырь строился семь десятилетий — и столь же прожил великий иконописец. В Андронинов (вместе со своим другом Даниилом Черным) он пришел уже в полной своей славе и, украсив фресками Спасский собор, ставший венцом этой монастырской обители, здесь же скончался и был похоронен. После смерти Андрея Рублева имя его передается забвению, а Спасо-Андронинов монастырь постепенно утрачивает свое значение. В XVIII веке в погоне за европейской модой в Спасском соборе сбили все рублевские фрески — нам достались лишь их фрагменты в откосах окон. В дни наполеоновского нашествия собор горел, рухнули его своды и глава. Он был перестроен, искажен переделками и, в результате, стал рядовым монастырским приходским храмом. А по всем монастырским стенам провели круговые галереи...

— Вот эти таинственные галереи и привлекли сюда после революции деятелей ГПУ, — замечает Попов. — В них оборудовали камеры и застенки, и в этом окружении

очень уютно устроилась печально знаменитая "тройка"...

Возвращение

С Поповым мы однокашники, пришли на истфак почти одновременно, только я все пять лет лоботрясничал на дневном, а он вскоре перешел на вечерний и работал в музее, о котором я тогда и знать не знал. Впервые меня привез сюда осенью 1960 года сокурсник Савелий Ямщиков (ныне заслуженный деятель искусств), на шестисотлетний юбилей Андрея Рублева и открытие музея его имени. В тот сентябрьский день во дворе Андроникова монастыря сошлись знаменитости, из коих нам с Савелием известны были двое: Илья Эренбург и Михаил Алпатов. Алпатов, как и положено столпу искусствоведения, говорил о значении рублевского творчества для русской и мировой культуры. А Эренбург представил стоявшим вокруг деятелям ЮНЕСКО, художникам, писателям и партийным бонзам группу людей, ютившихся в стороне, за крыльцом Спасского собора, и словно бы случайно оказавшихся здесь. В той маленькой скромной компании был и студент-вечерник Геннадий Попов.

И вот, спустя сороч лет, я узнаю о тех, кому мы обязаны явлением на свет необыкновенного, рожденного в муках музея. Поразительно, но факт: подлинное открытие Андрея Рублева и, можно сказать, спасение древнерусской иконы состоялось в дни, когда (невзирая на "оттепель"!) на церковь обрушилась новая, теперь уже хрущевская волна гонений. Вновь, как и в сталинские времена, рушились и закрывались храмы, уничтожались духовные реликвии, рассыпались набо-

ры книг по древнерусскому искусству. Остановить это безумие могла столь же безумная анция. И этой анцией стала величественная дата: шестисотлетие Андрея Рублева. Когда советский полпред в ЮНЕСКО Илья Зренбург выступил с предложением отметить эту дату, его зарубежные коллеги, кажется, впервые сопоставили известнейшие факты: в то время, как над миром уже сияла рублевская "Троица", до рождения леонардовской Джоконды и рафаэлевской Мадонны оставался еще целый век! Решение было мгновенным и единогласным. И в Кремль полетели телеграммы.

— А главным "заговорщиком" была Наталья Алексеевна Демина — первый научный сотрудник зарождавшегося музея, — рассказывает Попов. — Она вовлекла в свой "заговор" крупнейших ученых — Лазарева, Павлова, Ильина и в эту компанию, собравшуюся в Спасо-Андрониновом, во временном хранилище (которое поручила мне по этому случаю как следует натопить), пригласила Илью Григорьевича Зренбурга. Шел 1959 год. Помню, кто-то из присутствовавших сказал: "Сейчас или никогда". И Андрей Рублев "родился" в 1360-м, хотя, конечно, эта дата весьма приблизительна.

Иоанн Предтеча

— Что представлял собой музей Рублева в дни его открытия?

— Когда я говорю, что была всего сотня экспонатов, никто не верит: как так — что это за музей? Но сотня — удивительная! Правда, с эпохой Андрея Рублева и его окружением была связана только одна икона — "Иоанн Предтеча". Ее нашли в развалинах Николо-Пес-

ношского монастыря под Дмитровым. Она для нас символична: как Иоанн явился предтечей Христа, так эта икона стала как бы предвестницей музея Рублева.

Мы идем по залу, где представлены первые "раритеты" музея. С тех пор в рублевский центр поступали десятки еще более редких икон, но первые — как родные дети. Нелегкая им досталась доля.

— Вот эту, "Владимирскую", Демина нашла в Иосифо-Волоколамском монастыре, — вспоминает Попов. — Валялась на полу! А вот "Троица", круга Дионисия, из того же монастыря. Заметьте, мы их лишь частично раскрыли. Это Наталья Алексеевна предложила некоторые иконы именно так и показывать, чтобы люди могли представить — из какого "пепла" они возрождаются. Эффект ошеломляющий... Это "Анафист", роскошная вещь, из-под Курска, моя первая поездка. Видите, сколько на ней утрат? А это "Иерусалимская", стеклом закрыта — чудотворная.

Геннадий Викторович и нынче считает свой музей "мелким" — "на 11 душ сотрудников всего-то 8000 единиц хранения".

Сотня в 1960-м против восьми тысяч в 2001-м. Разница впечатляющая, хотя для крупных музеев и это не цифра. Но, если учесть, что каждая рублевская музейная "единица" в полном смысле слова — на вес золота (все экспонаты не моложе XVII века!), не надо быть большим знатоком, чтобы понять — какое это богатство. Ни в Русском музее, ни в Третьяковке вы не увидите сразу 200-300 редчайших икон. А в рублевском нынче только о Рождестве Христовом повествуют около сотни творений.

Андрей Рублев. Апостол Павел. Начало XV в.

И все они для сотрудников родные, кровные, добытые своими руками еще в 60-е, в самых глухих уголках России, спасенные от варварства. В музее все это богатство и реставрировали. Попробуйте подсчитать, сколько на эту процедуру ушло времени и сил, если на каждое "раскрытие" (учитывая сплошь критиче-

ское состояние икон) требуются год-полтора, а то и два с половиной.

— Беднейший музей, сотрудников раз-два и обчелся, а каждый год по несколько экспедиций. Снадите честно, на какие шиши ездили?— пытаю я Попова.— На средства от билетов за вход?

— Вход в музей был бесплатный. Из своей зарплаты в 69 рублей, из тощих командировочных экономили каждую копейку, чтобы съездить еще куда-нибудь. Чужую бедность, местные жители подкармливали. Нашими союзниками были деревенские старушки: последним куском делились и иконы, снрепя сердце, отдавали. Жалко им было с реликвиями расставаться, но понимали — сами не сохраняют.

— Откуда же у них столько икон?

— Из храмов уносили, тех, что подлежали разрушению. И все эти годы хранили. Иконы были в ужасном состоянии, мы их оборачивали в папиросную бумагу и свежими яичными желтками заливали — чтобы по дороге совсем не разрушились. Старались зимой ездить, в мороз лучше заливать — сразу схватывает.

Начинали с Подмосковья. В Марфинском храме был склад МТС, а под "железками" лежал шестирисный(!) иконостас... Затем по Тверской губернии, по заброшенным и загаженным церквям. А во многих — склады химических удобрений. Иконы и церковная утварь, полежавшие с десяти-другой лет в этой "химии", в рунах рассыпались. Но многое все же спасли.

— Эти экспедиции порой назались мне путешествиями в "конец света", — задумчиво говорит Попов. — И будто бы я один из тех, кто уцелел в этой всемирной катастрофе. И вот собираю по крупицам то, без чего людям просто уже не воспрять. Помню, как под Весегонском, в селе Чернецком местный священник, отдал древнейшую поясную икону Апостола Павла. Оказалось, в гражданскую священ-

ник этот ходил в комиссарах... И не забуду, как везли "Символ веры" из Балахны, — огромные двухметровые "доски". Было это в 1964 году, а вещи из той экспедиции до сих пор раскрываем.

Тайны мастера

В 1973 году у входа в Спасо-Андронинов скульптор Олег Номов поставил бронзового Андрея Рублева. Каждый раз, приходя в музей, вглядываюсь в этот аскетический лик, размышляя — кого он напоминает. Кажется, Солоницына из "Андрея Рублева"... Впрочем, Андрей Тарновский, подбирая антера на труднейшую роль, наверняка шел от юбилейной рублевской медали, выбитой в 1960 году — с нее смотрит апостол Петр из рублевского же "Шествия праведных в рай" с фрески Успенского Собора во Владимире.

Мы стоим с Геннадием Викторовичем посреди монастырского двора, между Спасским Собором и церковью Михаила Архангела, и он вспоминает:

— Когда сюда пришел Тарновский с киногруппой, для меня многое изменилось. Я прожил здесь уже не один год, но прошлое ощущал умозрительно. И вдруг, как наяву: черные монахи на белом снегу. Другой пейзаж, ритм, цвет. Иное пластическое сознание. Подлинная история России. Момент истины. Этим фильмом режиссер вернул русским людям истинное. Дело ведь вовсе не в том, чтобы все были верующими. Но все должны знать свою историю. Зачем? Затем, чтобы понять — что с нами сегодня происходит.

(О том же когда-то говорил и сам Тарновский, с которым меня познакомил Савелий Ямщинов, его

консультант. Мы сидели в свери-не МГУ на Моховой (два года спустя после венецианского триумфа "Иванова детства") и Андрей сказал: "А ведь мой Рублев явился из "Иванова детства". Я много думал: откуда это вечное русское страдание? За что нам такое страдание? Савелий повел меня к древним иконам. Заглянул во времена Рублева и вдруг понял: да ведь с тех пор ничего не изменилось! Все по-прежнему. Тот же русский дух: героизм — и заботность, талант — и рабство. Мальчишки из XX и XIV столетий, Иван и Бориска (герои фильмов Тарковского — **Л.Л.**), словно близнецы-братья. Только один ложится под танк, а другой — под колокол!" — "В чем же тогда смысл нашей жизни?" — спросил я. — "В творчестве, — ответил он. — Безумие мира искупается искусством. Вот почему я ставлю "Андрея Рублева"..."

— А что все-таки известно о жизни Рублева? — спрашиваю Попова.

— У Рублева нет своего Жития. Он был всего лишь местночтимым. К лику святых причислен только в 1988-м, к тысячелетию крещения Руси. А впервые упомянут в Житии Никона, преемника Сергия Радонежского, в дни строительства Троицкого собора и создания "Троицы". Отсюда узнаем, что уже тогда Рублев был иноком. В 1408 году он упоминается в летописи: расписывает по заказу Великого князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) с Даниилом Черным Успенский собор во Владимире. Сам о себе, кроме икон, ничего не оставил. Возможно (и скорее всего) был монахом, давшим обет молчания. К сожалению, нам очень мало из-

вестна жизнь древнерусских живописцев. В отличие от художников Возрождения (те же времена!), все русские мастера были монахами, жили и творили вне света... И еще точно известно, что Андрей Рублев работал в Благовещенском соборе Кремля вместе с Феофаном Греком.

— Итак, Владимир, Троице-Сергиева лавра, Кремль... Работы для такого живописца — через край. Зачем же его сюда, в Спасо-Андроников, перевели?

— Этому монастырю придавали большое значение. Предполагалось, что и Спасский собор, ради которого и призвали Рублева со товарищи, будет в Москве из первейших. В Спасо-Андрониновом возникает иконописная мастерская. И, наверное, именно с появлением Рублева.

— Значит, у него была своя мастерская?

— Никогда не было: монахи не могли иметь своих мастерских, тем более в общенитийных монастырях. А после Сергия Радонежского все монастыри стали общенитийными. Всё — общее. А иному отдаешь Богу. Отсюда и полная неизвестность иконописцев.

— Чего он больше создал — фресок или икон?

— Думаю, что икон. Для фресок нужен, как минимум, храм.

— Были у него какие-то особые приемы?

— Дело не в приемах. Есть два аспекта, в которых он превосходил всех. Во-первых, был потрясающим рисовальщиком. На кусках владимирских фресок обнаружены его подготовительные рисунки — ошеломляющее впечатление. Во-вторых, как никто, умел пользоваться цветом. Из всех цветов предпочи-

тал лазурит. Андрей Рублев не видится вне голубого. Его живопись драгоценна в полном смысле слова: лазурит был самой дорогой краской. И по тому, как часто и много пользовался Рублев такими дорогими материалами, можно представить — как ценили его работу.

О консенсусе

С самого своего рождения музей Андрея Рублева был, так сказать, "номенклатурным", входя в правительственную обойму объектов — таких, как Кремль, Большой театр, Русский музей, Третьяковская галерея, — куда водили все иностранные делегации. Как и все прочие, рублевский музей являлся атеистическим.

— Ну, а сегодня? — интересуюсь я.

— А сегодня наоборот — хотя бы обратиться нас в православный центр. Вот, почитайте: "Вопреки динамике общественных процессов, признание музея естественным центром православной культуры вызывает острое неприятие..." Это про меня, — объясняет Попов, — пишут в разные инстанции бывшие сотрудники музея: "Борьба с таким направлением деятельности музея

возглавляется его нынешним директором Г.В.Поповым и поддерживается некоторыми чиновниками Министерства культуры Российской Федерации..." "Между прочим, один из таких "чиновников" — министр культуры Швыдкой, — замечает Попов. — А пишут те, кого я уволил, став директором, ввиду их профнепригодности, бывшие специалисты по коммунистическому воспитанию. Читайте дальше: "Уступая необходимости общения с Русской Православной Церковью, Попов одной рукой подписывает документы о совместных мероприятиях, а другой — совершает действия, подрывающие самую суть таких взаимоотношений. В результате, срывается подписание договора с общиной Спасского собора о совместном использовании храма; приобрела скандальную известность инициированная Поповым выставка русских икон в Ватикане(!); он же протестует против возвращения Троице-Сергиевой Лавре ее ризницы; наконец, требуя музеефикации Спасо-Андронинова монастыря, Попов и не думает о возвращении его церкви..."

Ложность и подметность обвинений бросается в глаза. Ведь только что мы заходили с Поповым в

Спасский собор и беседовали с церковными служителями: он уже действующий, перешел под юрисдикцию Московской Патриархии. Что касается "тяжбы" с общиной, то речь лишь о том, что Попов решительно возражает против использования "функционирующих святынь" — так называют некоторые "защитники" православия древние иконы, при которых, по их мнению, должны отныне проводиться службы. Я его понимаю: один из лучших знатоков иконы, директор уникального музея, он хочет, чтобы памятники оставались памятниками. Причем оставались в музеях. Для всех. А не только для православных. Ибо самый главный вопрос — это вопрос сохранности бесценных произведений искусства. Сегодня это по силам только музейщикам — мастерам, ученым, реставраторам.

— Те, кто предлагают центральный музей древнерусского искусства обратить в центр православной культуры, уверяют, что от перемены названия ничего не изменится, — говорит Попов. — При этом настаивают, что Спасо-Андронинов монастырь должен быть возвращен церкви. Но, во-первых, мы и при советах не являлись "домом культуры", во-вторых, как тогда,

так и теперь не хотим никого учить православию. Мы собиратели, хранители и пропагандисты древнего русского искусства. Нам же, по сути, предлагают стать церковным музеем, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Между тем во всем мире музеи принадлежат государству. Даже Ватинанский музей — государственный. Наша выставка икон в Ватинане (по поводу которой вчерашние коммунисты, а ныне — "ревнители православия" устроили скандал) мероприятие отнюдь не межцерковное, а межгосударственное.

С тех пор, как в России появились музеи (со второй половины XIX века, и с тех пор росли, как грибы), не церковь, а именно государство и лично Государь покровительствовали им. Известно, что Николай II, поехав в Суздаль, попросил монахинь Покровского монастыря передать иконы XIV-XVI веков в императорский музей Александра III (ныне Русский). Что и было исполнено. Более того, редкие иконы и рукописи передали в музей Афонские монастыри.

— Многие сейчас мечтают о возвращении нашего величия, русской "державности", — продолжает Геннадий Викторович. — Ради этого

готовы вернуться в допетровские времена. В головах некоторых церковных деятелей (не говорю о Патриархе, которого искренне уважаю) зреет всеобщий референдум о передаче всего, что имеет хоть какое-то отношение к религии, в полное владение церкви. За это дане иные депутаты Госдумы выступают...

Являясь членом церковно-научного совета при Православной Энциклопедии, возглавляемого Патриархом, и входя в комиссию, которой доверено передавать имущество церкви цивилизованным путем (учитывая современные реалии), Геннадий Викторович Попов жаждет согласия. Он уверен, что не должно быть противостояния. Значит, надо договариваться.

— За годы "перестройки" государство ослабло и стало проседать перед церковью. Отдало лихо, не задумываясь, многое. Нужно этот процесс приостановить, чтобы осмыслить его. Ведь канов посыл? Взять (пока дадут) как можно больше, а уж потом как-нибудь распорядиться. Но вовсе не обязательно служить в Ильинской церкви в Ярославле при чудом сохранившихся и реставрированных фресках — есть же и другие приделы. Нужно убрать и древние иконы, чтобы сохранить. Это бесценное имущество требует ухода. И мало кто отдает себе отчет — наного ухода! Служить можно и при современных иконах — нынче уже немало отличных мастеров. А знаковые и чудотворные выставлять по великим праздникам, создавая для них особые условия.

Символ Веры

Выставка "И Слово стало плотью", посвященная 2000-летию Рождества Христова, открывалась иконой "Символ Веры" — той са-

мой, которую 36 лет назад в зимнюю вьюгу вез на санях из Нижегородской Балахны к поезду младший научный сотрудник музея Андрей Рублева Геннадий Попов. И вот она дождалась своего часа. Раскрытая реставраторами, сияющая всеми красками земли, она являла в библейских и евангельских образах все житие христианства — от Сотворения Мира до Страшного Суда и Воскресения.

— Выставку, которая состоит из икон круга Андрея Рублева, собранных музеем за все эти годы, мы приурочили к Рождеству, но она объемлет так много событий в жизни человека, что пройдет через все светлые праздники, — говорит Попов. — Ждем Патриарха.

Судя по всему, Патриарх Алексий II понимает и разделяет чаяния музея. Он побывал здесь впервые в 1995 году, вскоре после назначения директором Геннадия Попова, а в прошлом году освящал в музее великолепное собрание иконографии, рукописей, документов и портретов "Духовных светочей России"...

Под сводами церкви Михаила Архангела горят, сияют, мерцают иконы, и каждая из них, как символ веры в высшее назначение человека.

На прощанье прошу Попова рассказать о своем крещении:

— Вопрос из Лескова, — улыбается Геннадий Викторович. — Помните, как матушка героя не хотела идти к врачу, боялась, что он будет спрашивать ее о всем состоянии жизни. Вот так и со мной было. Я шел на исповедь к замечательному священнику и очень боялся. Вероятно, оттого, что отныне предстояло жить совсем по-другому. И все-таки шел. Потому что пришло время делать то, к чему готова душа.

Борис РЯБУХИН

ВИХРИ СВЕТА

*Я к цели сделал шаг, но вихри света
Взвились смести
Заблудшего с пути.
В мечтах коснулся я венца завета —
И пальцы рук
В крови увидел вдруг.*

*И ты мне не давалась, как заклятье.
Игра теней —
Страсть догоравших дней.
И к небесам глаза не мог поднять я —
Наделал бед
Грех безрассудных лет.*

*А вихри света нам послали кары.
Мы пред венцом
Осунулись лицом.
Я сброшен был с вершины из-за свары.
И твой недуг
В тебе взорвался вдруг.*

*Бог мне судья. Но ты в чем виновата!
Дала мне бой
Слабеющей рукой?
Умчался вихрь... Разбит венец заката.
Вновь пальцы рук
В крови... Замкнулся круг.*

* * *

*Вот и нашли мы единое поле
В жарких объятьях последней весны.
Как не хватало донской моей воле
Ласковой волжской польнной волны.*

*Долгие годы листали страницы
Знойных свиданий — дождливых разлук.
Но не затмили мелькавшие лица
Ясный твой образ, светлейший мой друг.*

*Чернай в колодце прозрачную свежесть.
Искренний свет отражай, как луна.
Чтобы из ночи ушла безмятежность,
Чтоб не томила судьбу тишина.*

*Будут и штормы, и льды, и пороги,
Будет завидно друзьям и врагам.
Что нам до них, если наши дороги,
Даже тернистые, дороги нам!*

ДЖОКОНДА

Все вились домашней стражей
над тобой лихие беды.
Ты красавицей в темнице
заждалась богатыря.
А потом со мной сбежала,
обманув судьбы запреты.
И глотнула свежей воли,
чтоб погибнуть не зазря.

Закружились листопадом
разноцветные одежды.
Многострунной кроной ивы
разметались волоса.
С уголками в ямках губы
улыбавшейся надежды
солнцем ярким поднимались
надо мною в небеса.

И с улыбкою Джоконды
ты над сном моим склонилась.
Из волос вила дороги
до янтарных рижских волн.
И душа, не помня тела,
отдалась тебе на милость.
И на теплых крыльях света
полетел счастливый стон.
Но под нами, словно море,
вздыбилось сыновье горе.
Разметало нас по свету,
разлучило на века.
Только счастье нашей встречи
все гуляет на просторе.
Ты улыбкою Джоконды
светишь мне издалека.

КРАСНАЯ ГОРКА

Мокрый вечер. Туман. Шла по лужам весна.
Щурясь, бледные пели рекламы.
Нам расплата за нежность была не страшна —
Лишь бы скрыть наше счастье от мамы.

Мы металась по дому, пугаясь теней,
Словно юные кони в загоне.
Но из грешной души, но из темных сеней
Мать влетела в разгар той погони.

И упало, разбившись на тысячу лет,
С голубою каемочкой блюдец.
Соловьи с Красной Горки кричали мне вслед.
Но судьба не дала обернуться.

* * *

Мы плыли с тобой по радужной Волге.
И жаром дышал притихший закат.
Твой взгляд голубел — и грустный, и волглый, —
И чайкой летел куда-то назад.

Тебе я открыл родные пределы.
В стихию свою хотел окунуть.
Но ты на меня с досадой глядела.
И весла сильнее давили на грудь.

И таял в волнах наш месяц медовый.
И плыли от нас надежд облака.
А в лодку мою сочилась бедою
По капле вода. По капле, пока...

* * *

За все ошибки я один несу ответ.
Да, ты права, любимая, — не кайся.
В ночных грехах вины у солнца нет.
Свети, горячий свет, всю жизнь — и не смеркайся!

От гнезд моих, что разорил буран,
Ты отвернулась с затаенной болью.
Лишь мне страдать дано от этих ран.
Мне защищать тебя от бед своей любовью.

Поверили опять лучам тепла
Прозреньем обмороженные ветки.
В который раз душа вновь ожила,
Принять любовь себя превозмогла...
Не знать бы мужних выюг тебе, мой друг, вовеки.

* * *

Я вам писал под именем чужим.
Все было так пугливо, так безгрешно.
В печальном мальчишке, невзрачном внешне,
Огонь сердечный был неудержим.

Три года я вам голову кружил,
Неведомый, своею тайной нежной.
Но посвящал стихи вам безуспешно —
Другой вниманье ваше заслужил.

Лишь раз меня на вальс вы пригласили —
И все вокруг меня преобразили.
И скрылись за годами, за людьми.

Пусть мое чувство было без ответа,
Но я вам благодарен и за это:
Ведь я бы мог не испытать любви.

от рожде

Так писал когда-то об именах Гомер, и сказанное им по сей день остается правдой. У каждого человека есть имя, и каждое имя, нравится это его обладателю или нет, хранит в себе огромное количество информации о его носителе. Действительно, ведь "просто так" человека никто не называет, его "нарекают", исходя из тех или иных соображений. Дальше — больше, имя начинает влиять на своего носителя, формировать его, "подгонять" под себя.

К сожалению, немногие из нас интересуются значением своего имени. И уж совсем неизвестным для большинства людей оказались особенности имен, их информационная насыщенность. Не случайно наши предки верили, что имя определяет судьбу... Действительно, нет в языке такого слова, которое по влиянию на ваш характер и судьбу, по силе выражения чувств, по употребительности можно было бы сравнить с вашим именем. Имя может звучать как просьба или как приказ, как упрек или одобрение, как пощечина или ласка.

А ведь многие родители, выбирая имя сыну или дочери, даже не догадываются о том, что закладывают тем самым воистину краеугольный камень в его судьбу. Пси-

Как знают наши постоянные читатели, в прошлом номере мы закончили годичную публикацию рубрики "Звезды астрологии", из которой, мы надеемся, вы узнали, как влияют знаки Зодиака на судьбу и жизнь человека.

И вот сюрприз. Мы открываем новую рубрику — "Имя твое", в которой будем весь год рассказывать о значении имен, начиная (по алфавиту) с буквы А, потому что "Нет меж живущих людей, да не может и быть безымянных. В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный, имя, как сладостный дар от родимых своих получает..."

хиатры установили, что люди с забавными и странными именами в четыре раза больше остальных предрасположены к разного рода психическим комплексам, а ребенок с именем, вызывающим насмешки, с самого детства находится в оборонительной позиции,

ИМЯ ДО...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

он вынужден бороться за нормальное отношение к себе, что формирует определенные черты его характера. Так что стоит трижды подумать, прежде чем называть ребенка Геркулесом или Клеопатрой. Правда, достигнув совершеннолетия, имя можно поменять, но...

Нельзя круто изменить программу жизненного пути, взяв себе другое имя. Новое имя добавляет к основному какие-то нюансы, но имя, с которым человек вошел в этот мир, остается с ним навечно. Исключение составляет только перемена имени при пострижении в монахи, но ведь, согласитесь, после этого события жизнь человека тоже меняется, причем кардинально.

Существует несколько теорий, объясняющих, каким образом имя человека может оказать влияние на его характер. Вот некоторые из них.

Социальная теория. С социальной точки зрения имя человека представляет собой сгусток социальной информации о его носителе. Прасковья, Октябрина, Оксана, Гурам, Исаак, Николай... Зная лишь одно имя, мы уже имеем представление о происхождении, национальности, вероисповедании, основных свойствах характера и темперамента человека. Представления эти приблизитель-

но одинаковы у разных людей, что, в свою очередь, определяет и одинаковое отношение к носителю данного имени. Ну, а когда тысячи людей встречают человека "по имени", то это не может не формировать у разных носителей одного имени схожих черт характера. Социальность имени была сильнее выражена в прошлом веке, когда имена давали по святым и за каждым именем стояло житие — история жизни святого с вполне конкретными формами поведения, чертами характера, отношением к окружающей действительности и т. п. "По имени и житию" — гласила стереотипная формула житий, и этой формуле церковь и православный люд следовали, воспитывая будущего христианина.

Эмоциональная теория. Согласно этой теории, имя человека рассматривается в качестве эмоционального раздражителя. Одни имена звучат мягко, ласково и вызывают у окружающих своим звучанием чувство приятного, нежного, возвышенного, другие, наоборот, вызывают неприятные эмоции, заставляют внутренне съежиться, напрячься, похолодеть. Это так называемая "музыка имен". От того, какова она, будет во многом зависеть изначальное отношение окружающих к носите-

лю имени. В дальнейшем это отношение может коренным образом измениться, но когда неприятно звучащее имя вызывает у тысячи человек однотипную негативную реакцию, то это скажется, конечно же, на особенностях характера человека.

Звуковая теория. Имя представляет собой набор звуков разной высоты и тембра. Разные имена — разные наборы звуков, неодинаковые для мозга звуковые раздражители. А разные раздражители, как известно, приводят в возбуждение разные структуры мозга. И потому у ребенка с именем Вася, который в течение всего доречевого периода своего развития тысячекратно слышит "вас" в словах "Вас-я", "Вас-илек", "Вас-ютка", происходит тысячекратное возбуждение мозговых структур, связанных с отражением звуков "в", "а" и "с". Совсем иначе происходит дело у мальчика с именем Коля. У него мозговые структуры, связанные с отражением звуков "в", "а" и "с" находятся в состоянии относительного покоя, зато постоянно возбуждаются структуры, связанные с восприятием звуков "к", "о" и "л". Звуковая нагрузка на одни мозговые образования у одного ребенка и совершенно другая по своему физиологическому рисунку нагрузка у другого не может не сказаться на формировании различий в психике этих детей.

Есть еще один механизм возможного влияния имени на формирование характера. В результате исследований, в ходе которых людей просили ответить на вопрос, с каким цветом у них ассоциируются разные имена, оказалось, что у статистически преоб-

ладающего большинства исследованных имя "Татьяна" вызывает представление о красном (и близких к нему) цветах, имя же "Елена" обычно ассоциируется с голубым (и близким к нему) цветами. Из психологии цвета известно, что красный цвет пробуждает у человека состояние тревоги, опасности, страдания, голубой же, напротив, вызывает чувство успокоения и умиротворенности.

Безусловно, связь между именем человека и его психическими особенностями есть. Конечно, нельзя эту связь абсолютизировать, безусловно, она не является жесткой: на формирование психического склада личности влияет множество других факторов, но это не значит, что имя не влияет на характер человека.

Сегодня существуют тысячи имен, они занесены в месяцесловы, календари или справочники. Некоторые служат нам, живут с нами, другие почти забыты, остались только на пожелтевших страницах старых книг и возникают в жизни только благодаря особым оригиналам. Но все они имеют свое значение, игнорировать которое было бы неправильно.

Накими склонностями награждает человека то или иное имя? Чем руководствоваться, выбирая имя ребенку? С кем сложится счастливый брак, а с кем не сложится? Читая постоянно нашу новую рубрику, вы найдете ответы на множество волнующих вас вопросов, а, кроме того, познакомитесь с "портретами" многих имен.

Конечно, невозможно на страницах журнала упомянуть тысячи существующих имен, но сотни наиболее распространенных — вполне реально. В первую публи-

нацию этого цикла вошли мужские и женские имена на буквы "А" и "Б".

Александра. Женская форма от имени Александр (см).

Если Александра в семье единственный ребенок, то она становится упрямой и капризной. В школьном возрасте, обладая хорошим здоровьем, занимается спортом, проявляет при этом целеустремленность и добивается значительных успехов. УчитсЯ хорошо по всем предметам, любит читать, но домашние дела ее не привлекают.

Внешне производит впечатление замкнутой девочки, но в душе чиста и ждет такой же искренности и справедливости от других. Не прощает малейшего обмана — можно навсегда лишиться ее доверия. Александра обязательно стремится получить высшее образование, чтобы ощущать себя уверенно в жизни. Может стать врачом, бухгалтером, учителем, ей нравится водить автомобиль.

С детства начинает много общаться с мальчиками и с возрастом лучше чувствует себя в мужском обществе. Замуж выходит поздно и становится не только прекрасной хозяйкой, но и хорошим другом мужу. Очень любит путешествовать, проводить время за городом. В бране постарается иметь много детей, будет заботливой мамой. Для своей семьи способна сделать многое.

Здоровье у Александры, как правило, хорошее, но иногда нарушаются циклы и возникает бессонница. Слабое место — нервная система, но она уравновешивается сильной волей.

Будет счастлива в бране с Анатолием, Андреем, Виктором,

Иваном, Петром, Семеном, Юрием. Не годятся в мужья Валентин, Валерий, Евгений, Георгий, Николай, Степан.

Алла. Имя имеет, предположительно, германское происхождение. Точное значение не установлено.

Алла — обаятельная девочка, всеобщая любимица. В школе учитсЯ хорошо, усидчива и терпелива, но отличницей никогда не бывает, так как много времени тратит на свою персону.

В молодые и зрелые годы Алла очень энергична, не теряет зря времени. Она строит только реальные планы и добивается их осуществления. Очень хорошо готовит и может избрать профессию кулинара или повара. Или стать продавцом, косметологом, музыкантом. У Аллы есть хватка и настойчивость, она уверена в себе и своих силах. Есть склонность командовать и давать ценные указания. Серьезные проблемы создает себе своим высокомерием, способностью раздражаться по пустякам. Первый брак часто бывает неудачным.

Благоприятен союз с Александром, Виктором, Евгением, Михаилом, Петром, Владимиром, Яковом. Мало подходят Дмитрий, Игорь, Алансей, Николай, Анатолий.

Анастасия. Это имя — женская форма довольно редкого у нас мужского имени "Анастас" и означает "возвращение к жизни".

Настенька (уменьшительное от Анастасии) — самое распространенное имя героинь русских сказок. Девочке с таким именем на роду написано быть самой кра-

сивой, самой умной, самой нежной. Она всеобщая любимица, растет мечтательной, у нее хорошо развито воображение. Беззащитна перед злыми и хитрыми людьми, ее можно обмануть и обидеть, поэтому Настеньке необходимы защита и поддержка. Одна беда — она ленива и холодна. Родителям надо приложить определенные усилия, чтобы Настя с детства приучалась убирать за собой игрушки, складывать книги, помогать старшим по дому. Воспитанное в детстве трудолюбие сохраняется на всю жизнь, но если этого не сделать, то в доме Анастасии никогда не будет порядка и уюта.

Анастасия может стать хорошей артисткой, воспитателем в детском саду, врачом. Замуж выходит рано. Завоевать сердце Анастасии нетрудно, так как она чувствительна, ее легко растрогать, у нее развито чувство жалости. Выбирает сильного, уверенного в своих силах мужчину. Она — преданная и заботливая жена, острые ощущения на стороне не в ее характере. Отдает всю себя детям. Со здоровьем обычно все в порядке, но слабое место — почки.

Удачный брак с Борисом, Владимиром, Виктором, Иваном, Ильей, Константином, Денисом, Олегом, Павлом, Семеном. Сложнее отношения складываются с Александром, Вадимом, Виталием, Николаем, Станиславом, Филиппом.

Анна. Имя имеет древнееврейское происхождение и означает "благодать". В Анне с раннего детства проявляется главное качество — доброта. Она с радостью ухаживает за животными,

играя с куклами, обращается с ними, как с младшими детьми. Заботы родных и близких ей людей становятся и ее заботами.

Анна нередко обладает привлекательной внешностью, она артистична. Умеет шить и красиво одеваться. Не выносит неряшливости и неопрятности. Ей больше подходит по духу работа с людьми, поэтому вполне может быть сестрой милосердия, учительницей, воспитателем. Работе отдается полностью, не заботясь при этом о материальной стороне дела.

Анна способна полюбить человека больного, пьющего или неудачника, при этом никогда не будет сожалеть о своем выборе. Она — верная и преданная жена, но измен не переносит. Если сталкивается с грубостью и хамством, то замыкается в себе и терпеливо ждет лучших времен.

У Анны хрупкие кости и очень "впечатлительный" желудок. В детстве нужно следить за зрением.

Брак будет удачным с Алансом, Борисом, Евгением, Захаром, Константином, Степаном. Неудачные отношения сложатся с Александром, Георгием, Сергеем, Львом, Станиславом.

Антонина. Это имя представляет собой женскую форму от имени Антон. В детском возрасте у Антонины проявляются склонности руководить и командовать. Ей нравится быть воспитательницей для самых маленьких детей, и они ей с удовольствием подчиняются. Она добра, всегда прощает "шалости" своих подшефных. Взрослые доверяют ей маленьких детей, и она не обманывает доверия.

Дома Антонина — первая мамина помощница. Учеба дается ей не без труда, но она ответственна, упорна и хорошие отметки у нее не редкость. Может получить специальность учителя, воспитателя, врача, портнихи.

Антонину постоянно окружает множество поклонников, в отношениях с ними она беззаботна и не утруждает себя тем, чтобы быть верной кому-то одному. Но выйдя замуж, превращается в образцовую хранительницу семейного очага. Все силы и помыслы ее направлены на обеспечение счастья и достатка в семье. Она отзывчива и добра, у нее много друзей.

Здоровье достаточно хрупкое, обязательно нужно придерживаться сбалансированной диеты, отдыхать после обеда и не пренебрегать ежедневными прогулками.

Благоприятны для брака Виталий, Олег, Сергей, Семен, Юрий. Неудачным брак будет с Иваном, Игорем, Константином, Никитой, Федором.

Александр. Имя происходит от греческих слов "алекс" — защитник и "андрос" — мужчина. В детском возрасте Александры нередко болеют, но если подростками начинают закаляться и заниматься спортом, тогда из них вырастают крепкие и стойкие мужчины. Александры упорно добиваются своей цели. Они могут стать во главе коллектива и умело управлять им. Имеют репутацию справедливых людей, обладают надежной памятью и любознательностью.

Одно из уязвимых мест Александра — слабость к вину. В со-

стоянии опьянения теряют над собой контроль, начинают хвастаться и стремиться опередить партнеров по застолью. Но некоторые серьезные события в жизни родных и близких могут навсегда отвлечь Александра от увлечения спиртным.

В общении с женщинами Александр старается не забывать ни одной мелочи — помочь надеть пальто, подарить букет цветов, наговорить как можно больше комплиментов — все это становится у него привычкой. Александр склонен мечтать о любви, вместо того, чтобы жить ею. В его чувственности есть что-то детское, с подсознательной тягой к материнскому теплу, так что женщинам с ним нелегко.

Здоровье у большинства Александров — среднее, они легко переутомляются, склонны к желудочным заболеваниям и поэтому должны заботиться о своем пищеварении.

Наука Александра обычно не привлекает, он плохо переносит сам педагогический процесс, поскольку вообще не терпит принуждения. В бизнесе упорно добивается своей цели.

Удачны браки с Анной, Валентиной, Верой, Верониной, Елизаветой, Зоей, Инной, Любовью, Людмилой, Марией, Надеждой, Натальей, Оксаной, Полиной, Тамарой. Очень сложными могут быть отношения с Екатериной, Еленой, Зинаидой, Лидией, Светланой.

Алексей. Имя происходит от древнегреческого слова "алекс", означающего "защитник".

Это имя даст сыну спойная и тихая женщина. С самого детства

ва Алексей очень привязан к матери и во многом похож на нее, в более зрелом возрасте может стать защитником и для других женщин. Привязанность к родителям Алексей сохраняет на всю жизнь.

Алексей предпочитает быть человеком дела и меньше заниматься разговорами. В детстве он обычно не является заводилой, а взрослый Алексей старателен в любом деле, которым занимается, и с удовольствием делает даже кропотливую работу. Он всегда стремится к совершенству и добивается больших успехов в любом деле — производстве, науке, спорте, бизнесе. Алексей не лишен честолюбия и благодаря этому добивается хорошего положения в обществе.

Алексей — индивидуальность с ярко выраженными творческими способностями, благодаря им может добиться значительных достижений в живописи, литературе, театре. Благодаря своей тонкой интуиции может добиться успехов и в точных науках. В семье спокоен, заботлив, трудолюбив. Уступает в пустяках жене и теще, но в серьезных вопросах все же старается отстаивать свою точку зрения и убедить близких в своей правоте.

В женщине особенно ценит анкуратность и опрятность. Если жена конфликтует с окружающими, то Алексей старается быть на ее стороне и помочь своим советом и участием. Алексей всегда верный муж, с любовью относится к своим детям.

Состояние здоровья Алексея среднее, он легко переутомляется. Страдает желудочными заболеваниями, не исключены такие дефекты, как заикание или шепелявость.

Хорошо складывается брак с Анастасией, Анной, Галиной, Парисой, Любовью, Надеждой, Светланой. Не так удачны отношения с Верой, Оксаной, Тамарой, Юлией.

Анатолий. Древние греки называли так жителя Анатолии (находящейся на востоке от Греции). "Анатоле" — в переводе с греческого означает "восток".

В детстве, находясь под сильным влиянием матери, Анатолий замнут и стеснителен и потому, читая приключенческую литературу, часто представляет себя на месте героев романов. Со временем избавляется от чрезмерного влияния матери, но чувство романтики у него сохраняется на всю жизнь.

В отношениях с окружающими Анатолий спокоен, легко находит общий язык с разными по характеру людьми. Но в критических ситуациях он может пойти наперекор коллективу, стать неуправляемым и создать сложности для близких ему людей. При этом часто становится отличным педагогом, талантливым политиком, психологом и психиатром.

Анатолий справедлив, никогда не обидит человека сгоряча. Если он руководит людьми, то при этом не допустит унижения человеческого достоинства. Рассудителен, уравновешен и умеет завоевывать доверие женщин.

Анатолию лучше находиться подальше от рюмки, так как ни к чему хорошему его общение с водкой не приводит. И в семье у Анатолия могут быть проблемы. Часто жена начинает стремиться к жесткому лидерству в семье, навязыванию своего мнения по любому вопросу. Не всегда скла-

дываются по-настоящему теплые отношения с детьми. Несмотря на то, что Анатолии хорошие работники, зарабатывают деньги они трудно. Поэтому неожиданно могут уйти из семьи, пытаясь избавиться от тяжелого груза проблем. Любят путешествовать, отдыхать на природе.

Анатолий подвержен заболеваниям дыхательной системы и кровообращения. Возможны переломы конечностей в результате несчастных случаев.

Хороший брак возможен с Марией, Галиной, Ириной, Светланой, Ольгой, Татьяной. Серьезные сложности в браке могут быть с Енатириной, Еленой, Аллой, Мариной, Надеждой, Ниной, Верой, Юлией.

Андрей. В основе имени лежит греческое слово "андрос", означающее "мужчина".

С детского возраста Андрей обладает богатой фантазией. Излюбленные игрушки у него — всевозможные конструкторы. Если есть брат, то Андрей искренне привязан к нему. К сестре относится ревниво и не хочет уступать ей ни в чем.

Андрей-подросток среди своих сверстников ничем особенно не выделяется, однако со временем оказывается, что в жизни он преуспел больше других. На службе Андрея всегда ценят начальники. Среди Андреев часто встречаются режиссеры, актеры, певцы, художники. Они же удачливы и в бизнесе.

В отношениях с девушками Андрей непостоянен. Он может признаться в любви своей знакомой, а на другой день, не обращая на нее внимания, пройти ми-

мо с другой. Женится Андрей на красивой, чувственной женщине, при этом ее внутренний мир и характер его мало интересуют. Андрей всегда высокого о себе мнения, эгоистичен и требует к себе повышенного внимания. Он может ревновать жену к ребенку, если она уделяет много внимания малышу, а ему — мало.

Андрей непредсказуем в своих поступках. Он может сделать дорогой подарок жене, а по поводу пустяковой вещи устроить скандал. Отношения с тещей складываются сложно.

Особое внимание Андрею следует обратить на суставы и сосуды, но в принципе особо тяжелых заболеваний у него не бывает. При неправильном образе жизни склонен к ожирению.

Благоприятен брак с Еленой, Елизаветой, Ириной, Ларисой, Людмилой, Марией, Натальей. Неблагоприятен — с Зоей, Оксаной, Ольгой, Софией, Юлией.

Антон. Это имя, вероятно, произошло от древнеримского имени Антоний, что означает "вступающий в бой".

Маленьким ребенком очарователен и сразу же располагает к себе. Основные черты характера Антона во многом схожи с характером матери, но главной опорой в детстве для него является отец. К родителям относится всегда с любовью и уважением.

В школе Антон не блещет успехами и в общей массе учащихся незаметен. Но если после школы решит продолжить образование, то будет много заниматься и хорошо сдавать экзамены. Не боится работы, умело справляется с ней. Любит книги и читает их с огром-

ным удовольствием. Предпочтительное поле деятельности — медицина.

Слабые места Антона — почки и глаза. Но в принципе вынослив, может долго не уставать и нуждается только в свежем воздухе и нормальном сне.

В отношениях с женщинами импульсивен, чувства иногда берут верх над рассудком, и тогда он может нанести обиду близкому человеку, но доброта и покладистость позволяют ему избегать серьезных конфликтов.

К вступлению в брак Антон относится со всей серьезностью и лучше всего отношения у него складываются с девушками, которых зовут Валерия, Екатерина, Марина, Ирина.

Аркадий. Это имя происходит от греческого слова "арнадос", означающего жителя Арнадии, области Древней Греции.

В детстве Аркадий всеобщий любимец. Бабушки и дедушки в нем души не чают. Но атмосфера всеобщего поклонения не испортит его, он будет всегда готов откликнуться на просьбу о помощи. Любовь и добро, данные в детстве, будут возвращены Аркадием людям в течение всей жизни.

Аркадию следует вести здоровый образ жизни, уделяя особое внимание спорту и отдыху. Слабые органы — горло, легкие и почки. Характерная особенность — стремление уйти в себя и размышлять о судьбах человечества.

Аркадий общителен, способен сгладить и погасить конфликт в коллективе. Он обязателен и всегда старается выполнить обещанное. Слабостью Аркадия является склонность к алкоголю, причем

проявление этого порока часто носит случайный характер. Зато Аркадий верен в браке, и семья — главное в его жизни. Ради семьи Аркадий пожертвует карьерой и работой, которая будет отнимать у него время в ущерб отношениям с близкими. Ссоры в семье — редкость, любит проводить время с маленькими детьми и предпочитает стабильное настоящее возможному успеху в будущем.

Будет счастлив в браке с Анной, Валентиной, Евгенией, Людмилой, Натальей, Оксаной, Олесеи, Софьей. Неблагоприятными отношения могут быть с Александрой, Галиной, Ниной, Тамарой, Татьяной.

Артем. В переводе с древнегреческого означает "невредимый", "безупречного здоровья".

В школе, как правило, у Артема не возникает никаких сложностей. Они спокойны, стараются быть ненавязчивыми в общении. Общительны и дружелюбны, объективно оценивают ситуацию. Всегда говорят правду, из-за чего могут попасть в неприятную ситуацию.

Всего добиваются своим трудом, карьера для них не главное. Очень преданны и умеют хранить тайны. Могут быть врачами, журналистами, электриками, архитекторами, учителями, строителями. Им доступны практически любые профессии и везде они преуспевают.

Для женщин Артем — находка. Он хороший муж, примерный семьянин. Всегда помогает по дому. Любит путешествовать и принимать гостей. Легко находит себе друзей.

Артему следует обратить внимание на сердечно-сосудистую си-

стему, но лишь в зрелом возрасте. Если не станут жертвой каких-то чрезвычайных обстоятельств, то доживут до глубокой старости.

Наиболее вероятен удачный брак с Анной, Ларисой, Людмилой, Вероникой, Тамарой, и менее подходят для серьезных отношений Зоя, Майя, Марина.

Богдан. Имя древнеславянского происхождения, в переводе не нуждается. Обычно его дают долгожданным и желанным детям, как правило — единственным в семье.

В детстве часто болеет, легко простужается, обычно вырастает напизным и избалованным, находится всецело под влиянием матери. В школе учится среднее, но с годами становится терпимее и умнее, поэтому может достичь значительных успехов в избранной профессии. Обычно — талантливый военачальник, историк, но может стать хорошим художником или музыкантом.

Слабое место — склонность к спиртному, причем в этом вопросе всецело зависит от влияния среды: пить в одиночку Богдан никогда не будет.

В семейной жизни стремится к абсолютному лидерству, поэтому в жены обычно выбирает кротких и терпеливых женщин. Удачным будет брак с Анной, Еленой, Софьей, Ниной. Не стоит испытывать судьбу и связывать свою жизнь с Александрой, Натальей, Ольгой, Елизаветой.

Борис. Имя имеет славянское происхождение. Возможно, это сокращение имени Борислав, в основе которого лежат слова "бор", то есть борьба, и "слав" — слава.

Борис с детства привыкает к порядку и аккуратности. Взрослея, становится все более самостоятельным. Он не станет посвящать родителей в свои отношения с девушками, чем доставит много беспокойства и волнений. О своей будущей женитьбе сообщит родителям в самый последний момент, когда скрывать это будет уже невозможно.

Благодаря своему уму и настойчивости, Борис всегда добивается больших успехов в избранной сфере деятельности и занимает видное положение в обществе. Успех сопутствует ему и в бизнесе. Все жизненные блага приходят к нему в итоге упорного труда, без помощи влиятельных знакомых.

Борис любит все делать своими руками — ремонтировать квартиру, благоустраивать земельный участок. Много внимания уделяет родителям, любит повозиться с детьми. Не обделяет вниманием и жену. Но на первом месте у Бориса всегда будет работа. Это необходимо учитывать жене Бориса, чтобы избежать сложностей в семейных отношениях.

В брак может вступать неоднократно, легко увлекается другой женщиной.

Борис часто пренебрегает своим здоровьем, из-за этого ему досаждают мелкие недомогания типа простуд и головных болей. Главное внимание следует уделять бронхам и легким.

Удачнее всего сложится брак с Анной, Валентиной, Вероникой, Зоей, Инной, Ириной, Натальей, Ольгой, Светланой, Тамарой. Скорее всего, неудачными будут отношения с Любовью, Мариной, Надеждой, Ниной. ■

Генри КАТТНЕР

Жаклин полагала, что в клетке — канарейка, я думал, что — пара попугайчиков. Одна канарейка не могла так шуметь. Кроме того, мне нравилось думать, что сварливый старикашка, мистер Хенчард, держит попугайчиков: очень уж они не соответствовали его облику. Но кого бы ни держал наш единственный постоялец в той клетке на окне, покрывало надежно скрывало их, или ее, от любопытствующих глаз. И наши версии мы могли строить лишь на основе шумовых эффектов.

А тут гадать можно было до бесконечности. Из-под плотной материи доносились шарканье, шуршание, потрескивания, хлопки, раз или два глухие удары заставили клетку завибрировать на подставке из красного дерева. Мистер Хенчард, должно быть, знал, что мы сгораем от любопытства. Как-то Жекки поделилась с ним мыслью о том, как хорошо иметь в доме пташек, но получила резкий отпор: “Хватит об этом. Оставьте клетку в покое, понятно?”

Мы, надо признать, рассердились. В общем-то, мы не из тех, кто сует нос в чужие дела, а встретив такую реакцию, перестали даже смотреть на эту покрытую саваном клетку. Тем более, что мы не хотели расставаться с мистером Хенчардом. Найти постояльца в нынешние времена ой как непросто. Домик наш стоял у дороги, тянувшейся вдоль побережья. Весь городок состоял из двух десятков таких же домиков, бакалейного и винного магазинчиков, почтового отделения и ресторана Терри. Других достопримечательностей не было. Каждое утро Жекки и я на автобусе ехали на фабрику. Домой возвращались выжатыми, как лимон. Найти домашнюю прислугу не представлялось возможным, на военных заводах платили больше, поэтому приходилось приниматься за уборку. А ели мы у Терри.

Жалованье на фабрике мы получали приличное, но до войны успели наделать много долгов, так что лишние денежки нам не мешали. Поэтому мы и сдали комнату мистеру Хенчарду. Сразу же он оставил нам задаток, а потом заявился с огромным чемоданом и брезентовым баулом с кожаными ручками. Сухонький старичок с венчиком седых волос вокруг обширной лысины. Немного сварливый, но не злой. Чувствовалось, что большую часть жизни он провел в мебелированных комнатах, занимаясь собственными делами и попыхивая бесчисленными сигаретами, которые он постоянно то вставлял, то вынимал из черного мундштука. Некоторые люди рож-

Зарубежный рассказ

даются под счастливой звездой. Мистер Хенчард явно относился к их числу. То и дело он находил деньги прямо под ногами. Несколько раз мы сыграли в покер, и он всегда оставался в плюсе. И речь не о том, что он мухлевал — нет, ему просто везло в картах.

Мистер Хенчард не тяготился одиночеством. Днями, я думаю, он выходил побродить по округе, а вечера проводил в своей комнате. Перед тем как войти, чтобы убраться у него, мы стучали в дверь и иногда получали в ответ: "Одну минуту". Затем слышалось шуршание ткани, торопливо набрасываемой на клетку. Мы, разумеется, продолжали гадать, что у него там за птица. Уж не феникс ли. Птичка эта никогда не пела. Только шумела. Причем издавала звуки, совсем не свойственные птицам. К нашему возвращению с работы мистер Хенчард уже сидел в своей комнате. Не выходил из нее и когда мы убирались. Там же проводил и все выходные.

Что же касается клетки...

Как-то вечером мистер Хенчард заглянул к нам, вставил сигарету в мундштук, посмотрел на Жекки, потом на меня.

— М-м-м, — начал он. — Послушайте, у меня есть кое-какие дела на севере. Я уеду на неделю или около того. За комнату я буду платить, как обычно.

— Ну зачем же, — засуетилась Жекки. — Мы можем...

— Не болтайте ерунды, — оборвал ее Хенчард. — Комната моя. Мне она нравится, поэтому я и плачу, живу я тут или нет. Не возражаете?

Спорить мы не стали, а он в одну затяжку выкурил чуть ли не полсигареты.

— М-м-м. Еще вот что. Раньше у меня всегда была собственная машина. И я брал с собой эту клетку для птиц. На этот раз мне придется ехать на автобусе, поэтому взять клетку я не могу. Вы милые люди, не подглядываете, не подсматриваете. Вам хватает на это ума. Я собираюсь оставить клетку здесь... но не смейте прикасаться к покрывалу!

— А канарейка... — ахнула Жекки. — Она же сдохнет с голоду.

— Канарейка, значит? — Хенчард уставился на Жекки. — Не беспокойтесь. Я оставлю достаточно еды и питья. Главное, держитесь подальше от клетки. Если хотите, убирайте мою комнату, но не поднимайте покрывало. Что вы на это скажете?

— Нам это подходит, — ответил я.

— Так помните о том, что я вам сказал, — и мистер Хенчард удалился к себе.

Следующим днем он уехал до того, как мы вернулись с работы. Мы зашли в его комнату. На покрывале белела приколотая записка: "Помните!" В клетке что-то шуршало. Затем раздался легкий хлопок.

— Забудем о ней, — предложил я. — Пойдешь в душ первой?

— Хорошо, — кивнула Жекки.

Шуршание продолжалось. Затем что-то шлепнулось об пол.

— Может, он оставил достаточно еды, — заявил я на следующий вечер, — но вода, держу пари, подходит к концу.

— Эдди! — одернула меня Жекки.

— Ладно, меня мучает любопытство. Но я и не хочу, чтобы птички умерли от жажды.

— Мистер Хенчард сказал...

— Знаю, знаю. Пойдем-ка к Терри и посмотрим, какая у него сегодня баранина.

А день спустя... Да, да, мы подняли покрывало. Не столько из любопытства, как беспокоясь о птичках. Жекки сказала, что знала человека, который бил свою канарейку.

— Мы найдем бедную птаху сидящей на цепи. — Она протирали тряпкой подоконник. Я выключил пылесос. Под покрывалом что-то застучало.

— Да... — выдохнул я. — Слушай, Жекки. Мистер Хенчард — человек хороший, но он чокнутый. Его птичка или птички наверняка мучаются от жажды. Я намерен взглянуть на них.

— Нет... Мы взглянем на них вместе, Эдди. Разделим ответственность.

Я потянулся к покрывалу, Жекки шмыгнула мне под мышку, положила свою руку на мою.

Потом мы приподняли краешек покрывала. Шум в клетке разом стих, едва мы взялись за ткань. Я собирался лишь взглянуть на то, что творилось внутри. И моя рука продолжала поднимать покрывало. А потом я уже не следил за ней. Потому что в клетке оказалось совсем не то, что я ожидал.

Внутри стоял... маленький домик. Настоящий дом, только уменьшенный во много раз. С выкрашенными белым стенами, зелеными жалюзи. Удобный, построенный на совесть дом, какие часто попадаются в пригородах. Занавеси на окнах, свет в комнатах. Но окна потемнели, едва мы сняли покрывало: свет не погас, просто в домике задернули шторы. Все произошло так стремительно, что мы не заметили, кто это сделал.

Я отпустил покрывало, и оно упало на клетку, прижал к себе Жекки.

— К-кукольный домик, Эдди!

— С куклами? — я смотрел на клетку под покрывалом. — Как, по-твоему, можно научить канарейку опускать шторы?

— О Боже, Эдди! Послушай.

Слабые звуки доносились из-под покрывала. Шуршание, едва уловимый хлопок. Поскребывание.

Я подошел и поднял покрывало. На этот раз я смотрел только на окна. Но шторы задернулись мгновенно.

Жекки коснулась моей руки и указала на крышу домика. Из миниатюрной красной кирпичной трубы шел дымок. Светлый дымок безо всякого запаха.

— Канарейки г-готовят у-ужин, — просипела Жекки.

Мы постояли у клетки, ожидая чего угодно. И не удивились бы, если б из двери вышел крошечный зеленый человечек и предложил загадать три желания. Но дверь домика не открылась. И из него уже не доносилось ни звука. Оставались опущенными и шторы.

Я же с интересом разглядывал этот маленький архитектурный шедевр. Открытую террасу с диванчиком. Разглядел я даже кнопку звонка.

У большинства клеток днище сдвижное. Здесь же вертикальные прутья накрепко приварили к днищу. Заварили и дверцу.

— Милый коттедж, не правда ли? — Жекки уже обрела дар речи, но голос еще дрожал. — Они, должно быть, такие маленькие.

— Кто?

— Птички. Эдди, кто живет в этом доме?

— Откуда мне знать. — Я вытащил из кармана автоматический карандаш, всунул его меж прутьев, тщательно прицелился и нажал на кнопку звонка. Из домика донеслась пронзительная трель. Штора на одном из окон у двери дернулась, и кто-то, вероятно, посмотрел на меня. Разглядеть, кто именно, я не успел. Штора упала на место, на том все и кончилось. Я звонил до тех пор, пока мне это не надоело.

Затем вытащил карандаш.

— Я могу разломать клетку.

— О, нет! — замахала руками Жекки. — Мистер Хенчард...

— Ну, когда он вернется, я спрошу его, что все это значит. Он не имеет права держать эльфов. Договором о сдаче комнаты это не предусмотрено.

— Мы не подписывали с ним никакого договора, — возразила Жекки.

Сквозь прутья решетки я всматривался в домик. Ни звука, ни движения. Лишь поднимающийся из трубы дымок. В конце концов мы не имели права вламываться в клетку. Я представил себе зеленого человечка с крылышками, с дубинкой, арестовывающего меня за взлом чужой квартиры. Есть ли у эльфов полиция? Какие преступления...

Я опустил покрывало на клетку. Вскоре странные звуки возобновились. Царапание, легкие удары, шуршание, хлопки, потом все стихло.

— О Боже. — Жекки дернула меня за рукав. — Пошли отсюда.

Мы вернулись к себе и улеглись спать. Снились мне зеленые человечки в полицейской форме, танцующие на радуге и поющие веселые песни.

Разбудил меня звонок будильника. Я принял душ, побрился, оделся, занятый теми же мыслями, что и Жекки. Надевая пальто, мы переглянулись.

— Посмотрим? — предложил я.

— Конечно, Эдди! А как ты думаешь, они тоже ходят на работу?

— Какую работу? Лютики разрисовывать?

Из-под покрывала не доносилось ни звука, когда мы на цыпочках вошли в комнату мистера Хенчарда. Через окно вливался утренний свет. Я сдернул покрывало. Домик на месте. Одна из штор поднята, остальные плотно закрыты. Я наклонился к клетке и всмотрелся в незашторенное окно. Увидел огромный, уставившийся на меня глаз.

На этот раз Жекки решила, что меня смертельно ранили. Она в ужасе отшатнулась, когда я отлетел от клетки, что-то вопя о налитом кровью нечеловеческом глазе. Потом метнулась ко мне, и мы долго стояли, сжимая друг друга в объятиях. Я заставил себя вновь наклониться к клетке.

— О, — вздох разочарования вырвался из моей груди. — Это зеркало.

— Зеркало? — не поняла Жекки.

— Да, большое, во всю противоположную стену. Это все, что я смог увидеть. Ближе к окну не просунуться.

— Посмотри на террасу, — обратилась ко мне Жекки.

Я посмотрел. Молочная бутылка у двери с фиолетовым молоком. Рядом с ней — сложенная почтовая марка.

— Фиолетовое молоко? — удивился я.

— От фиолетовой коровы. Или бутылка такого цвета. Эдди, а не газета ли это?

Она не ошиблась. Прищурившись, я смог прочитать заголовки. **ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК!** — летели со страницы буквы высотой в шестнадцатую часть дюйма. **ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК — ФОЦПА ДОГОНЯЕТ ТУРЭ!** Более мы ничего не разобрали. Я осторожно опустил покрывало.

Вернувшись вечером домой, мы поспешили в комнату Хенчарда, благо он еще не вернулся. Зажгли свет, прислушались к звукам из птичьей клетки.

— Музыка, — прокомментировала Жекки. Я сдернул покрывало.

Домик стоял темный, с закрытыми окнами, опущенными шторами. Молоко и газета исчезли. На двери висела табличка. Текст я прочитал с помощью увеличительного стекла: **КАРАНТИН! МУШИНАЯ ЛИХОРАДКА!**

— Маленькие лжецы, — пробормотал я. — Держу пари, нет у них никакой лихорадки.

— Она бывает только в апреле, не так ли? — Жекки хихикнула.

— В апреле и на Рождество. И разносят ее новорожденные мушки. Где мой карандаш?

Я нажал на кнопку звонка. Штора дернулась, вернулась назад. Ни единого звука не доносилось из домика. Над трубой не

вился дымок. Манипулируя карандашом, мне удалось написать на белой дверной панели: "ВПУСТИТЕ НАС". На большее места не хватило. Жекки покачала головой.

— Зря ты это написал. В дом-то нам не нужно. Мы лишь хотим взглянуть на них.

— Уже поздно что-то менять. А потом, они поймут, что мы имеем в виду.

Мы постояли, не сводя глаз с домика в птичьей клетке, а его обитатели, похоже, молча наблюдали за нами. Вечер кончился тем, что я набросил на клетку покрывало.

Наутро мы обнаружили, что миниатюрная дверь чисто вымыта, от моих корявых букв не осталось и следа, карантинная табличка как висела, так и висит, на террасу поставлена бутылка зеленого молока, рядом с ней лежит газета. С новым заголовком: **ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК — ФОЦПА ОБХОДИТ ТУРЭ!**

Из трубы поднимался дымок. Я позвонил в дверь. Никакой реакции. Тут я заметил почтовый ящик. В прорези белели письма. На ящике висел маленький замочек.

— Если б мы могли знать, кому они адресованы, — вздохнула Жекки.

— Или кто их пишет. Последнее меня интересует куда больше.

Наконец мы отправились на работу. Весь день эльфы не выходили у меня из головы, я отвлекался, и мне чуть не оторвало палец на правой руке. Встретив Жекки у заводских ворот, я понял, что и она весь день не находила себе места.

— Давай забудем про них, — предложила она, когда мы ехали домой в трясущемся автобусе. — К чему набиваться к ним в друзья, если они не хотят иметь с нами дела?

— Я не могу допустить, чтобы какие-то малявки смотрели на нас сверху вниз. Кроме того, мы наверняка сойдем с ума, если не узнаем, кто живет в домике. Или ты думаешь, что мистер Хенчард — чародей?

— Он — дьявол, — горько усмехнулась Жекки. — Вот так уехать и оставить нам эльфов!

Когда мы вечером вернулись домой, из клетки доносились какие-то звуки, но, стоило мне сдернуть покрывало, воцарилась полная тишина. Сквозь щелочки в шторах пробивались тонюсенькие полоски света. Мы чувствовали, как из-за опущенных штор за нами пристально наблюдают. Мы отправились спать, но посреди ночи я еще раз прогулялся в комнату мистера Хенчарда. Эльфов я, разумеется, не увидел. Но они, должно быть, принимали гостей. Однако музыка, топот и хлопки разом стихли, едва я сунулся под покрывало.

Утром на террасе стояла лиловая бутылка. Газета сообщала: **"ФОЦПА ИДЕТ ПЕРВОЙ"**.

Я посмотрел на домик, источавший, как мне показалось, волны раздражения и негодования. И мы поехали на работу.

Домой мы вернулись усталые и голодные, но, даже не сняв пальто, первым делом поспешили в комнату Хенчарда. Нас встретила тишина. Я включил свет, Жекки — подняла покрывало.

И тут же ахнула. Я подскочил к ней, ожидая увидеть на терраске маленького зеленого человечка. Пустое. Ничего не изменилось. Лишь над трубой не вился дымок.

Но Жекки указывала на входную дверь. Маленькая, аккуратная табличка с короткой, лаконичной надписью: "СДАЕТСЯ".

— О-о-о, — только и смогла сказать Жекки.

Я шумно сглотнул. Все шторы подняты, веселенькие занавеси исчезли. Впервые мы могли заглянуть внутрь дома. Но увидели лишь голые стены. Никакой мебели, несколько царапин на паркетном полу, чистенькие обои. Прежние жильцы съехали, оставив дом в полном порядке.

— Они переехали, — констатировал я.

— Да, — отозвалась Жекки. — Переехали.

И внезапно меня охватило отчаяние. Показалось, что опустел не игрушечный, но наш дом. Так бывает, когда возвращаешься после длительного отсутствия, открываешь дверь иходишь в дом, где тебя не ждет никто и ничто.

Я крепко обнял Жекки. Она тоже погрустнела. Кто бы мог подумать, что причиной тому будет крошечная табличка с надписью: "СДАЕТСЯ".

— Что скажет мистер Хенчард? — Глаза Жекки испуганно раскрылись.

Мистер Хенчард вернулся два дня спустя. Мы сидели у камина, когда он вошел с большим чемоданом в руке, с черным мундштуком во рту.

— М-г-м, — поприветствовал он нас.

— Добрый вечер, — отозвался я. — Хорошо, что вы приехали.

— Приехал и приехал. — Он прошествовал в свою комнату, а мы с Жекки озабоченно переглянулись.

И тут же к нам ворвался мистер Хенчард. Лицо его перекосило от ярости.

— Паршивцы! — проворчал он. — Я же предупреждал...

— Одну минуту. — Я попытался его остановить.

— Я съезжаю с квартиры! — рявкнул мистер Хенчард. — Немедленно, — и он вылетел пулей, с треском захлопнув дверь. Мы с Жекки так и остались сидеть.

Вновь мистер Хенчард появился с чемоданом и проследовал к двери. Мы вскочили с кресел, я схватил его за одну руку, Жекки — за другую.

— Подождите, — взмолился я. — Вы забыли птичью клетку.

— Это вы так думаете, — огрызнулся он. — Можете оставить ее себе. Лезут тут всякие в чужие дела. Сколько месяцев я

убил на то, чтобы построить такой дом, как им требовался. А какие приложил усилия, чтобы уговорить их поселиться у меня. А теперь вы все испортили. Они не вернуться.

— Кто? — не выдержала Жекки.

Он пронзил нас взглядом.

— Мои жильцы. Мне придется построить для них новый дом. Но уж на этот раз я никого к нему не подпущу.

— Вы... вы чародей? — спросил я в лоб.

Мистер Хенчард фыркнул.

— Я умею работать руками, только и всего. Относитесь к ним, как они того заслуживают, и они ответят тем же. Не каждый сможет построить такой дом, какой им нужен. — В его голосе слышались нотки гордости. Он вроде бы смягчился, но мой следующий вопрос вновь рассердил его.

— Кто они такие? — взвился он. — Маленький Народец, разумеется. Называйте их как угодно — гномы, эльфы, феи, тролли, да мало ли у них имен. А жить они хотят в тишине и покое, не любят, когда за ними постоянно подглядывают. Такие места сразу приобретают дурную славу. Стоит ли удивляться, что они съехали. А плату за жилье они вносили исправно. Впрочем, Маленький Народец всегда этим отличался.

— Плату? — повторила Жекки.

— Удачу, — пояснил мистер Хенчард. — Они приносили удачу. Чем же они, по-вашему, должны расплачиваться? Не деньгами же. И теперь мне придется построить новый дом, чтобы ко мне вернулась удача.

На прощание он одарил нас злобным взглядом, распахнул дверь, выбежал на улицу. Автобус как раз подкатывал к остановке. Мистер Хенчард успел впрыгнуть в автобус, но лишь после того, как споткнулся и шлепнулся на асфальт тротуара.

Я положил руку на плечо Жекки.

— Видишь, ему уже и не везет.

— А мне кажется, ничего особенного, — возразила она. — Обычное дело. В спешке под ноги не смотришь. Дело-то в другом. Когда сдаешь дом эльфам, становишься везунчиком.

Мы еще посидели у камина, потом молча встали и прошли в комнату мистера Хенчарда. Клетка стояла на прежнем месте. Домик — тоже. Никуда не делась и табличка с надписью: "СДАЕТСЯ".

— Пойдем-ка к Терри, — предложил я.

В ресторане мы задержались допоздна. Домой идти не хотелось. Мы уже привыкли к постоянному шуму в птичьей клетке и без него дом казался очень уж одиноким.

Переступив порог, мы, однако, решили еще раз взглянуть на пустой домик. Уходя, я накинул покрывало на клетку. А когда поднес к нему руку, чтобы снять, услышал какой-то хруст и скрежет. В домике вновь появились жильцы!

На цыпочках мы вышли из комнаты, осторожно притворив за собой дверь. И только тогда перевели дух.

— Больше мы не должны подсматривать, — твердо заявила Жекки. — Никогда! Не будем даже прикасаться к покрывалу.

— Конечно, — согласился я. — Но кто, по-твоему...

До нас донеслись какие-то звуки, очень похожие на разухабистую песню. Нас это порадовало. Чем им веселее, тем дальше останутся они у нас. И мы отправились спать.

На следующее утро зарядил дождь. Но изменение погоды никак не сказалось на нашем радужном настроении. Я что-то напевал, стоя под душем. Жекки так и порхала по дому. Дверь в комнату мистера Хенчарда мы даже не открывали.

— Может, они любят поспать подольше, — предположил я.

В механическом цехе всегда шумно, и ручные тележки, на которых перевозят заготовки цилиндров, движутся неслышно, словно на резиновом ходу. Вот и в тот день, в три часа пополудни, я выступил в проход из-за моего строгального станка, не увидев и не услышав приближения тележки с грудой заготовок, которую паренек-подручный катил на склад.

Большой строгальный станок — сооружение серьезное. Станину с мощными направляющими замуровывают в бетон, а уж по ним взад-вперед ползает нож, обдирающий металл с заготовки.

В последний момент заметив приближающуюся тележку, я отпрыгнул назад, чтобы избежать столкновения. Мальчик с той же целью увел тележку в сторону, да так резко, что с нее посыпались заготовки. А я ударился бедром о станину, неудачно повернулся и оказался меж направляющих, по которым скользила ко мне махина ножа.

Все однако кончилось благополучно. Едва ли я успел бы выбраться сам, да один из цилиндров вкатился под нож, зацепился за направляющую, нож заклинило, мотор станка натужно взвыл и сгорел. Нож замер в паре футов от меня, и только тут я услышал, как оглушительно бьется мое сердце.

После работы, в автобусе, я рассказал Жекки о том, что произошло.

— Как же мне повезло. Чудо, да и только. Если б эта болванка не закатилась под нож. Станок, правда, сломался, зато я цел и невредим. Наверное, нам надо поблагодарить наших... жильцов.

Жекки согласно закивала.

— За жилье они расплачиваются с нами везением, Эдди. Как хорошо, что они решили заплатить вперед.

— Да, конечно, но пока станок сломан, я не буду получать жалованья.

Домой мы вернулись в грозу. Из комнаты Хенчарда до нас донесся жуткий шум, какого слышать ранее нам не доводилось. Мы вбежали в комнату. Окно открыто, покрывало напо-

ловину сползло. Табличка "СДАЕТСЯ" исчезла. Из трубы валит черный жирный дым. Шторы, разумеется, были опущены. Правда, хватало других изменений.

Пахло плохо приготовленной пищей — подгоревшим мясом и прокисшей капустой, почему-то подумал я. На ранее безукоризненно чистенькой террасе стояло переполненное ведро с мусором и крошечный ящик из-под апельсинов, заполненный микроскопическими пустыми консервными банками и бутылками. Тут же имелась бутылка молока, на этот раз грязно-синего цвета и газета. Определенно, другая газета. Совсем с иными заголовками. Скорее всего, исходя из размеров букв, бульварный листок.

— Мой Бог! — простонал я.

— Нам следовало спросить рекомендательное письмо, — прошептала Жекки. — Это не наши жильцы!

— Не те жильцы, к которым мы привыкли, — согласился я. — То есть не чета тем, что жили у мистера Хенчарда. Ты заметила мусорное ведро на террасе?

— И бельевую веревку, — добавила Жекки. — Какое бескультурье, — она покачала головой. — Но ведь мистер Хенчард утверждал, что они не вернуться.

— Да, но... — я не закончил фразы, ибо лицо ее изменилось, словно она поняла, в чем тут дело. — Выкладывай, что ты там придумала, — поощрил ее я.

— Ну, я не знаю. Только мистер Хенчард говорил, что Маленький Народец любит тишину и покой. А мы своим любопытством выгнали их из дома. И этот домик, в клетке, стал пользоваться дурной репутацией. И благородные эльфы сюда не едут. А едет... всякая рвань.

— Ты чокнулась. — Я ей не поверил.

— Отнюдь. Другого объяснения нет. Мистер Хенчард говорил о том же. Сказал, что должен построить новый домик. Добропорядочные жильцы в плохой район не поедут. У нас поселились опустившиеся эльфы, вот и все.

От изумления у меня даже отвисла челюсть.

— Да, да, — продолжила Жекки. — Готова поспорить, скоро они заведут козу.

— Ну, этого мы не потерпим, — твердо заявил я. — Я их выкурю. Я... налью им в трубу воды. Где у нас чайничек для заварки?

Жекки схватила меня за руку.

— Нет, нет. Мы не можем их выгнать, Эдди. Мы не имеем на это права. Они же платят за то, что живут у нас.

И тут я вспомнил.

— Строгальный станок...

— Вот именно. — Пальцы Жекки сжали мою руку. — Тебя бы убило сегодня, если б не везение, которым они поделились с тобой. Пусть эти эльфы и неряхи, но за постой они платят.

Тут до меня наконец-то дошло.

— У Хенчарда везение проявлялось иначе. Со мной все пошло по-другому. Я упал меж направляющих, заготовка цилиндра заклинила нож, и я остался без работы до тех пор, пока не починят станок. С Хенчардом такого бы не произошло.

— Его жильцы были повыше рангом, — объяснила Жекки, в ее глазах играли смешинки. — Если б в строгальный станок угодил мистер Хенчард, скорее всего перегорели бы пробки. У наших жильцов дым пожиже, да и труба пониже. Соответственно, и везение, которым они балуют нас.

— Пусть остаются, — решил я. — Мы обзавелись притоном. Пойдем-ка лучше к Терри.

Мы надели пальто и вышли в ночь, вдыхая холодный, насыщенный влагой воздух. Гроза бушевала с той же силой. Я забыл фонарь, но возвращаться не хотелось. Не торопясь, мы двинулись вниз, к едва видимым огонькам в ресторане Терри.

В темноте да из-за дождя мы не заметили приближающегося автобуса. Он накатывался на нас, как паровой каток. Я подался в сторону, таща за собой Жекки, но едва ли мы избежали бы столкновения, если б я не поскользнулся на мокром асфальте. Мгновением позже я оказался в кювете, тут же Жекки рухнула на меня, а автобус с ревом пронесся мимо. Вывалянные в грязи, мы вылезли из кювета и зашагали к Терри.

— Несомненно, нам спасли жизнь, — прошептал я на ухо Жекки.

— Это точно, — согласилась она, — но с мистером Хенчардом такого бы не случилось.

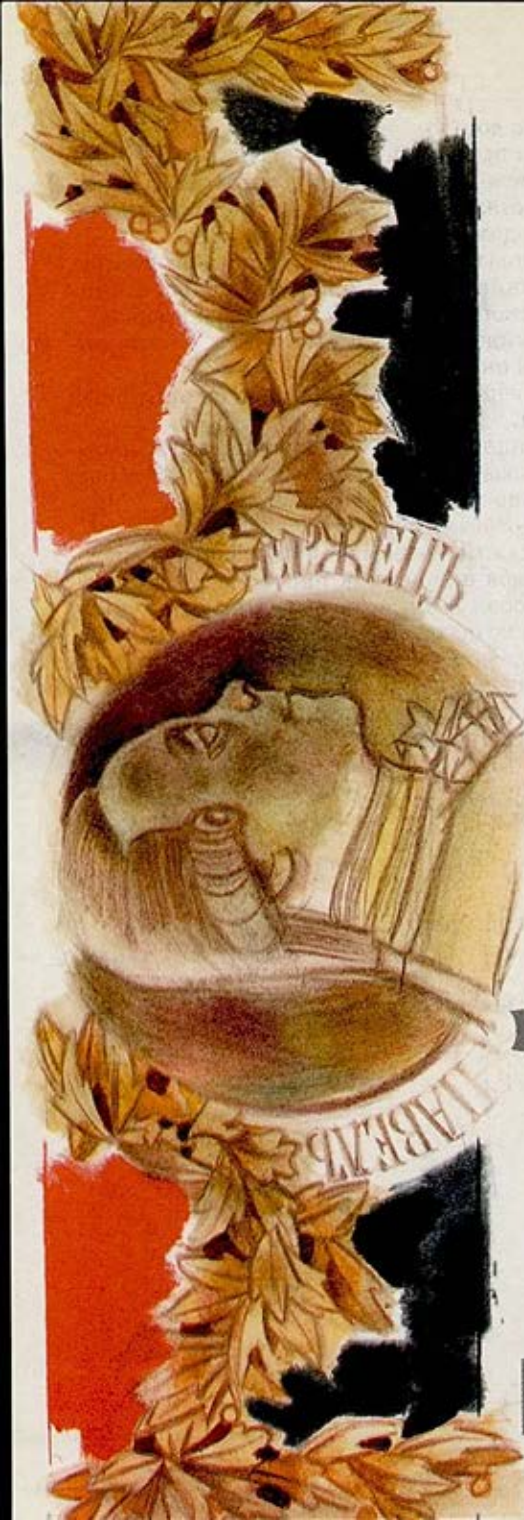
Терри покачал головой.

— Упал в кювет, Эдди? И Жекки тоже? Вот уж вам не повезло.

— Не повезло, — кивнула Жекки. — С одной стороны. — Она подняла бокал и с грустью посмотрела на меня. Мы чокнулись.

— А с другой, все вроде бы ничего, — добавил я. — Так что, за удачу. ■

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

Любовь РУСЕВА

Душой **Екатеринне** равен!

рисунок Геннадия Новожилова

25 июня 1796 года в Царском Селе от бремени разрешилась сыном великая княгиня Мария Федоровна. Новорожденного нарекли леопольдом в царственном доме именем — Николай. Екатерина II была поражена величиной и красотой младенца и тотчас сооб-

шила о семейной радости Гримму: “Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною аршин без двух вершков, а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колосом”. Мальчик действительно был необыкновенный и оправдывал определение великой императрицы. Через неделю новорожденного богатыря-рыцаря кормили уже кашей. “Я полагаю, — сообщала Екатерина своему корреспонденту, — что никогда осьмидневный ребенок не пользовался таким угощением, это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления; если так будет продолжаться, придется по прошествии шести недель отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза, голову держит прямо и поворачивает не хуже моего”.

Мальчик оправдал предсказания Екатерины — он жил и умер рыцарем. Поэт Державин на крещение великого князя написал стихи, строки из которых тридцать лет спустя часто приводили как пророчество:

*“Дитя равняется с царями
... он будет. Будет славен,
Душой Екатерине равен!”*

Через четыре месяца после рождения рыцаря Николая умерла Екатерина Великая. Отсутствие просвещенной бабушки невыгодно отразилось на развитии великого князя, который, в отличие от своих старших братьев, получил другое воспитание. Государыня, однако, успела выбрать няню для Николая — шотландку Евгению Васильевну Лайон, дочь лепного мастера, приглашенного в Россию императрицей. Мальчик очень сильно привязался к своей няне-львице, как он ее называл (Lyon — лев). Она была весьма вспыльчива, но, как большая часть вспыльчивых людей, необыкновенно добра. Привязанность к вверенному ее попечению августейшему воспитаннику доходила в ней до страсти, до фанатизма, которые она сохранила до конца жизни. Евгения Васильевна гордилась тем, что первая учила его произносить молитвы “Отче наш”, “Богородице”, первая научила его складывать пальцы для крестного знамения. У воспитательницы с ее подопечным оказались родственные натуры. Геройский, рыцарский, сильный характер няни-львицы повлиял на формирование характера Николая.

Павел I страстно любил своих малолетних детей, особенно великого князя Николая. Анна Павловна, будущая королева Нидерландская, писала: “Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он го-

ворил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими, чтобы познакомиться с нами”.

Павел Петрович был весьма озабочен выбором воспитателя для своего любимца. Он остановил свой выбор на генерале Матвее Ивановиче Ламздорфе, предупредив при этом последнего:

— Одно только вам скажу, чтобы вы не сделали из моих сыновей таких шарлатанов, каковы немецкие принцы.

Приказ о назначении Ламздорфа был подписан 23 ноября 1800 года, а 1 февраля 1801 года император Павел переехал в Михайловский замок.

— На этом месте я родился, здесь хочу и умереть.

Император и не подозревал, что пройдет не многим более месяца, и он будет убит в этом замке, и на престол взойдет его старший сын, которому он не доверял и который участвовал против него в заговоре. Вечером 11 марта 1801 года император Павел посетил великого князя Николая. Мальчик обратился к отцу со странным вопросом:

— Отчего тебя называют Павлом Первым?

— Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня.

— Тогда меня будут называть Николаем Первым.

— Если ты вступишь на престол.

Павел надолго задумался, устремив взор на великого князя. Затем он крепко поцеловал сына и быстро удалился из его комнаты. В ту же ночь император был убит.

В Николае Павловиче рано проявились черты характера и склонности, которые впоследствии составили отличительные черты императора Николая: настойчивость, стремление повелевать, страсть ко всему военному, особенная любовь к строительному инженерному искусству, дух товарищества, который развился под влиянием совместного воспитания с младшим братом Михаилом. Братья сердечно любили друг друга.

Императрица Мария Федоровна всеми силами старалась подавить в сыновьях увлечение военной службой, которое, тем не менее, развивалось в них с неодолимой силой. Страсть строить у Николая проявилась в раннем детстве. То он строил крепости, то дачи для няни или гувернантки — из стульев, земли или игрушек. Михаил, более живой по характеру, столь же любил разрушать, сколько Николай любил строить.

Мария Федоровна, желая переломить характер и вкусы сыновей, удаляется с ними в Гатчину, где в полном уединении проводит две зимы. Этим она хотела лишить великих князей всяких военных зрелищ и пробудить интерес к гуманитарным наукам. Но неудачный подбор предметов и преподавателей, неумелый способ воздействия на склонности великого князя Николая привели к обратному результату и принесли плачевные плоды. Врожденные склонности остались непоколебимы,

а наука оставила оскомину на всю жизнь. Греческий и латинский языки давались ему с трудом. Позже он не раз говорил о своей ненависти к латинскому языку, о вынесенных им мучениях при его изучении и совершенно исключил их из программы своих детей.

Императрица предложила отправить сыновей в Лейпцигский университет, но Александр I воспротивился этому, и у него зародилась мысль создать Царскосельский лицей, где его младшие братья могли бы слушать публичные лекции. Но эта идея не осуществилась, так как вскоре после открытия лицея началась война 1812 года. Великому князю 16 лет, он рвется на войну. Императрица решительно отказывается. Николай Павлович жалуется матери на свое бездействие в то время, когда Отечество в опасности.

— Вас берегут для других случайностей, — был ему ответ.

Тогда Николай обратился с письмом к императору Александру I, в котором он умолял государя разрешить ему отправиться в армию. Император призвал его к себе, старался утешить. В конце разговора он с серьезным видом сказал юноше, что время, когда ему придется стать на первую степень, быть может, наступит ранее, чем можно предвидеть его.

— Пока же, — прибавил он с отеческим доброжелательством, — вам предстоит выполнить другие обязанности. Довершите ваше воспитание, сделайте насколько возможно достойным того положения, которое займете со временем: это будет такую службу нашему дорогому Отечеству, какую должен нести наследник престола.

Эти слова произвели сильное впечатление на Николая, и с этого времени в его характере начался какой-то перелом: на него стали находить моменты задумчивости, сосредоточенности, он стал более сдержанным и обдуманым в своих речах и поступках.

В своем патриотическом воодушевлении Николай Павлович был уверен в победе над Наполеоном. Получив известие о вступлении французов в Москву, он держал пари с великой княжной Анной Павловной, что к 1 января нового года в России не останется ни одного неприятеля. Он выиграл пари, и 1 января 1813 года Анна Павловна вручила ему серебряный рубль, когда они отправлялись в Казанский собор на молебствие по случаю освобождения России от иноплеменного нашествия, и Николай Павлович спрятал полученный рубль себе за галстук.

Наполеоновские войны постепенно убедили Марию Федоровну в том, что невозможно отстранять от военных наук великого князя Николая, поскольку в связи с бездетностью императора Александра I и великого князя Константина он приобретал другое значение. К Николаю Павловичу приглашают профессоров военных наук: полковников Джанотти и Маркевича, а также известного инженер-генерала Оппермана.

Наконец, в 1814 году Александр I разрешил младшим братьям прибыть к армии. На решительные военные действия великие князья не успели, но путешествие по Европе и несколько встреч серьезно повлияли на Николая Павловича. В Париже великие князья посетили различные учреждения, в том числе политехническую школу, дом инвалидов, казармы, госпитали. При посещении дома инвалидов царственные юноши видели, как старые, искалеченные солдаты молча, со слезами на глазах отворачивались от них, как только замечали русские мундиры. Во время обхода внимание Николая Павловича привлек сержант с лицом, покрытым рубцами, с трудом передвигавшийся при помощи костылей.

— В каком деле вы ранены? — поинтересовался Николай.

— При переправе через Березину, — старался улыбнуться сквозь рубцы инвалид. — Казаки привели меня в такой вид. Да и я, уверяю вас, не остался у них в долгу. Я упал рядом с ними в снег, они не поднялись, а я имел счастье возвратиться с обмороженными ногами. Впрочем, так и надо: что нам нужно было искать в вашей России? Дьявольская страна, защищаются без посторонней помощи; правда, в нее легко входишь, а выйти — не выйдешь, а если и выйдешь, то, как я, чтобы попасть в инвалидный дом.

Глубокий след в душе Николая Павловича оставила и другая встреча. Он познакомился с герцогом Орлеанским и стал свидетелем семейного счастья герцога. Эта отрадная картина глубоко запала в сердце царственного юноши.

— Какое громадное счастье жить так, семьею.

— Это единственное истинное и прочное счастье, — убежденно заверил русского великого князя герцог.

Счастливым семьянином

Обратный путь в Россию лежал через Германию. В Берлине великие князья задержались — здесь Николай Павлович должен был познакомиться со своей будущей женой, принцессой Шарлоттой. Молодые люди произвели друг на друга большое впечатление. Взаимное влечение облегчило осуществление желаний императора Александра I и его друга короля Фридриха-Вильгельма. Мария Федоровна сочувственно относилась к предполагаемому союзу, но ввиду молодости сына свадьбу отложила до его совершеннолетия. Мечта о семейном счастье полностью захватила юношу, но ему пришлось ждать долгих три года и довольствоваться редкими кратковременными свиданиями.

Будущие супруги действительно были созданы друг для друга. Сильные характеры, страстные натуры, с одной стороны, и замкнутость, внешняя холодность — с другой. Великий князь был высокого роста, сухощав, грудь широкая, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к

тенору, говорил несколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок, в его движениях не было ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но видна была неподдельная строгость.

Королева Луиза, инициатор этого брака, писала о своей дочери Шарлотте Марии Федоровне: "Наши дети — наши сокровища. Дочь моя Шарлотта замкнута в себе, сосредоточена, но, как и у ее отца, под холодной, по-видимому, внешностью бьется горячее сердце; вот причина, по которой в ее обращении проглядывает нечто величественное. Если Господь сохранит ее жизнь, я предчувствую для нее блестящее будущее".

Наконец, наступил долгожданный день приезда в Россию нареченной невесты. Николай Павлович отправился встречать Шарлотту на границу. 9 (21) июня 1817 года вдоль пограничной черты со стороны Пруссии и России выстроились отряды войск обоих государств. В 9 часов утра подъехала придворная карета, из которой вышла принцесса Шарлотта и в сопровождении брата обошла ряды прусских войск, прощаясь с ними. Затем под руку с принцем Вильгельмом принцесса направилась к русской границе. Великий князь поспешил навстречу и, протягивая руку, как бы желая помочь ей переступить пограничную черту, прошептал:

— Наконец-то вы среди нас, дорогая Александра. — Затем он громко добавил для окружающих: — Добро пожаловать в Россию, ваше королевское высочество.

Семья радушно встретила принцессу. Шарлотта приняла православие и была наречена Александрой Федоровной. Обручение произошло в день рождения Николая Павловича, а в день рождения великой княгини Александры Федоровны (1 июля) состоялся обряд бракосочетания. "Я чувствовала себя очень-очень счастливой, — писала Александра Федоровна, — когда наши руки соединились; с полным доверием отдала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды".

С бракосочетанием великого князя связано событие, ставшее важной вехой в истории инженерного искусства в России. 3 июля 1817 года последовало назначение его генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии саперного батальона. Этим назначением Николаю Павловичу открывался, наконец, путь к самостоятельной государственной деятельности на поприще, вполне соответствовавшем его всегдашней склонности к инженерному делу.

Деятельность генерал-инспектора принесла огромную пользу Отечеству. Он создал русский инженерный корпус, в связи с чем настаивал на учреждении специального училища. В 1819 году император подписал доклад Николая Павловича об учреждении Главного инженерного училища с кондукторскими и офицерскими классами, которое было размещено в здании Ми-

хайловского замка, получившего отныне наименование Инженерного замка. Великий князь стал также инициатором и создателем Школы гвардейских подпрапорщиков.

Первые счастливые месяцы своей семейной жизни молодая чета прожила вместе с императрицей Марией Федоровной в ее любимом Павловске. А уже 30 сентября царская семья приехала в Москву. На следующее утро Александра Федоровна, подойдя к окну, впервые увидела перед собою Москву, которая наподобие панорамы расстилалась у ее ног. "Сердце мое забилося: я поняла Россию, я гордилась тем, что я принадлежу ей!" — записала свои впечатления великая княгиня.

Спустя полтора месяца (к большому огорчению Александры Федоровны) принц Вильгельм покинул Россию и вернулся на родину. "Я проводила его с такою грустью, что почувствовала новый прилив тоски по поводу разлуки с отцом, братьями и сестрами, это была ужасная минута! Но, пережив ее, я еще более сблизилась с моим Николаем, я почувствовала, что в нем одном имею поддержку и опору на моей новой родине, и его нежность совершенно вознаградила меня за все то, что я потеряла. Мы читали вместе "Коринну" и "Малек Адель", и я вспоминаю с наслаждением об этой мирной жизни в течение последних месяцев, предшествовавших моим родам".

17 апреля, во время Светлой недели совершилось великое событие: родился будущий Царь-Освободитель великий князь Александр Николаевич. "В 11 часов я услышала первый крик моего первого ребенка. Никс целовал меня, заливаясь слезами, и мы возблагодарили Бога вместе, не зная еще, даровал ли Он нам сына или дочь, когда матушка, подойдя к нам, сказала: "Это сын". Счастье наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором".

Семейная жизнь удалась. "Какой пример давал всем Николай Павлович своим глубоким почтением к жене и как он искренно любил и берег ее до последней минуты своей жизни! — писала Блудова. — Известно, что он имел любовные связи на стороне — какой мужчина их не имеет, во-первых, а во-вторых, при царствующих особах нередко возникает интрига для удаления законной супруги; посредством докторов стараются внушить мужу, что его жена слаба, больна, надо ее беречь и т.п., под этим предлогом приближают женщин, через которых постороннее влияние могло бы действовать. Но император Николай I не поддавался этой интриге, и, несмотря ни на что, оставался верен нравственному влиянию своей ангельской супруги, с которой находился в самых нежных отношениях. Хотя предмет его посторонней связи и жил во дворце, но никому и в голову не приходило обращать на это внимание; все это делалось так скрыто, так благородно, так порядочно. Многие долго не подозревали о связи — так В.А.Нелидова держала себя осто-

рожно и почтительно перед женой, детьми и окружающими. Нелидова и не помышляла обнаруживать свое исключительное положение между своих сотоварищей фрейлин; она держала себя всегда очень спокойно, холодно и просто. Она была достойная женщина, заслуживающая уважение, особенно в сравнении с другими того же положения. Были такие, которые, как всегда в таких случаях, старались подслужиться к этой особе, но они мало выигрывали через нее”.

Николай Павлович был примерным семьянином и это обстоятельство отмечали даже те, кто ненавидел его как императора.

Тайна императора Александра I

Александр Павлович долго вынашивал план отречения от престола, который окутал глубокой тайной, что привело впоследствии к опасному междуцарствию и к трагическим событиям на Сенатской площади в 1825 году. Еще в 1817 году за обедом в Киеве, когда разговор коснулся обязанностей людей различных состояний, Александр I неожиданно заявил:

— Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в момент опасности становиться лицом к лицу с нею. Он должен оставаться на своем месте лишь до тех пор, пока он в состоянии садиться на лошадь. После этого он должен удалиться. Что касается меня, то в настоящее время я чувствую себя здоровым, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят лет, тогда...

Несколько присутствующих прервали императора, уверяя его, что и в 60 лет он будет здоров и свеж. Спустя два года император приподнял завесу над своей тайной перед младшим братом. Александр I присутствовал в Красном селе на линейном учении 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии, которой командовал великий князь Николай Павлович. Учение сопровождалось малым маневром. Государь остался доволен и был чрезвычайно милостив к своему брату. Сидя после обеда между Николаем и Александрой, он неожиданно прервал дружескую беседу.

— Я с радостью вижу ваше семейное блаженство. Этого счастья я никогда не знал. Ни я, ни Константин* не были воспитаны так, чтобы уметь ценить с молодости сие счастье, и последствием этого является то, что мы не имеем детей, которых могли бы признать. Это чувство для меня тягостное. Я чувствую, что силы мои ослабевают, а в нашем веке государям, кроме дружеских качеств, нужна физическая сила и здоровье для больших постоянных трудов. Скоро я лишусь потребных сил, чтобы по совести исполнять свой долг. Поэтому я решил отречься от правления с той минуты, когда по-

* Отношения великого князя Константина с первой женой не сложились, и она покинула Россию. Вторично он женился на некоронованной особе, что по закону лишало его права на престол.

чувствую сему время. Я неоднократно говорил о том брату Константину, который в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет мне наследовать на престоле, тем более, что мы оба видим в вас знак благодати Божией, дарованием вам сына. Поэтому вы должны знать наперед, что вы призываетесь на сие достоинство.

— Минута сему ужасному для вас перевороту еще не настала, и не так скоро настанет. Может быть, лет десять еще до оной, но вы должны заблаговременно привыкнуть к неизбежной будущности.

— Но я себя никогда на это не готовил, и не чувствую в себе ни сил, ни духу на столь великое дело, — ответил ему Николай. — Одна мысль у меня была, одно желание было служить вам изо всей души и сил...

— Когда я вступил на престол, то был в том же положении.

Несмотря на этот разговор, служебное положение великого князя Николая Павловича оставалось по-прежнему скромным. Больше к этому разговору не возвращались. Поэтому, когда через пять лет Александр I неожиданно скончался в Таганроге, Николай Павлович, как только узнал об этом, тут же присягнул на верность старшему брату Константину Павловичу и привел к присяге гвардию.

В 1822 году великий князь Константин Павлович написал отречение и послал в Петербург царю, и никто из великих князей не знал, что в 1824 году Александр I подписал Манифест, в котором наследником престола назначался великий князь Николай Павлович. О существовании этого акта знали только граф Аракчеев, князь Голицын и архиепископ московский Филарет.

19 ноября, когда фельдъегерь привез из Таганрога сообщение о смерти императора, в Петербурге во всех церквях служили молебствие за здравие государя. Императорская фамилия находилась в большой церкви Зимнего дворца, а высшие чиновники — в Александро-Невской лавре. Из знавших тайну императора в Петербурге в этот день находился только князь Голицын. Узнав о смерти государя, князь помчался в Зимний дворец, но не успел — Николай Павлович и гвардия уже присягнули. Срочно был созван Государственный Совет. Среди его членов стали поговаривать о каком-то таинственном пакете, который, наконец, принес госсекретарь Оленин. В нем оказался Манифест Александра I и отречение Константина Павловича. Но своей присягой Николай Павлович фактически отрекся от престола. Споры членов Госсовета ни к чему не привели, и они настояли на встрече с великим князем.

— Господа, я вас прошу, я вас убеждаю, для спокойствия государства, немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданство императору Константину Павло-

вичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другое слушать не стану.

— Какой великодушный подвиг!

— Никакого тут нет подвига! В моем поступке нет других побуждений, как только исполненный священный долг мой пред старшим братом. Никакая сила земная не может переменить мыслей моих по сему предмету и в этом деле. Я ни с кем советоваться не буду и ничего не вижу достойного похвалы. Я исполняю мою обязанность и больше ничего. Мне бы весьма больно было, если бы кто-либо из вас, милостивые государи, мог подумать, чтоб я минуту на какой другой мысли мог остановиться, кроме присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу по кончине брата и благодетеля моего Александра.

— В тех обстоятельствах, в которые я был поставлен, — пояснял позже Николай I своему старшему сыну и наследнику Александру, — мне невозможно было поступить иначе.

Оставлять престол “пустым” нельзя, поэтому, вопреки воле императора Александра I, тут же присягнули обе столицы. Но Константин оставался в Варшаве и в Петербург не собирался. Вместо повелений нового императора, в столицу было прислано гневное письмо, в котором он выговаривал председателю Государственного Совета князю Лопухину за то, что допустил вопреки воле государя, присягу ему, а не обнародовал сразу же Манифест покойного императора. Началась переписка между Петербургом и Варшавой, началось междуцарствие. Константин не желал вступать на престол, Николай — не мог.

Константин ограничился частным письмом, что в силу принесенной присяги было недостаточно. Император должен был издать манифест об отречении, либо явиться в Петербург, вступить на престол и подготовить спокойный переход трона в руки Николая в соответствии с волей покойного императора. Но он не сделал ни того, ни другого.

Николай Павлович оказался в очень тяжелом положении. Он знал, что гвардия его не любит, и переприсяга грозила большими осложнениями. Пока император Константин сидел в Варшаве, занимая позицию: “моя хата с краю — ничего не знаю”, в Петербург было доставлено секретное донесение о заговоре, который простирался по всей России. “Тогда только почувствовал я в полной мере всю тяжесть своей участи, — писал Николай I, — и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полной властью, с опытностью, с решимостью, но я не имел ни власти, ни права, на случай мог только действовать через другого... без уверенности, что совету моему последуют, и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от матушки, дабы ея не испугать или преждевременно заговорщикам не открывать, что замыс-

лы их уже не скрыты от правительства. К кому мне было обратиться — одному, совершенно одному без совета!”

В этот же день к Николаю явился Яков Иванович Ростовцев, который просил отказаться от трона и уговорить Константина согласиться сесть на престол.

— Для вашей собственной славы погодите царствовать. Против вас должно таиться возмущение; оно вспыхнет при новой присяге, и, может быть, это зарево осветит конечную гибель России. Пользуясь междоусобиями, Грузия, Бессарабия, Финляндия, Польша, может быть, и Литва от нас отделятся. Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и соделает ее державою азиатскою, и незаслуженные проклятия вместо должных благословений будут вашим уделом. Вот уже 15 дней, как гроб лежит у нас на троне, и обыкновенная тишина не прерывалась, но, ваше высочество, в самой этой тишине может крыться коварное разрушение.

— Мой друг, можешь ли ты сомневаться, чтобы я любил Россию менее себя? Но престол пуст, брат мой отрекся, я единственный законный наследник. Россия без царя быть не может. Что же велит мне делать Россия? Нет, мой друг, ежели нужно умереть, то умрем вместе.

Все это происходило 12 декабря, а на следующий день, наконец, пришло официальное отречение от престола императора Константина. На следующий день должна была состояться новая присяга. Несколько полков вышли на Сенатскую площадь.

При императоре Николае I самодержавие достигло своего апогея. Авторитет России был настолько высок, что в Европе без оглядки на русского царя не решался ни один вопрос. Когда Николаю Павловичу сообщили, что в Париже собираются ставить пьесу, в которой Екатерина Великая выставлена чрезвычайно безнравственной, развращенной и похотливой, царь приказал передать французскому правительству, что если эта пьеса пойдет, то первыми ее зрителями будет русская гвардия. Пьеса не пошла.

Вступив на престол, Николай Павлович прежде всего обратил внимание на законодательство, которое поручил составить Сперанскому. Важным событием в жизни государства явилось издание полного собрания законов Российской империи, начиная с “Уложения” царя Алексея Михайловича, вплоть до кончины Александра I. Производственные силы настолько продвинулись вперед, что начался бурный процесс технического переворота в промышленности и на транспорте. В 1851 году была открыта Николаевская железная дорога между Петербургом и Москвой. Значительно окрепли экономические и политические связи России с народами Средней Азии. Николай I всячески поощрял торговлю русских купцов с ханствами Средней Азии. В 1837 году основано Министерство государственного имущества

для управления казенными землями. В этом же году вышел указ, запрещающий продавать крестьян отдельно от семей.

Николаю Павловичу наше Отечество обязано мощным флотом и, прежде всего, гордостью России — Черноморским флотом. Не случайно черноморцы боготворили императора. При Николае I были основаны Технологический и Педагогический институты, Военная академия, университет в Киеве, училище правопедения; был издан новый устав учебных заведений (высших, средних и низших). В 1827 году Николай I издал указ о пенсиях за государственную службу.

Николай Павлович невероятно много работал. Потенциальные силы этого государя удивляют и сейчас. Его невероятные природные данные поддерживались умеренным образом жизни в молодости. Воздержанную жизнь он вел и став императором. Ел Николай Павлович очень мало, большей частью овощи, ничего не пил, кроме воды. За ужином кушал тарелку одного и того же супа из протертого картофеля. Царь никогда не курил и не любил, когда другие курили. Два раза в день он обязательно, в любую погоду, гулял пешком: рано утром перед завтраком и занятиями и после обеда в 7 часов вечера. Днем он никогда не отдыхал. Был всегда одет, халата у него никогда не существовало, но если ему нездоровилось, он надевал старенькую шинель. Спал Николай I на тоненьком тюфячке, набитом сеном. Его походная кровать стояла постоянно в опочивальне августейшей супруги, покрытая шалью. Вообще вся обстановка, окружавшая его, носила отпечаток скромности и строгой воздержанности. Последние годы он жил внизу, под апартаментами императрицы, куда вела внутренняя лестница. Комната эта была небольшая, стены оклеены простыми бумажными обоями, на стенах несколько картин. Тут стояла вторая его походная кровать, над которой висели небольшой образ и портрет великой княгини Ольги Николаевны. Вольтеровское кресло, небольшой диван, письменный рабочий стол, на нем портреты императрицы и его детей, несколько простых стульев; большое трюмо, около которого стояли его сабли, шпаги и ружья. Тут он одевался и работал... Тут же он и скончался.

О смерти этого императора ходили (да и сейчас ходят) слухи, что он отравился, не выдержав тех поражений, которые несла русская армия в Крымской войне. На самом деле это легенда. Николай Павлович в тот период работал на износ — по 17 часов. Часто он вставал ночью, если не успевал что-то сделать днем. Силы его боролись с чувством долга, которое руководило им всю жизнь.

В конце января император, не желая отказать графу Клейнмихелю в просьбе быть посаженным отцом у его дочери, поехал на свадьбу в конногвардейском мундире. Камердинер Гримм обратил его внимание на сильный мороз и советовал императору переодеться.

— Ты правду говоришь, — сказал Николай I, надевая шинель, — проходя сеними по мраморному полу, я уже почувствовал, что ногам холодно, но теперь некогда переодеваться.

27 января император почувствовал первые признаки гриппа, который свирепствовал в столице. Болезнь усиливалась и развивалась с невероятной быстротой вследствие умственного напряжения и под влиянием печальных известий из Крыма. Врачи категорически запрещали выходить на свежий воздух, но император не мог не встретиться с полками, которые отправлялись на театр военных действий.

— Если бы я был простой солдат, обратили ли бы вы внимание на мою болезнь?

— Ваше величество, в вашей армии нет ни одного медика, который позволил бы солдату выписаться из госпиталя в таком положении, в каком вы находитесь, и при таком морозе. Мой долг требовать, чтобы вы не выходили еще из комнаты.

— Ты исполнил свой долг, позволь же мне исполнить мой.

Болезнь, с которой долго боролся его могучий организм, развивалась с невероятной быстротой, он стал харкать кровью. Тем не менее, царь продолжал встречаться с министрами и заниматься делами. 17 февраля он стал уже терять сознание. Медики предупредили наследника об опасном состоянии императора, тот предупредил мать. Императрица предложила супругу приобщиться святых тайн, но Николай Павлович не желал этого делать лежа в постели. Не имея сил сказать любимому человеку правду, Александра Федоровна начала тихо читать "Отче наш".

— Ты читаешь молитву? Зачем?

— Молюсь о тебе.

— Разве я в опасности?

— Я молюсь о твоём выздоровлении, — молвила несчастная, глотая слезы.

— Надеюсь на это, я хочу, чтобы ты сохранила свое. Ты очень расстроена, ты устала, поди успокойся.

В полночь вся семья молилась за императора в дворцовой церкви. По городу стали распространяться слухи о болезни государя. Страдания его стали настолько сильны, что он попросил их облегчить, но было уже поздно. Доктор Мандт всю ночь находился с императором, прислушиваясь к его дыханию. До сих пор надежда на выздоровление, хоть и маленькая, еще теплилась. Но под утро доктор снова приложил трубку к груди больного и чуть не потерял сознание: он услышал особый звук в легких, который уже не оставлял никакой надежды. Николай I все понял.

— Скажите мне, разве я должен умереть?

Несколько секунд доктор колебался произнести роковое слово. Глаза императора пронизывали его.

— Да, ваше величество.

— Что нашли вы с вашим инструментом? Каверны?

— Нет. Начало паралича.

В лице умирающего не дрогнул ни один мускул.

— Позовите ко мне моего старшего сына.

Николай Павлович сделал последние распоряжения и простился с семьей.

— Служи России, — сказал наследнику умирающий, — мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое... Провидение судило иначе...

— Если уже суждено мне тебя лишиться, — заливался слезами Александр Николаевич, — то я уверен, что ты и там будешь молиться Ему о России, о нас всех, о святой Его помощи понести тяжелое бремя, Им на меня возлагаемое.

— Да!.. Я всегда молился за Россию и за всех вас; буду... буду молиться и там. Вы же, — обратился император ко всем присутствующим, — оставайтесь навсегда, как было доселе, в тесном союзе любви семейной.

В это время прибыл курьер из Крыма от великих князей Николая и Михаила.

— Здоровы ли они? — спросил умирающий. — Все прочее меня не касается... Я весь в Боге.

Получив утвердительный ответ, он сказал:

— Боже! Спаси их.

Простившись со всеми, Николай Павлович приказал положить около своего гроба образ Богородицы Одигитрии, который получил от своей бабушки Екатерины Великой при крещении. Он назначил залу в Зимнем дворце, где должны были покоиться его останки. Погребение просил совершить по возможности скромно, без пышных убранств. Срок траура велел назначить самый короткий. Затем он попросил читать молитву, под которую и умер.

“Прошу всех, — написано в завещании Николая Павловича, — кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренно меня простить...” ■

БОРОТНИ В ПОГОНАХ

Кто и как борется в России с наркотической заразой

О людях в погонах, поставленных бороться с наркотиками, впопору было бы писать героические саги. Дескать, вот сколько задержано наркокурьеров, обнаружена "база", куда стелается зелье, пресечены пути его доставки. И все — ценой титанических усилий: кропотливая слежка, внедрение агентов в наркоманскую среду, бессонные ночи над сценариями перехвата, погоня и, наконец, захват с риском получить пулю в лоб или удар ножа поддых. Ведь в этой борьбе не до церемоний — решаются судьбы крупных сумм в десятки, а то и сотни тысяч долларов. Да и сроки, на которые отправляют наркокурьеров за решетку, тоже немалые, есть ради чего человека в погонах "пришить".

Но увы... Судебные дела последних лет разрушают такое — романтическое — представление. Нет, отчеты для властей об этой борьбе вроде бы реальные — агентурная сеть действует, захваты следуют один за другим, наркокурьеры отправляются на отсидку. Да только наркотики тем временем продолжают победное шествие по российским просторам.

Словом, щит есть, а героя — нет. И вся эта борьба в конце концов оказывается видимостью, виртуальными играми. Потому что на смятью подсудимых вместе с наркокурьерами все чаще садятся сами борцы с наркоманией. Причем — не рядовые, а со званиями и при должностях.

Вот два судебных сюжета из крупных российских городов —

Саратова и Ульяновска — на эту тему.

1. СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 20 тысяч долларов в лесополосе

Поезд N 23 "Душанбе-Москва" пересекает Энгельсский район Саратовской области у поселка Новопушкинское. В один из майских солнечных дней, ровно в полдень, у этого поселка из автомобиля вышли двое — чернявый, лет 35-ти, с характерным для восточного человека цветом кожи, и помоложе, лет 25-27, сероватобледный, с лихорадочным блеском светлых глаз. Они миновали лесополосу, подошли к железнодорожному полотну и, когда поезд появился, стали напряженно всматриваться в окна пронесшихся мимо вагонов. Чего-то нервно ждали. Но состав простучал колесами, и — ничего не случилось.

Двое вернулись к переезду, сели в автомобиль. "Накрылись, что ли?" — спросил тот, что помоложе. "Нэт, — упрямо качнул головой чернявый, — нэ может быть. Что-то помэшало".

Чернявого звали Рустам Мирзоев. Он был деловит и цепок, на своего спутника, Алексея Киселева, смотрел с опасливым ожиданием. У них обоих был совершенно разный жизненный опыт. Рустам — глава большого семейства, отец четверых детей, добывающий в России деньги на их содержание. Алексей — молодой гуляка, недоучившийся студент юрфана, нигде не работающий, однако в средствах не стесненный. Не связанный семейными узами, он по рукам и ногам был опутан стра-

стью к острым ощущениям, и его непредсказуемая импульсивность настораживала Рустама. Но бизнес, которым занимался Рустам, предполагал риск.

Они вернулись в Энгельс, поднялись в квартиру Алексея. Оставалось одно — ждать. На другой же день им через своего человека передали сообщение: операция не удалась, все придется повторить, когда этот же поезд пойдет из Москвы обратно, встречайте. На этот раз они выехали в четыре утра, оставили автомобиль у переезда, а сами снова подошли вплотную к железнодорожному полотну.

Застучали колеса, поплыли мимо вагоны. Наконец, вот он, желанный миг — из окна вылетел пакет, упал на скат насыпи. Кинулись к нему, оцупали — не лопнул? Цеп! Озираясь, побежали в лесополосу. Ковырнули ногами землю, зарыли пакет, прикрыв место прошлогодней листвой. Ветку сломали — для ориентира. Еще раз осмотрелись — нет, чужих глаз не видно. И бегом к переезду. Сели в автомобиль, погнали на соседнюю станцию Урбах — там останавливался поезд "Москва-Душанбе", там и встретили тех, кто выбросил из окна пакет. И — снова в Энгельс.

Пили чай, отдыхали, радовались удаче — Алексей и его гости из Таджикистана — Мирзоев Намар (он же Рустам), Абдулаев Шамсудин (Шамс), Рахимов Давлятал (Давлят). Но неспокойно им было: в лесополосе, в неглубокой ямке лежал пакет с грязновато-серым порошком, весом в 840 граммов и ценой 20 тысяч долларов. Вдруг кто-то наткнется? И Алексей не выдержал — вызвал

танси. Поехали. Нашли сломанную ветну. Извлекли пакет. Вернулись.

Только после этого напряжение спало — драгоценный порошок был при них, можно сказать — целое состояние. Надо его поделить. Стали взвешивать на аптечных весах. Результаты записывали на обрывке белой бумаги, обозначив себя буквами. Напротив каждой — то количество граммов героина, денежный эквивалент которого каждый должен получить как заработок. Выходило очень даже неплохо.

В счет будущей выручки Алексей выплатил таджинским поставщикам аванс, отсчитав 5 тысяч долларов. Теперь нужно было реализовать добычу, и Алексей, отсыпав 100 граммов героина, расфасовал его в 5 пакетиков — "чеки". Где и кому продавать "чеки", Алексей знал хорошо — он был внештатным сотрудником отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ОБНОН) саратовской областной милиции.

В тюрьму — ради отчетности

О том, что "товар прибыл", Алексей на следующий же день сообщил своему наставнику — майору милиции Павлу Емельянову. Павел Юрьевич, 32-летний заместитель начальника областного Саратовского ОБНОНа, тут же позвонил другому внештатнику — Абиеву (фамилия изменена). Проинструктировал: "Немедленно найди покупателей".

Если бы задумывалась просто продажа... Нет, Емельянов сочинил сценарий посложнее: решил не только реализовать первые 60 граммов, выручив 15 тысяч руб-

лей (из которых Аленсею Ниселеву обещал отдать 12, а себе оставить 3), но еще и задержать потом покупателей, отразив этот факт в отчетности. Надо же порадовать руководство служебными успехами.

Абиев, обычно выполнявший самые деликатные поручения Павла Юрьевича, на этот раз спасовал: слишком уж подлым показался ему такой способ — не только спровоцировать наркоманов (в большинстве своем безвольных людей), не только отнаться у них деньги, но еще и в тюрьму посадить. Но и отказаться от поручения Абиев не мог — у предусмотрительного Емельянова на него был собран кое-какой компромат, перечень грешков, не таких уж и страшных, но обещающих ощутимые неприятности.

Заметался Абиев. И так, и эдак прикидывал — ничего не получалось. Ну, допустим, сдаст он Емельянову двух лохов, предварительно выпотрошив их кошельки, но Пал Юрьич-то на них не остановится, потребует следующие жертвы. И он, Абиев, будет их палачом. "Палач по вызову" — такой о нем потом пойдет разговор в местах, где отбывают наркоманы свой срок, откуда слух о его "теневой" профессии однажды непременно дойдет до Саратова. И тогда не миновать ему кровавой разборки.

И Абиев решился: как-то, проходя мимо известного в Саратове "серого дома", где располагается областное Управление ФСБ, позирившись, юркнул в дверь. Его там с большим интересом выслушали. Пообещали защиту и помощь. И тут же представили двух сотрудников, которые готовы сыг-

рать роль лохов. Обоим в кассе их ведомства немедленно выдали 15 тысяч рублей, номера купюр тут же переписали, и обнадеженный Абиев, снабженный портативным диктофоном для записи разговоров с Емельяновым, позвонил Павлу Юрьевичу, доложив: "Покупатели готовы".

...Я рассказываю эту историю, а сам ловлю себя на мысли о том, как же похожа она на заурядный развлекательно-криминальный детектив, какие сейчас без конца мельтешат на телеэкране. Но на экране актеры в меру своего таланта лишь изображают эту странную для обывателей жизнь преступников и их преследователей, после съемок же переодеваются, снимают грим и едут домой ужинать. А участников саратовской истории в финале ждал отнюдь не домашний уют — автозак и тюрьма. Не понарошку, нет. "В натуре", — как сказали бы наши отечественные бандиты.

Тайник за отопительной батареей

Свою специальную операцию Емельянов готовил тщательно: вызвав Абиева, посадил в автомобиль, привез к сиверу имени Борцов революции 1905 года, показал, возле какой скамейки он должен встретиться с покупателями, и куда, взяв у них деньги, отнести их, чтобы потом передать героин.

В тот же сивер он послал и трех штатных сотрудников ОБНУ. На рекогносцировку, велел им готовиться к захвату преступников. Подготовку к операции, как это положено, ни в одном из документов своего отдела он, разуме-

ется, не отразил. Своему непосредственному начальнику тоже не сказал ни слова, решив, что потом объяснит все "внезапно возникшей необходимостью".

Затем Павел Юрьевич отправился на другой берег Волги — в Энгельс, там, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, его ждал Алексей Ниселев с 60 граммами героина, аккуратно упакowanными в пачку из-под сигарет "Золотая Ява". Емельянов заглянул в пачку, убедился — *товар на месте*, и, велел готовить следующую упановку, надал газу: шел восьмой час вечера, до начала операции оставалось минут тридцать, а на мосту через Волгу в это время — час пик, движение затруднено.

Но Емельянов машину водил хорошо и к сиверу приехал вовремя. Трое его сотрудников в штатском, не подозревавших, в какую историю втянуты, уже были там: нурили у киоска, поглядывая по сторонам. Вечер был теплый, гуляющих много, попробуй угадай среди них еще с десятком человек в штатском, тоже готовых к "захвату". Да и могло ли такое прийти в голову Емельянову, считавшему себя опытным оперативником?

Наконец, появился Абиев — он шел по аллее прогулочным шагом. Приостановился у скамьи, на которой сидели двое. Склонился, прикуривая. Что-то взял у одного из рук. Двинулся дальше. В конце сивера свернул в переулок, вошел в подъезд жилого дома. Там его ждал Емельянов. Взяв пачку денег, уточнил: "Пятнадцать?" — "Без обмана," — кивнул Абиев, беря у майора "Золотую Яву". — "Ну, ни пуха..." — "К черту", — буркнул Абиев, уходя.

Он подошел к скамье, где сидели те двое, склонился, потягивая "Яву". И услышал: "Не двигаться! Милиция!". Но секунду спустя прозвучали другие голоса: "Всем стоять! Федеральная служба безопасности!.." Еще несколько секунд замешательства, мелькнувшие в руках фээсбэшников пистолеты и удостоверения (оружие — в правой, документ — в левой руке), притормозивший у бровки автозак, звон наручников... Емельянова взяли на выходе из подъезда — он тоже сопротивления не оказал. Обошлось без стрельбы.

В тот же день был задержан в Энгельсе и Алексей Ниселев со своими друзьями из Таджикистана. В тайнике за отопительной батареей в момент обыска у него нашли пакет, в котором было 6 660 долларов, аптекарские весы, обрывок белого листа с какими-то записями. А у Мирзоева обнаружили то, что осталось от тех 5 тысяч — 4 150 долларов США.

Эту специальную операцию увенчал суд, который, лишив Емельянова звания майора милиции, отправил его отбывать наказание на 10 лет с конфискацией имущества. Ниселев ушел за решетку на 7 лет, а его таджикские друзья — на 11. На суде, пытаясь хоть как-то оправдаться, Емельянов заявил, будто бы доставленный контрабандой героин ему нужен был не для продажи, а для "оперативных комбинаций" (проще говоря — для провокаций), чтобы выявить и пресечь пути сбыта наркотиков... Его изощренная ложь вызвала улыбки у присутствующих на суде коллег.

Этот фантастический тезис судорожной самозащиты Емельяно-

ва, на мой взгляд, иллюстрирует тревожный процесс: отделы борьбы с незаконным оборотом наркотиков, под предлогом проведения тех самых пресловутых "оперативных комбинаций", становятся структурной частью наркомафии, которая стремительно опутывает своей сетью крупные города России.

...Так драматично закончилась саратовская история. С тем же результатом завершился похожий сюжет и в Ульяновске.

2. ПОХИЩЕНИЕ НА СЛУЖЕБНОМ "ЖИГУЛЕ" Кровоточащее самолюбие

Во всех этих криминальных историях есть одна странность, не сразу мной разгаданная: почему на преступление идут в общем-то опытные и отнюдь не импульсивные оперативники, офицеры милиции при званиях и должностях?.. Обычно преступников, ловко рассчитывающих свои ходы и все же попадающихся, подводит азарт. Здесь же, как и в других похожих историях, никаких признаний азарта. Одна лишь непоколебимая и каная-то наивно-детская уверенность в безнаказанности, даже при совершенно топорном осуществлении преступного замысла. Откуда она, эта нелепая для профессионалов уверенность?

В Ульяновске, как мне кажется, я нашел ответ на свой вопрос... Там главным действующим лицом оказался начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков УВД Ульяновской области Виктор Чугунов, 40 с небольшим лет, обремененный

семьей и живший весьма скромно. Из средств передвижения, например, у него в собственности был отнюдь не "мерседес" и даже не "Жигуль", а скромный "Запорожец".

Я представляю, что он чувствовал, когда в воскресный день, отправляясь с семьей за город на этом пенсионерском транспорте, видел, как лихо обгоняют его на "мерсах" и "ауди" клиенты его отдела — молодые наркоторилеры, кивавшие ему на перекрестках, когда им случалось притормозить на красный свет. А ведь Виктор Геннадьевич был заметным лицом в областной номенклатуре. Нет, его самолюбие не просто уязвлялось — оно кровоточило. В душе у Чугунова вспухал комплекс неполноценности, росла жажда мести всем тем, кто был состоятельнее его, зрело желание лишить их, этих самоуверенных богачей, их состояния, нажитого большей частью несправедливым способом.

Пространство для такой мести у него было. Ведь он конфисковывал у взятых под арест наркоторилеров их вещи, не затрудняя себя даже фиктивным оформлением этих экспроприаций. Так появился у него пейджер Nokia, потом возник музыкальный центр Sony — игрушка эта ему так понравилась, что он не расставался с ней ни на работе, ни дома. Но однажды он решил сыграть по-крупному. Придуманная им "оперативная комбинация" была не слишком сложна, зато, как он полагал, беспроигрышна.

Объяснялся знаками

Чугунов пригласил к себе бывшего своего работника, уволенно-

го из милиции по компрометирующим обстоятельствам — Леонида Н. Поинтересовался, хочет ли тот восстановиться. Леонид хотел. Он мыкался без работы уже больше года, перебиваясь случайными заработками, и потому с надеждой спросил:

— А что надо?

— Поучаствовать в оперативной комбинации, переодевшись в милиционерскую форму. И, возможно, помочь в захвате преступника.

Леонид согласился. В назначенный час Чугунов посадил Леонида в "Запорожец", кивнул на сверток, валявшийся на заднем сиденье: "Переодевайся". Когда тот облачился в форму, Виктор Геннадьевич подъехал к областному УВД и вышел, оставив ключ зажигания. В автомобиль тут же сели двое внештатных сотрудников Чугунова (Александр Ульянов и Александр Щугунов), и "Запорожец", тарахтя, двинулся по назначенному маршруту.

Через четверть часа они оказались неподалеку от коммерческого киоска, которым владел удачливый предприниматель Афлатун Аллахвердиев, и Леонид Н., наклонившись, козырнул:

— Как мне поговорить с Аллахвердиевым? Это вы? Ваш брат Аслан в дорожную аварию попал, тут недалеко. Проедемте, необходима помощь.

Владелец киоска, ошарашенный неожиданной новостью, ринулся за милиционером.

— Здесь, за углом, наша машина, — сказал тот, широко шагая.

Повернули за угол, и тут Афлатун дернулся, увидев автомобиль — милиция на "Запорожце"?

Но было поздно — его уже крепко держали, заводя руки за спину.

— Не вздумай кричать, — предупредили. — В машину, быстро!

Затем ему ткнули в бок пистолетом марки ИЖ, заклеили скотчем глаза и рот, вытряхнули из нармана зажигалку, пачку сигарет и кошелек с двумя тысячами рублей... Но тут хорошо продуманный сценарий вдруг стал разваливаться: автомобиль, рванув с места, заглох. Сидевший за рулем Ульянов хрипло выmaterился, затем, нервно хлопнув дверцей, кинулся к телефону-автомату — звонить Чугунову. Тот, не потеряв самообладания, скомандовал: "Оставайтесь на месте!"

Он подъехал к "Запорожцу" минут через десять на милицейском "жигуле". Не говоря ни слова, распорядился пересадить Аллахвердиева к себе, на заднее сиденье (Ульянов и Щугунов сели по бокам, "чтоб не дернулся"). Леонида К., сделавшего свое дело, отправил домой на общественном транспорте. И, ударив по газам, помчался со своими седонами на улицу Варейкиса, к дому 37, где в 54-й квартире, приговоренной к содержанию заложника, их ждал еще один внештатный сотрудник ОБНОНа — Валерий Саранцев. Пока ехали, Чугунов не проронил ни слова, объясняясь лишь жестами — Аллахвердиев не должен был слышать его голоса. Высадив их у подъезда, он так же быстро умчался.

Хоть шерсти клок

В квартире Саранцева похитители продержали Аллахвердиева, не снимая ленты с глаз, семь суток. Так и в туалет водили. Требовали телефоны всех родственни-

ков — в Бану, Москве, Ульяновске. Он продиктовал, но не сразу. Колебался. Похитители рассчитывали на выкуп в 500 тысяч рублей, и эта сумма казалась ему очень большой.

А тем временем его брат Аслан, расспросив продавцов об обстоятельствах исчезновения брата, написал заявление в милицию. Где и указал номер "жигуля", который в последние дни, по словам работников магазина, часто здесь останавливался. Номер быстро проверили, сказав Аслану: "Ты с ума сошел, да? Это "жигуль" самого Чугунова! Его подозреваешь?" И — возбудили против жалобщика дело о клевете.

Чугунову, разумеется, сообщили об этом, и он, прикинув все "за" и "против", позвонил Ульянову и распорядился выпустить узника. На седьмые сутки, поздним вечером, Афлатуна все с той же лентой на глазах увезли с улицы Варейкиса. Отпускать его просто так было не с руки, нужен был хоть шерсти клок. Сказали: "Ладно, ты вроде мужик неплохой, не надо нам 500, дай пять тысяч". Привезли к дому, где жил один из его родственников, получили деньги. И тут же ринулись в ночной магазин за едой и выпивкой. А потом — на другой берег Волги, к цыганам за анашой.

Дело в том, что все они, не раз судимые, были не только внештатниками Чугунова, а еще и хроническими наркоманами. Составлявшими Чугунову "для отчетной посадки" собратьев по несчастью. Расплачивался Чугунов со своими помощниками "чеками" сырого опия. А за операцию с похищением пообещал им огром-

ную, по их понятиям, сумму — 150 долларов... Не сбылось.

Когда Аллахвердиев вдруг "нашелся", в милиции веселились: "А может, он все эти дни у какой-то женщины пропадал?.." На всякий случай вывалили перед ним кипу фотоснимков личного состава, но Афлатун, сколько ни всматривался в милицейские лица, того, кто выманил его из киоска, не обнаружил. Потому что Леонид К. в милиции не числился. На том расследование и заглохло — ровно на 7 месяцев. До рокового дня, когда нервный Ульянов, добывая средства для покупки наркотинтов, попался на очередной краже и, загремев в СИЗО, в момент жуткой ломки стал рассказывать про похищение торговца. Потому что ему показалось, что следователи уже все про это знают и только ждут чистосердечного признания, чтобы облегчить его жалкую участь... Вот тогда Чугуновым и заинтересовалась областная прокуратура.

...Арестовали Виктора Геннадьевича в одном из кабинетов этой прокуратуры. Его вначале пригласили просто побеседовать — "под видеозапись". Я видел ее. Чугунов был весьма настроен, знал о возобновленном следствии, ждал всяческих неприятностей, только, конечно, не ареста. А тут вдруг за его спиной возникли плечистые люди в штатском, предупреждающе схватили за локти. "Я не взял с собой оружие — ощупайте!" — он поднял руки. Его ощупали. Затем при понятых детально обыскали, заставив снять пиджак и даже разуться. Он сам не раз проводил такие обыски — движения его были заученно быстрыми, почти механически-

ми, только затравленный взгляд (он носился в глазок видеонамеры) выдавал его состояние. Но потом, сев возле следователя Игоря Турутина, читавшего ему текст постановления об аресте, вдруг прикрыл глаза, уронив голову на руку. Устал? Или все то, что происходило с ним, казалось кошмарным сном, и ему хотелось прервать его?

На следующих допросах он уже выглядит адаптированным к новому своему положению: уклоняется от ответов, настырно защищается ("Меня оговаривают"), рассчитывая, что обвинение развалится, не дойдя до суда. В крайнем случае "прикажет долго жить" уже в самом суде, как это водится сейчас сплошь и рядом.

Но ему не повезло. Его дело вели молодые профессионалы (заместитель начальника отдела по расследованию особо важных дел Ульяновской облпрокуратуры Игорь Турутин, следователи-"важняки" Виктор Орехов и Олег Нирасиров, прокурор-криминалист Владислав Анатов), люди азартные и упрямые, убежденные в том, что к преступникам из собственной среды не должно быть никакого снисхождения, иначе рухнет и без того шаткое в нынешней России представление о законе и справедливости... Суд лишил Чугунова свободы на семь лет.

Соблазн быть Богом

При желании понять Чугунова, конечно, можно: озлобленный разницей в материальном положении, чувствуя себя по сравнению с хозяевами иномарок нищим, Чугунов хотел одной "оперативной комбинацией" улучшить

свое благосостояние. (Такой тип людей, как известно, никогда не удовлетворяется уровнем своего благосостояния, всегда ведь найдется другой — повыше! — уровень, а такое сравнение отравляет жизнь...)

Ясно и другое: у него не было сомнений в выборе средств (а выбранное им средство обогащения — захват заложника — типично бандитское). Видимо, потому что в работе нашей милиции в последние годы грань между законностью и беззаконием все чаще стирается — примеров тому тьма.

Но почему он, Чугунов, постоянно общавшийся с наркоманами, не предвидел элементарного — попав в руки опытных сыщиков, они, эти опустившиеся люди, немедленно его, Чугунова, сдадут. Неужели не знал, что сколь податливы они ради дозы на опасную авантюру, столь же быстро ради той же дозы они и сломаются, выдав своего организатора? Не мог ведь он этого не знать? Не мог.

Криминалисты-психологи объяснили мне — тут действовал особый соблазн: наркоманы всем строем своего поведения, своей податливостью словно бы провоцируют склонного к безудержной властности человека на совершенно отчаянные, порой неадекватные поступки. Это иногда граничит с безумием — так увлекает вполне здравомыслящего человека картина полного, абсолютного повиновения группы людей, не-

способных оказать сопротивление чужой воле.

С Чугуновым, видимо, произошло нечто подобное — он так долго повелевал своими внештатными подручными, что почувствовал себя почти Богом. Соблазн быть Богом парализовал рассудок. Как говорится, затмение нашло.

...Я, конечно, далек от романтической идеи исправить положение в сфере борьбы с наркоманией подбором в милицию особо стойких в нравственном отношении людей. Хотя, разумеется, и не отрицаю необходимости производить такой отбор.

Но, думаю, только этого недостаточно. Необходимо что-то менять в самой правоохранительной системе. Известно: каждый год более 10 тысяч работников органов внутренних дел привлекаются к ответственности за нарушение закона. И каждый год число жалоб на нарушение прав человека в деятельности правоохранительных органов растет, приобретая обвальный характер.

Перемены, и перемены решительные, остро необходимы еще и потому, что нынешняя правоохранительная система, по моим наблюдениям, как раз нравственно стойких-то и отбраковывает, вытесняя их. Растит же в своих недрах чудовищ, способных на все. Обратней в погонах. ■

Восхож

или

портрет дирижера на фоне
оркестра

В минувшем году исполнилось 70 лет Большому симфоническому оркестру имени П.И. Чайковского. Более четверти века связаны воедино судьбы этого славного, старейшего творческого коллектива — носителя лучших художественных и просветительских традиций нашей отечественной культуры — и его художественного руководителя и главного дирижера Владимира Федосеева, человека незаурядной, во многом необычной судьбы.

Жанр творческого портрета — вещь особая. Ведь портрет — не зеркало, в нем не отражается, да и не может отражаться все, а лишь самое главное — те черты, которые больше всего раскроют нам этого человека.

Пусть эпиграфом к настоящим запискам послужат строки из дневника последних лет Георгия Васильевича Свиридова. Эти ла-

ноничные, полные загадочной значимости слова он выписал крупно и отчетливо:

**МУЗЫКА КАК ЗАБАВА
МУЗЫКА КАК ПРОФЕССИЯ
МУЗЫКА КАК ИСКУССТВО
МУЗЫКА КАК СУДЬБА**

"Хождение в народ" — истинное свойство русской культуры и,

если хотите, русской души. Может быть, от высоких и благородных порывов русской творческой интеллигенции и веяло подчас наивностью и утопией, но шли они всегда от самого сердца. Это именно они дали жизнь таким великим художественным явлениям, как творчество Глинки и Мусоргского, Толстого и художников-передвижников. И не

только. Неотъемлемой частью русской культурной жизни XIX столетия стали Бесплатная музыкальная школа Балакирева и знаменитые "Русские симфонические концерты", инициатором которых был известный промышленник-меценат Митрофан Беляев, сеть многочисленных хоровых кружков и широкая просветительская деятель-

ность Русского музыкального общества.

Да, искусство несли в народ. Сеяли "разумное, доброе, вечное". И не надо улыбаться скептически, ведь сама жизнь показала: перестанешь сеять — вырастет чертополох...

Хонждение искусства "в народ" продолжалось и после 1917 года, и весьма активно. И, хотя иногда оно принимало весьма специфические, подчас экстремальные формы, признаемся честно: идея "нести искусство в массы" была одним из положительных моментов того времени.

В русле этой доктрины и был создан в 1930 году творческий коллектив, которому суждено было сыграть в истории нашей культуры особую роль — Большой симфонический оркестр Радиомитета. Его искусство в буквальном смысле принадлежало народу, ведь его аудиторией становились миллионы.

Много воды утекло с тех пор. Один за другим сменяли друг друга на посту художественного руководителя и главного дирижера замечательные музыканты; с именем каждого связан свой, неповторимый период в истории Оркестра: Алесандр Орлов, Николай Голованов, Александр Гаун, Геннадий Рождественский, Владимир Федосеев — нынешний руководитель коллектива. Не один раз изменялось название оркестра; в 1993 году ему было присвоено имя П.И. Чайковского; вскоре Оркестр вышел из системы Федеральной службы телевидения и радиовещания...

Изменилось многое. Изменилось само время: оно несло нам новые потрясения и новые трудности. Неизменным осталась сама суть Большого симфонического оркест-

ра. И это могут подтвердить все, кто в последние годы являются слушателями Общедоступного абонемента, который дал возможность за символическую плату посещать концерты Оркестра в Большом зале консерватории всем желающим. Достаточно посмотреть на их лица, достаточно увидеть переполненный зал, чтобы убедиться: Оркестр дарит свое искусство именно тем, кто в нем нуждается.

Этот своеобразный исторический экскурс необходим не просто как предисловие, а как разъяснение к рассказу о том человеке, который уже более четверти века возглавляет Оркестр: Владимир Иванович Федосеев, наш современник, одна из самых значительных и интересных фигур в отечественной культуре наших дней, музыкант с мировым именем и мирового масштаба.

Владимир Федосеев проделал головокружительный творческий путь. Если попытаться представить себе его графически, скорее всего, это будет лестница, ведущая к вершине огромной пирамиды. Есть на ней свои уступы, свои "плато" и "террасы", и состоит она из множества ступеней, которые, наверное, очень непросто, но необходимо преодолеть, если решил совершить свое Восхождение. Насколько близок музыкант к этой вершине — сказать трудно, и это не в умаление его достоинств. Дело в том, что человек этот обладает редким свойством: способностью непрерывного внутреннего роста, постоянного развития и обновления духовных сил. Как правило, способность эта в зрелые годы притупляется: очень немногие со-

храняют дар быть Ученином, в самом высоком смысле этого слова. "Учись всегда, — говорили древние, — сначала у учителей, потом у самой жизни"...

Ощущение "вершины" присутствовало уже десять лет назад. Слушая записи Федосеева десятилетней давности (симфонии Чайковского, Шостаковича), чувствуешь, что это замечательные по своей глубине, по проникновенности в суть музыки интерпретации. Сравниваешь их с нынешним исполнением и понимаешь, что музыкант далек от того, чтобы "почивать на лаврах". Он продолжает свой путь.

Познание жизни бесконечно, и главное — не забывать об этом. Музыкант учится у музыки, потому что музыка — его жизнь.

Сегодня Владимир Федосеев — известный в мире дирижер. Он гастролирует в четырех частях света, руководит двумя выдающимися творческими коллективами — Большим симфоническим оркестром имени Чайковского и Венским симфоническим, является "первым гостевым дирижером" Симфонического оркестра Тонийской филармонии, постоянно выступает с другими крупными оркестрами мира (Лондонским филармоническим, Национальным симфоническим и Филармоническим оркестром Радио Франции, оркестрами Гамбурга, Штутгарта, Франкфурта, Рима, Турина и др.). Он выступал на сценах Ла Скала и Венской оперы, в парижском зале Плейель и лондонском Ройял фестивал-холл, зале венского Музінферайн и Ватинане. Он постоянный участник престижных музыкальных фестивалей мира (Флоренция, Брегенц и др.) Этого дирижера, без сомнения,

можно отнести к мировой музыкальной "элите" современности.

А теперь обратим свой мысленный взор к самому основанию его "пирамиды", к самой первой ее ступени...

Профессия музыканта часто передается по наследству, и в жизненной практике музыкальные династии — не редкость. Дети музыкантов сами становятся музыкантами и, в свою очередь, детей своих стараются выучить музыке. Это во многом облегчает становление в профессии, да и в самой жизни: ребенок с пеленок окружен особой атмосферой музыкального творчества, впитывает ее, усваивает законы этого своеобразного мира. Такому ребенку легче, чем другим; многое в его жизни происходит как бы "само собой"...

Так вот, ничего подобного в начале жизни Владимира Федосеева не было. Мир его детства от музыкальной элиты был бесконечно далек. Трудовая ленинградская семья: дед — пекарь, отец — служащий. Ну, а музыка в семье, все-таки, была всегда: "для души". Первым Володиным музыкальным инструментом стал баян, а первый концерт состоялся в блокадном госпитале.

Дальше — ступенька за ступенькой: музыкальное училище им. Мусоргского, работа в Оркестре русских народных инструментов имени Андреева. Затем — переезд в Москву и учеба в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных.

Музыкальная среда, в которую попал молодой Федосеев, заслуживает особых слов. Многочисленная гильдия музыкантов-народников — солистов, оркестрантов, педагогов,

дирижеров — это совершенно особый художественный мир, твердо очерченный и достаточно замкнутый, со своими творческими интересами, своим репертуаром, своей шкалой ценностей. Много замечательных музыкантов из этого круга вошли в историю нашей отечественной культуры, некоторые получили известность за рубежом. Одна из общих особенностей представителей этого своеобразного мира — редностная, фанатическая преданность своей профессии, музыке вообще, — неважно, солист ли ты

столичной филармонии или руководитель самодеятельности в захолустье. Возможно, потому, что в большинстве своем они пришли в музыку из "любительства", всего добивались сами и оттого так дорожат званием музыканта.

В 1959 году Владимир Федосеев получает престижное предложение: возглавить Оркестр русских народных инструментов Всесоюзного радио. Начинается период его жизни, которого у других, пожалуй, с лихвой хватило бы на целую творческую биографию, да еще с тем,

чтобы войти в историю: с почетными званиями, государственными премиями и упоминаниями в музыкальных справочниках и энциклопедиях... Сказать, что за пятнадцать лет работы с ОРНИ Федосеев проявил себя как незаурядный, тонкий музыкант и хороший организатор — это почти ничего не сказать. Федосеев поднял этот коллектив на совершенно иную, качественно новую ступень. Не просто создал ему имя, а расширил само понятие — оркестр народных инструментов. Это была истинно творческая рабо-

та с серьезным и разнообразным репертуаром (фольклор, романс, классика), с выдающимися солистами (среди них — С. Лемешев, И. Слобцов, А. Эйзен, И. Архипова, Т. Милашкина, В. Левко, В. Иванова, ведущие солисты из бывших союзных республик — В. Норейна, Л. Чкония, Н. Кондратюк, Л. Иманов, Ж. Гейне-Вагнер, известные "народные" исполнители — Л. Зыкина, А. Стрельченко и многие другие); это были поиски новых форм концертной программы и новых жанров радиозфира...

Завершение этой главы творческой биографии Федосеева неожиданно и необычно: он опять садится на ученическую скамью. Очень взрослый человек, известный, признанный музыкант поступает в аспирантуру Московской консерватории по специальности симфоническое дирижирование в класс профессора Лео Гинзбурга. И снова — параллельно с работой — годы учебы, первые опыты работы с симфоническим оркестром. Затем уже не "пробы пера", а более чем серьезные, максимально ответственные выступления — в Большом театре ("Евгений Онегин" Чайковского) и театре оперы и балета им. Кирова ("Царская невеста" Римского-Корсакова), а также заметная и на редкость удачная работа на Радио — постановка "Снегурочки" А. Островского с музыкой П.И. Чайковского. Важным событием, повлиявшим на становление его творческой личности, стали для Владимира Федосеева встречи с Евгением Александровичем Мравинским, человеком-легендой, выдающимся музыкантом XX столетия, и выступления с его знаменитым коллективом — Академическим симфоническим оркестром Ленинградской филармонии. Этот мощный творческий рывок в биографии Федосеева увенчался событием, которое мало назвать важным; мало будет и сказать, что оно делит всю его жизнь пополам: событие это открывает перед ним еще одну, новую жизнь. В 1974 году Владимир Федосеев получает предложение возглавить известный, один из самых крупных в нашей стране творческий коллектив — Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Предложение принято, и —

"отныне и до века" — судьба его связана с судьбой Оркестра.

Профессия "дирижер", в отличие от других, в том числе и музыкальных профессий, не требует массовости. Ведь для всех, рвущихся "к дирижерской палочке", попросту не хватает работы. Поэтому дирижеров на свете вообще не очень много, а хороших дирижеров — очень немного. Очень же хороших дирижеров — единицы. Это суровый закон профессии, действующий по принципу жесткого естественного отбора.

Однако для любого закона существуют исключения, и вот пример.

Не так давно, в обозримом прошлом, в нашей отечественной культурной жизни был довольно длительный период, который, не особенно преувеличивая, можно назвать "золотым венком" дирижерского искусства. 60-е и 70-е годы XX столетия. Те, для кого музыкальная жизнь этого времени — живая реальность, могут гордиться тем, что застали деятельность наших замечательных корифеев А. Мелик-Пашаева, Н. Рахлина, Ниязи, Н. Ярви; они помнят исторические выступления легендарного Мравинского, помнят переполненные залы на концертах маститых Е. Светланова и К. Кондрашина, а также тот неподдельный интерес, который вызывают выступления Г. Рождественского, с его "вкусом" во всему новому и малоизвестному. Уже уверенно заявили о себе талантливые Ю. Темирханов и Д. Нитаенко... Настоящий "парад планет"! А сколько еще молодых, перспективных, многообещающих!

На этом фоне Владимиру Федосееву предстояло создать свое

"творческое пространство", занять свою "художественную нишу", и это было задачей не из легких.

К тому же оркестр, которым предстояло руководить Федосееву, был не вполне обычным: он принадлежал Радио и выполнял, прежде всего, его задачи. Помимо традиционной концертной деятельности, львиная доля времени уделялась работе по созданию Фондов радио, проще говоря — студийной записи. Это была деятельность огромного размаха — и по охвату репертуара, и по количеству вложенного труда, и по результатам: записи произведений русской и европейской классики в исполнении Большого симфонического оркестра составили огромную и важнейшую часть Фонотени Всесоюзного радио — собрания эксклюзивного, богатейшего, не имеющего себе равных в нашей стране до сих пор (судьба ее, увы, более чем печальная, заслуживает отдельного разговора).

В рамках настоящего очерка нет возможности рассказать обо всех трудах и всех перипетиях, о триумфах и буднях, о событиях печальных и радостных, которые выпали на долю оркестра и его руководителя. Поэтому давайте воспользуемся приемом из романов и кинофильмов: прошло четверть века.

Что же происходит сегодня на нашем музыкальном Олимпе, каково сегодня расположение планет и светил?.. Увы, "парад планет" 60-х и 70-х отошел в область легенд и преданий: "иных уж нет, а те — далече"... Не так давно мы прошли через очень трудное время, да и нынешнее "легким" не назовешь. События полутора последних десятилетий изрядно "потрепали" нашу

культуру, и не всё и не все выдержали натиск времени. Может быть, Большой симфонический и его руководитель и были рождены "под счастливой звездой", но, пренебрегая всего, это их личная заслуга в том, что они имели мужество не просто выстоять, сохранить свое лицо, но и, вопреки всему, двигаться вперед, завоевывая новые вершины. Таким и сама судьба сопутствует.

Были за эти годы моменты не просто трудные, но абсолютно экстремальные — когда оркестр изгнали из "родного дома", знаменитой 5-й студии, построенной специально для этого коллектива в Государственном доме радиовещания и звукозаписи, их постоянной репетиционной базы. Были периоды, когда оркестр не имел возможности выезжать на гастроли не только за рубеж, но и по России, а это для творческого коллектива — смерти подобно. Были проблемы и с музыкальными инструментами (ремонт, приобретение), и с нотной библиотекой — да мало ли таких проблем у оркестра, расходы которого покрываются госбюджетом, дай Бог, вполтину... Нашлись, слава Богу, спонсоры, российские меценаты нового поколения. Вот уже восемь лет Большой симфонический оркестр поддерживает нефтяная компания "ЛУКОЙЛ". Ну, а благодарность оркестра — в духе его освященных временем просветительских традиций: концерты перед нефтяниками в Москве и других городах, в том числе и в "глубинке".

Слушателя, особенно если он пытливы, и если тяга его к классическому искусству неподдельна, всегда "манит" заглянуть художнику в самую душу, узнать не только внешние приметы его артистиче-

ской жизни, но и разобраться в сложных метафизических процессах его творческого "я". И чаще всего любопытство наше наталкивается на глухую стену: музыканты не любят раскрывать себя, то, что внутри — "за семью печатями". Таков и Владимир Иванович Федосеев. Он — человек закрытый. При том, что всегда приветлив и редко отказывается поделиться своими творческими планами. Но о сокровенном, внутреннем — ниши. Что же, в сущности, это справедливо. Пожалуйста, слушайте музыку: "желающий услышать — да услышит", желающий понять — поймет.

Заглавное имя в русской музыке — Чайковский. С 1993 года Оркестр носит его имя, и это — большая честь и большая ответственность.

Само это слово для нас более чем символ. Им называют все главное, лучшее, самое-самое: консерватории, театры и оркестры, конкурсы. Для иностранца — это ключ к "загадочной русской душе", как Толстой и Достоевский. Для нас же это понятие генетическое, мы впитали его с молоком матери. Музыка Чайковского окружает нас на протяжении всей жизни. Это часть нас самих, одна из составляющих нашей духовной сущности.

Музыка Чайковского очень "исполняема" во всем мире. Это отрадное явление таит в себе и определенные опасности. Ведь высокая "исполняемость" рождает традиции, а традиции, в свою очередь, влечут за собой традиционность, которая зачастую грозит перейти в исполнительский штамп. Это угрожает тому, кто не в состоянии преодолеть привычности восприятия,

кто не умеет смотреть на хорошо знакомое непредвзято.

Чайковский всегда говорит "от первого лица" и обращается именно к Вам, как к лицу, в высшей степени доверенному. Суть его музыки в эмоциональности и искренности. О первом помнят всегда, а вот второе зачастую как-то ускользает. Эмоциональность без искренности: вот так и рождается чувствительность, ненужный пафос, фальшь... Природа искренности Чайковского как принцип предельной правдивости, обнаженности сердца, души, чувств — это ключ к его творчеству, к сущности его самовыражения, от самых малых его созданий — до огромных симфонических и оперных полотен.

Ощущение цельности, целомудрия, огромной серьезности происходящего не понижает, когда слушаешь музыку великого русского гения в исполнении Большого симфонического имени Чайковского под управлением Владимира Федосеева. В репертуаре оркестра (и невозможно иначе) она представлена во всем своем живом, трепетном многообразии: и программные увертюры, и балетные сюиты, и великие симфонии, от маленькой трогательной "Осенней песни" до потрясающей своей трагической силой "Патетической". Максимальное вживание в интонационную, эмоциональную природу исполняемого, ничего лишнего, ненужного, никакой "литературщины" — предельное доверие самой музыке... Она словно светится изнутри тем глубоким светом любви и приятия всего сущего, который будет сиять всегда, несмотря на все страдания и горечь этой жизни, и даже за ее пределами...

Герой ее силен не тем, что выходит победителем в схватке с си-

лами рона, судьбы. Даже победенный, сломленный физически, он сохраняет свою человеческую суть, не предаёт современников, ценностей души своей и поэтому способен воспарить над миром страданий и зла.

Невозможно забыть концерты, посвященные 25-летию совместной творческой деятельности оркестра и дирижера. Они проходили осенью 1999 года в Большом зале консерватории. В программе тех вечеров звучали три последние симфонии Чайковского: 4-я, 5-я и 6-я — "Патетическая". Это могут подтвердить многие, находившиеся в зале: нас заставили пережить подлинное потрясение. Музыка словно рождалась на глазах, волновала, обращалась к самому сердцу, захватывая целиком и ведя за собой. А в заключение дарила то, что древние называли "катарсис" — очищение через страдания. Это были исполнительские шедевры высочайшей пробы, — неоспоримые и незабываемые.

Среди приоритетов в русском репертуаре В. Федосеева особого внимания заслуживает еще один художник: классик XX века Дмитрий Шостакович.

У этого человека были свои счеты со временем. Музыканту с не самой, может быть, страшной для своего времени судьбой, но с той трагической, по-особому раненой, "потомственной" душой русского интеллигента суждено было стать Совестью своей эпохи.

Уже с начала перестройки на нас буквально хлынул поток разоблачающих публикаций, рассказывающих о скрытом зле, о страшных тайнах эпохи тоталитарного режима — времен не столь давних... Мы

читали, узнавали правду, ужасались.

Но ведь еще раньше, намного раньше нам рассказала обо всем этом музыка Шостаковича. У этого человека был особый дар: видеть и воплощать время в образах олицетворенных существ, сродни монстрам Босха и Гойи. Есть аналог этим "сущностям" и в русском искусстве. Жуткое, скрежещущее стеклом, железом и костями имя Жругр — так зовут у современника Шостаковича, поэта и мыслителя Даниила Андреева в его космогонии "Роза мира" российского демона агрессии и саморазрушения. В недобрые времена, когда нарушается равновесие сил земных и космических, когда теряются духовные точки опоры и перестают действовать законы совести и человечности, вырывается он из недр вселенского подсознания наружу, стараясь все вокруг себя вовлечь в жуткую вакханалию зла. Спасти в такие времена можно только одним способом: затаиться, не предавать свою глубинную суть, не продавать свою совесть, оставаться, несмотря ни на что, самим собой. Только так уберешься от самого страшного и непоправимого: саморазрушения. Шостакович называл это "одиночеством на людях".

Удивительно, но чем больше проходит времени с ухода художника, тем яснее становится для нас смысл того, что он создавал. Воистину — "великое видней на расстоянии"!

Музыка Шостаковича исполнялась много во все времена — и при жизни композитора, и после нее. Памятны масштабные, величественные, полные философской глубины прочтения Мравинского. Вспоминаются интересные, насы-

щенные острым драматизмом интерпретации Кондрашина, напор, гротеск, темперамент — отличающие исполнение Рождественского...

Время меняет многое. Удивительно, но кажется, сегодня мы понимаем музыку Шостаковича глубже и чувствуем ее острее. Мы приблизились к ней, потому что взираем на нее с дистанции в четверть века. На четверть века мы стали мудрее и опытнее, многое передумали, на многие вопросы ответили и задали себе новые...

Шостакович у Федосеева во многом отличается от того, что звучало двадцать пять, тридцать, сорок лет назад. Меньше пафоса, блесна, меньше жесткости и напора. Меньше гротеска. Все внимание — внутрь. То самое "одиночество на людях"... Огромная, мучительная концентрация духовных сил, чтобы выстоять, не позволить вовлечь себя в страшный уничтожающий смерч, не оказаться раздавленным, сохранить свою человеческую сущность. Таким открывается перед нами Шостакович в 5-й, 7-й, 8-й, 10-й симфониях: щемящее и величественное одиночество, свеча в кромешной тьме и Стерегающий ее, охраняющий трепетный свет разума и человечности...

Насколько захватывает таное исполнение, настолько же дает свободу размышлять. Не в этом ли то главное, что притягивает нас в искусстве вообще?.. Думается, что таное прочтение великого классика XX века особенно близко и важно для нас — нынешних.

Георгий Свиридов — еще один автор, занимающий в репертуаре Федосеева особое место. Художник, живший "над временем", же-

лающий говорить только о вечном, непреходящем. Это особый тип сознания, ощущающего единство Времени, Мира и Души... Художник глубоко национальный, идущий независимой от западного искусства тропой, которая берет истоки в отеческой древности, в православной культуре Руси, в соборности самоощущения и созерцательности русской души. Эта тропа мало хожена. Предшественники Свиридова — русские церковные композиторы, Мусоргский... Истоки его языка — духовная музыка и народная песня...

Насколько эти слагаемые творчества Свиридова резонируют с творческой доминантой Владимира Федосеева, можно судить по результатам.

Свиридовские музыкальные иллюстрации к повести Пушкина "Метель" не случайно стали популярнейшим и любимым для российского массового слушателя произведением последней трети XX века. В этой прикладной по своему назначению, написанной для кинофильма музыке Федосеев услышал и дал услышать другим то вечное, сокровенное, что так близко русской душе и может быть выражено двумя короткими словами: поэзия жизни...

Поэзия жизни и, одновременно, ее щемяще горький привкус — и в "Весенней кантате" на слова Нерасова, и в "Маленьком триптихе" для оркестра, и в хоровой Поэме "Памяти Сергея Есенина"... И еще удивительные, свойственные этой музыке сопоставления, раскрытые в исполнении: ощущение широты российской пространственности — и прочной (словно пуповиной!) привязанности к своему истинному месту (рост "вглубь"), ощу-

щение бега времени и неизменности бытия...

Раздумья о чем-то глобальном, главном в бытии человека и мира рождает эта музыка.

И еще одна грань творческого пространства Свиридова: Рена Времени, бегущая стремительно и неотвратимо, вовлекая и нас в свои водовороты и разливы; История — ее сумрачный пафос и величие, в каких бы событиях она не проявлялась... Пожалуй, так можно было бы сформулировать суть федосеевского прочтения "Патетической оратории" — неониданного, пронзительного, ошеломляюще яркого...

Владимира Федосеева долгие годы связывали с Георгием Васильевичем Свиридовым теплые человеческие отношения. Их отсвет и сейчас отражается в том бережном, благородном чувстве, с которым дирижер прикасается к его партитурам...

С самого начала своей деятельности Федосеев проявил себя как незаурядный исполнитель "русист". С годами мастерство росло, и репертуар ширился: Глинка, Чайковский, Бородин и Мусоргский, Римский-Корсаков, классики XX столетия — Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Свиридов... Сегодня это выдающийся, признанный во всем мире исполнитель русской музыки.

Но не только тончайшее понимание и подлинная к ней любовь, не только высокие творческие достижения позволяют говорить о нем как о художнике глубоко национальном (ведь успешен и интересен этот дирижер, особенно в последнее десятилетие, и в западноевропейском репертуаре: Гайдн, Шуберт, Брамс, Вагнер, Брукнер, Малер).

Сейчас речь идет о вещах иного порядка: о самих особенностях склада его творческой природы, его способе мыслить и чувствовать, о его личностном отношении к музыке как к объекту творчества.

Русская философская мысль рубежа XIX и XX столетий (Флоренский, Розанов, Бердяев) много толкует о таком этическом понятии как соборность. Понятие это коренится в русском национальном самосознании и означает способность отдельной личности отдаться общему, большему и, осознавая себя его частицей, "не терять себя", своей суверенности — нести ощущение целого в себе.

Это один из способов познать мир — от пылинки до галактик, — не теряя личности — соединиться с ним. Эта космичность сознания основывается наприятии мира, а не на противопоставлении ему, на человечности, а не на сверхчеловечности.

Отсюда — способность русской культуры ассимилировать: принимать, а не отторгать, и способность русского художника увидеть главное "изнутри".

Этот дар "внутреннего зрения", основанный на единении с тем, что хочешь понять, познать, — одно из удивительных свойств музыканта Владимира Федосеева. Ничего не надо додумывать, ничего не надо навязывать, надо лишь доверить себя музыке, отождествить себя с ней. Как просто! Но простота эта — высшего свойства, открытая лишь тем, кто сумел подняться до нее.

Отсюда покоряющая свежесть, естественность, сила, подлинность в минуты творческого вдохновения. Отсюда и магическая способность "соединить" с музыкой и нас...

Как известно, метафизические рассуждения всегда необходимо подкреплять конкретными примерами, и в качестве танового — лучше не придумаешь — послуנית впечатление совсем недавнее, впечатление яркое и сильное — из тех, что остаются живыми надолго.

В начале апреля нынешнего года музыкальная общественность отмечала "золотой" юбилей события, столь важного для русской культурной жизни в историческом ее масштабе, столь дорогого просто для сердца каждого, кто искренне любит музыку, особенно, если ты москвич: 100-летие Большого зала Московской консерватории. Этот прекрасный, светлый храм музыки строили "всемирно" (вот она — соборность!) — на пожертвования членов царской семьи, меценатов, музыкантов и просто множества людей, из которых некоторые "пожелали остаться неизвестными"... Открытие зала было настоящим праздником: гости съезжались из-за границы, из Петербурга и других российских городов, специально сочинялись музыкальные произведения "на открытие"... И вот, ровно через сто лет — 7 апреля 2001 года — звонкий отголосок того радостного дня, праздник для нас — тех, кто сегодня приходит в Большой зал консерватории, для кого это не просто удовольствие, а часть жизни, неотъемлемая и прекрасная.

Инициаторами вечера и исполнителями были Большой симфонический оркестр имени П.И. Чайковского и его художественный руководитель и главный дирижер Владимир Федосеев. Пришедшие в тот вечер в Большой зал попали не просто на концерт: перед зрителя-

ми разворачивалось театрализованное действо с чтецами — актерами Малого театра Ю. Соломиным и И. Муравьевой. Это была музыкально-литературная композиция, в которой оживали документы того времени, звучал голос той эпохи, воскресали чувства участников тех событий.

Музыкальная программа концерта полностью воспроизводила ту — историческую, столетней давности. Была в ней и "обязательная" для официальных торжеств музыка (Гимн на открытие Большого зала консерватории Ф. Кенемана, Торжественная увертюра А. Рубинштейна), были и ставшие традиционными для таких случаев шедевры русской и западноевропейской музыки (увертюра к "Руслану и Людмиле" Глинки, финал 9-й симфонии Бетховена). А еще были моменты, которые не просто дарили ощущение праздника, но рождали в нас чувство причастности к бесконечному, великому, тому, ради чего и возводился этот храм Музыки.

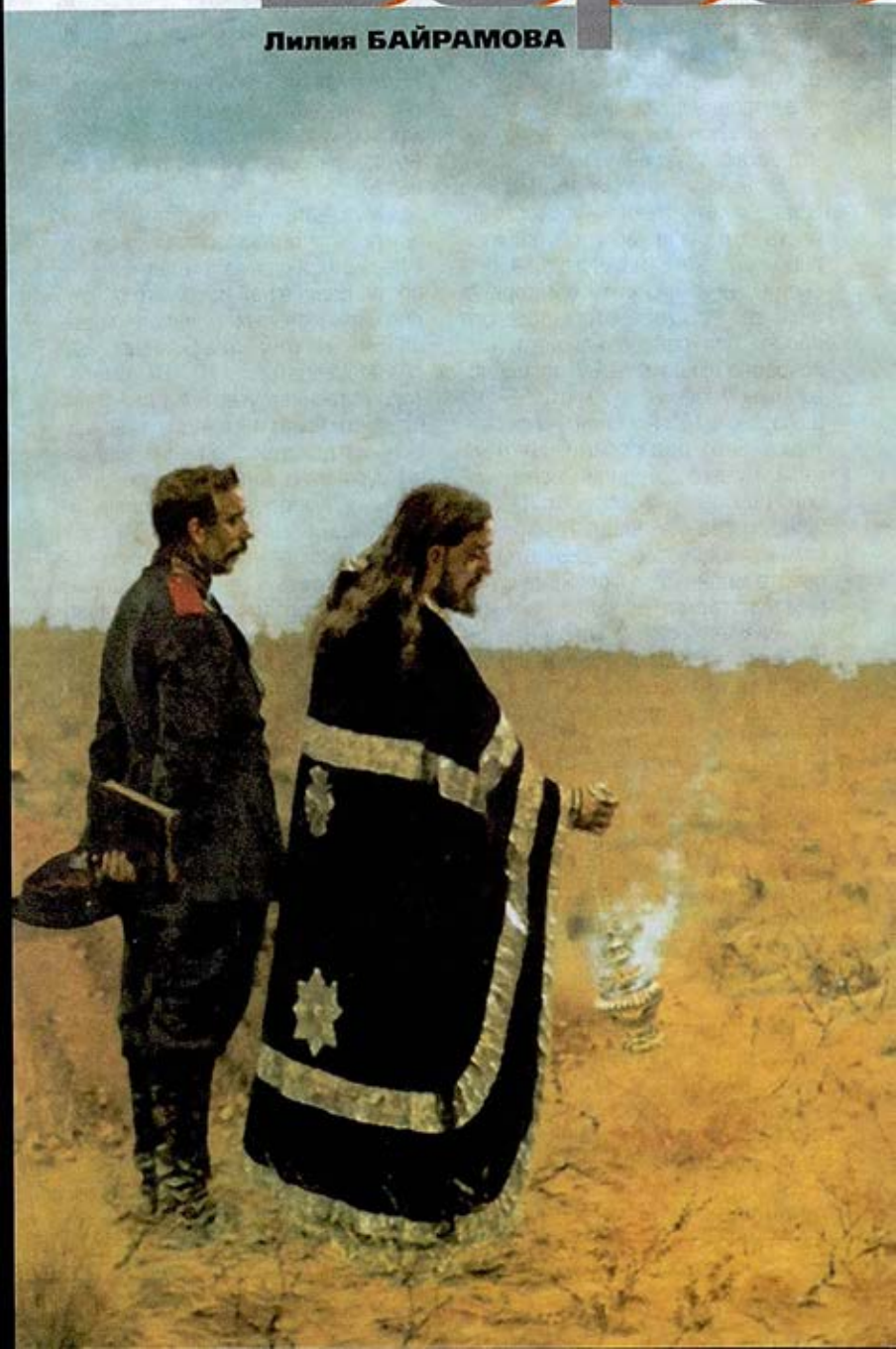
Маленькая оркестровая картинка "В Средней Азии", написанная тонко и прозрачно, как акварель, прозвучала не просто как шедевр звукописи — от нее веяло удивительным благородством, гармонией души и ясностью взгляда на жизнь — прямое попадание в самую суть музыки Бородина.

И фантазия "Франческа да Римини" — погружающая нас в бездны дантова ада и дарящая радость света вечной, неподвластной тлену и смерти любви — мы услышали подлинный, доходящий до самого сердца голос Чайковского.

И было единение с Музыкой: чувство вхождения в мир прекрасный и беспредельный. ■

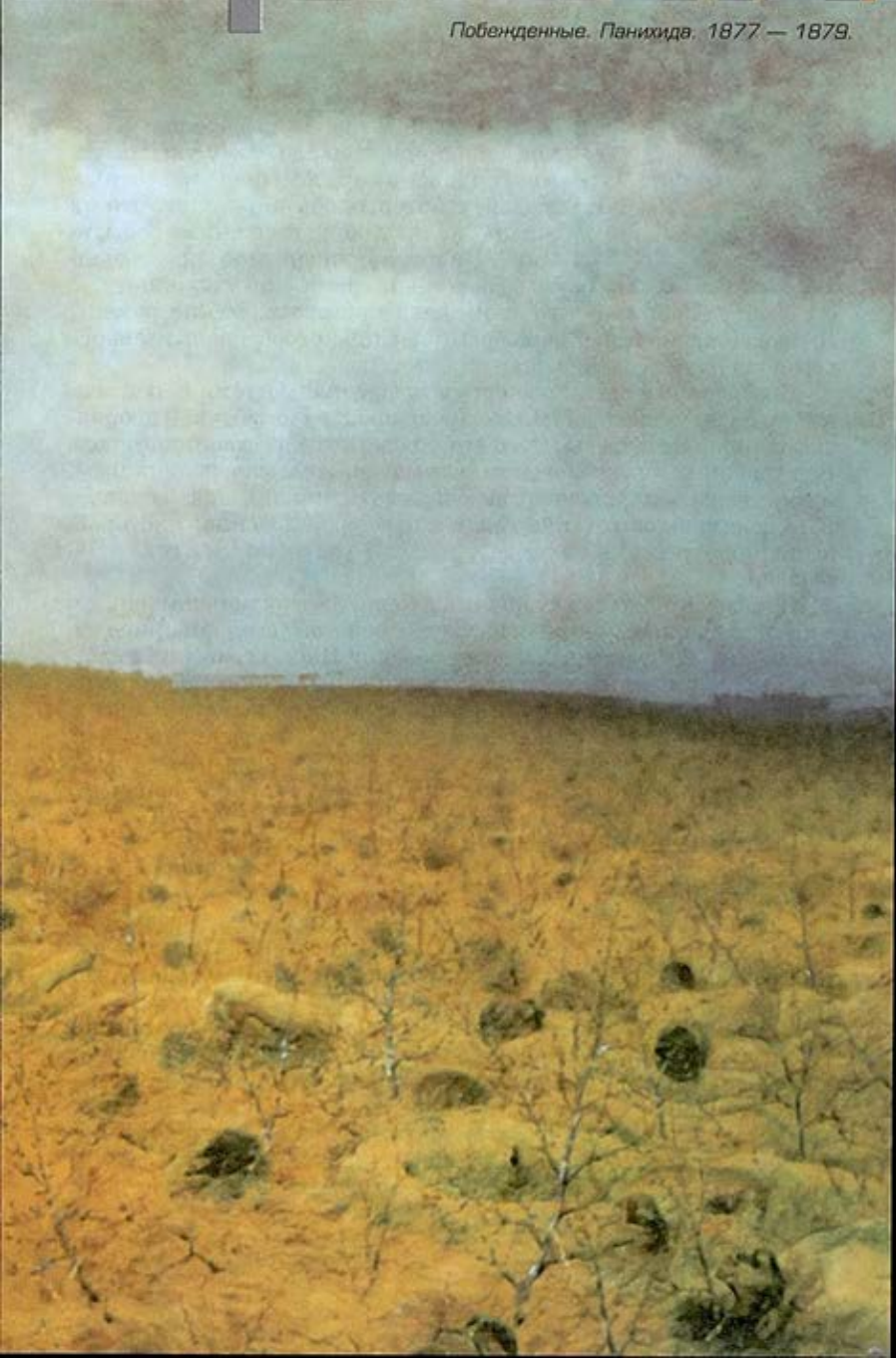
Вере

Лиляя БАЙРАМОВА

ЩАГГИН

Побежденные. Панихида. 1877 — 1879.

В

асилий Васильевич Верещагин никогда не принадлежал к тому унылому и многочисленному племени известных людей, о которых обычно пишут, что их жизнь “не была богата внешними событиями”. Напротив, жизнь этого чрезвычайно беспокойного русского художника уже

с самой ранней юности напоминала приключенческие романы Джека Лондона или Фенимора Купера, в котором роль главного героя исполнял сам Верещагин.

Необыкновенная активность и жизненная энергия Верещагина тем более удивительны, что происходил он из обычной дворянско-помещичьей среды. Отец его, представитель старинного рода Верещагиных, был человеком флегматичным и малоподвижным, любил лежать на диване и перечитывать книжки. Мать отличалась болезненностью и нервным характером. Василий, который был вторым ребенком в семье, родился 14 октября 1842 года в Череповце.

До семи лет детство художника, как и многих помещичьих детей, проходило в имении отца среди лесистой северной природы. В семь лет его отдали в Александровский Царскосельский кадетский корпус для подготовки к поступлению в Морской корпус, куда он и был благополучно принят через тринадцать месяцев. Однообразная и замкнутая жизнь в казарме, с ее ранними подъемами, военной дисциплиной, строгим распорядком и грубыми насмешками товарищей, была суровым испытанием для изнеженных дворянских недорослей, но маленький Верещагин уже с детства проявлял свой крепкий и бойцовский характер.

Крайне упорный и самолюбивый, он каждый день вставал в 3-4 часа утра и ложился в 12 ночи, чтобы не уступать своего первенства в классе и по всем, даже трудно дававшимся ему предметам, получал самые высокие баллы. Уже тогда среди шалопаев-одноклассников он выделялся своей гордой неуступчивостью и храбростью.

Здесь же, в Морском корпусе, будущего офицера неожиданно потянуло к искусству. Началось все с обычных уроков рисования, где учителя заметили способного мальчика. А дальше все покатилось по привычной дорожке: Верещагин ходил к учителям домой, старательно перерисовывал подвернувшиеся ему картинки, пока уже в старших, гардемаринских классах, не очутился в Рисовательной школе петербургского Общества поощрения художников.

"В штыки! Ура!" (Атана), 1887 — 1895.

Здесь он настолько серьезно увлекся живописью, что ради своих воскресных занятий отказался даже от почетного для кадета кругосветного плавания. К концу обучения в корпусе он уже твердо решил для себя, что станет художником. Для его родителей это была крайне досадная и неприятная новость. "Брось, Вася, — говорила ему мать, — не оставляй прекрасно начатой службы... Ведь рисование не введет тебя в гостиные, тогда как службой ты откроешь себе доступ повсюду".

И действительно, Верещагин закончил корпус первым учеником, что при его могучем характере и упорстве обещало блестящую службу, однако химеры искусства уже целиком завладели его душой. Весной 1860 года он навсегда распростился с морской карьерой и осенью того же года, несмотря на категорический отказ родителей помогать ему, поступил в Академию художеств.

В Академии он, тем не менее, пробыл недолго. Рутинная мертвечина преподавания и схоластика античных тем очень быстро наскучили ему, и в 1863 году он отправился в кавказское путешествие. Ему захотелось на волю, посмотреть, увидеть собственными глазами незнакомые, дикие и еще малоизведанные края. На Кавказе он прожил больше года, путешествуя свободным художником, делая зарисовки и с любопытством наблюдая местные нравы. Ногайские степи, калмыцкие кочевья, величественное Дарьяльское ущелье, грузинские и армянские селения — что только не прошло за это время перед его пытливыми глазами. Около полугода, чтобы подзаработать, он даже учительствовал в нескольких тифлиссских школах.

Возвратившись в Петербург, он напрямик направляется в Париж, чтобы продолжить свое художественное образование. Здесь сходитя с очень известным художником-академиком Жеромом, показывает ему свои кавказские зарисовки и довольно легко попадает во французскую Академию художеств. И опять ему не сидится на месте. Каждый теплый сезон уезжает в долгие путешествия. В первый раз его путь лежал из Парижа, через Зальцбург, Вену, по Дунаю на пароходе и опять на его любимый Кавказ.

Тяга к путешествиям и к живой, неприкрашенной жизни вынудила его, в конце концов, оставить через три года Парижскую академию и попроситься в художники к генералу К.П.Кауфману, только что назначенному генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. Это новое долгое путешествие, которое 24-летний Верещагин предпринял один, было полно самых разнообразных приключений и действительных, а не мнимых, опасностей. В полном одиночестве он пробирался по диким голым степям и пескам Каракумов, через зеленые долины Сырдарьи и ночевал в кибитках диких казахов и киргизов. Однажды ночью, отдыхая в какой-то деревушке под деревом, он попал в землетрясение, в другом месте — в сильный ураган.

Однако самое серьезное испытание ждало Верещагина впереди. Он принял участие в одном из самых жестоких, кровопролит-

Смертельно раненый. 1873.

ных и рискованных сражений за всю свою жизнь. Это произошло в Самарканде, когда крепость, в которой укрылось около шестисот русских людей, окружило громадное и озверевшее ханское войско. Силы были настолько неравны, что результат сражения был почти предрешен, если бы не героическое сопротивление ничтожной кучки русских солдат. Верещагин с первого же часа дрался вместе со всеми. Казалось, он не ведает страха и всегда оказывается в самых опасных и рискованных точках.

В конце концов, узнав о поражении войск эмира на Зерабулакских высотах, осаждавшие оставили крепость и ушли. Верещагину же — первому из всего гарнизона — за проявленную отвагу и храбрость присудили Георгиевский крест.

Итогом первой туркестанской поездки стала персональная выставка в Петербурге и четыре полотна, два из которых изображают очень характерные и довольно любопытные азиатские сценки: "Опиумеды" и "Бача и его поклонники". Верещагин достаточно насмотрелся в Ташкенте несчастных нищих бродяжек и попрошайек, единственной радостью которых и утешением являлось поедание опиума.

Устроив выставку в Петербурге и поразив северных жителей экзотикой далекого юга, Верещагин снова рвется под палящие лучи туркестанского солнца. Кажется, он больше не в состоянии сидеть просто на месте, он навсегда отравлен бациллой странствий, и для нормального, здорового существования ему обязательно нужен простор, свежий ветер, новые впечатления и постоянное ощущение риска и опасности.

И снова, позабыв все на свете, он, как нарочно, бродит по каким-то диким и нехоженым местам, заглядывает в самые дальние и потаенные уголки и ищет на свою голову приключений. На этот раз его экзотическую фигуру с этюдником можно было встретить на границе с Китаем. И, разумеется, и здесь не обходилось без опасных и волнующих приключений. Однажды он увязался за отрядом казаков, совершающих набег на какое-то глухое селение. Казаки уже возвращались назад, когда им путь преградили отряды султана. Завязалась кровавая драка. Китайцы и дунганы окружали казаков, и в какой-то момент солдаты не выдержали и побежали. Верещагин бросился наперерез, и только его бобровая шапка спасла его голову от страшного и смертельного удара пики. "Как только я не поседел тут", — вспоминал позднее художник...

Вернувшись в Европу и осев на время в Мюнхене, Верещагин попытался осмыслить свои туркестанские впечатления и всего за три года интенсивной работы написал громадное количество полотен, которые сразу создали ему европейское имя. Это теперь всем известные — "Двери Тамерлана", "Продажа ребенка-невольника", большая серия картин "Варвары", которую сам художник называл "героической поэмой", и другие популярные вещи. В "Варварах" Верещагин, словно предвосхищая возникновение кинематографа, попытался оторваться от статики отдельной карти-

Двери Тимура (Гамберлана). 1871 — 1872.

ны и показать развитие событий, шаг за шагом, во времени. Таким образом зритель имел возможность как бы покрупно проследить весь ход военной операции — от ее начала (“Высматривают”) и до трагического завершения — “Торжествуют” и “Апофеоз войны”. Верещагину настолько понравился метод серийного написания картин, что впоследствии он часто писал именно таким способом.

Любопытен также метод работы художника над своими картинами. Будучи предельно пунктуальным и добросовестным в передаче зримых впечатлений, он нанял себе в пригороде Мюнхена мастерскую с навесом, которая позволяла писать натурщика, по-

стоянно освещенного солнцем. Именно поэтому все его большие картины производят впечатление списанных с натуры, так реально и достоверно в них передано ощущение жаркого азиатского солнца.

Вообще же документальная точность и внешняя правдивость были его главным принципом. Именно поэтому он всегда лез в самое пекло событий, чтобы самому почувствовать и пережить все то, что чувствуют и переживают его герои. Однако, стремясь исключительно к внешней правде, Верещагин никогда не был поэтом, то есть никогда не увлекался чисто живописной и красочной стороной происходящего, но, с другой стороны, не пытался проникнуть и в самую суть и глубь явлений, осмыслить природу человека. Именно поэтом все его батальные и военные картины при всех изображенных на них ужасах, особенно в сравнении со знаменитыми военными циклами Гойи, производят впечатление простых банальностей. "Война — это ужасно", вот единственная и главная мысль, которую из картины в картину повторяет художник.

Тем не менее при жизни Верещагина его картины пользовались огромной популярностью. Он любил и умел устраивать свои персональные выставки, тратя на это колоссальные средства. Специально декорировал залы бордовым бархатом, умело освещал картины, раскладывал коллекции разных экзотических восточных предметов и даже иногда приглашал музыкантов играть перед своими картинами. Поэтому для зрителей, где бы ни проходили выставки художника — в Лондоне или в Вене, в Петербурге или Мюнхене, а он очень любил вывозить свои картины за рубеж и демонстрировать их повсюду, они всегда становились событием, собиравшим массу народа. Тем более, что Верещагин очень демократично относился к зрителю и всегда требовал максимально снижать плату за вход на выставку. Так что иногда на его военные "ужасы" и разные восточные диковинки приходили глядеть не только красивые, чистые дамы и важные генералы, но и вполне простонародная и грубая публика.

Разделавшись с громадной туркестанской серией, то есть показав ее в Лондоне и Петербурге и вполне успешно распродав, Верещагин замыслил новое большое путешествие. На сей раз путь его лежал в далекую и загадочную Индию. За два года пребывания в Индии он исходил, излазил, изъездил — на поезде, пароходе, лошади, пони и быках — тысячи километров. Ему приходилось тонуть, задыхаться от тропической жары, отбиваться от диких хищников, мерзнуть и умирать от тропической лихорадки.

Впечатления от этой незабываемой поездки отлились, как и всегда у Верещагина, во множество этюдов и картин, с документальной точностью рисующих быт, нравы, архитектуру и историю Индии. Все, что видел художник в Индии, все, чем восхищался и что привлекало его внимание, проходит и перед глазами изумленного зрителя. Знаменитый мавзолей Тадж-Махал, пере-

Афганец. 1869 — 1870.

возка соли на яках, ледники, мечети, процессия слонов, красивые всадники в национальных костюмах — все это навсегда осталось зафиксированным благодаря невероятной дотошности и любознательности Верещагина.

Для удобства работы над большими полотнами художник соорудил под Парижем огромную мастерскую. Это была самая большая мастерская в Европе. Она состояла из двух помещений: зимнего, длиною в 25 метров, и круглого летнего, которое с помощью рельс вращалось, чтобы художник имел возможность работать на солнце. Верещагин уже начал осуществлять задуманную им серию больших картин по Индии, когда до него дошла тревожная весть о начале русско-турецкой кампании. И, разумеется, автор знаменитого "Апофеоза войны" не мог усидеть на месте.

В апреле 1877 года он выехал в действующую армию, где был причислен к составу адъютантов главнокомандующего, без права на казенное содержание, что давало ему свободу и независимость. Эта чрезвычайно популярная в те годы освободительная война стала, пожалуй, главным подвигом и делом жизни Верещагина. С невероятной энергией и какой-то изумляющей смелостью он с самого начала рвется в горячие точки, чтобы, словно военный корреспондент, увидеть и зафиксировать правду и закулисы.

Едва прибыв в армию, он помчался на берег Дуная, где турки обстреливали румынские суда, чтобы самому вблизи наблюдать разрывы снарядов. Это было очень небезопасное занятие. Но и этого было мало художнику: ему не терпелось самому поучаствовать в боевом задании. На борту миноноски "Шутка" он отправляется минировать фарватер Дуная. Турки нещадно обстреливали маленькую миноноску, и она долго болталась на воде, как поплавок, пока ее пробитые борта и днище не дали течь. Верещагина ранили в бою в бедро, что не мешало ему перестреливаться с турками. Наконец миноноска каким-то чудом выкарабкалась из боя, а отважный художник самостоятельно добрался до ближайшего дома.

Поначалу рана показалась ему неопасной, но чем дальше, тем больше она болела. Пришлось художнику лечиться в бухарестский госпиталь, где скоро выяснилось, что злосчастная пуля затащила в рану частицы одежды, и началось загноение. Художник страдал отчаянными болями, и его пришлось колоть морфием. Положение Верещагина было настолько серьезным, что он написал завещание и как-то в присутствии врача даже не выдержал и разрыдался. В конце концов, когда едва уже не началась гангрена, врачи решились на операцию, и ослабевший художник пошел на поправку.

Выписавшись, он снова помчался туда, где было опасно, где стреляли, убивали и мучили мирных жителей. С невероятной дотошностью он ходил и лазил по дорогам войны, вглядываясь в лица осиротевших детей, убитых женщин, измученных и израненных солдат. Казалось, что его послал сам Бог, чтобы он донес лю-

дям правду об этом испепеляющем ужасе. Вместе с генералом Скобелевым он переходил зимой через Балканы, хладнокровно делал зарисовки во время жестоких боев и заносил в свой походный альбом десятки изуродованных трупов богатырей-гвардейцев.

Один его современник вспоминал: "Василий Васильевич до вечерней зари каждый день работал там, рисуя с натуры картины, полные нечеловеческого ужаса. Я удивлялся и тогда, до какой степени поднялись нервы у Верещагина... Он не только рисовал — он собирал и свозил с полей целые груды пропитанного кровью тряпья, обломки оружия, мундиры турецких солдат. Все это могло понадобиться ему для его будущих батальных полотен".

Итогом его наблюдений и сложного военного опыта стали знаменитые картины. Вот его хрестоматийный "Скобелев под Шипкой". Храбрый генерал, ставший другом художника, объезжает нескончаемые шеренги солдат. Летят в воздух солдатские шапки, слышны крики "Ура!", всех окрыляет радость победы... Но это где-то там, далеко, на заднем плане картины, а здесь — перед зрителем раскинулись в разнообразных позах замерзшие трупы солдат.

Или его знаменитая "Панихида". Под низким мрачным и темным небом полковой священник отпевает сотни молодых русских солдат, заполнивших собою целое поле. Вот она — жуткая и страшная оборотная сторона победной войны. Именно на таком поле и сам художник разыскивал тело своего погибшего храброго брата...

Разумеется, ни военное руководство, ни высшие власти не могли прийти в восторг от того антивоенного пафоса, который звучал в картинах художника. Больших начальников раздражала независимость Верещагина, его собственное мнение, критичность и неподатливая честность, с которой он изображал все военные тяготы. И действительно, художник, обладавший очень резким, волевым и самостоятельным характером и никогда не искавший личной выгоды, всегда игнорировал мнение властей и поступал, сообразуясь с высшими принципами. Ту же серию антивоенных картин, которая вызвала такое раздражение в России, он с большим успехом провез по всей Европе.

После окончания балканской серии Верещагин еще раз побывал в Индии, а затем в Палестине. Теперь он замыслил создать "Трилогию казней" и цикл картин на евангельские сюжеты. Увы, ни в живописном, ни в философском смысле эти картины не представляют большого интереса. Собрав, как и всегда, большой этнографический и исторический материал, написав массу этюдов в Индии, России и Палестине, Верещагин не сказал ничего нового ни в "Подавлении индийского восстания англичанами", ни в "Казни заговорщиков в России". Это была все та же бесстрастная констатация неблагополучия общества, обличительство в духе передвижничества.

И в евангельских сюжетах Верещагин оставался вполне на уровне своего позитивистского и грубо материалистического века. Как и большинство художников, его современников, он толковал евангельские образы и притчи очень плоско и в крайне реалистическом духе, что вызывало естественную реакцию отторжения в католических кругах за границей.

В 1887-1888 годах, стосковавшись по России, Верещагин совершает многочисленные поездки по провинциальным российским городам. Теперь вместо экзотических пальм, буддийских храмов и хижин перед его глазами мелькают простые серые избы, старые церкви и русская сказочная старина, а на его этюдах пестрят древние иконостасы и темные интерьеры красивых северных церквей.

Создав всю эту красоту, художник вместе с "Трилогией казней" и палестинскими этюдами везет ее сначала в Париж, а затем и в далекий Нью-Йорк, где устраивает большую выставку. Здесь он, чтобы создать особую атмосферу праздника и искусства, приглашает на выставку молоденькую талантливую пианистку — Лидию Васильевну Андреевскую, которая становится вскоре его женой. С первой, немкой по происхождению, он незадолго до того разошелся.

После очень успешной выставки в Нью-Йорке, которая затем в течение трех лет путешествовала по крупнейшим городам Америки, Верещагин планирует начать работу над новой большой серией, посвященной Отечественной войне 1812 года, и с этой целью возвратиться в Россию и поселиться с семьей под Москвой. Он продает свою роскошную французскую мастерскую Константину Маковскому и строит себе такую же новую, но уже под Москвой.

Отныне его адрес: "Москва. За Серпуховской заставой. Деревня Нижние Котлы". Место глухое и удаленное, но в его выборе сказался весь характер художника. Очень независимому и строгому Верещагину крайне не хотелось, чтобы его беспокоили, и он специально выбрал себе местечко подальше. На высоком берегу Москвы-реки, среди чистых полей он возвел громадные хоромы из могучей сибирской сосны.

Добираться туда из Москвы было крайне неудобно и небезопасно, и художник всегда носил с собой пистолет, а дворник по ночам обходил усадьбу с ружьем. Именно здесь, в громадном помещении зимней мастерской, Верещагин трудился над своей знаменитой серией, куда вошло двадцать полотен. Почти вся история наполеоновского нашествия, начиная с Бородинского сражения и кончая позорным бегством французов из России, с эпическим размахом отражена в монументальном цикле. С этими патристическими работами Верещагин, бывший сам очень умелым и ловким организатором и менеджером собственных выставок, объездил в ту пору едва ли не полмира. И везде выставки художника посещало огромное количество зрителей. Рассказывают, что од-

Дервиши в праздничных нарядах. Ташкент. 1869 — 1870.

нажды в Вене ломившаяся на его выставку толпа разбила все стекла, выломала двери и хлынула в помещение, а администрация страшно перепугалась, как бы не обрушился пол, ибо этажом ниже потолок уже дал трещины.

В конце 1900 года Верещагин, верный себе, съездил на несколько месяцев на Филиппины — увидеть окончание испано-американской войны, (по ее впечатлениям была написана серия из четырех картин об американском военном госпитале), и снова, во второй раз, отправился с большой выставкой в США.

В Америке Верещагин задумал написать еще одну большую картину, изображавшую взятие американцами Сен-Жуанских высот. С этой целью он специально ездил на Кубу, встречался с будущим президентом Америки Теодором Рузвельтом, возглавлявшим штурм этих высот. Картина понравилась американскому зрителю, и ее вместе с другими полотнами предложил выкупить у художника один американский антрепренер. Художник доверился ловкому менеджеру и отдал ему все картины, не заключив договора, после чего тот не заплатил ни ко-

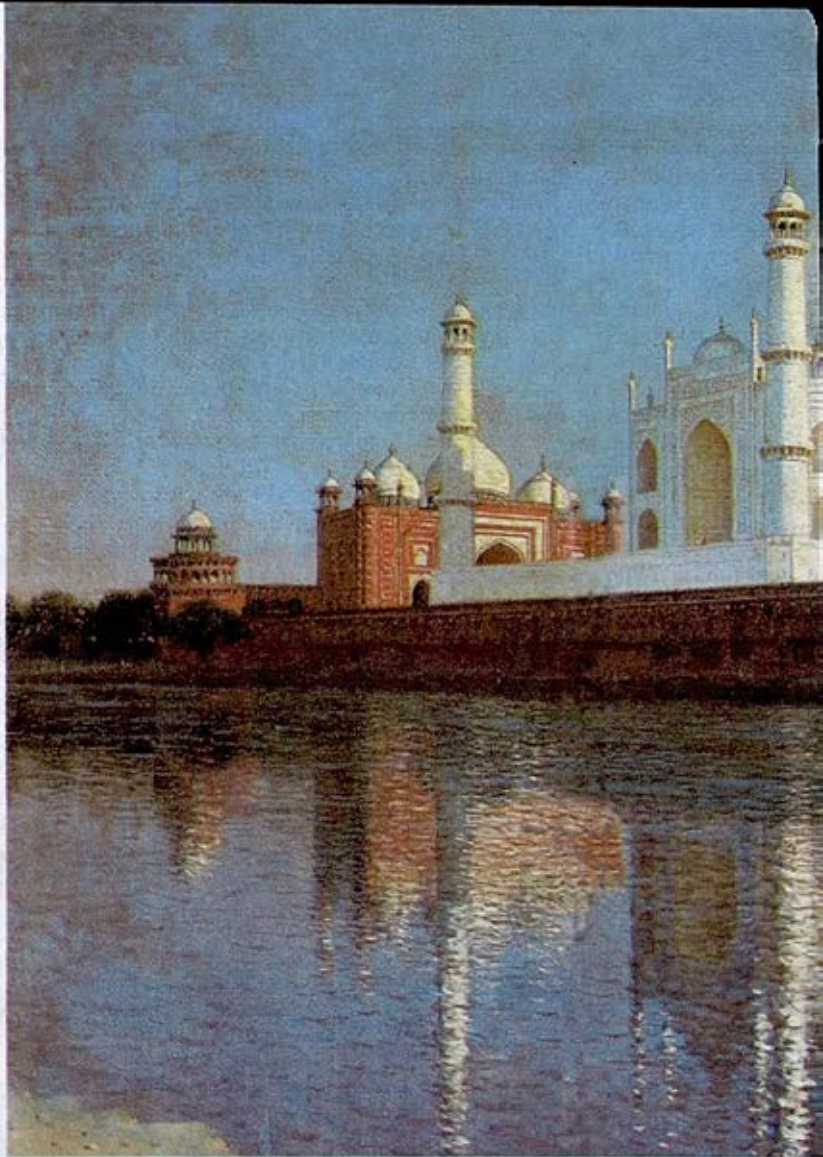
пейки. Это дикое происшествие привело Верещагина на край серьезной финансовой катастрофы. Верещагин писал письма жене с просьбой выслать ему какие-нибудь деньги, но та сама была вся в долгах, и художник заболел нервным расстройством. Спасла положение покупка императорским двором всей серии картин об Отечественной войне 1812 года за 100 тысяч рублей.

Последней экзотической поездкой Верещагина стало путешествие 1903 года в Японию, в страну, которая давно его влекла и интересовала. Трудолюбивое островное государство понравилось Верещагину, и он вывез оттуда, наряду с этюдами, массу симпатичных и редких предметов: старинный фарфор, бронзу, фигурки из слоновой кости и орехового дерева, зонтики, веера и нарядные, расшитые шелком кимоно.

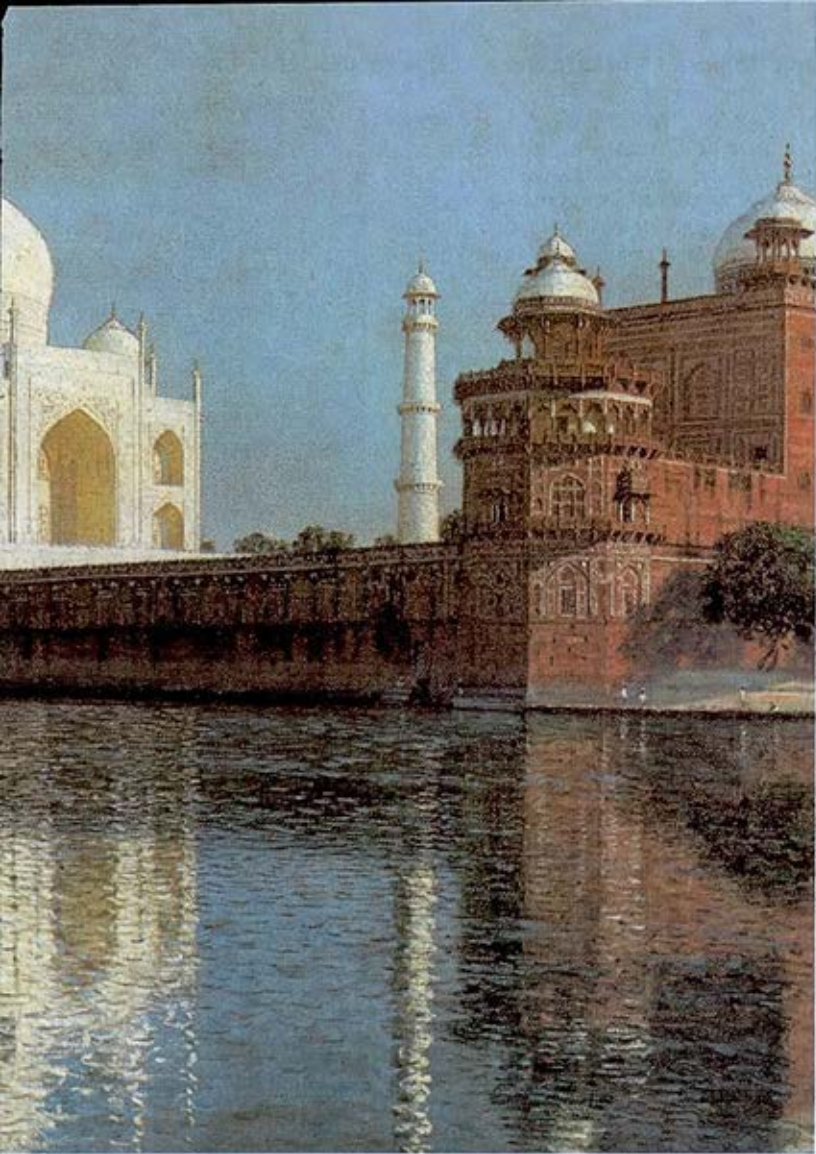
Правда, остаться подольше в Японии Верещагину помешала нескрываемая подготовка к войне, которая очень беспокоила художника. В конце ноября 1903 года он вернулся в Россию, а уже в феврале 1904-го отправился на русско-японскую войну.

Перед Атакой. Под Плевной. 1881.

В Порт-Артуре Верецагин встретился со своим старым знакомцем адмиралом С.О.Макаровым и вместе с ним отправился на броненосце “Петропавловск” к месту недавней гибели миноносца “Страшный” в надежде подобрать оставшихся в живых моряков. Выйдя в открытое море, “Петропавловск” начал перестрелку с противником, а в 9 часов 43 минуты неожиданно наткнулся на поставленные японцами мины. Последовал страшный взрыв, а вслед за ним и другие — это один за другим взрывались торпед-

ный погреб, склад снарядов и паровые котлы броненосца. В течение полутора минут гигантская машина огромного военного корабля скрылась под водой, унося с собой не менее шестисот человек, среди которых были адмирал Макаров и Верещагин.

Последним, кто видел художника на борту, оказался чудом спасшийся капитан, который рассказывал, что всего за несколько минут до взрыва тот спешно что-то рисовал в блокнот: как настоящий солдат, Верещагин героически погиб на своем посту... ■

Многие знаменитые русские писатели жили и творили во Франции: Тургенев, Бунин, Шмелев, Куприн, Тэффи — список известен, его можно продолжить. Гораздо менее известно, что такие знаменитые мастера современной французской литературы как Ален Босне, Натали Соррот, Эльза Триоле, Ромен Гари и Эмиль Ангар имеют русское происхождение. Впрочем, двоих последних следует считать за одного писателя, несмотря на заметную разницу в их творчестве, в стиле и тематике произведений. Потому что и Ромен Гари, и Эмиль Ангар — это псевдонимы одного человека: русского эмигранта Романа Нацева, одного из самых блестящих мистификаторов XX века.

Мать и сын

Само появление в 1914 году Романа Нацева на свет сопровождалось мистификацией: мать утверждала, будто отец мальчика — знаменитейший русский актер Иван Мозжухин. Она и сама была актрисой: никому не известной, хотя и очень красивой актрисой провинциального театра в Вильно. Знакомые вспоминали, что у нее была наготове целая история — с множеством подробностей! — о том, когда и при каких обстоятельствах она познакомилась с Мозжухиным и пала жертвой его рокового обаяния. И все считали: истинная история появления на свет маленького Романа настолько банальна и даже некрасива, что восторженная женщина поспешила сочи-

Иван
Мозжухин

ысшей литературной награды Франции, был выходцем из России.

МИСТИ фи катор

Елена ПРОКОФЬЕВА

Ромен Гари

нить утешительную сказку. Которую и рассказывала тем, кто изъявлял желание ее выслушать. Только вот единственным, кто верил в эту историю, был ее маленький сын. И, возможно, только его вера и имела для нее значение.

Он продолжал верить в историю, рассказанную матерью, до самой своей смерти. И многие его знакомые, не знавшие его мать и слышавшие историю только из его уст, в конце концов тоже уверовали... Потому что повзрослевший Роман Нацев — тогда уже Ромен Гари — был феноменально похож на уже позабытого зрителями Ивана Моззюхина.

Ему было три с половиной года, когда, в 1918 году, его мать покинула объятую пламенем гражданской войны Россию. Она это сделала ради сына. Только ради него. Чтобы он не голодал, ни в чем не нуждался и мог пойти в школу. Чтобы защитить его от безумия, которое творилось вокруг.

Себя она безоговорочно принесла в жертву. Как раз тогда у нее появилась возможность сделать хоть какую-то карьеру на сцене. Уехав во Францию, она поставила на своей карьере крест. Во Франции, в Ницце, переполненной русскими эмигрантами, никому не нужна была безвестная актриса, да еще не знающая французского языка... Конечно, язык со временем она выучила. Но тяжелый физический труд и постоянные лишения убили ее красоту. Да она уже и не видела смысла в том, чтобы вернуться на сцену, она посвятила всю себя сыну и только с ним связывала свои честолюбивые мечты: "Мой сын станет французским посланником, кавалером ордена Почетного легиона, великим актером драмы, Иб-

сеном, Габриеле Д'Аннунцио. Он будет одеваться по-лондонски!"

Для того, чтобы эта мечта осуществилась, мать прилагала сверхъестественные усилия. Она трудилась и даже голодала — лишь бы мальчик учился в самом престижном лицее, носил хорошую одежду и ежедневно получал на ужин кусок великолепного мяса. Из-за этого мяса между матерью и сыном каждый вечер происходила настоящая битва: он хотел разделить мясо пополам, она хотела, чтобы он съел кусок целиком... Мать побеждала, но для сына вкус жареного мяса навсегда был отравлен горечью жертвы, которую она — принесла, а он — принял!

Воплощенные мечты

Роман боготворил мать и первую часть жизни посвятил тому, чтобы осуществить все ее мечты. Он прекрасно учился. Окончил Сорбонну. Получил два диплома: юриста и филолога, специалиста по славянским языкам и литературе. Когда началась война, стал летчиком-истребителем, воевал в Северной Африке и в Европе. Был награжден орденом Почетного легиона как герой французского Сопротивления. И в конце концов стал дипломатом, сотрудником французских посольств сначала в Софии, потом в Берне, а потом и в Лондоне. Все, как она хотела...

Псевдоним "Ромен Гари" он взял, когда начал заниматься литературным трудом. Одному из своих друзей, критику Франсуа Бонди, он так объяснял выбор псевдонима: "По-русски *гари* — это повелительное наклонение глагола *гореть*; от этого приказа я никогда не уклонялся ни в творчестве, ни в жизни". Его первый роман — "Европей-

ское воспитание" — об антифашистском подполье в Польше — вышел в свет в 1945 году и сразу завоевал признание как у читающей публики, так и у критиков. Затем он выпускал по роману едва ли не каждый год, и в каждом романе Ромен Гари поднимал одну из наиболее острых проблем современности и пытался ее проанализировать. Он говорил: "Все мои книги насыщены нашим венком до бешенства". Помимо романов, он писал научные работы по лингвистике и киносценарии, многие из которых были весьма удачно воплощены. А в 1956 году за роман "Норни неба" получил Гонкуровскую премию — главную литературную премию Франции. (Н слову сказать, эта премия никогда не присуждалась одному автору дважды... Ромену Гари предстояло стать первым — и единственным! — автором, нарушившим это правило.)

В тот славный период жизни у него было все: успех, богатство, интересная работа, множество увлечений... Кроме любви. Как и большинство мальчинов, воспитанных одиночками, обожающими их матерями, Ромен Гари относился к женщинам одновременно со страхом и с преклонением. Он любил женщин, восхищался ими — но боялся к ним приближаться.

Он не особенно страдал от этого, пока была жива мать. Но когда она умерла — в его душе образовалась огромная пустота, жаждущая заполнения. А отношение к женщинам не изменилось... Все те же преклонение и страх. Гари пытался заполнить эту пустоту, написав роман "Обещание на рассвете" — в память о матери. Роман вышел в свет, получил признание... А пустота осталась.

Он нуждался в любви и нежности. Он хотел заботиться о ком-то. И чтобы о нем тоже заботились, как когда-то мама! И больше всего на свете он боялся, что об этой его слабости узнают. Отвечая на вопросы корреспондентов о своих пристрастиях, Ромен Гари изо всех сил старался произвести впечатление этаного опытного ловеласа. Говорил, что качество, превыше всего ценимое им в женщине — это чувственность. Говорил, что женщина — его любимый цветок, любимая птица, лучшее украшение жизни... Говорил, что любит всех женщин на свете и всеми интересуется — как писатель.

Но на самом деле он ждал и искал одну-единственную — свою женщину.

Единственная

Единственной женщиной для писателя Ромена Гари стала американская актриса Джин Сиберг.

Красавица Джин была моложе Ромена на 24 года — она годилась ему в дочери! Впервые на экране Джин Сиберг появилась в 1957 году, в фильме Отто Премиджера "Святая Жанна" по пьесе Бернарда Шоу. Режиссер выбрал Джин из восемнадцати тысяч (!) претенденток. Она была — и остается по сей день — самой красивой Жанной Д'Арк из всех, появлявшихся на экране. А их вместе с Сиберг было девять — Рене Фальконетти, Джеральдина Фаррар, Ингрид Бергман, Флоранс Каррез, Инна Чуринова, Сандрин Боннэр, Диди Собески, Милла Йовович... Хотя сам фильм большого успеха не снискал, красота Джин произвела впечатление на зрителей, и студия "Ноламбия пикчерз" поспешила подписать с актрисой многолетний контракт. Впос-

ледствии Джин Сиберг "перекупил" у "Ноламби" Жан-Люк Годар, тогда еще знаменитый французский кино критик, только планировавший стать режиссером. С первого фильма Годара — "На последнем дыхании", снятого в 1959 году, — начался подлинный взлет карьеры как Джин Сиберг, так и Жана-Поля Бельмондо, впервые появившегося перед зрителями именно в этом фильме. "На последнем дыхании" сразу же стал культовым фильмом поколения, а Сиберг и Бельмондо — культовыми актерами. Но Бельмондо сумел удержаться на вершине, а Сиберг — нет. Она снялась еще в нескольких фильмах — тонких, интеллектуальных и дерзких, получивших признание критики и публики, — но повторить успех ей так и не удалось.

Ромен Гари встретил Джин в дни своего пребывания на посту генерального консула Франции в Лос-Анджелесе. Тогда он писал роман "Белая собака" о расовой нетерпимости. Роман изобилует подробностями жизни Голливуда, и Гари много общался с режиссерами и актерами — благо, был уже известен не только как писатель, но и как сценарист. Джин Сиберг ему представили не как актрису, а как белую американку, увлеченную борьбой против расовой нетерпимости. В первую же встречу они проговорили несколько часов подряд. И юная Джин пленила зрелого Гари удивительным сочетанием внешней красоты со страстностью, которой дышали ее речи... Противоречием между наной-то детскостью — сновившей во всем ее облике, светившейся в улыбке и взгляде — и уверенной, агрессивной манерой поведения: Джин Сиберг была убежденной феминист-

ной и доказывала это изо всех сил... Но за короткой стрижкой и внешней раскрепощенностью скрывалась нежная женщина-ребенок, нуждающаяся в заботе и опеке. К тому же Джин вовсе не была умна, и ее наивные рассуждения об обществе и политике забавляли Гари. В общем, он влюбился. Впервые в жизни. И — на всю жизнь.

Они поженились. Уехали во Францию. Затем был фильм Годара. Период экранного успеха Джин. У Гари чуть ли не каждый год выходили новые книги. Они могли бы быть счастливы. Если бы не слабость влюбленного Гари, позволившего своей жене все, подерживавшего ее во всем, не смеявшего ни в чем перечить... Если бы не феминистские убеждения Джин! Если бы не ее увлеченность борьбой за равенство всех народов, в которой она несколько перегнула палку, связавшись с террористической негритянской организацией "Черные пантеры". Джин Сиберг была знакома и даже дружна с лидером "Пантер" Робертом Сейлом. Она помогала им словом и делом: пламенными речами в их защиту и деньгами, которые с безграничной щедростью жертвовала "на борьбу", даже не понимая, что "Черные пантеры" — точно такие же расисты, как и те, против кого она выступала. Что черный расизм очень мало отличается от белого. "Черные пантеры" прославились жестокими расправами над своими политическими противниками, а в конце 60-х годов совершили ряд террористических актов, повлекших человеческие жертвы. Общество подвергало осуждению и обструкции тех, кто поддерживал и спонсировал "Пантер". А особенно — всех их белых сторонников...

В 1970 году эти обстоятельства привели к несчастью, перечеркнувшему благополучие Ромена Гари и Джин Сиберг.

Обманутый судьбою

Ромен Гари мечтал о настоящей семье, где есть дети. А феминистка Джин считала, что дети будут мешать ее свободе, ее карьере и борьбе. Но в 1969 году ей исполнился тридцать один год, и она чувствовала, что карьера ее близится к финалу... Незадолго до этого у них с Гари произошла длительная размолвка, счастливо завершившаяся примирением. Во время примирения, ставшего для них вторым медовым месяцем, Джин забеременела. И решила оставить ребенка. Природа взяла свое — феминистке захотелось стать матерью. Она даже порвала с "Черными пантерами", и со всем пылом, присущим ее натуре, принялась готовиться к появлению на свет ребенка: читала книги по передовым методикам воспитания, покупала чепчики и распашонки. Восемь месяцев ее беременности были счастливейшими в их с Гари семейной жизни. Возможно, для него это было даже важнее, чем для Джин: в 56 лет он впервые должен был стать отцом.

В это время они жили в Лос-Анджелесе. И именно центральная городская газета "Лос-Анджелес Таймс" развернула против Джин Сиберг кампанию, подхваченную популярнейшим еженедельником "Ньюсуик". Журналисты не только припомнили Джин все ее речи в защиту "борьбы черных за свои права". Они пошли дальше и в запале обвинили ее в любовной связи с Робертом Сейлом. Утверждали, что она ждет ребенка от Сейла, а старый муж ей во всем потворствует и

покрывает ее грехи... Но тайное станет явным, когда темноногий малыш появится на свет! Договорились даже до того, что, спонсируя "Черных пантер", Сиберг просто платила красавцу Сейлу за сенсорные услуги!

Видимо, чем-то все это походило на правду, потому что от Джин отвернулись друзья. Никто не поднял голоса в ее защиту. А Гари никто не пожелал слушать: обманутый, смешной муж — что еще остается ему, кроме как пытаться защитить жену-распутницу?! Травля продолжалась несколько недель и завершилась трагедией: от переживаний у Джин произошли преждевременные роды, протенавшие настолько тяжело, что новорожденная девочка, названная Ниной в честь матери Ромена Гари, прожила всего несколько часов, а Джин потеряла возможность когда-либо в будущем иметь детей. Произошедшее сломало антрису, но чтобы прекратить оскорбительные кривотолки, она заказала стеклянный гробик для своей дочери — пусть все увидят, что у ее девочки белая кожа! Вскоре после похорон малышки несчастные супруги навсегда покинули Америку.

Они вернулись во Францию, но уже не смогли вернуться к прежней жизни. Джин так тяжело переживала случившееся, что несколько раз пыталась покончить с собой... Врач прописал ей снотворные и антидепрессанты, и очень скоро она впала в зависимость от таблеток, а потом перешла на более тяжелые наркотики. Гари пытался бороться за нее, неоднократно клал ее в самые лучшие наркологические клиники страны, но всякий раз Джин возвращалась к пагубной привычке. Она снова

включилась в борьбу за права угнетенных, но теперь уже дискриминируемых алжирцев. И, словно бросая вызов журналистам из "Ньюсуик" и "Лос-Анджелес Таймс", стала любовницей одного из алжирских революционеров. Он был моложе ее на восемь лет. И регулярно поставлял ей наркотики.

Семейная жизнь Ромена Гари рухнула. Он по-прежнему любил Джин и, хотя они не жили вместе, она в любой момент могла обрести приют в его доме, чем и пользовалась, когда болела и когда ей хотелось отдохнуть. Джин больше не снималась и Гари полностью содержал ее... И ее, и алжирца, и "их борьбу". Но и его собственная карьера, казалось, была на излете. Его новые книги принимались читателями весьма сдержанно. Новому поколению Ромен Гари представлялся "устаревшим". У публики появились новые кумиры, а его бывшие заслуги оказались позабытыми...

Гари казалось, что судьба обманула его: одарила так щедро, подразнила счастьем... И забрала все подарки назад.

И тогда он решил обмануть судьбу.

Так появился писатель Эмиль Анжар.

Обманувший судьбу

Молодой прозаик Эмиль Анжар прислал рукопись своего первого философского романа "Толстяк" по почте из Бразилии. В парижском издательстве "Галимар" к рукописям неизвестных авторов, да еще пришедшим по почте, относились настороженно. Но роман оказался удачным и его издали. Рецензии критиков были более чем восторженными, и уже следующий роман Анжара — "Жизнь впереди" — был в

1975 году удостоен Гонкуровской премии. Правда, от самой премии Анжар отказался. Равно как и от интервью, и от встреч с читателями. Гонорары ему пересылали почтовыми переводами. Он оказался на редкость необщительным человеком! Но все-таки вскоре досужим журналистам удастся узнать, что за псевдонимом "Эмиль Анжар" скрывается молодой русский эмигрант Поль Павлович, племянник знаменитого писателя Ромена Гари. Мать Павловича когда-то так же, как и мать Гари, бежала из России в Ниццу, где стала ювелиршей, потом разорилась, сошла с ума... И сам Павлович тоже сумасшедший — каждый год по несколько месяцев проводит в психиатрических клиниках. Но это нисколько не влияет на его талант: из-под его пера выходят все новые бестселлеры! В одном из них — "Псевдо" (1976 г) — Павлович-Анжар нарисовал весьма нелюбимый портрет своего знаменитого дядюшки, Ромена Гари...

В конфликте между Гари и Анжаром критики, журналисты и публика становятся на сторону молодого — и более талантливое! — писателя.

Кстати, Гари тоже продолжает творить, но его произведения, хоть и удачны, никак не могут сравниться с великолепными творениями племянника!

И никто из читателей, упивавшихся книгами новомодного гения, никто из критиков, превозносивших его, не догадывался о том, что романы Анжара пишет все тот же Гари! Что Поль Павлович подставное лицо, и правдиво в его истории только то, что он — племянник Гари, психически больной человек! Действительно, трудно было предположить, что один автор за пять лет мог на-

писать семь книг — за себя, еще четыре — за вымышленного автора, а еще сценарии, статьи...

"Моего "я" мне не хватает. Когда я слишком долго остаюсь самим собой, мне становится тесно, меня душит мое "я"... — писал Ромен Гари. Он был странным человеком, как и положено творцу. Он говорил, что его девиз — "Будь что будет!" На вопрос журналиста о том, где он хотел бы жить, — отвечал: "Везде, во всех людях, тысячью жизней одновременно". Он не знал ответа на вопрос: что является для него наивысшим счастьем? Зато самым большим несчастьем назвал — "потерять рукопись только что оконченного романа". Главной чертой своего характера он считал экстремизм, а главным недостатком — нетерпимость. На вопрос одного журналиста "Что вы больше всего ненавидите?" — Ромен Гари ответил: "Трудно сказать, слишком уж большой выбор, но, наверно, скупость и расизм имеют больше всего шансов на первые места". А на вопрос: "Какое из событий войны вы считаете достойным наибольшего восхищения?" — он ответил: "Бегство с поля боя". Его невероятные интервью обсуждала вся Франция! Он говорил, что из всех исторических персонажей больше всего презирает Наполеона, а преклоняется — перед Пушкиным: как перед поэтом, прозаиком и человеком. Любимым литературным персонажем назвал Геккельберри Финна. А единственным даром, которым мечтал бы обладать, — Поной. И уточнил, что надо написать это слово с большой буквы.

Между тем Поля Павловича пригласили работать главным редактором в издательство "Мернюр де Франс", и эта работа принесла ему

больше денег, чем получал Гари в качестве гонораров. Поля Павлович купался в лучах славы. А Гари — почти забытый "живой классик" — чувствовал себя бедным родственником рядом с блестящим молодым "Эмилем Анаром". Соперничество двух писателей становилось все более напряженным. Соперничество Гари с самим собой грозило ему нервным срывом или раздвоением личности...

Ответный удар

Наверное, невозможно обмануть судьбу — и остаться безнаказанным. Ромену Гари судьба нанесла ответный удар в день премьеры фильма, снятого по самому удачному из его сценариев: "Свет женщины". Произошло это 8 сентября 1979 года. В этот день, рано утром, на тротуаре возле его дома неизвестными была припаркована машина, принадлежавшая его жене Джин Сиберг. Она была мертва. Ее тело нашли на полу между передним и задним сиденьями, в неестественной позе... Она не могла сама так туда лечь — ее туда закинули. Она была мертва уже несколько дней. Началось расследование смерти Джин Сиберг — вначале это было расследование убийства, были и подозреваемые, полиция вышла на ее друзей-алжирцев... И вдруг — неожиданный вердикт: смерть от передозировки барбитуратов, самоубийство или несчастный случай. Правда, в то время происходили серьезные волнения в Алжире, один за другим шли политические процессы. Наверное, не захотели еще одного, к тому же отягощенного убийством. И

дело было закрыто — несмотря на шумиху, поднятую журналистами.

Назалось, Ромен Гари без особой горечи пережил смерть своей жены. Многие знакомые удивлялись его спокойствию: ведь он так сильно любил Джин! Другие считали, напротив, что это неудивительно, ведь по сути он потерял ее уже очень давно...

Чуть больше года спустя и те, и другие поняли, как сильно заблуждались: Гари не переставал любить свою жену и вовсе не пережил ее смерть так спокойно, как всем казалось. Он вообще не пережил ее смерть. За месяцы, прошедшие с ее гибели, он просто завершал все свои дела.

Ромен Гари застрелился 2 декабря 1980 года. В предсмертной записке он написал: "Можно объяснить все нервной депрессией. Но в таком случае следует иметь в виду, что она длится с тех пор, как я стал взрослым человеком, и что именно она помогла мне достойно заниматься литературным ремеслом". Странно, но именно в последний год своей жизни, в каком-то очередном интервью, отвечая на вопрос журналиста: "Как бы вы хотели умереть?" — Гари с деланным негодованием воскликнул: "Вы издеваетесь? Никан!"

Правду о себе — и об Эмиле Анжаре — он рассказал в книге, которую написал в последний год жизни и которая, согласно завещанию, должна была выйти в свет через год после его смерти. "Меня изгнали из моих владений. В созданном мною мире поселился другой. Материализовавшись, Анжар положил конец моему призрачному существованию в нем. Превратность судьбы: моя же мечта обернулась против меня".

Вслед за "Жизнью и смертью Эмиля Анжара" вышла в свет книга, написанная самим Полем Павловичем: "Человек, которому верили". В ней племянник разоблачил все то, что дядя пытался скрыть даже после смерти.

И уже после этого один из выпусков популярной телевизионной передачи "Апостроф" был целиком посвящен феномену Гари-Анжара. Собравшись в студии, знаменитые литераторы и психологи высказывали мнения по данному вопросу. Например, критик Франсуа Бонди предположил, что целью мистификации было сломать стену читательского равнодушия и безразличия: Гари был до глубины души возмущен тем, что одно из его произведений дважды вышло под двумя разными названиями, и никто этого даже не заметил... Прозаик Мишель Турнье заявил: "Меня восхищает удача Гари. Он играл до конца. Думаю, что самоубийство с этой историей связано. А книги Эмиля Анжара превосходны: Ромен Гари превзошел самого себя. Конечно, это мошенничество; но ведь мошенничество — это свойство художественной литературы: писатель непременно сочиняет и персонажей, и самого себя". А доктор Мантель, профессор психиатрии, назвал Ромена Гари "серьезным прозаиком", тогда как Эмиль Анжар являлся, по его мнению, "по-настоящему великим писателем". И завершил этот диспут критик Ги Дюмор словами: "Можно полагать, что Эмиля Анжара запомнят лучше, чем Ромена Гари".

История поназет, был ли он прав... Вполне возможно, что запомнят не Гари и не Анжара, а сам факт блестящей мистификации: то, что Гари был Эмилем Анжаром, а Анжар был Роменом Гари!

Сергей КАРАТОВ

ОТРЕШЕННОСТЬ

Слова и музыка мажорны
навек бессменного певца...
И мы, по-юношески вздорны,
свои вставляем голоса.

И есть желанье сдвинуть что-то,
и строить планы на весну,
чтоб запустить с пол-оборота
свою модель в голубизну.

Меня были-небылицы
на сувениры дальних стран,
приоткрывал свою страницу
и занимал телеэкран.

И кто-то вправе прицениться,
входя в торговые ряды...
То дней счастливых вереница,
трудов созревшие плоды.

А время, возвратясь с починки,
едва ль теперь замедлит ход.
Стекаются дела-песчинки
со всех просторов и широт.

Они провалятся в воронку
пустой, безумной суеты.
И, как бы отойдя в сторонку,
на все с усмешкой смотришь ты.

* * *

Пронзит ли метеор ночное небо,
стрекозка ли замрет на полавке —
дается нам на миг

земная нега,
Пришедшим и ушедшим налегке.

Виктор ПРЕНИН

Брызги шампанск

ОГО

Нас было много на челне.

Иные парус напрягали, иные просто умирали. Их, вернее, убирала. Чтоб не мешали. А они мешали — своим существованием. Не выдерживали схваток с собственными слабостями, милыми такими недостатками — недержание слова, недержание языка, недержание денег. Деньги не любят солнечного света, свежего ветра, громких голосов. Они предпочитают тишину и полумрак. И еще деньги не любят, когда их называют деньгами. Лучше их никак не называть.

Даже употреблять слово “они”... нежелательно. У них свое понимание жизни. Понять их законы невозможно, лучше и не пытаться. Этого они тоже не любят — нервничают и исчезают, чтобы вынырнуть в совершенно неожиданном месте, в непредсказуемой компании и опять же с непонятной целью.

Деньги не могут существовать сами по себе, они питаются кровью человеческой, его страстями, простите за глупое слово — мечтами, успехами и поражениями человека.

Да, нас было много на челне. Но мы не знали законов денег, вернее, больших денег. А деньги и большие деньги отличаются, как небо и земля. Потом нам вдруг стало тесновато. И хотя нас становилось все меньше, ощущение тесноты не исчезало. Более того, оно делалось все нестерпимее. Это чувство мучительно требовало выхода. И оно этот выход находило.

Теперь я остался один. Наверное, бывает и так. А ведь прошло совсем немного времени... Года два, может быть, три.

И я один. Лежу на голых камнях коктебельского пляжа и чувствую себя каким-то чудищем, выброшенным штормом из морских глубин. Третий день сильный ветер, злая волна, на пляже почти никого и только мое отощавшее тело с бестолково разбросанными руками-ногами украшает пустынный пейзаж. Подо мной — грязноватая, бесформенная галька Дома творчества писателей. Когда-то здесь был прекрасный песок, но его вывезли на строительство дач и завезли щебень с ближайших карьеров. За двадцать лет море кое-как обкатало острые камни и теперь на них можно лежать. Но сущность щебня осталась прежней — каждый камень так и норовит впиться в тело каким-нибудь отупевшим своим острием. Пройдет сотня лет и, глядишь, здесь будет вполне терпимый пляж. Дождаться бы...

В пяти метрах от меня лежат на камнях несколько загорелых до черноты девушек. Я бы даже сказал, излишне загорелых, у некоторых на лбу, на щеках проступили сероватые пигментные пятна — явный перебор. Видимо, здесь они не первый месяц. Неужели можно столько загорать?

Надеваю темные очки, купленные когда-то на Неаполитанской набережной, хорошие очки, из настоящего чистого стекла. Теперь я могу рассматривать девушек настырно и безнаказанно. И я рассматриваю их голые плечи, ягодицы, бедра и прочие достоинства. Все открыто, все обнажено. Это не нудисты, нет, на них

купальники, но какие-то своеобразные. Верхняя часть купальника отсутствует вовсе, а нижняя представляет собой два шнурочка — один проходит по талии, а второй утонул где-то между их достоинствами. Девушки знают, что я их рассматриваю, и принимают причудливые позы, чтобы солнце бесстыдными и жаркими своими лучами дотянулось до самых сокровенных мест, чтобы и самыми сокровенными своими местами похвалиться по возвращении на Большую Землю. Нет, ничто во мне не вздрагивает, ничто не откликается на эти невинные, в общем-то, призывы. Я пуст, как вон та пивная бутылка, которая безвольно ворочается в мутных волнах, поблескивая зеленоватыми боками.

Так сколько же нас было? Человек семь?

Да, нас было семь человек. Иные парус напрягали, иные тихо исчезали...

— Молодой человек, который час? — спросила девушка с раздвинутыми навстречу солнцу ногами, спросила, не оборачиваясь, не глядя, но всем своим телом меня видя и ощущая.

— Половина второго. — Обычно я не ошибаюсь больше чем на две-три минуты.

— О! Скоро обед! — обрадовалась девушка и, сдвинув потрясающие свои ножки, перевернулась на живот. — А вы где обедаете?

— В столовой.

— О! Вы — писатель?

— Спасатель.

— Кого спасаете?

— Себя, в основном.

— Успешно?

— Как видите.

— А от чего спасаете?

— От смерти.

— Вы боитесь смерти? — Ее голубовато-серые глаза были широко открыты и, ожидая ответа, она даже чуть приоткрыла ротик, показав ровные белые зубки — сознательно показала, чтобы я знал, какой она бывает в минуту... Ну, в ту самую минуту. Все это я увидел, все понял и, заглянув в себя, в самую глубину, с облегчением убедился — пусто.

— Боюсь, — ответил я после некоторого молчания.

— Она где-то рядом?

— Она всегда рядом.

— Совсем-совсем? — Слова совершенно невинные, но только после вопроса я понял, что чем-то ее заинтересовал.

— На расстоянии вытянутой руки.

— И моя смерть тоже... На расстоянии вытянутой руки?

— Ваша чуть подальше... На расстоянии вытянутой ноги. А ваши ноги, как я заметил, достаточно длинны.

Девушка рассмеялась, я тоже изобразил лицом нечто напоминающее улыбку, чтобы не показаться уж совсем круглым идиотом.

Кроме девушек и меня на пляже никого не было. И Дом творчества писателей тоже был пуст. Нет здесь писателей. А говорят, в прежние времена сюда ломились инженеры человеческих душ, за каждое место дрались, за полгода заявки подавали, секретаршам конфеты носили коробками, чтоб понравиться, чтоб запомниться. Куда они все подевались?

Девушка почему-то настойчиво спрашивала о смерти, зацепило ее словцо, брошенное без всякой задней мысли. Неужели догадалась, неужели почувствовала, что от меня просто несет воью смерти?

Меня сейчас могут искать на Багамах, Канарах, даже на Ямайке. С единственным стремлением — убрать. Но не в Коктебеле же... Не в сентябре же, когда пустеют пляжи, шашлычные, горные тропы и прибрежные воды. После летнего многолюдья, после круглосуточных загулов, когда ночи напролет земля содрогалась от грохота оркестров, визга женщин, осатаневших от безнадзорности... После всего этого саднящая тишина кажется невыносимой.

Еще раз прислушался к себе, всмотрелся в темные свои глубины. Печальная опустошенность. Такое состояние бывает после затяжной болезни, когда однажды утром просыпаешься слабым, немощным, похудевшим, но здоровым.

Я поднялся, сунул ноги в шлепанцы, поднял рубаху и поволок, поволок ее по горячей гальке к выходу. Камни сухо поскрипывали под ногами, рядом шелестела неспешная волна, от Карадага дул теплый ветер, настоянный на осенних травах. Охватило острое ощущение — вокруг сентябрь, Коктебель, а я здесь один, обдуваемый ветром с гор. Загорелый, отощавший, пустой. И эта пустота была приятна, как и солнечный ветер, как и легкая волна на темно-синем море.

И вдруг подумалось, а один ли я единственный и остался? Не исключено, не исключено... Я да вот еще некто, который шастает сейчас где-то по Багамам или по Канарам, сунув руку в карман и сняв предохранитель. Его глаза за темными очками прищурены бдительно и настороженно — он высматривает меня.

Удачи тебе, дорогой. Не обознайся, не промахнись. За себя ручаюсь — не обозначаюсь. И не промахнусь.

И вдруг в мое самодовольное благодушие вошла тревога, беспокойство. Что-то было не так, что-то нарушило улыбчивое перебирание событий недавнего прошлого. Пристальнее взглянув в себя, я убедился еще раз — пусто. Пустота, пронизанная опасностью. Я понял — меня можно вычислить. А если можно, то уже вычислили.

Скользнув взглядом по шербатым вершинам Карадага, я спросил себя: будешь удирать? И ответил себе — нет. Если последние наши выстрелы прозвучат здесь — так тому и быть. Нет сил снова куда-то нестись, менять самолеты на пароходы, острова на материки, горы на равнины. Нет никаких сил. А если уж откровенно, то и некуда. Мир, оказывается, не так уж и велик. Места, где ты хочешь жить, можно перечислить по пальцам. Где-то в Греции найдется уголок, в Испании... Есть в запасе юг Сахалина...

А как еще совсем недавно лилось шампанское! Какие счастливые брызги окропляли застолье! Как прекрасен был мир, распахнувшийся вдруг перед нами во всем своем великолепии! Он и сейчас не хуже, этот мир, но нет сил восторгаться им, принимать от него дары великодушные и бесценные. И уж нет тех людей, которые восторгались этим миром так искренне, так радостно и ошарашенно. Погиб и кормчий, и пловец... Или певец? А может, подлец?

Меня легче узнать — я длинный. Моя голова всегда над толпой. Мой затылок уязвим для любого стрелка. Единственная надежда — он глупее. И потому опаснее.

Он не будет искать удобный момент, подыскивать пути отхода, выбирать время суток, когда выполнить черную свою работу уместнее всего. Просто всадит мне три пули между ухом и виском, а потом спокойно шагнет в кусты. Он прекрасно знает, что здесь, в Коктебеле, ему нечего опасаться. Забросит пистолет в залитый водой строительный котлован, выйдет на дорогу и на первой же попутке рванет в Феодосию. Или в противоположную сторону — в Судак, Ялту. Он непредсказуем. Я уже слышал об этом — отправляясь на задание, он мог остановить машину, которая шла в нужном направлении, мог сесть в машину, которая шла в противоположную сторону — и заходил с тыла.

Я его никогда не видел, ничего о нем не знаю, кроме одного — он всегда выполнял порученное. Даже когда заказчик уже был мертв. Кодекс чести. Если взял деньги, работу надо выполнить. Похоже, любит свое дело и даже получает от него удовольствие. Я не знаю его имени, возраста... Мужчина ли он? Женщина? И это мне не известно.

Загорелые девочки легкой стайкой пропорхнули мимо. Та, которая выбрала меня, помахала рукой. Я ответил таким же взмахом. Она улыбнулась. Красивое, дерзкое лицо, хорошая осанка. В порядке девочка. И спереди, и сбоку, и сзади. Так бывает нечасто. Ее подруги засмеялись, оглянулись — видимо, было что-то между ними обо мне сказано...

Часы на руке пискнули два раза — значит, время обеда. Громыкнул запор столовой Дома творчества, и на пороге возникла Наташа — хулиганистая, доброжелательная, которая в свое время кормила всю советскую литературу, всех классиков, лауреа-

тов, секретарей, главных редакторов. И надо же, всех помнит, о каждом может рассказать забавную столовскую историю.

И я шагнул в полумрак пустого зала. Когда-то здесь невозможно было протолкнуться — гудели честолюбивые, возбужденные голоса самых знаменитых людей страны. А сейчас... На всем затемненном пространстве столовой я увидел лишь Андрея — какой-то полубанкир, полукиллер приехал отдыхать из Днепропетровска. Мордатый, молодой, замедленный, с молчаливым ироническим пониманием о себе и об остальном мире. Нас рассадили в разных концах зала, словно пометили нами размер громадного помещения. Мы поняли друг друга с первого взгляда. Мы были из одного племени — из обреченных.

Кажется, он тоже спасался. В его глазах я увидел ту же пустоватую печаль понимания, которая, наверное, была и у меня. Солнечные девочки клюют на такие взгляды. Они, глупые, видят совсем не то, что есть, они видят бесконечное уверенное в себе спокойствие, обеспеченное круизами, лайнерами, островами и прочими прелестями, недоступными для них и потому особенно желанными. Ошибаются. Это не спокойствие. Это пустота. Это я уже могу произнести совершенно уверенно.

Съев на первое жидкий супчик, на второе — котлету с каким-то неузнаваемым гарниром, запив все это компотом розового цвета, встал из-за стола.

И, закрыв глаза, почти на ощупь, почти раздвигая руками обжигающие солнечные лучи, направился к себе в девятнадцатый корпус, в одиннадцатый номер. Раньше здесь позволено было останавливаться только классикам, имена и портреты многих из них красовались даже в школьных учебниках. Моего портрета в школьных учебниках нет, но кое-где, тоже в типографском исполнении, он имеется в наличии, и серьезные ребята всматриваются в мои глаза настороженно и опасно. Они надеются, что я умер, но сомневаются. И правильно делают — никто не видел моего трупа, я его тоже не видел.

На весь корпус нас трое — какой-то молодящийся тип с редкими волосами, выкрашенными в рыжий цвет, инакомыслящий еврей из Нью-Йорка, что-то находящий для себя на этом полудиком берегу, и я — личность без определенных занятий, без багажа, но с деньгами. О том, что я с деньгами, шустрые торговцы прознали на следующий же день и теперь наперебой предлагали мне кольца с местными камнями, фотографии Карадага, керамические подсвечники, пучки целебных трав. Похоже, всех их сбила с толку пустота в моих глазах. Они приняли ее за состоятельность.

И надо же, не ошиблись.

Войдя в прохладный полумрак номера, я закрыл дверь на два оборота ключа, задернул шторы. И только тогда почувствовал себя в безопасности.

— Боже, как хорошо, — выдохнул я, падая раскаленным на солнце лицом в прохладную подушку. — Как хорошо...

Звуки, казалось, исчезли, расплавленные зноем. Сквозь вибрирующие струи воздуха лишь изредка пробивались негромкие голоса, ленивый лай собак, визг ошастливленной чьим-то вниманием женщины.

У уличных пробок много недостатков. Тягостное ожидание, рев и вонь перегретых моторов, нервозность, которая как бензиновые испарения пропитывает застывшие в злой беспомощности машины, пустая потеря времени, кажется, лишающая тебя последнего шанса в жизни. Ты уверен, что, не попади в эту вот пробку, все в твоей судьбе повернулось бы иначе — с обилием радостных встреч и счастливых находок. А теперь вот не будет ни встреч, ни находок, и вообще жизнь пойдет вкривь и вкось.

Но есть, есть и нечто положительное в этом гнетущем ожидании рядом с перегретым мотором и дергающимся водителем. Хочет того человек или нет, а слова он произносит, слова не только разумные, не только осторожные да продуманные, всякие слова, разные.

— Москва она и есть Москва, — негромко произнес пассажир, глядя в пыльное ветровое стекло, за которым не было ничего, кроме раскаленного воздуха да вздрагивающих от нетерпения машин.

— Это чем же тебе Москва поперек горла стала? — спросил водитель, чутко уловивший в словах пассажира неприятие города.

— Поперек горла вроде как ничего не стало... А вот поперек дороги... Сам видишь.

— У вас, конечно, лучше в вашем тмутараканском ханстве? — раздраженно спросил водитель — тощий, фиксатый, небритый.

— Гораздо, — ответил пассажир.

— Везде хорошо, где нас нет.

— Там, где мы, — тоже хорошо.

— Да?! — резко обернулся водитель, опять уловив какое-то унижение. — А где мы — там плохо?

— Как скажешь, — усмехнулся пассажир, выиграв эту маленькую перебранку. Понял это и водитель.

— А пошел ты на фиг! — сказал он и сплюнул в открытое окно.

Пассажир озадаченно посмотрел на водителя, выпятил вперед губы, как бы огорченный откровенной грубостью, несдержанностью собеседника, и принялся рассматривать внутренность машины, уделяя внимание всем тем мелочам и подробностям, которые несколько не интересовали его минуту назад. И вдруг взгляд пассажира остановился на карточке водителя в пластмассовом конвертике. Там значилась фамилия — Здор.

— Так ты — Здор? — спросил он с улыбкой.

— Ну.

— Здорово!

— Это что же тебя так распотешило?

— Первый раз встречаю такую фамилию.

— И последний, — с некоторой горделивостью произнес водитель. — Больше таких нет. Я один — Здор.

— А дети?

— И дети тоже Здоры.

— Или Здорята?

Водитель пожал плечами и тронул машину с места. Проехав метров пять, он опять вынужден был остановиться, уперевшись в широкий зад “пятисотого” “мерседеса”.

— А в той машине наверняка кондиционер, прохлада и полная тишина.

— Там есть еще бар с холодильником, — усмехнулся водитель. — Чтoб они все повыздыхали!

— Зачем? — пассажир пожал плечами. — Хорошие ребята. Деловые, четкие, обязательные. Держат слово, не позволяют другим расслабляться. Хочешь такую?

— Ты еще спроси — хочу ли я трахнуть Шарон Стоун!

— Не советую.

— Почему?

— Это тебе обойдется столько же, сколько стоит такая тачка. — Пассажир кивнул в сторону задастого “мерседеса”, который перекрывал им все пути, все возможности вырваться вперед. — А там смотри, выбирай, чего хочется больше.

— Если у меня будет такая машина, Шарончиха сама в салон залезет. И не захочет вылезать.

— А знаешь, очень даже может быть! — рассмеялся пассажир, откинувшись на спинку сиденья. И в этот момент Здор впервые бросил на него придирчивый, даже подозрительный взгляд.

Тот был явно выше, крупнее водителя, и даже в том, как сидел, чувствовалась раскованность, готовность поступать решительно и быстро. Слова, которые он произносил, тоже подтверждали эту готовность. Пассажир не навязывался со своими истинами, ни на чем не настаивал — и в этом ощущалась сила. Свободный, светлый пиджак с подкатанными рукавами, светлые брюки, не штаны, а именно брюки, туфли из плетеной кожи выдавали некую состоятельность. Все на нем было свежее, незаносенное, незастиранное.

— Хочу, — неожиданно сказал водитель, негромко, вроде про себя, но от этого слово прозвучало с некоторым вызовом.

— Что хочешь? Шарон хочешь? Стоун?

— Машину.

— Такую? — пассажир кивнул в сторону “мерседеса”.

— Можно такую. Ты предложил? Отвечаю — хочу.

— Заметано. — Пассажир передернул плечами, искоса глянул на Здора, и в глазах его впервые за всю поездку сверкнул огонек если не дьявольский, то очень на него похожий. — Заметано, — повторил он уже как бы для себя, прикидывая что-то свое, одному ему известное.

— Когда получить? — Здор поиграл желваками, что могло означать только одно — не верил он пассажиру и если уж ввязался в этот бестолковый разговор, то лишь по одной причине — ткнуть того мордой в собственные пустые слова.

— Значит так, Здор...

— Михаилом меня зовут.

— Значит так, Михаил, — невозмутимо поправил сам себя пассажир. — Кстати, меня зовут Игорем. Игорь Выговский. Принимается?

— Сойдет.

— Так вот... Я не трепался. И не надо делать вид, что ты мне не веришь. Веришь. Хочешь такую тачку? Она у тебя будет к концу года. Помолчи! — твердо произнес Выговский, заметив, что Здор опять хочет что-то возразить, перебить, вставить слово злое и бестолковое. — Заметь, я сказал — вот такую. Не лучше и не хуже.

— Но "пятисотый"?

— "Пятисотый". Если сам к тому времени не передумаешь и не захочешь "жигуля".

— Не захочу.

— Семья? Дети? Квартира? — спросил Выговский.

— Да.

— Дача?

— Да.

— Это хорошо.

— Согласен, дача — это неплохо. — Здор ерничал из последних сил, понимая в глубине души, что он уже во власти этого странного пассажира, которого согласился подбросить на площадь трех вокзалов. В багажнике лежал небольшой его чемоданчик, из чего следовало, что Выговский едет не встречать — он собрался уезжать. Куда? Кто его знает!

С площади трех вокзалов можно уехать куда угодно.

— Такая машина в зависимости от состояния... Стоит где-то в районе двадцати тысяч долларов.

— Не возражаю! — сказал Здор опять с непонятным раздражением, опять с вызовом.

— Поздно возражать. Ты уже согласился. И я согласился. Остались некоторые подробности.

— Какие еще подробности?

— Работа, старик. Работа.

— Что я должен сделать?

— Ничего. — Выговский широко улыбнулся. И опять в его глазах сверкнул огонек сатанинского азарта. — Будем сотрудничать. Вот и все. — Он протянул визитную карточку.

Здор опасливо взял картонку, тронул машину с места, проехал метров пятнадцать, опять оперевшись в "мерседес". И только тогда вчитался в визитку.

— Председатель правления концерна... — Голос Здора как-то сразу осел, сделавшись сильным и негромким. — И сколько же народу в этом концерне?

— Уже двое.

— И это... Кем же я буду?

— Начальник транспортного цеха. Годится?

— Хохма, да? — Оцепенение охватившее было Здора, откатило, и он опять сделался ершистым и усмешливым. Резко вытерев запотевшие руки о штаны, он хохотнул, крутанул головой, как бы изумляясь собственной доверчивости, весело глянул на Выговского, снова тронул машину, проехав еще десяток метров. — Ладно, — сказал он, как бы прощая пассажиру неуместные шутки. — Тебя к какому вокзалу?

— Ярославскому. На север еду.

— Север — это хорошо, — кивнул Здор одобрительно.

— Фирма наша называется "Нордлес". На карточке написано.

— Красиво звучит.

— Я ведь не случайно к тебе подсел, — сказал Выговский как бы между прочим, будто все сказанное до этого не имело слишком большого значения.

— Да-а-а? — протянул Здор. — Чем же это я привлек к себе внимание?

— Знающие люди посоветовали. Вот, дескать, человек, который тебе нужен.

— И какие же это во мне прелести вдруг обнаружили?

— Они обнаружили не вдруг. Ты ведь бывал на севере, да? Сколько лет там провел?

— Сколько надо.

— От звонка до звонка? — уточнил Выговский.

— Можно и так сказать.

— Хочешь поехать со мной?

— Прямо сейчас? — Здор и сам не заметил, как кратко спросил, будто одним выдохом. Вроде и усмешливо, вроде анекдот подхватил, но была в его голосе, в вопросе, в быстроте ответа готовность если и не ехать с незнакомцем на север, то хотя бы обсудить эту затею. — А назад?

— Как с делами управимся... Через неделю вернемся.

— Много дел?

— И от тебя зависит.

— "Нордлес", говоришь? — Это были первые слова, которые Здор произнес всерьез. Он начал понимать, что треп давно кончился, да и вообще, был ли треп между ним и этим роскошным хмырем в пиджаке с подкатанными рукавами?

— Там все написано. — Выговский показал на визитку, которую Здор опасливо положил на приборный щиток, по-

одаль от себя, словно чувствуя исходящую от нее недобрую силу.

Пробка, наконец, немного рассосалась, машины медленно, но уже безостановочно двинулись по Садовому кольцу. “Мерседес”, который все это время маячил перед глазами, рванул вперед, прошел сквозь поток машин, пересек несколько разделительных линий и уверенно свернул к банковским небоскрегам.

— Вот так надо ездить, — сказал Выговский.

Здор молча взглянул в его сторону, отметив про себя ровные зубы, загорелую шею, раскрытый ворот белой рубашки, оттеняющий загар. Он ценил в себе этакую приклатненную непочтительность, с кем бы ни разговаривал и о чем бы ни шла речь. И сейчас, понимая, что невольно, сам того не заметив, попал, все-таки попал в зависимость к этому роскошному господину, который отправляется на север совсем не так, как в свое время отправлялся он, Здор, не мог изменить себе и изо всех сил старался сохранить тон.

— “Мерседес”, конечно, хорошая машина, — медленно заговорил он. — И Шарончиха неплохая баба... А Шарончиха в “мерседесе” — это, наверно, вообще полный отпад... Только вот что... Игорек. Я ведь прежними делами не занимаюсь. У меня теперь другие игры. Если кто указал на меня пальцем... Передавай тому человеку большой привет. — Здор подождал, пока проедет трамвай со стороны Красносельской, свернул круто влево и остановился у высокой железной ограды рядом с туристским автобусом. — С тебя сто рублей.

Выговский молча вынул деньги, отсчитал десять сотенных купюр и положил их на приборную полку, накрыв ими собственную визитку.

— А теперь слушай. Я ведь всерьез предлагал тебе ехать со мной. Ты работал в леспромхозах. Знаешь местных. Условия. Начальство. Там же не только зеки, там и воинские части. Им нужно питание, обмундирование, начальству нужны деньги, хорошие деньги, у них нет техники, горючего... И так далее.

— И пойдут эшелоны на юг? — спросил Здор.

— На запад тоже.

— Там уже ждут?

— Заждались. — Выговский посмотрел на часы. — Так что? Едешь? Время есть.

— В другой раз. Если он будет, конечно.

— А почему ему не быть?

— Мало ли. — Здор склонил голову к тощеватому плечу. — Жизнь богата в своих проявлениях. То морду покажет, то зад... И не знаешь, что лучше. Вроде и морда — но оскаленная. Вроде зад — но добродушный и незлобивый... Так кто на меня-то вывел?

— Не скажу! — Выговский рассмеялся. — Как это в песне поется... Пусть останется глубокой тайною.

— Нет ничего тайного, что бы не стало явным.

— Ого! — восхитился Выговский. — Библию почитываешь?

— С ментами общаться пришлось. Чуть ли не каждый следователь мне эти слова приводил. И я поверил — правду говорят.

— До скорой встречи! — Выговский протянул руку.

— Бог даст, свидимся. — Узкая ладошка Здора утонула в широкой лапе Выговского. Была она, несмотря на жару, прохладной, и Здор явственно почувствовал властность, таившуюся в этой ладони. Женщины, должно быть, это чувствуют острее, или лучше сказать, обреченнее. Здор не пытался сопротивляться сильному пожатию Выговского, лишь усмехнулся про себя — знал он таких вот красавчиков, которые не упускали случая показать свое превосходство, в чем бы оно ни заключалось. Выговский увидел его скрытую усмешку и поспешно ослабил рукопожатие — это тоже была ошибка. Не надо бы ему вот так сразу настаивать, давить, возвышаться.

Когда он вышел из машины и затерялся в толпе, махнув на прощание высоко поднятой рукой, Здор поднес ладонь к лицу, понюхал и ощутил сладковатый запах — так пахнут арабские духи, в них всегда есть приторная сладковатость. Это его озадачило — у Выговского должен быть другой запах, не столь откровенно женский.

Здор сидел за рулем, не прикасаясь ни к визитке Выговского, ни к его деньгам. Он не решался сунуть их в карман, словно ждал какого-то ему одному понятного разрешения, знака, сигнала.

— Слово предоставляется начальнику транспортного цеха, — пробормотал он. — Интересно. Жизнь, выходит, не кончилась... Жизнь, выходит, еще только начинается.

Проснулся я, когда солнце уже приблизилось к острым шпилям Карадага. Жара спала и снова зазвучали в парке Дома творчества человеческие голоса. Некоторое время лежал неподвижно, глядя в потолок и прислушиваясь к звукам, которые просачивались сквозь двери лоджии. В соседнем ресторане уже загрохотал оркестр — к ночи он наберет такую силу, что будут дребезжать мои окна и колыхаться шторы. Будут истерично и натужно визжать женщины, уверенные в том, что наступила, наконец, и для них настоящая жизнь с застольями, ночными купаниями и танцами до упаду.

Мне нужно было продлить срок моего пребывания. Дом творчества почти пуст, и я надеялся, что сложностей с этим не будет. Одноэтажное административное здание было рядом и, заперев двери на все обороты ключа, я направился к директору.

— Можно? — заглянул я к директору.

— Входи! — Леонид Николаевич гостеприимно махнул рукой. — Как отдыхается?

— С каждым годом все лучше.

— Коньячку?

— Можно. — Я присел к приставному столику.

Леонид Николаевич был плотен телом, улыбочив, подвижен. Что-то простецкое сквозило в его манерах, что-то простоватое — похоже, не всегда он был большим начальником, не всегда командовал отдыхом классиков и лауреатов.

Пока директор ходил к шкафу за коньяком, я по привычке, по прошлой своей, наверно, уже невытравляемой привычке скопсил глаза в его ежедневник. Телефоны, даты, имена... И вдруг...

Изморозь, иначе не скажешь, изморозь пробежала зябкой волной по всему моему телу — я увидел в блокноте собственную фамилию. Не ту, под которой жил здесь, не ту, под которой мотался по белу свету, я увидел в блокноте обведенную овальной линией собственную свою истинную фамилию.

— Наш коктебельский поэт сказал потрясающие слова. — Леонид Николаевич возник из-за моей спины, поставил на стол бутылку, две маленькие хрустальные рюмки и сел напротив.

— Хорошие слова? — единственное, что я мог произнести в эти секунды.

— Я пью божественный напиток — коньяк с названием “Коктебель”. Он будто драгоценный слиток... Ну, и так далее.

— Знаю, — сказал я. — Слава Ложко. Эти стихи выбиты в его ресторане на гранитной плите... Позвоню?

— Конечно. — Леонид Николаевич радушно махнул рукой в сторону телефона.

Я встал, обошел вокруг стола, сел в начальственное кресло, придвинул к себе телефон, заодно, как бы между прочим, придвинул ежедневник и, наугад потыкав пальцем в первые попавшиеся кнопки, склонился над блокнотом. Так и есть. Моя фамилия записана на странице, помеченной сегодняшним днем. Я редко слышу удары собственного сердца, но сейчас почувствовал. Частые, сильные удары, от которых, кажется, прогибалась грудная клетка.

— О! — воскликнул я радостно, тыча пальцем в ежедневник. — Этот товарищ тоже приезжает?

— Который? — Леонид Николаевич склонился над блокнотом, вчитался в мою фамилию и равнодушно махнул рукой. — Да нет... Кто-то спрашивал, не отдыхает ли у нас этот человек.

— И что? Отдыхает?

— Я обещал уточнить. Завтра опять будут звонить.

— Откуда?

— Даже не знаю. — Леонид Николаевич был беззаботен и разливал золотистый коньяк недрогнувшей своей мощной рукой. — Вроде междугородний звонок. А ты что, знаешь его?

— Встречались? — ответил я все еще с колотящимся сердцем.

— Водку пили?

— Было.

— Если водку пили, значит, почти родня. Знаешь, как говорят в Большом театре?

— А как говорят в Большом театре?

— Хочешь пить — пей. — Леонид Николаевич рассмеялся, поднял свою рюмку, мы чокнулись.

Все у нас получилось прекрасно. Коньяк оказался отличным, Леонид Николаевич наполнил рюмки снова, и жизнь продолжалась, мы весело обсуждали писательские проблемы, хохотали, хлопали друг друга по плечам. Да, жизнь продолжалась, но была она уже другого цвета. В окружающую голубизну вдруг влились черные разводы. Они постепенно таяли, растворялись, исчезали, но общий тон неба и моря, общий тон около-солнечного слепящего пространства приобретал явно сероватый оттенок.

Это что же получается? Вычислили, нащупали, засекали, установили, обнаружили? Я хотел спросить у Леонида Николаевича еще что-то о звонившем, но остановился. Делать этого было нельзя — я уже задал все вопросы, которые казались бы уместными и естественными. Наверняка звонили не только сюда — звонили в пансионат “Голубой залив”, на турбазу, в агентство по подбору частного жилья...

— Еще по глоточку? — спросил Леонид Николаевич.

— Нет, спасибо. Хорошего понемножку. — Я поднялся. — Надо увидеться с одним человеком.

— Уже есть с кем? — усмехнулся директор.

— Надеюсь. — Я неопределенно повертел ладонью в воздухе, дескать, как знать, как знать, что ждет нас этим вечером, какие неожиданности готовит для нас жизнь.

— Ну что ж, заходи! — Леонид Николаевич пожал руку и тут же забыл обо мне, потянулся к телефону — директорские обязанности не заканчивались никогда.

Я вышел на крыльцо, постоял некоторое время, раскачиваясь с пяток на носки. Руки мои были в карманах шортов, на глазах темные очки, на голове кепка с большим курортным козырьком, на ногах поношенные шлепанцы — ничего не осталось от того роскошного хмыря, которым я был совсем недавно.

Ну да ладно, подождем бабки.

Вывод первый — обо мне не забыли, меня ищут. Значит, кто-то получил заказ. И намерен этот заказ выполнить. Вряд ли он знает, что заказчика уже нет в живых. Это не имеет значения. Аванс получен — надо отрабатывать. Всегда найдется тот, кто заплатит остальное.

Вывод второй — он знает, где искать.

Вывод третий — я узнал об этом своевременно. Значит, не поздно еще кое-что предпринять. Звонок был междугородний, следовательно, у меня есть немного времени.

Но возникает еще одно соображение — звонил диспетчер, а исполнитель уже здесь. В таком случае он не знает меня в лицо

и запросил поддержки. Однако он не может не знать обо мне совершенно ничего, какие-то зацепки у него наверняка есть. Может быть, их оказалось недостаточно, может быть, по этим зацепкам он не смог меня установить...

Да, это наиболее вероятный вариант.

Звонить наобум и спрашивать случайных людей, называя фамилию... Это слишком зыбко. Это, в конце концов, непрофессионально. Так не делается. Человек высылается по адресу и отработывает то, что ему положено.

Вывод последний и главный — исполнитель уже здесь, в Коктебеле, но пока в растерянности. Я еще не на мушке. Вполне возможно, я уже пил с ним, трепался о чем-то, как-то себя выдал. Но хорошо хотя бы то, что знаю наверняка — он здесь. Он бродит со мной по одним дорожкам, нежится на одном пляже, может быть, даже питается в одной столовой. Уж не сидит ли он со мной за одним столом?

В столовой за моим столиком оказался новичок.

— Не возражаете? — спросила Наташа.

— Нет, не возражаю.

— Он каждый год приезжает.

— Тем более, — сказал я. Если приезжает каждый год, значит, его-то опасаться не надо.

Напротив меня сидел человек с голубыми блеклыми глазами, худощавый, лысоватый, с мозолистыми ладонями. Но это была не натруженность землекопа или могильщика, скорее, натруженность спортсмена. Взгляд цепкий, немигающий, пристальный. У исполнителей таких не бывает. Исполнители благодущны в общении, расслаблены и снисходительны. Они-то знают, что последнее слово всегда за ними. У них нет надобности что-то доказывать, отстаивать, утверждать. Они улыбки и охотно соглашаются со всем, что им говорят. Сочувственно и согласен кивают и уже высматривают на тебе ту самую точку, то самое местечко, в которое удобнее всего...

— Алевтин. — Мой сосед протянул руку через стол. — Это не фамилия. Это имя.

— Очень приятно. Евгений.

Я уже давно заметил, что представляться чужим именем всегда легче и проще, чем собственным. Называя истинное свое имя, уже берешь на себя какую-то ответственность, ты уже вынужден отвечать за слова и поступки. А так, что бы ни сморозил, как бы ни поступил, к тебе это не пристанет, как не пристанет чужое тебе, может быть, даже ненавистное имя.

— Надолго? — спросил я.

— Две недели. Больше нет смысла. Погода испортится, похолодает, задуют осенние ветры, и Коктебель, как таковой, исчезнет.

— Журналист?

— Как догадался?

— Писатели более церемонные, самоуглубленные, преисполненные величия и неповторимости.

Алевтин весело, даже с какой-то надсадностью рассмеялся — ему было приятно слышать о писателях нечто уничижительное. Видимо, не всегда отношения с писателями, если таковые и были, складывались у него легко и просто.

— Но книги у меня есть. — Алевтин поднял вилку зубьями вверх, как бы подчеркивая значение своих слов, дескать, и мы не хухры-мухры.

— Да-а-а? — удивился я, наполнив свой голос восторгом и обожанием. — О чем?

— Как тебе сказать. — Он раздумчиво подцепил ножом и положил на вилку комочек каши, отправил ее в рот, не торопясь принялся жевать. — Всевозможные чрезвычайные проявления человеческой жизни.

— Но это опасно? — прикинулся я полным дураком.

— Случается, — кивнул он с некоторой скорбью. Замер на какие-то секунды, и его остановившийся взгляд, похоже, был устремлен в прошлое, где было ему тяжело, где подстерегали опасности и жизнь висела на волоске. — Афганистан, Чечня, Чернобыль — это все этапы моего пути. — Алевтин печально улыбнулся, чуть развел ладони в сторону, мол, тут уж ничего не изменить. — Повидал я кое-что на этой земле.

— Притомился?

— С чего ты взял?

— Ну, если приехал сюда дух перевести, на камушках полежать, в волнах поплескаться... Значит, возникла надобность?

— Знаешь, возникла! — охотно подхватил он, уловив в моих словах почтение, признание его усилий. — Захотелось смены впечатлений.

— Понимаю, — кивнул я. — Как это мне близко!

— А сам откуда?

— Кемерово. — Это был город, о котором я не знал ровным счетом ничего. Вроде, угольный край, вроде, сибирский, кажется, там что-то с шахтерами происходило.

— Писатель?

— Журналист.

— Ага, — кивнул он, подбирая губами с вилки очередной комочек каши. — Наш человек. О чем пишешь?

— Криминальная революция, нашествие преступных группировок, заказные убийства. — На эту тему я мог говорить бесконечно с прекрасным знанием материала и таких подробностей, о которых наверняка ничего не слышал мой новый друг Алевтин.

— Как и везде, — сочувственно произнес он. — Как и везде, — повторил Алевтин, кивая и пережевывая кашу. — Вроде и печально, но, с другой стороны, — какой всплеск чувств, впечатлений, потрясающих историй, судеб, характеров!

— Может быть, может быть. — Мне подобные мысли не приходили в голову и ответить сразу я не смог. Но что-то во мне воспротивилось, пришло ощущение, что истина в другом месте, что его слова если и не фальшивы насквозь, то какие-то надуманные, произнесенные для красоты разговора. Уж кому-кому, а мне-то хорошо известны и чувства, и судьбы, и характеры криминальной жизни.

— Не согласен со мной? — напористо спросил Алевтин, припадая грудью к столу, чтобы поглубже заглянуть мне в глаза и высмотреть там как можно больше, даже такое, что и мне самому не известно.

— Мне кажется, что суетная, насыщенная жизнь как раз и не располагает к чувствам и переживаниям. Не до этого. Справиться бы с событиями, поспеть за переменами. А отпереживаем, отмаемся, отчувствуем как-нибудь потом, когда выпадет свободное время.

— Ошибаешься! — закричал Алевтин с таким азартом, что два-три постояльца Дома творчества, которые к этому времени расположились в разных углах столовой, посмотрели на нас с некоторым любопытством. И даже полубанкир-полукиллер махнул полноватой рукой из темного своего угла, где он сидел так, что мог отстреливаться, не опасаясь удара с тыла.

— Привет. — Я тоже помахал ему рукой.

— Кто это? — спросил Алевтин.

— Киллер.

— Кто?!

— Наемный убийца. Просаживает гонорар в этих тихих местах. Если нужен — могу познакомить. Берет немного, расплата по факту.

— Это как — по факту?

— После выполнения заказа.

— А если я откажусь платить?

— Тогда тебя он уберет бесплатно.

— Крутой мужик. — Словоохотливость Алевтина заметно снизилась. — Опасный.

— Почему? — Я пожал плечами. — Ничуть. Соблюдай законы бытия. Вот и все. Никто тебя не тронет.

— Какие законы?

— Не укради, не обмани, не предай... Расплатись своевременно и сполна. Простые законы человеческого общения. Только в обычной жизни за невозвращенный долг ты кого-то матом посылаешь или в подушку рыдаешь. А здесь все несколько жестче. Но законы те же. Как и тысячу лет назад.

— В страшное время мы живем, — проговорил Алевтин, глядя в густую зелень за окном.

— Время всегда было такое. И всегда будет таким. Пока есть мужчины и женщины, богатые и бедные, пока есть блуд, любовь и деньги. Только сейчас нашему брату журналисту позво-

лили выплеснуть все это на страницы газет, на экраны телевизоров...

— Надо же.

Облученный жизнью журналист Алевтин, взяв стакан и оставив в сторону мизинец, что опять же должно было говорить о тонком воспитании и знании хороших манер, принялся прихлебывать мутноватый компот — причмокивая губами и со взором, обращенным куда-то внутрь. Видимо, сначала он проникался вкусом, а потом наслаждался послевкусием.

Для меня было ясно — не он.

Наверное, так бывает в жизни, не часто, но случается — все получалось, все стыковалось, недостающие люди, даже недостающие деньги вдруг появлялись неизвестно откуда, как бы из ничего. Словно какие-то таинственные силы взялись помогать и помогали неустанно, изо дня в день. Стоило возникнуть самой маленькой трудности — она тут же испарялась, исчезала сама по себе. Все было настолько естественно, что ни у кого мысли не возникало о чем-то необычном, никто даже не заподозрил, что происходит нечто странное, что так быть не должно, как не должен уноситься ввысь подброшенный камень. Да, он летит, удаляясь от земли, но никому и в голову не приходит, что это будет продолжаться бесконечно. Совершенно очевидно, что камень будет замедляться, что рано или поздно на какое-то короткое время вообще остановится, застынет в воздухе, а потом начнет падать вниз, все быстрее, быстрее, пока не грохнется в пыль, в грязь, в болото, на кучу таких же камней и уже тогда застынет навсегда.

А пока камень уносился в небо.

Выговский выполнил свое обещание и позвонил Здору откуда-то из северных лесов — у него все шло отлично. Он договорился в местном леспромхозе о покупке древесины, начальник какого-то лагеря тоже пообещал подключить своих зеков к лесоповалу, а на заброшенной железнодорожной станции его заверили, что готовы отправить эшелоны с лесом хоть к черту на рога.

Здор встретил Выговского на Ярославском вокзале. Ничего, казалось бы, не изменилось ни в их внешности, ни во взаимоотношениях — чужие, едва знакомые люди, которые и провели-то вместе что-то около часа. Водитель и пассажир. Но странное дело — они встретились как давние соратники, которых связывали общие дела, общие планы и надежды.

— Все в порядке? — спросил Здор, включая мотор.

— Да, — рассеянно ответил Выговский, все еще пребывая, видимо, в вагонной тряске. — А здесь? Жизнь не остановилась?

— Бьет жизнь. Ключом. По одному месту.

— Это хорошо, — ответил Выговский. — Значит, жизнь продолжается. И будет продолжаться еще некоторое время.

Вроде и простые слова, самые что ни на есть обычные, но, оглядываясь из будущего, в них легко увидеть и нечто роковое, чуть ли не мистическое, когда многих уже не стало, а выжившие чувствовали на себе какую-то угнетенность, а то и обреченность. Но до этого еще далеко, так далеко, что можно было спокойно верить — никогда не наступит время смертей, крови, убийств. Нет-нет, такого не случится, и этот вот солнечный день, полный успеха и победного состояния духа, будет продолжаться всегда.

— Куда едем? — спросил Здор.

— К тебе.

— Понял.

Тоже какой-то странный разговор. Никогда Здор не приглашал к себе этого едва знакомого человека, а Выговский всего минуто назад думать не мог, что вот так легко напросится к Здору.

— У тебя никого нет в Новороссийске? — спросил Выговский.

— Нет... Но у моего соседа есть, вроде кореш в тех краях... — утверждаясь в своих смутных воспоминаниях, ответил Здор. — Если я ничего не путаю, то у него в Новороссийске не просто кореш, а двоюродный брат.

— И чем он занимается?

— В порту работает.

— Кем? — голос Выговского дрогнул.

— Если не ошибаюсь... Если ничего не путаю...

— Ну! Ну! — поторапливал Выговский, которого вдруг охватило нетерпение, он вдруг осознал, что от ответа Здора сейчас многое зависит, что в эти самые секунды, пока они стоят перед красным светофором, решается многое, может быть, решается все.

— Сдается мне, что охранником.

— И что же он охраняет? — нервно спросил Выговский.

— Порт. — Здор пожал плечами — действительно, что можно охранять в порту.

— Ладно, — кивнул Выговский. — В конце концов, это неважно. Как фамилия твоего соседа?

— Мандрыка.

— О Боже!

— Он не виноват. Папа с мамой ему такое устроили. Но это только с непривычки. Посмотришь на него и сразу поймешь — другой фамилии у него быть не может.

— Пьет?

— Только шампанское.

— Тогда мы сойдемся.

— Меня возьмете?

— Куда?

— В вашу компанию. — Здор усмехнулся.

— Ты уже взят. Будешь проезжать мимо магазина — останови. Надо купить шампанского. Мандрыка будем угощать.

— Его фамилия Мандрыка, — поправил Здор негромко, но твердо. С ударением на букве “ы”. Видимо, с соседом отношения у него были уважительные.

— Шуток по поводу своей фамилии он не допускает?

— Упаси Боже. Вернее, так... Пошутить он может. Но никогда об этом не забудет.

— Завтра вылетаем в Новороссийск.

— Зачем? — дернулся Здор.

— С охранником будем знакомиться.

— Человечек-то он... Вроде того, что мелковат. — Здор попытался отговорить Выговского от столь решительного поступка.

— Таких не бывает. Ты вот тоже мелковат?

— Как сказать, — протянул Здор многозначительно. — Смотря по чему судить.

— Зубы тебе менять надо, — после долгого молчания проговорил Выговский, глядя на дорогу.

— Это чем же тебе мои зубы не по нраву? — дернулся Здор, как от удара.

— Плохие зубы, старик, это...

— Ну?!

— Это плохо. От тебя зеком несет за километр.

— Поищи другого.

— Заткнись. Тебе люди не поверят, понял? С тобой дела никто не захочет иметь.

— Это почему же?!

— Потому что ты фиксатый.

— А у тебя все зубы на месте?

— Не все, — спокойно проговорил Выговский, все так же неотрывно глядя на дорогу. — Но этого никто не знает. Кроме меня. И еще, старик, открою одну тайну... Шарон Стоун не любит фиксатых. Их, честно говоря, никто не любит. Возвращаемся из Новороссийска — отведу тебя к одному мужику. Он за месяц с тобой разделается.

— Это в каком смысле?

— Вставит приличные зубы. Такие, что твоя Шарончиха ничего и не заподозрит. Она просто обалдеет от твоей улыбки.

— Сказал слепой — посмотрим, — буркнул Здор.

— И еще, старик... Забывай потихоньку свои зековские прибаутки. Не потому, что они мне не нравятся. Я стерплю. Я все что угодно стерплю. Но мы затеваем дело, которое требует других слов. Лучше уж просто молчать, чем кидаться такими хохмами. Сказал слепой — посмотрим, сказал немой — расскажем... Не надо. Не обижайся, я говорю по делу.

— Молчать — так молчать. — Здор дернул плечом, но видно было — обиделся. И заметив это, Выговский примиряюще хлопал его по коленке.

— Оружие есть?

— Что?!

— Слушай, что ты все дергаешься? Что ты от каждого слова вздрагиваешь? Держи удар, старик. Держи удар. Какой-то ты пугливый. Всегда такой?

— Нет у меня оружия.

— Ни холодного, ни горячего?

— Монтировка вон под ногами. Хочешь, назови ее горячей, хочешь — холодной. Ты как хочешь назови... Может, для кого-то летная погода, может, это проводы любви, — нескладно пропел Здор и весело глянул на Выговского, давая понять, что не обижается. — А что, нужно оружие? Достанем.

— Не надо.

— Смотри, а то могу.

— Не надо, — повторил Выговский. — Хорошего не достанешь, а плохое нам не нужно.

— Почему хорошего не достану? — опять взвился Здор и заиграл тощеватыми своими желваками.

— Хорошее оружие — это значит чистое, немеченное, незапятнанное, не замешанное в кровавых делах, — медленно, терпеливо и негромко произнес Выговский. — Можешь такое достать? В заводской смазке?

— Подумать надо, — присмирел Здор.

— Думай, куме, думай. А погода и в самом деле летная, — задумчиво произнес Выговский. Приблизившись к лобовому стеклу, он всмотрелся в сероватое от летнего зноя небо. — Может, ты и прав, может, это проводы любви.

Слова эти показались Здору странными, но ответа не требовали, и он озадаченно промолчал. Не все говорил Выговский, отделялся какими-то намеками, уводившими мысли Здора в сторону опасную, непредсказуемую, но пока еще терпимую. И он решил потерпеть, тем более, что не было сказано ничего такого, что его к чему-то обязывало.

Ошибался он, ошибался.

Не знал, что невинные слова затягивают в воронку непредсказуемости куда сильнее, нежели самые страшные, но открытые клятвы. Может быть, Выговский действительно был силен умом и духом, может, просто мозги пудрил, подбирая слова ловкие да лукавые, но получилось у него, получилось — мысли Здора шли теперь в нужном направлении.

А Новороссийск им не понравился, обоим не понравился. Каким-то пустоватым показался. Громадные проспекты больше напоминали пустыри, ветер гнал по улицам обрывки бумаг, пластмассовые стаканчики, целлофановые пакеты. Людей почти не было видно, будто попрятались они в ожидании очередного обстрела, будто до сих пор продолжались эти обстрелы и бомбежки. Памятники героического прошлого — облезлые, ржавые, с отвалившимися плитами — казались попросту жалкими, будто оставили их прежние цивилизации, будто оставили их народы, навсегда исчезнувшие с лица земли.

— Похоже, нет уж того народа, которому они поставлены. Исчезли греки, ушли в небытие египтяне, вот и славяне потихоньку растворяются в темной, вязкой массе пришлых племен, которых они сами же и вскормили на свою голову. Нет, это уже не те люди, которые в пыль и прах громили самых крутых вояк. Не те, не те, не те...

— Для чего? — осторожно спросил Здор.

— А для всего! — не задумываясь, ответил Выговский. — С ними что угодно можно было бы сделать. Что угодно, что угодно! — повторил он несколько раз и, ничего больше не добавив, опять оставил Здора в опасливом недоумении. — Знаешь, что я тебе скажу, — обернулся Выговский с переднего сиденья такси, когда они уже ехали к Мандрыке, — я вот что скажу... Они бы не потребовали с меня ни “мерседеса”, ни Шарончихи.

За окном такси, на котором они уже ехали к Мандрыке, мелькала жесткая рябь моря, буксир тащил через бухту какую-то посудину, на дальнем берегу просматривались зыбкие, дрожащие в знойном мареве контуры портовых кранов.

И Мандрыка им не понравился, обоим не понравился. Был он молчалив, смотрел исподлобья, сутулился, как бы закрывался от удара. Водку на стол ставил молча, молча умудрился отправить из комнаты жену, которая выглядела откровенно испуганной — все-таки приехал бывший зек, и ждать от него чего-то хорошего, по ее мнению, не приходилось. А Выговский был легок, улыбчив, с любопытством рассматривал фотографии на стене, любовался видом из окна, рассказывал, как они провели день, как познакомились с Новороссийском, увлеченно врал, что город его потряс, показался ему прекрасным и — о, как счастливы люди, которые живут здесь постоянно! Здор озадаченно склонил голову к плечу да так и замер в немом изумлении — он не понимал, зачем врать на такую невинную, в общем-то, тему.

Наконец, Мандрыка расположил на столе и водку, и помидоры, нарезал какой-то колбасы, которую Выговский сразу определил как плохую, и это еще раз убедило его в том, что Новороссийск — паршивый городишко.

— Прошу. — Мандрыка сделал невнятный жест рукой и первым сел к столу.

— Охотно, — сказал Выговский. Он сбросил светлый пиджак на кушетку и сел к столу, закатав на ходу рукава рубашки.

— Освободился, значит? — спросил Мандрыка, подняв глаза на Здора. — Давно?

— Уж успел забыть.

Всего несколько слов, пустых, в общем-то, ничего не значащих, но Выговскому их оказалось вполне достаточно. Он понял, что Мандрыка уверен в себе, слюнявить, смущаться и теребить носовой платок не будет, что Здора уважает не слишком и не церемонится с ним, но и Здор не чувствует никакой зависимости от

своего дальнего родственника не то по жене, не то по первому мужу жены, не то просто по каким-то соседским связям.

— Это хорошо, — кивнул Мандрыка и разлил всем по полстакана водки. — Плохая память спасает нас от дурных воспоминаний. Воспоминания должны быть счастливыми и радостными.

— А у меня и от зоны остались только счастливые и радостные впечатления. — Здор твердо посмотрел Мандрыке в глаза.

— За это и выпьем, — ответил тот. — Будьмо!

— Не понял? — спросил Выговский. — Будьмо — это что?

— Краткое пожелание хорошей жизни. Если наш тост услышат высшие силы, мы будем удачливы и здоровы, будем вместе и навсегда, будем плодиться и размножаться, радоваться жизни и веселить своих близких! — И Мандрыка выпил до дна свой стакан.

— Больше всего мне понравилось, что мы будем вместе и навсегда, — ответил Выговский и тоже выпил до дна, сразу поняв, что Мандрыка это тот человек, который очень болезненно воспринимает, когда собутыльник недопивает. Так и есть — Выговский поймал неуловимо быстрый взгляд Мандрыки, брошенный из-под кустистых бровей на его стакан.

— Значит, говорите, на отдых приехали? — спросил Мандрыка, отправляя в рот кусок вареной колбасы.

— Нет, — быстро ответил Выговский. — Приехали по делу. Срочному, важному, неотложному.

— О! — уважительно протянул Мандрыка. — Это хорошо. Настоящие дела всегда важные и неотложные. Другими и заниматься не стоит. Верно говорю?

— Полностью согласен. — Выговский для убедительности прижал ладонь к груди.

— Простите за любопытство. — Мандрыка глянул Выговскому в глаза. — Вы там познакомились? На зоне?

— Раньше, — ответил Выговский, не дав Здору времени даже открыть рот.

— А сюда, значит, пожаловали...

— К тебе.

— О! — с прежней уважительностью протянул Мандрыка. Но была все-таки на этот раз в его голосе некоторая, почти неуловимая опаска, настороженность. — Остановиться хотите? Комната нужна? С видом на море? С питанием?

— Кончай трепаться! — не выдержал Здор.

— Порт нужен, — сказал Выговский.

— Весь? — поинтересовался Мандрыка.

И снова разлил по половине стакана водки.

— Можно весь. Согласны на половину. Не откажемся от самой малой части.

Некоторое время Мандрыка сидел, нависнув над столом, над своим стаканом. Поставив локти на стол, он принял позу, в которой, наверно, мог просидеть и час, и два. То ли он не придал

значения словам Выговского, то ли не услышал их, то ли думал над тем, что ответить, но ни одно из этих предположений не оправдалось.

— Слушаю, — наконец обронил он с нетерпеливостью в голосе. — Слушаю, — повторил уже несколько раздраженно.

— Лес для турок, — сказал Выговский.

— Как я понимаю... Без формальностей?

— Правильно понимаешь.

Мандрыка как бы вновь увидел свой стакан с водкой, не чокаясь, в задумчивости выпил его, сунул в рот четвертушку помидора и принялся не торопясь пережевывать, все так же уставясь в стол, будто видел на клеенке некие советы, которым должен следовать. Потом тяжело, с надрывом вздохнул, осознав тяжесть свалившихся на него забот, из-под бровей посмотрел на Здра, на Выговского.

— Много леса?

— Да, — ответил Выговский.

— Все, что ты заготовил? — усмехнулся Мандрыка, подняв глаза на Здра.

— Все, что он заготовил, нам не вывезти. — Выговский опять опередил Здра, не дав ему ответить. Понял, что тот опять сорвется на дерзость и непочтительность.

— И все станем богатыми? — спросил Мандрыка.

— Мы все станем богатыми, молодыми и красивыми.

— Поздновато хватились.

— Нет, в самый раз.

— Кто вывозит?

— Турки.

— Куда?

— Их проблемы.

— Так... Хоть какие-то документы будут?

— Будет все, что необходимо.

— Это хорошо. — Мандрыка помолчал. — Это хорошо, — повторил он с тяжелым вздохом. — Еще выпьешь?

— Нет, хватит, — ответил Выговский. — Есть такой человек?

— Найдется.

На следующий день они сидели в этой же комнате, за этим же столом, и на столе стояла неизменная бутылка водки, были нарезаны помидоры и все та же несъедобная колбаса, которую можно было проглотить, лишь забив все ее запахи толстым слоем горчицы. Здр сидел, как и вчера, напряженно распрямившись за столом. На хозяина не смотрел, похоже, его интересовала лишь пыльная листва за окном.

— Ты что, лом съел? — спросил Мандрыка, усмехнувшись, и по этой его улыбке Выговский понял — хорошие новости! Сегодня Мандрыка был вообще улыбочив, даже снисходителен.

— Чем эту твою колбасу есть, лучше уж в самом деле лом проглотить.

— Приезжай со своей, — благодушно проворчал хозяин. — Хорошие гости и с водкой своей приходят. Хорошие гости, — уточнил Мандрыка еще раз.

— Ладно, хватит вам, — прервал перепалку Выговский. — Будет вам и водка, и шампанское... Все будет. Только не сразу. Ну? — обернулся он к Мандрыке.

— Все в порядке, — ответил тот, невозмутимо разливая водку в стаканы.

— Значит, разговор состоялся?

— Какой разговор, ребята! — Мандрыка откинулся на спинку стула и посмотрел на гостей в упор, уже не пряча глаза за густыми бровями. — Кончились разговоры. Принято решение. Оно положительное. Люди готовы включиться в работу.

— Так, — протянул Выговский, пытаюсь понять второй смысл в словах Мандрыки, а о том, что второй смысл есть, он догадался сразу. Слишком хорошо тоже нехорошо — это он знал. А все сказанное Мандрыкой как раз и было тем, что называется “слишком хорошо”. — Так... И вы можете отправить железнодорожный состав леса в течение... Ну, скажем, недели?

— А чего тянуть? — удивился Мандрыка. — День. Нам нужен на это день. Чем меньше твои бревна будут болтаться тут у всех под ногами, тем лучше для всех нас.

— Сколько? — спросил Выговский. Он сразу все понял, едва услышал коротенькое словечко “нас”.

— Нисколько, — Мандрыка пожал тяжелыми, литыми плечами.

— Не понял?

— Все ты, парень, понял, — усмехнулся Мандрыка. — При чем, понял правильно. Мы в деле.

— Мы — это кто?

— Я и тот человек, который берется нам помочь.

И опять, опять царпануло Выговского это словечко — “нам”.

— Но мы об этом не договаривались.

— А в чем дело? Договоримся.

— И сколько вы хотите процентов?

— Никаких процентов. Все на равных. Участок, который мы обеспечиваем... Поважнее всех прочих. Вместе взятых. Но мы не жлобы, мы не требуем слишком много... А на равных — это справедливо. Разве нет?

— Я должен посоветоваться.

— С кем? С ним? — Мандрыка кивнул на Здора. — Я и так вижу — он согласен. Когда работа идет на равных, когда на равных делятся деньги — все согласны. Я вот еще что скажу тебе, парень... Поторопись. Такое положение не может длиться слишком долго. Год... Два... Хотя два — вряд ли. Год. А потом спохватятся.

— Кто?

— Все спохватятся. На всех уровнях. А пока — можно. Так что готовь свои составы. Заказывай суда, договаривайся с турками, шмурками — с кем угодно.

Перед Выговским сидел совсем не тот человек, которого он увидел в первый день. Это уже был не замухранный с прячущимся взглядом, сутуловатый охранник ли, вахтер ли, ночной ли сторож при общественном туалете. Нет, откинувшись на спинку стула и подняв голову, ему в глаза смотрел человек, прекрасно знающий себе цену и, похоже, неплохо разбирающийся в портовых хитросплетениях. Недооценил он Мандрыку, явно недооценил.

— А этот твой человечек... — начал было Выговский, но Мандрыка перебил:

— Он будет через десять минут.

— Да? Ты знал заранее, что я приму ваше условие?

— Конечно. У тебя нет другого выхода.

— И я не найду других людей?

— Почему же... Найдешь. Но они запросят больше.

И он пришел, этот человечек, как назвал его Выговский. Ровно через десять минут мимо окна скользнула тень, в коридоре раздались шаги, дверь открылась без стука, и он возник на пороге — круглолицый, улыбающийся, в сером костюме и при синем галстуке. Чуть полноватый — таких раньше в руководство набирали, они через какое-то время секретарями становились, директорами, такой тип людей требовался во многих областях народного хозяйства — от культуры до металлургии.

— А вот и я! — сказал он, показав ряд зубов, белых, ровных, уходящих в полумрак рта и, кажется, даже продолжающихся где-то там, в глубинах румяного организма. — Борис Петровичем зовут. А фамилия простая и непритязательная — Гуцин. От слова гуца. Есть бурда, баланда, а есть гуца. Так вот я — Гуцин.

— Забыть невозможно, — вынужден был согласиться Выговский и, поднявшись из-за стола, протянул руку.

Прежде чем выйти из номера, я достал из-под матраца пистолет, разобрал его на столе до последней детали, протер, снова собрал, несколько раз нажал на курок — все было в полной готовности. После этого я заново зарядил обойму, вставил в рукоятку, передернул затвор, послал патрон в ствол, и опустил кнопку предохранителя.

Наверно, всего этого можно было и не делать — пистолет был в порядке и я знал об этом. Но простые, необязательные действия по разборке, сборке внушали какую-то уверенность или уж, во всяком случае, надежду на то, что я смогу оказать сопротивление, а может быть, даже успею выстрелить первым. Вот к чему я стремился всегда, справедливо полагая, что важнее всего в жизни именно эта способность — выстрелить первым.

До сих пор удавалось.

После того как я увидел собственную фамилию в ежедневнике директора Дома творчества, самое разумное было — слинять. Первым же автобусом, первым частником рвануть в Феодосию или еще лучше в Симферополь и — на самолет. На любой самолет, который отлетал в каком угодно направлении. Вместо этого я сидел в своем номере, прислушивался к звукам, доносившимся с набережной, и тупо смотрел на пистолет, неестественно удлиненный глушителем. Хороший глушитель, от выстрела он оставлял только легкий щелчок, напоминающий удар маленького камешка по оконному стеклу. Вполне невинный звук, который можно было принять за щелчок пальцами, упавший на пол перочинный ножик, а то и просто обыкновенный человеческий чих. Каждый волен был принять этот звук за что угодно. Главное — не опоздать с выстрелом. Но если я об этом думаю и к этому постоянно возвращаюсь, значит, такая опасность существует.

И еще — мне некуда уезжать.

И не хочется. Была еще одна причина моей привязанности к Коктебелю — меня ведь ищет не только киллер с прекрасно развитым собачьим чутьем, меня ищут и вполне официальные органы. Они не столь ловки и подвижны, но их много и они тоже обладают некой неотступностью. Я встречал собственные фотографии в самых различных местах — от газетных страниц до милицейских щитов. Так что большие темные очки, купленные на Неаполитанской набережной, нужны мне не только для того, чтобы безнаказанно разглядывать загорающих девочек, не только, ребята, не только.

Сунув пистолет сзади за пояс и набросив на плечи джинсовую куртку, я вышел на набережную. Свет не стал выключать — пусть думают, что в номере кто-то есть.

Маленькая площадь перед столовой Дома творчества уже была полна народу. Художники маялись у своих карадагских пейзажей, бабули разложили всевозможные травы, настои, сухие пучки каких-то душистых цветов с гор, тут же торговали керамикой, камнями, подсвечниками и вообще черт знает чем — всем торговали. Уже гремела в ресторанах музыка, медленно передвигались с толпой зацелованные девочки, ошалевшие от них мальчишки, но во всем чувствовалась какая-то прощальная тоска, сентябрь шел, сентябрь.

У разогретого за день парапета неизменно, как профиль Волошина на срезе скалы Карадага, стоял Жора Мельник, разложив свои каменные изваяния. Всю зиму в полном одиночестве бродит он по пустынным пляжам, подбирает после шторма занятые камни и с помощью обломка стального полотна выцарапывает из них все, что увидится его не совсем трезвому взгляду. А с наступлением лета выставляет на парапете длинный ряд всевозможных чудищ, девичьих головок, пожирающих друг друга змей и прочую нечисть.

— Привет, — я пожал его натруженную руку. — Как успехи?

— Один камень купили, два украли.

— Это считается хорошим результатом?

— Неплохим.

— Бывает хуже?

— Все бывает... Прошлым летом нечаянно заснул на пляже — украли целую сумку с камнями. Труд всей зимы. Глоточек?

— Можно.

Жора, не глядя, заводит руку за спину, берет с теплого паркета початую бутылку мадеры и наливает в фужер, который, видимо, на вечер одолжил в соседнем ресторанчике.

— Дыней закусишь?

— Закушу.

Мы пьем холодное горьковатое вино, закусываем дыней и смотрим на проходящие мимо поредевшие толпы отдыхающих. Через неделю их останется совсем мало, а еще через неделю они и вовсе исчезнут.

— Как тебе мое новое произведение? — Жора чуть сдвинулся в сторону, и я увидел стоящий на парапете каменный мужской член. Он был сработан трепетными Жориными пальцами с такими ошарашивающими подробностями, с таким точным соблюдением всех предусмотренных природой впадин и выпуклостей, что при первом взгляде на него брала оторопь.

— Неужели подобное возможно! — пробормотал я потрясенно. Взяв каменную стеллу в руки, я внимательнее всмотрелся в это произведение. Все тело члена было испещрено какими-то растениями, ветвями, листьями, кажется, даже цветами. — А что это? — спросил я.

— “Древо жизни” называется. На женщин сильное впечатлительное производит. Мужья тащат их от этого члена, как от собственного позора, а они шеи выворачивают — все не могут взгляда оторвать.

— Почему?

— Только взглянув на это... На эту вещь, они понимают, как жестоко обошлась с ними жизнь, как убоги и бедны их постельные впечатления.

— Сколько хочешь за него?

— Пятьдесят долларов, — ответил Жора чуть дрогнувшим голосом, ему, видимо, показалось, что заломил многовато.

— Беру.

— Зачем он тебе?

— Не знаю... Вдруг пригодится... Может, подсвечник сделаю.

— Точно берешь?

— Сказал же.

— Пока оставлю, пусть стоит. Народ привлекает.

— Но он мой, — я вынул из кармана и вручил Жоре пятьдесят долларов.

— Я теперь богатый... Да, тебя тут одна девушка спрашивала. Симпатичная такая, фигуристая. Не встречал ли, спрашивает, такого высокого, с короткой стрижкой и на виске родинка, как след от пули...

— Так и сказала — след от пули?

— Так и сказала.

— Странное направление мыслей у девушки. Давно?

— С полчаса назад.

— Узнаешь?

— Узнаю, но раньше ее не видел. А вон она. — Жора показал пальцем в толпу.

Обернувшись, я увидел свою пляжную знакомую. Она опять шла с подружками, такими же до черноты загорелыми. Увидев меня, весело помахала рукой, подняв ее высоко над головой. Я ответил. Девушка что-то сказала подружкам, все весело рассмеялись и, не задерживаясь, не ускоряя шага, пошли дальше, увлекаемые разморенной жарой толпой.

У меня отлегло от сердца.

Киллеры не ходят толпами, не смеются весело при встрече со своими жертвами и не приветствуют их взмахами руки.

— Я понял, что она о тебе спрашивает, — сказал Жора. — Сказал, что да, бывает здесь такой. Слова о тебе хорошие произнес. У вас завяжется. Поверь моему южному опыту.

— Спросила еще что-нибудь?

— Как зовут спросила. Я сказал. Она твоя, не теряйся. Хочешь, отсеку ее подружек?

— Потом. Шампанского выпьем?

— Я вообще-то больше по мадере...

— Выпьем, — сказал я. — У меня с шампанским связаны неплохие воспоминания.

— Тогда надо, — согласился Жора.

В соседнем киоске я взял две бутылки завода "Новый свет". Когда-то в Москве мы гонялись за этим вином, а здесь его навалом. Как все меняется — то, что было почти недоступно, валяется под ногами. Бери — не хочу. А то, что казалось естественным, вдруг исчезло, и, кажется, навсегда.

Мы сели на парапет, открыли бутылку и стали по очереди прихлебывать из роскошного ресторанного фужера. За свой тыл я был спокоен — со спины только море, откуда ко мне не подобраться. А передо мной — медленно проплывающая толпа. Наступили сумерки, и торговцы осветили свои прилавки искусственными фонарями, подсветками, светильниками.

— Хочешь, прочту стихи? — спросил Жора.

— Свои?

— Конечно.

— Свои читай.

— Ты проснулся — нет вина, И к тому ж в чужой постели. Значит — точно с будуна, Значит — точно в Коктебеле!

— Неплохо, — сказал я, открывая вторую бутылку. — Мне нравятся. Они где-то напечатаны?

— Нет.

— Надо напечатать.

— Это не уйдет, — беззаботно ответил Жора.

— Уйдет. Все уходит.

— Но мы-то остаемся! — рассмеялся он.

— И мы уйдем.

— Как знать. — Я чувствовал, что сзади, из-под моей куртки, четко проступают контуры пистолета, но это меня не беспокоило — за спиной был простор моря, оттуда просто некому было увидеть эти зловещие очертания.

Неожиданно совсем рядом раздался выстрел. Я замер, сжался, даже, кажется, закрыл глаза...

Но нет, обошлось. Целью был не я. Как оказалось, цели вообще не было — взорвалась какая-то лампа. То ли вода в нее попала, то ли кто-то опрокинул треногу с картинками. В толпе засмеялись, посыпались шуточки-прибауточки, а Жора вообще ничего не услышал. Счастливые люди — грохот выстрела их только забавляет. Если вообще они его услышат. Когда-то, совсем недавно, и у меня было такое же состояние. Если сейчас любой резкий звук я воспринимаю как выстрел, то всего два года назад я тоже готов был принять его за что угодно — упала книга с полки, кто-то уронил молоток с крыши, дети с хлопушками забавляются... Другая была жизнь.

Опять прошла стайка знакомых девушек — теперь в обратную сторону. Мы с Жорой сидели в тени, они нас не заметили. Девушки все так же веселились, что-то рассказывали друг другу и казались совершенно довольными жизнью.

— Пойду, — сказал я, спрыгивая с теплого паркета.

— Напрасно. Все только начинается! Через полчаса такая жизнь здесь пойдет, такие люди появятся, такие события случатся... Оставайся! Я за вином сбегая, а?

— Пойду. Дерево жизни не потеряй. Оно уже мое.

— В самом деле хочешь подсвечник сделать?

— Может быть.

— Могу дырочку просверлить в интимном месте... Вставишь гвоздик, наденешь...

— Жора! — сказал я негромко. — Я сам вставлю гвоздик, хорошо?

— Виноват! — Жора склонил голову.

— Пока. — Я пожал ему руку и шагнул в сторону калитки Дома творчества. Там сразу же начинались кусты, шла сетка-забор дома Волошина и скрыться было нетрудно. Постояв немного в зарослях, я убедился, что никто за мной не идет, никто меня не высматривает. В свете слабого фонаря проходили пары, на ходу целовались, на ходу тискались и снова исчезали в темноте. Все так же кустами я прошел в сторону чайного домика, на ощупь, в

темноте перепрыгнул через канаву с жижей, текущей из столовой, и вышел к главной аллее. Она была совершенно темной, от прежних счастливых времен не осталось ни единого фонаря на всем ее протяжении. Только по отдельным смутным пятнам, по мерцающим сигаретам да изредка доносящимся негромким голосам можно было догадаться, что по аллее идут люди, мужчины и женщины, дети и собаки. Когда-то, в другие времена, здесь не смела показаться ни одна машина, а теперь свет фар вызывал радость и чувство облегчения — можно было увидеть, где идешь, кто вокруг, куда нужно свернуть.

Расположившись в кустах на скамеечке, я некоторое время наблюдал. Все было спокойно, ничего не насторожило меня, не вызвало подозрений. За спиной грохотал оркестр — так, что с деревьев опадали подвявшие осенние листья. Несколько окон в корпусе светилось оранжевым цветом — шторы во всех номерах были задернуты.

Убедившись, что вокруг никого нет, я быстро прошел к своему подъезду, по длинной, одномаршевой лестнице поднялся на второй этаж, вошел в номер и тут же повернул в двери ключ на два оборота.

Поправил шторы, чтобы не было ни малейшего просвета, включил верхний свет и подошел к зеркалу. Да, действительно, на правом виске можно было заметить не слишком темную родинку. Ее нетрудно было увидеть с близкого расстояния, когда разговариваешь с человеком глаза в глаза, когда стоишь в вагоне метро или в троллейбусе. Но в том-то все и дело, что кроме Жоры и нескольких человек в столовой я ни с кем не разговаривал. И уж, во всяком случае, солнечная девушка не подходила ко мне достаточно близко.

На пляже?..

На пляже я постоянно был в темных очках, а они напрочь перекрывали этот мой опознавательный знак. Когда я надевал очки, увидеть родинку было невозможно. Значит, здесь есть люди, которым о ней было известно заранее?

И все-таки я никак не мог заставить себя поверить в то, что киллерская машина, запущенная год назад, и сегодня, когда никого уже нет в живых, никого, включая меня самого, продолжает действовать. Я знал, что так бывает, но в то, что это так и есть, — поверить не мог.

В этом была еще одна причина того, что я все-таки остался в Коктебеле. Да, моя фамилия в ежедневнике у директора. Да, кто-то там на пляже уловил момент и увидел родинку на моем виске... Ну и что?

Та же милая девушка могла увидеть меня в толпе без очков? Вполне могла.

Кто-то мог у директора спросить о человеке с такой же фамилией? Мог.

Все. Остаюсь.

Говорю же — нет меня в живых. В лучшем случае они прострелят труп, но не живого человека. Когда-нибудь, где-нибудь какая-то часть моего организма, возможно, и оживет. Может быть, мозги, сердце, может быть еще кое-что... Не зря же Жора всю зиму выскабливал из камня ту самую штукювину, не зря же я купил ее...

Да, не забыть забрать. Пусть будет при мне.

Странные вещи начинают происходить среди незнакомых людей, когда они объединяются ради какого-то дела. Каждый из них уже не тот, кем был раньше. Из глубин организма выныривают качества, о которых человек раньше и не подозревал. Или наоборот — исчезают черты, особенности, которые когда-то его угнетали, мешали жить.

Говорят, деньги меняют человека, портят, более того — переждают. Ничуть.

Никакие деньги человека изменить не могут. Деньги делают другое, более страшное — они вызволяют те качества, те свойства характера, которые были в нем всегда, но раньше он о них не осмеливался даже заикнуться — настолько они были несовместимы с прежней жизнью, с прежними возможностями.

Стоило Здору вставить новые зубы, он тут же, вместе со старыми, проевшимися железками, сам того не заметив, отбросил и зависимость от Выговского, исчезло заискивание, появилась даже некоторая твердость, которая поначалу выглядела обыкновенной капризностью. Выговский усмехался про себя, но уже чувствовал, понимал — капризность твердеет, может быть, даже окаменеваает, и вот-вот он получит вместо прежнего Здора человека самовольного, а то и попросту неуправляемого.

Теперь их уже было в челне семь человек, и все понимали — хватит.

Гущин с Мандрыкой взяли на себя порт, Выговский по инерции продолжал осуществлять общее руководство, но понимал, чувствовал — так будет не всегда. Все чаще возникал Гущин, что-то было в этом Гущине. За всеми его улыбочками, румяными щечками, молоденьким брюшком, к которому он еще не привык и потому постоянно втягивал в себя, продолжая носить прежние одежды, за всем за этим просматривался человек цепкий, если не сказать жадный. Опыт — вот что было в Гущине. Опыт руководства людьми. Он с ходу, быстро, в две-три встречи определил слабое место каждого и как бы повесил на спину каждому невидимый ярлык.

Появились еще трое, они не могли не появиться. Начальник какой-то северной железнодорожной станции Горожанинов — рыжий, кудрявый, с золотыми зубами, с манерами вольными и раскованными. И походочка у него была какая-то расхлябанная, при ходьбе ноги от колена выбрасывал вперед, когда разговаривал, плечиками играл. Да, можно сказать, что жестикули-

ровал ими, вздергивал, удивляясь, в недоумении поднимал, почти прижимая к ушам, — такой вот человек был. Но при этом три состава платформ организовал быстро, четко, загрузил их и отправил со всеми полагающимися документами.

Появился начальник северного лагеря — Здор затащил в компанию, сидел он когда-то у него. Усошин была его фамилия, Николай Иванович Усошин. Недоверчивый, настороженный — видимо, работа с зеками выработала в нем эти качества. Слушал всех внимательно, но маленькие глазки оставались неподвижными, будто пытался понять не только сказанное, но и второй смысл слов, и третий. При этом Усошин как бы ни в одно слово не верил, будто наверняка знал — обманывают и будут обманывать впрямь.

И еще появился Агапов. Сергей Агапов. Бывший десантник, вернулся он после армии в те же самые края, откуда был взят на службу. Поскольку все его сверстники за это время окончательно спились, некоторые сели, иные слиняли куда подальше, Агапов остался чуть ли не единственным на весь поселок, кого можно было назначить начальником леспромхоза. Прежнего уже при нем, уже после возвращения из армии, застрелили на дальнем участке, по пьянке застрелили. Поддавал мужик и, напившись, вел себя в компании непочтительно. За что и получил заряд картечи в живот.

После этого и стал Сергей Агапов начальником, как-то естественно стал. А поскольку прошел десантные войска, прыгал с парашютом, разбивал головой кирпичи, падал и поднимался, то поселился и окреп в его душе некий авантюризм. А особенно окреп, когда он стал начальником леспромхоза. Убедился опять же, что все им испытанное и достигнутое должно в дальнейшем находить применение.

Когда Выговский приехал к нему в избушку и предложил работать вместе, Агапов сомневался недолго — между первым и вторым стаканом. Собственно, уже второй стакан был освящен тостом деловым и кое-что сулящим в этой жизни, полной смертельного риска и всевозможных неожиданностей — так красиво и убедительно выразился Выговский, поднимая опять же второй стакан.

— Сколько нас? — спросил Агапов.

— Человек семь, восемь... Где-то так. — Выговский неопределенно повертел в воздухе растопыренной ладонью.

— Кто такие? — В немногословных и предельно четких вопросах Агапова чувствовался печальный жизненный опыт — кидали его, уже успели шустрые люди кинуть на два состава леса. А кроме того, по складу своего характера и тела, по росту, ширине плеч он понимал, что так и должен себя вести — требовательно, строго, говорить кратко, пить много и ни в коем случае не пьянеть. Все это ему удавалось и все, как ни странно, производило впечатление на Выговского. Тот даже немного сник, понял,

что с этим мужиком нельзя вести себя как со Здором — этак снисходительно, а то и поощрительно. Но в то же время почувствовал, что они во многом одинаковы, и когда начнутся разборки, а в том, что разборки начнутся, он не сомневался, так вот, он решил, что с Агаповым они найдут общий язык.

— Значит, так, старик. — Выговский разлил по стаканам водку и хорошим таким, широким жестом отставил бутылку в сторону, поддернул рукава пиджака, в упор посмотрел на Агапова. — Ты последний.

— В каком смысле?

— Кроме тебя, нам уже никто не нужен. Все схвачено.

— Но все пока на свободе?

— Не понял?

— Шутка.

— А, — протянул Выговский без восторга. — Разные шутки бывают. Но есть, старик, вещи, которыми не шутят.

— Не буду. — Агапов успокаивающе похлопал Выговского по плечу, и тот опять подумал — с этим будет тяжело. — У меня тут по соседству зеки разрабатывают лес. Командует ими некий Усошин. Не слыхал? Если попадешь к нему на отсидку — могу словечко замолвить. Поставит хлысты отсекать.

Это была проверка, и Выговский сразу понял, почему Агапов заговорил об Усошине. Они наверняка уже перезвонились и все обсудили. Проверка наивная, северная, и к тому же Выговский ждал чего-то подобного.

— Усошин тоже с нами, — сказал он как бы между прочим, даже не глядя на Агапова.

— Да? — удивился тот. — Надо же... Значит, обошел меня Николай Иванович.

— Никого он не обошел. Мы все на равных. В этом главное — никому не обидно, никто не тянет одеяло на себя. Все получают поровну.

— Так, — протянул Агапов. — Мы с Усошиным лес даем, а вы все? На равных с нами?

— Вот и начался серьезный разговор. — Выговский привычно сел на своего конька. Теперь ему было просто. Все, что предстояло сказать этому северному человеку, он проговаривал не один раз и всегда добивался успеха. У него были козыри, и он начал по одному выкладывать их на стол. — Готов?

— Готов, — сказал Агапов.

— Тогда поехали. Твой лес, Агапов, никому не нужен. Он тонкий, не проходит по европейским стандартам. Диаметр тонкого среза не должен быть меньше тридцати сантиметров. Наберешь железнодорожный состав такого леса?

— Нет.

— А у меня есть покупатель.

— Кто?

— Турок.

— Как зовут твоего турка?

— Фаваз.

— Это его настоящее имя?

— Да. Он учится у нас. Жена его здесь.

— Где учится?

— Остановись, Сергей. Остановись. Если я отвечу на все твои вопросы, ты через пять минут пошлешь меня очень далеко. Фаваз платит наличными. Принять, разгрузить судно с лесом в Турции ли, в Ливане... Это его проблема.

— А потом поминай как звали?

— Я с Фавазом работаю третий год. По мелочи, правда, но третий год. Это первое. Второе — мы затеваем дело надолго. Ему невыгодно кидать нас после первого или второго судна.

— Почему невыгодно? Очень даже выгодно.

— Фаваза я беру на себя. Он у меня на крючке.

— На хорошем крючке?

— Да. — Выговский помолчал, не решаясь сказать нечто важное. — Ладно, скажу. Его сына Фариды я запихнул в один подмосковный интернат. Сына он не бросит.

— Дальше?

— Порт. Новороссийский порт наш.

— В каком смысле?

— В том смысле, что там есть люди, которые уже ждут твой лес. И в течение недели отправляют его в Турцию. Со всеми необходимыми документами.

— А таможня?

— Их проблемы.

— Значит... Был бы лес? — усмехнулся Агапов.

— Да, вся цепочка подготовлена.

Агапов долго молчал, ходил по комнате, стоял у низкого окна, уперевшись лбом в раму, кому-то махнул рукой, дескать, поговорим потом, занят. Подошел к столу, допил водку из своего стакана, сел. Некоторое время исподлобья рассматривал Выговского.

— А ты кто? — наконец спросил.

Выговский молча сунул руку в карман пиджака и положил на стол паспорт. Агапов мельком заглянул внутрь и, похоже, даже фамилию за эти секунды не успел прочитать. Отодвинул.

— Настоящий?

— Изучай. Сличай. Запрашивай. Устанавливай. Тут же у вас по лесам достаточно специалистов.

— Найдутся. — Агапов опять надолго замолчал. — Повидаться бы надо...

— Повидаемся.

— Печати, штампы, бланки?

— Все есть.

— Контора?

— Есть.

- Секретарша?
- У каждого своя.
- Казначей? Кассир?
- Все на изготовке.
- Бухгалтер?

— Приезжай в Москву, познакомишься. Сам же сказал, что повидаться надо. Мандрыка его фамилия.

- Хохол?
- Может быть.
- Хитрожопые они.
- Разберемся.

— Так, — протянул Агапов. — Так, — повторил через некоторое время. — Чувствую, плохо все это кончится. А устоять не могу. Чувствую... сяду. В лучшем случае. А отказаться... Не нахожу в себе сил. Представляешь?

— Через год, самое большое через два... Мы все слиняем. Ближайшие два года в стране будет катавасия и кошмарный дом. С этими властями наверху ничего не изменится. А потом... Когда люди будут жить в Абрау-Дюрсо, а отдыхать на Канарах, ты будешь сидеть вот в этой же избе, пить паршивую водку и закусывать еловыми шишками.

— Если шишки хорошо приготовить... Да с грибочками... Да под клюковку... — начал было Агапов и не закончил, сам себя оборвал. — Когда встречаемся?

— Если договорились, я уезжаю сегодня. — Выговский посмотрел на часы.

— Договорились.

— Тогда через неделю встречаю тебя в Москве. На Ярославском вокзале. Мы все соберемся. Выпьем шампанского, подпишем бумаги...

— Какие бумаги?

— Сам же говоришь — печати, штампы, бланки... Телефоны. Секретарши.

— Да, все правильно, — вынужден был согласиться Агапов. — Без этого нельзя. Выпьем?

— Надо, — кивнул Выговский.

Быстро взглянув на Агапова, он вдруг поймал его взгляд, устремленный в окно, — столько было в нем какой-то неизбежной тоски, столько раскаяния в еще не совершенном, что Выговский содрогнулся от дурных предчувствий. Но Агапов уже возвращался к столу с новой бутылкой водки, а его жена несла с кухни громадные, только что со сковородки котлеты. Печальный миг прозрения исчез, растворился, будто его и не было. И произойдет много чего, пока и Агапов, и Выговский вспомнят этот вечер, освещенный красным закатным солнцем.

— Чувствую — вялаюсь, а отказаться не могу! — уже весело сказал Агапов, скovyривая вилкой алюминиевую нашлепку с горлышка зеленой бутылки.

Перемены и надежды еще только носились в воздухе, а нетерпение уже охватило всех, ребята невольно, незаметно, но начали меняться. В лучшую ли сторону, в худшую, кто знает, но пошло, пошло, и, похоже, эти перемены не могли вот так быстро прекратиться. Да никто и не собирался возвращаться к себе прежнему, поскольку не было еще никаких признаков опасности, никаких зловещих превращений.

Были этакие милые уточнения своего прежнего облика, и не более того.

Ну, вставил Здор зубы, хорошие зубы вставил, дорогие, мог теперь широко и неуязвимо улыбаться любой красавице. Теперь уже никто не называл его фиксатом. И окажись он рядом с Шарон Стоун... Нет, не дрогнул бы, не спасовал. Вдруг выяснилось, что Здор предпочитает костюмы из тонкой серой ткани, и он нашел такие костюмы где-то на Тверской, недалеко от Центрального телеграфа. Не остановила его ни цена, ни простенькая этикеточка с грубовато исполненным словом "Версаче". Было ощущение, что какие-то силы уже втянули его в неодолимый водоворот и он просто вынужден вертеться в нем, теперь это его жизнь, желанная и долгожданная.

А Мандрыка вдруг, ни с того ни с сего, зачесав волосы назад, обнажив аристократические залысины, распрямив плечи, отказавшись от придуманной сутуловатости, неожиданно предстал достаточно высоким и статным. Даже взгляд его изменился — в нем обнаружилась ирония, снисходительность, вызов человека, уверенного в своем превосходстве. И еще в Мандрыке проявилась любовь к клетчатым пиджаками и белым сорочкам. И он эту открывшуюся страсть не собирался подавлять, наоборот, поощрял и всячески приветствовал. Гладко зачесанные назад волосы, клетчатый пиджак, однотонный галстук глухого зеленого цвета... Нет, это был уже не Мандрыка из новороссийской мазанки, это уже был международный воротила, во всяком случае, принять его за такового можно было вполне.

Надо обратить внимание на одну тонкость. Дело вовсе не в том, что ребята, продав несколько составов леса, решили принарядиться, вовсе нет. Они остро, с какой-то внутренней болью ощутили, что прежние их одежды никак к ним не подходят, более того, эти одежды как бы принижают их, если не позорят. А вот новые — новые и сидят хорошо, и вполне им соответствуют. В новых они спокойно говорили о женщинах, о больших деньгах, обсуждали время пути сухогруза от Новороссийска до Бейрута и обратно, прикидывали способы увеличения производительности труда в зековских лагерях, осуждали низкую пропускную способность отечественных железных дорог...

Появился Фаваз, которого обещал Выговский и так долго ото всех скрывал. Представить всем Фаваза он решил, когда была оформлена фирма, получены печати и штампы, а он, Выговский, назначен председателем правления "Нордлеса".

У Фаваза был вполне легальный офис — недалеко от метро “Дмитровская”, на каком-то этаже большой гостиницы, отделанной зеленоватым кафелем. Сам он при ближайшем рассмотрении оказался человеком полноватым, с большими, черными, влажными глазами и молчаливой улыбкой. И голос у него был негромкий, мягкий, с правильным выговором — видимо, в России он находился далеко не первый год. Тут же, в офисе, чем-то занималась и его жена, русская, Валентина. Невысокая, плотная, с откровенно блудливым взглядом. Одета она была во все черное, но с многочисленными золотыми подробностями — кольца, браслеты, цепочки, кулоны. Как заметил Выговский, золото было хорошее, желтое, высокой пробы.

— Я всех вас рад видеть, — сказал Фаваз. — Но договариваться буду с кем-то одним. Извините.

— Со мной, — сказал Выговский.

— Очень хорошо. Когда лес будет в Новороссийске?

— А когда будет судно из Турции?

— Лес там должен быть раньше, — сказал Фаваз. — Извините.

— Будет, — сказал Горожанинов. — Это на мне.

— Если судно уйдет пустым... Я разорен. Извините, пожалуйста.

— Лес не может долго находиться в порту, — сказал Выговский. — Или мы верим друг другу, или не верим.

— Конечно, верим, — сказал Фаваз и понимающе улыбнулся. — Я не первый год в России и немного знаю ваши условия. Поэтому договоримся так... Я сам поеду в Новороссийск. И как только увижу в порту лес, сразу связываюсь с Турцией. На следующее утро судно выходит из Стамбула и через сутки будет в Новороссийске.

— Когда оплата? — спросил Мандрыка.

— Как только судно выйдет из порта. Из Новороссийска.

— Гарантии?

— Моя собственная жизнь. Жизнь моей жены. — Фаваз мягким восточным жестом указал на молчавшую все это время Валентину. — Мы хотим работать долго. Нам невыгодно обманывать друг друга. Обманывать вообще невыгодно. Это знает любой коммерсант. Я давно занимаюсь коммерцией. А вы... Как мне кажется... Недавно. Извините.

— Где расплата? — спросил Мандрыка.

— Здесь. И еще одно... Мне бы не хотелось расплачиваться со всеми. Платить буду одному.

— Мне, — сказал Мандрыка до того, как кто-то успел сообразить что к чему. — Я бухгалтер и кассир.

— Да, мы будем вдвоем, — кивнул Выговский, застолбив и свое участие в этом щекотливом деле.

— Пусть так, — согласился Гуцин, тоже пожелавший познакомиться с Фавазом. — Порт на мне, и я готов обещать вам от-

грузку качественную и быструю. Но мне нужен аванс — задействованы многие люди.

— Нет. — Фаваз покачал головой. — Извините. Никаких авансов. Потом, немножко позже, когда мы с вами отправим три или пять судов и будем больше доверять друг другу... Можно поговорить об авансе.

— Кроме стоимости леса, есть еще стоимость оформления документов, — сказал Гуцин.

— Извините — это ваши проблемы. И доставка по железной дороге — тоже ваши проблемы. И заготовка леса...

— А в чем ваши проблемы? — не выдержал Мандрыка этого перечисления.

— Арендовать судно, доставить товар по месту назначения, продать его там, получить деньги и рассчитаться с вами.

— Подписываем договор? — спросил Выговский.

— Зачем? — удивился Фаваз.

— Чтобы в будущем мы могли разговаривать друг с другом... Без капризов.

Разговор продолжался, каждая сторона опасалась оказаться в дураках, оказаться кинутой и обманутой. У Фаваза опыт был гораздо больший в торговых делах, поэтому все не один раз возвращались к одному и тому же, пытаясь подстраховаться. Фаваз улыбался с молчаливой затаенностью. Он сразу понял, что его гости — люди новые в торговле и в бизнесе, что они неопытные. Ему с ними было легко, на все их наивные вопросы он отвечал полно и убедительно. Фаваз даже сам подсказывал вопросы, которые еще не успели созреть у Выговского или Мандрыки, они радостно хватались за подсказку, а он тут же терпеливо отвечал, как отвечают родители детям на первые их вопросы о жизни.

Гуцин в разговоре почти не вмешивался, лишь внимательно наблюдал за Фавазом. И он, прожженный и отпетый, прошедший школу в самое сложное время, понял — Фаваз жулик. И осознав это, сразу успокоился — с жуликом легче иметь дело. Куда сложнее работать с серьезной фирмой, которая каждый свой шаг сверяет с собственным юристом и не отступает от подписанного договора ни на единый пункт.

А жулик... Пусть будет жулик.

— Может, кофе? — предложил Фаваз.

— Охотно, — быстро сказал Гуцин.

Собственно, во время этой встречи Фаваз не совершил ни единой ошибки, кроме этого вот предложения выпить кофе. Да, собственно, это и не было ошибкой, ошибкой его гостеприимство стало через год, или через два, когда вдруг отношения между соратниками обострились и понадобились дополнительные сведения. А они, эти дополнительные сведения, неожиданно, как бы сами собой, всплыли в разговоре Валентины и Здора.

Все произошло очень мило. Валентина в черных арабских одеяниях, европейского, между прочим, покроя, Здор с новыми

зубами и в костюме от Версаче быстро нашли общий язык, и разговор между ними, легкий и непосредственный, произошел именно в те несколько минут, пока Валентина включала чайник, кипятила воду, разливала ее в чашки и вскрывала банку с кофе.

— Вы, простите, жена Фаваза? — спросил Здор с такой изысканной галантностью, с которой он мог бы, наверно, обратиться к самой Шарон Стоун. А ведь обратится, а ведь произойдет, случится и состоится. Все у ребят состоится, просто ошарашивающе все.

— Да, мы поженились с ним года четыре назад. В Запорожье.

— В Запорожье?! — не то ужаснулся, не то восхитился Здор и, упав в кресло, закинул ногу за ногу — новый костюм очень выгодно подчеркивал достоинства его тощевой фигуры.

— Да, Фаваз учился в машиностроительном институте, а я там же работала на кафедре геодезии.

— Кем? — на этот раз в голосе Здора было только восхищение.

— Лаборанткой, — простодушно, с легкой запорожской вульгаринкой ответила Валентина.

— Но ведь надо разбираться во всех этих кошмарных приборах? — продолжал куражиться Здор, даже не подозревая, что в эти минуты он получает самую важную информацию, которую только можно было получить о Фавазе.

— Не такие уж они и сложные, — махнула Валентина полноватой, но все еще прекрасной рукой. — Было бы желание.

— Так вы родом из Запорожья?

— Почти. — Она все с той же милой вульгаринкой передернула плечами — чему, дескать, здесь удивляться. — Но сейчас я больше живу в Ливане, чем на берегах Днепра.

— Так Фаваз из Ливана?

— Да, и братья его, и родители живут в пригороде Бейрута.

— А мне казалось, что он турок... — растерянно пробормотал Здор.

— Какая разница! — рассмеялась Валентина. — Все они одинаковые.

— Ха! — восхитился Здор. — Прекрасно сказано! А ваши родители в Запорожье?

— А где же им быть? Если не в своей деревне, то в Запорожье.

— Как же вы общаетесь с родственниками Фаваза?

— На арабском! — Валентина горделиво вскинула голову. — Я, между прочим, очень неплохо знаю арабский!

— О чем речь? — В дверях стоял встревоженный Фаваз — он не заметил, как Здор уединился с Валентиной. Видимо, не вполне доверяя своей жене, он старался не оставлять ее с молодыми мужчинами в костюмах от Версаче. Но, увидев, что Здор сидит в кресле, а Валентина хлопочет возле столика, разливая кипяток по чашкам, успокоился.

— Хвастаюсь познаниями в арабском языке, — ответила Валентина на все невысказанные вопросы Фаваза.

— А! Ей есть чем похвастать! Она арабский знает лучше, чем я русский.

— Даже так! — вежливо восхитился Здор. — А я в языках туп и бездарен.

— Это только кажется! — рассмеялась Валентина. — Окажись вы в Бейруте на целый год среди чужих... Заговорите! Никуда не денетесь.

— Но ты там была не среди чужих! — тонко заметил Фаваз.

— Конечно! С папой и с мамой я там была!

— С моими папой и мамой, — поправил Фаваз.

— Не надо! — Валентина пренебрежительно махнула рукой.

— Что не надо?

— Не надо нас дурить!

“Ого! — подумал Здор восхищенно. — Да ведь она наш человек!”

И не знал, не догадывался бедолага, какие разборки будут у него с этой Валентиной, и кто знает, чем все кончится, кто знает... Но ничто в нем в этот момент не дрогнуло, ничто не подсказало грядущих потрясений. И Валентина тоже отнеслась к их мимолетному разговору спокойно, с легким, почти неуловимым блудом в смутной улыбке. Похоже, иначе улыбаться она и не могла. И последнюю ее улыбку Здор запомнит такой же — с нетвердым обещанием и явной готовностью к чему угодно.

Завертелись, завертелись события. Никто не встал на пути, никто не попытался остановить происходящее. Будто высшие силы сознательно решили помогать до конца с единственной целью узнать, что же из всего этого получится. Ничего хорошего не получилось, хотя путь был ясен и победен. Во всяком случае, поначалу.

Уже через месяц, ровно через месяц Фаваз позвонил в фирму “Нордлес”. Да-да, к тому времени у ребят была контора или, как сейчас говорят, офис — три комнаты, в которых располагались кабинет руководства, секретарь с факсом и место отдыха, где уставшие фирмачи отдыхали за бутылкой шампанского. Почему-то привилось именно шампанское. Выговский как-то бросил красивые слова, которые понравились многим — кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— О! — удивился начальник лагеря Усошин. — Надо запомнить.

— Постараюсь, чтобы ты этого не забыл! — весело рассмеялся Мандрыка.

В общем, позвонил Фаваз и пригласил приехать. Поехали Выговский, Агапов и Мандрыка. О, этот Мандрыка!

Когда он распрямылся, вскинул голову с зачесанными назад волосами, раздвинул плечи и втянул живот, оказалось, что он ничуть не ниже Выговского и Агапова. Честно говоря, он все-та-

ки был маленько пониже, но залысины породистого аристократа, клетчатые пиджаки при белоснежных сорочках создавали ощущение такой значительности, что несколько сантиметров роста не имели никакого значения.

Фаваз оставался, как обычно, молчаливо улыбчивым, движения его были мягкими, какими-то обтекаемыми, а жесты — уважительными.

— Прошу садиться, располагайтесь, пожалуйста... Вас трое... О!

— Это плохо? — спросил Мандрыка.

— Это прекрасно! В русских сказках число "три" всегда немного волшебное, правильно?

— Да, что-то есть, — кивнул Выговский. — А у вас какое число волшебное?

— Семь... Хорошее число.

— О! Тогда мы сойдемся! — радостно воскликнул Агапов. — Нас в фирме как раз семь человек.

— Это удивительно! — восхитился Фаваз. Не говоря больше ни слова, он открыл посудный шкаф и, вынув оттуда стопку долларов, положил их на стол перед онемевшими посетителями. — Здесь пятьдесят тысяч, — сказал Фаваз с некоторой скорбью в голосе. К этому потом все привыкли — о деньгах он всегда говорил печально, будто прощался с близким человеком.

— Я, честно говоря, — первым пришел в себя Мандрыка, — рассчитывал на большую сумму.

— На какую?

— Вы же слышали — нас семеро. Как мы будем делить эти деньги?

— На какую сумму вы рассчитывали?

— По десятке на брата.

— Очень хорошо. — Фаваз снова открыл дверцу посудного шкафа, вынул оттуда еще две пачки и положил сверху. — Теперь все в порядке?

— Да, — с некоторой заминкой ответил Выговский. — Теперь все в порядке.

— Я хочу сказать следующее. — Фаваз отошел от шкафа и сел за круглый стол. — Не только вам приходится нести накладные расходы, но и мне... Еще неизвестно, кому больше. Но мы только начали пробивать дорогу. Все, что мы делаем, — это впервые. Испытываем идею, проверяем и друг друга, правильно?

— Совершенно согласен.

— Извините, я еще не все сказал. — Фаваз помолчал. — Мы испытываем и сами себя. Может оказаться, что самые большие трудности нас поджидают именно здесь. Вы сказали, что поделите эти деньги. — Фаваз кивнул на стопку долларов посредине стола. — Не знаю, будут ли части равными... Это вы решите сами. Но не все будут согласны на дележ поровну.

— Вы так хорошо нас знаете? — спросил Мандрыка.

— Я знаю людей, — виновато улыбнулся Фаваз.

— Все люди одинаковы?

— Извините... Да. Мне так кажется. Я могу ошибаться, но у меня не было случая убедиться в обратном. Я всегда убеждался в том, что люди одинаковы. Кто-то приложил больше усилий, кто-то — меньше... Наверное, найдется человек, который не приложил никаких усилий... Но он тоже хочет получить свои десять тысяч долларов. А если он их получит, тот, кто работал больше, будет обижен.

— Стерпим, — буркнул Выговский.

— Это хорошо. — Фаваз сидел некоторое время молча. — Только терпение — это такое состояние... Я правильно выражаюсь? Такое состояние, которое не бывает слишком долгим. Как и все на этой земле... Извините.

— Разберемся, — проворчал Выговский, поднимаясь и рассовывая доллары по карманам. — Во всем разберемся, выясним, уточним и доложим.

— Когда будет следующий состав?

— Он уже в порту.

— Очень хорошо, — кивнул Фаваз. — Значит, сегодня судно выйдет из Стамбула. Вы когда-нибудь были в Стамбуле?

— Собираемся.

— Когда соберетесь — скажите мне. Я постараюсь организовать вам небольшую экскурсию по Стамбулу. С посещением мест, которые вам захочется посмотреть.

— Неплохая идея, — рассмеялся Выговский, пожимая на прощание пухловатую ладонь Фаваза.

Музыка по ночам становилась все тише и заканчивалась все раньше — к четырем утра уже наступала тишина. Самые свирепые танцоры постепенно разъезжались по домам, и оставались люди степенные, выдержанные. Они не любили яркого солнца, предпочитали осеннюю прохладу, тишину и красное вино в умеренном количестве.

Пока чебуречник, молодой полуголый парень, готовил свое блюдо, я молча стоял за его спиной, прислонившись к дереву. Не торопился, не проявлял недовольства. Если уж откровенно, то я его и не видел.

— Ну почему ты такой невеселый?! — не выдержал он молчания. — Что тебя достает?

— Вчера было слишком весело.

— А! — радостно вскричал парень. — Тогда все понятно. Сейчас полегает. Только мой тебе совет — не похмеляйся вином. Будет еще хуже.

— Пивом?

— Ты что?! — Он, кажется, действительно ужаснулся. — Пиво на похмельку — это смерть!

— Но ведь всегда...

— Это смерть! — перебил он меня. — Пиво можно пить и много, и в охотку, пребывая в свежем, незамутненном алкоголем состоянии! Только тогда оно может принести скромную, ни для кого не заметную радость бытия.

— Красиво говоришь, — вырвалось у меня.

— Не всегда же я чебуреки делаю.

— Чем еще занимаешься?

— А! — Он досадливо бросил руку сверху вниз и снова обратился к блестящим металлическим валикам, с помощью которых раскатывал тесто в плоские лепешки.

Продолжать разговор было не о чем, и, съев два чебурека, я медленно двинулся вдоль опустевшей сентябрьской набережной, мимо поредевших киосков, мимо причала к пляжу нудистов, которые изо всех сил делали вид, что сливаются с природой, что им легко бегать, загорать, жить нагишом, блистая скромными своими мужскими и женскими достоинствами.

На моих глазах с ревом оторвался от асфальтовой дорожки и круто взмыл над морем красный дельтаплан. Пролетев над пляжем, он устремился к острым вершинам Карадага и через минуту скрылся за скалой. Я представил себе вид, который, наверно, открылся сейчас с дельтаплана, и, не раздумывая, уселся в кресло готового взлететь самолетика.

— Семьдесят гривен, — сказал пилот, полуобернувшись.

— Договорились.

— Можем и дольше полетать.

— Договоримся.

— Пристегивайся.

Щелкнув жиденькой пряжкой, я поплотнее вжался в кресло и приготовился к острым ощущениям. Дельтаплан оторвался от асфальта удивительно легко, вошел в вираж, тут же снова выровнялся, и неожиданно оказалось, что мы уже на приличной высоте, гораздо больше ста метров, и скалы Карадага приближаются к нам с пугающей быстротой.

— Ну как? — прокричал пилот.

— Нормально.

— Дальше летим?

— Летим.

Самолетик обогнул монументальный профиль Волошина, вблизи оказавшийся бесформенным нагромождением камней, под нами промелькнули глыбы Лягушачьей бухты — когда-то свалившиеся с вершин гор и навсегда замершие в прибрежной гальке. Неожиданно справа показалась отвесная скала, торчащая прямо из травы, — она уходила ввысь метров на сто, наверно, никак не меньше.

— Чертов палец! — прокричал пилот.

— Чей палец? — не расслышал я.

— Чертов! Понял? Чертов палец!

— Давай вокруг!

— Нельзя!

— Плачу вдвое!

— Тогда можно, — рассмеялся пилот, и мы круто пошли на сближение со страшноватым шпилем, бестолково торчащим из ровной поляны. Правда, трава была осенняя, пожухлая, но весной, наверно, все это должно смотреться куда интереснее. Мимо нас в жутковатой близости пронеслись камни, кусты, пологие склоны, обрывистый берег, и, наконец, с чувством облегчения я увидел, что Чертов палец остался позади и путь наш лежит в открытое, безопасное, зовущее море.

— Ну как?

— Здорово!

— К Золотым воротам летим?

— Летим, — сказал я, совершенно не представляя, где эти Золотые ворота и чем нам это грозит.

— Платишь втрое! — обернулся пилот.

— Заметано.

— Двести гривен! — уточнил он.

— Понял.

И мы снова полетели вдоль скал, проплывавших, кажется, на расстоянии вытянутой руки, совсем рядом. Обрывистые, слоистые, уложенные в какой-то разумной, круговой последовательности, они казались древними сооружениями.

— Мертвый город! — прокричал пилот, показывая рукой на каменные столбы, выложенные полукругом.

Мы углубились в ущелье, широкое, пологое, заросшее кустарником. Сделали круг над каменными стенами, и вдруг в самом низу, в море, недалеко от берега, я увидел то, что здесь называли Золотыми воротами — двуглавая скала с большой дырой у самой воды. Эти ворота я видел на майках, на обложках книг, на картах, даже в ресторане Славы Ложко они были изображены в красных закатных тонах.

— Золотые ворота! — прокричал сквозь рев мотора пилот.

— Понял.

— Домой?

— Пора!

И снова мы летели вдоль скал, снова в стороне проплыл устремленный в небо с каким-то невысказанным укором Чертов палец, а может быть это был не укор, а угроза? Как знать, как знать.

И вот уже почти родная линия пляжа, тела, тела, некоторые даже машут руками и — асфальтовая дорожка. Я отдал пилоту две сотенные бумажки, мы пожали друг другу руки, похлопали по плечам и на том расстались.

Стоило мне на несколько шагов отойти от взлетной тропинки, как я увидел, что навстречу мне, широко улыбаясь, идет все та же девушка с пляжа.

— Привет! — сказала она, протягивая узкую загорелую ладошку.

— Привет, — ответил я. Ладонка ее оказалась сильной, жесткой, сухой.

— Прилетел?

— Прилетел.

— Слава Богу! — она усмехнулась, показав зубки ровные, казавшиеся особенно белыми на фоне загорелого лица. — А то мы уже начали беспокоиться.

— Кто — мы?

— Народ! — Она рассмеялась. — Все видели, что вы повернули за профиль Волошина и исчезли. Проходит пять минут, десять, пятнадцать — вас нет.

— Надо же. — Это единственное, что я мог произнести.

— Жанна, — сказала она, опять протянув ладошку. И снова я почувствовал ее неожиданную жесткость.

— Ж... Женья, — не без заминки назвал я чужое имя.

— Я знаю, что вы Женья, что работаете журналистом где-то в Сибири, пишете потрясающие очерки о криминальной жизни вашего города.

Я похолодел. Начал спешно, панически прокручивать — кому я все это говорил. И вдруг вспомнил — Алевтин... В столовой Дома творчества. Только для него и была выдумана эта идиотская история. Значит, и его втянули в эти сети? Да, я вдруг ощутил, что все время натываюсь на почти невидимые сети.

— Кто это вам сказал? — спросил я.

— Ваш приятель из Дома творчества.

— А, — вяло протянул я. — Лева... Вы с ним знакомы?

— Пристал, пристал, прискучил... Еле отвязались. Все, счастье! Мои девочки нашлись. — Она побежала по дорожке, свернула в какой-то проход и исчезла.

К моему замку в номере надо привыкнуть — первый поворот ключа дается легко, а чтобы сделать второй, надо приложить силу, хорошо так поднажать. Когда я поднялся по лестнице и вставил ключ, дверь открылась после первого же поворота ключа. Видимо, была уборщица, подумал я и, закрыв за собой дверь, заглянул в туалет — ведро с мусором оказалось полным. Уборщицы в номере не было.

— Так, — сказал я вслух и повернул ключ еще раз.

Банкет. Состоялся грандиозный банкет в Центральном доме литераторов. На этом настоял Выговский.

Чем ему приглянулось это странноватое место, сказать трудно. То ли он бывал здесь когда-то и у него сохранились неплохие воспоминания, то ли неожиданно стал доступным ресторан, который всегда казался верхом роскоши — громадный камин, резные дубовые колонны, фигурный паркет, вышколенные официанты в черных костюмах... Наверно, всего понемножку.

Но все-таки главным было то, что это место, видимо, казалось ему почище других, без криминальных разборок, без крутых мордovorотов, без голых баб и пьяных качков.

Примерно так все и оказалось. Писатели, когда-то справлявшие здесь шумные веселья по поводу выхода новой книги, юбилея или премии, теперь и на порог ресторана ступить не смели. Они робко жались в подвальном буфете, стараясь тут же, едва войдя, нырнуть мимо женского туалета по лестнице вниз и затаиться там почти невидимо, почти неслышимо. Иногда брали котлетку с макаронами, иногда решались на кружку пива, а если уж кто тайком проносил с собой бутылку водки, то веселье начиналось почти как в прежние времена. Правда, не в радужных огнях хрустальной люстры, а здесь, в подвале, в полумраке тусклых лампочек. И женщины у них теперь были далеко не прежние — без крутых нарядов, без ослепительных улыбок, без высоких каблуков и потрясающе смелых вырезов на платьях. Да, бабы у писателей сделались какими-то притихшими, несмелыми. Оглядывались по сторонам, словно ожидая швейцара с метлой, заказывали бутербродик с колбаской, вина подешевле. И сразу в уголок, подальше от света, от глаз людских и, кажется, даже от самих себя.

И писатели, имеющие по двадцать, по сто двадцать книг, торопливо проскальзывали в подвал, уступая светлые залы новым людям, словно заранее признавая за ними право на все это великолепие.

Два раза в год, перед летом и под Новый год, им позволяли собраться на прежней территории, но не в самом ресторане, упаси Боже, на дальних подходах, в бывшем Пестром зале, а последнее время в том же подвале. Пригласив тайком, без огласки наиболее достойных, заслуженных, увенчанных многочисленными премиями, им подносили по рюмке водки и предлагали закусить тем, кто чего успел схватить до того, как столы опустевали, а опустевали они в мгновение ока.

Да, другие книги сегодня на прилавках — в ярких, нахальных обложках, залитых кровью невинных жертв, украшенные злодейскими рожами безжалостных наемных убийц. Кошмар какой-то!

Выговский обо всем договорился заранее, официант в черном их встретил у подъезда, и они вошли, предупредительно уступая друг другу дорогу. Выражение лиц у всех было примерно одинаковое — затаенное ожидание неземного блаженства. Заслуженного, заработанного и щедро ими же оплаченного блаженства.

Стол накрыли у громадного камина, в углублении, просторный, устойчивый стол, и стулья были устойчивые, опять же из резного дуба. И все в этом мире, казалось, приобретало надежность, незыблемость на долгие годы. Но мы-то с вами знаем, чего стоит эта незыблемость, насколько вечна эта, вроде бы, надежность. Совсем недавно, всего несколько лет назад, на этих же

самых стульях, у этого же камина сидели другие люди — им тоже мир казался незыблемым и устойчивым. Как веселы были их голоса, как раскатист смех после третьей рюмки настоящего коньяка! Их имена знал каждый школяр, и эти имена им самим казались если не вечными, где-то рядом с вечностью, где-то совсем рядом.

Ну, да ладно, не будем ни о вечном, ни о грустном.

Агапов пришел в роскошном исландском свитере с открытым воротом, из которого выступала черная рубашка. Очень красиво получилось, даже какая-то дерзость чувствовалась в этом наряде. Мандрыка явился в очередном клетчатом пиджаке и опять же в белоснежной сорочке. Здор — в сером костюме от Версаче. Тонкая струящаяся ткань, красноватый галстук. На Гущине и Выговском появившиеся деньги не отразились, во всяком случае, видимых перемен в их облике не произошло. А северяне Усошин и Горожанинов, представляющие зековскую и железнодорожные участки фирмы, купили себе костюмы добротные, дорогие, если не черные, то очень темные. Они им казались верхом изысканности и достоинства.

— Вас в этих костюмах только в гроб ложить! — расхохотался Здор.

А напрасно. Не надо бы ему про гроб, не надо бы. Но не будем опережать события.

— Нам есть о чем поговорить, — начал Выговский. — Поэтому предлагаю сегодня пить шампанское.

— Шампанское? — протянул Агапов, и радость на его лице как бы погасла.

— Я предлагаю много шампанского, — уточнил Выговский.

— А так бывает? — удивился Усошин.

— Николай Иванович, теперь у нас все бывает. — Выговский сел во главе стола.

Шампанского действительно оказалось много. В серебряных ведерках, обложенные сверкающими кубиками льда, бутылки с золочеными горлышками выглядели нарядно, празднично, даже с вызовом. В фужерах с золотыми ободками чувствовалось нетерпение — они желали быть наполненными, желали быть опустошенными и наполненными снова. Не удовлетворить их желание было невозможно — и друзья его удовлетворили. И опять ведерки стояли с бутылками шампанского, и опять фужеры требовали своего.

Ярко-красная семга, белоснежная осетрина горячего копчения, черные в бликах огня испанские маслины, желтый лимон, золотые кружочки жульена, свежая зелень, покрывающая щедрые куски шашлыка по-карски!

А легкий, прозрачный дымок, поднимающийся из свежевскрытой бутылки! И до того, как пена подступала к горлышку, было время, было достаточно времени, чтобы взять эту бутылку в руки и, не торопясь, спокойно, но и не медля ни секунды, раз-

лить вино по изнывающим от нетерпения фужерам! И смотреть, смотреть, как бликующие в свете хрустала мелкие пузырьки освобожденно устремляются вверх. И нужно не дать им уйти в пространство ресторана, нужно их выпить, и пусть они уже там, в тебе, освобождаются, уносятся вверх, к голове, и наполняют сознание чистым, незамутненным хмелем.

Все, писать подобное нет больше сил. Нет никаких сил описывать запахи — какой дух шел от шашлыка, как таял во рту жюльен, наполняя всего тебя грибным духом леса, дымка от костра, и как освежали и обостряли эти ощущения тонко нарезанные ломтики лимона, настолько тонкие, что сквозь них можно было читать произведения писателей, кутивших здесь несколько лет назад. Об этом как-нибудь в другой раз — когда восстановятся силы.

И шампанское! Это надо подчеркнуть — было много холодно, настоящего шампанского. Уже через полчаса никто не пожалел, что нет на столе коньяка, водки и других более сильных напитков, более прямых и суровых. Это был какой-то разгул шампанского, все были окроплены брызгами шампанского и, казалось, это навсегда.

А почему бы и нет, почему бы и нет, ребята?!

Уж если все так хорошо складывается и нет вокруг ничего, что заставило бы насторожиться, оглянуться с опаской, вздрогнуть от неприятной неожиданности, — почему нет?!

— Нам надо определиться. — Выговский дождался секундной тишины в общем гаме и положил на стол нож и вилку.

— Ты хочешь еще заказать шампанского? — спросил Мандрыка. — Не возражаю.

— Нам надо определиться, — повторил Выговский. — У нас есть семьдесят тысяч долларов. После сегодняшнего ужина их останется немного меньше. Как будем делить?

— Были бы деньги, — проворчал Здор. — А уж поделить — дело несложное.

— Сережа Агапов заготовил три железнодорожных состава леса. Слава Горожанинов через всю страну доставил его в Новороссийск. Боря Гуцин погрузил лес на корабль и отправил в Турцию. Николай Иванович Усошин во всех этих делах участия не принимал. Николай Иванович, простите... Я знаю, что в лагере работа идет, зеки вкалывают, готовят лес для новых составов, но это будущее. Как нам быть сейчас?

Усошин с силой бросил на стол вилку, обвел всех тяжелым взглядом, поставил локти на стол и долго молчал, глядя на оставшиеся куски шашлыка.

— Когда ты приехал ко мне, Игорь Евгеньевич, — наконец заговорил он, — то сказал, что все в доле. Что мы одна шайка-лейка. И все заработанное будем делить между собой.

— Я и сейчас это повторяю, — спокойно сказал Выговский.

— Поровну, сказал ты тогда.

— Я и сейчас готов это подтвердить. А ты, Миша? — обратился он к притихшему Здору.

— А что я? Я ничего! Как все! — куражливо зачастил Здор. — Лес не рубил, вагоны не грузил. Через всю страну эти вагоны не толкал. В порту тоже ничем себя не проявил. И фавазовский корабль идет к берегам Турции без моего участия. Я могу быть свободным? Как говорится, спасибо за угощение! Много доволен! — Он сделал попытку подняться из-за стола, но Агапов, взяв его за плечо, резко усадил на место.

— Лес пошел мой, поэтому я имею право тебя остановить, — сказал он. — Это что же получается, господа хорошие? Гуляли — веселились, подсчитали — прослезились? Игорь Евгеньевич, объяснитесь! Как нам дальше жить? С кем дальше жить?

— Ребята. — Выговский помолчал, сунул в рот дольку лимона. — Мы немного выпили шампанского, еще выпьем. Сегодня же, за этим столом. И закусим, что Бог пошлет. Да, я обещал все заработанное делить поровну. Ни от одного своего слова не отказываюсь. Деньги сегодня же поделим поровну. За исключением тех, которые нужны для продолжения работы. Переезды, контора, билеты и так далее. Но! Все это в том случае, если мы сейчас так решим. Хочу предупредить сразу... Если мы поделим деньги поровну, то напряг между нами будет больший, чем если бы мы каждому дали с учетом его участия в той или иной операции. Сегодня мы в некотором упоении от первой победы, от первых денег. Дальше деньги пойдут другие. Сегодняшние покажутся копейками. Вы и дальше готовы все делить по-братски? Когда на кону будут миллионы долларов?

— Откуда?! — ужаснулся Агапов.

— От верблюда. Сейчас мы не в том состоянии, чтобы принимать решения здравые, трезвые, разумные... Но я своевременно всех вас предупреждаю. Нам нужно все точки расставить по местам. Чтобы потом не стучать кулаками, не брызгать слюной и не совершать других, более крутых действий.

— Каких таких? — спросил Здор.

— О! — весело махнул рукой Выговский. — Их столько придумано за последние тысячи лет, столько опробовано и испытано, что если начать перечислять... Кто будет лесом торговать? Николай Иванович! Рядом с тобой бутылка во льду! Открывай!

Усошин чему-то усмехнулся про себя и взял бутылку из ведерка со льдом. Не было в его почти неуловимой улыбке ни растерянности, ни смятенности. Была лишь легкая озадаченность, не более того, да и озадаченность казалась какой-то улыбчивой. Будто был у него козырь, о котором никто не знал, не догадывался даже, будто не все он сказал, а то что сказал — не самое главное. И дальнейшие его действия только подтверждали это мимолетное впечатление. Он открыл бутылку, налил себе полный фужер вина, медленно налил, не торопясь, хотя видел, что все за столом ждут его, ждут, чтобы разлить шампанское по фу-

жерам. Наполнив свой бокал, Усошин невозмутимо отставил бутылку в сторону. Даже не пытался налить еще кому-то, хотя такой порядок за столом уже успел сложиться. И тоста не стал дожидаться — не спеша выпил до дна, бросил в рот маслинку и только тогда посмотрел на собутыльников. Прошелся взглядом по лицам. Выражение у него при этом было совершенно безмятежное.

— Прекрасная погода, не правда ли? — произнес, наконец, Усошин и опять усмехнулся общему недоумению — из той ниши в ресторане, где они сидели, никакой погоды увидеть было невозможно. — Это один мой зек так выражается. Когда я его к себе вызываю. Из интеллигентов. Слушает, слушает меня, потом улыбается и спрашивает... Прекрасная погода, не правда ли, гражданин начальник? Такой вот интересный зек.

— После этого отправляется в карцер? — спросил Гущин.

— Ничуть. К себе отправляется. На нары. Или еще куда-нибудь.

— А куда еще он может отправиться?

— Мало ли. — Усошин сделал вольный такой жест рукой, будто вопрос показался ему неуместным, или, скорее, не заслуживающим ответа.

Все последние дни Усошин держался в тени и, как говорится, не возникал ни по какому поводу. Как ему удалось вырваться из своего лагеря на целую неделю, никто не спрашивал, да это, собственно, никого и не интересовало. Оставил лагерь на заместителя или вообще взял да и запер ворота на неделю — так ли уж это важно? И вот первый раз Усошин чуть приоткрылся. Даже нет, не приоткрылся, дал понять, что его не знают настолько, чтобы о нем судить.

Проделал он это с таким изяществом и безукоризненной точностью, что Выговский не мог не восхититься. И подумал про себя — ну и клубочек у нас собирается!

— Когда в обратную сторону? — спросил Мандрыка.

— Наверно, завтра с Сережей Агаповым и отправимся. Нам ведь в одни места.

— Я тоже с вами, — быстро сказал Горожанинов. — Железная дорога тоже нуждается в постоянном внимании. Так что вы тут оставайтесь на хозяйстве одни, без нас, — добавил Горожанинов, и слова его прозвучали не столь уж безобидно. Был в его словах скрытый смысл, который выглядел явно более значительным. — Справитесь?

Как и Усошин, Горожанинов наполнил свой фужер и отставил бутылку в сторону. И это прозвучало как некое единение. Мы, дескать, заодно.

— Постараемся, — ответил Выговский — тут тоже не приходится надеяться на легкую жизнь, тут тоже что-то зрело. Они почти двое суток будут ехать в одном купе и споются за это время, как им только захочется, подумал он.

Выговский разлил оставшееся вино всем поровну — себе, Агапову, Мандрыке, Здору и Гущину.

— Наполним бокалы! — весело сказал он. — Сдвинем их разом!

— Прекрасный тост! — воскликнул Здор с чувством облегчения — он опасался, что если сейчас, за столом, начнут делить деньги, то его наверняка обойдут. — Спиши слова!

— И так запомнишь! — отмахнулся Выговский. — О делах продолжим завтра утром. Заметано?

— Пусть так, — кивнул Усошин.

— Тогда закажем еще шампанского. — Подняв руку над головой, Выговский звонко щелкнул пальцами, привлекая внимание официанта. А тот уж и так торопился, увидев, что последняя бутылка выпита.

И веселье продолжалось.

Все так же с радостной возбужденностью звучали голоса, но прежней легкости, беззаботности и отчаянной открытости уже не было. Слово какое-то облако подозрительности и опаски опустилось над столом, невидимое, но всеми ощущаемое облако. Все так же радостно взмахивал руками Агапов, блистал тонкими анекдотами Гущин, но Здор был насторожен и выглядел отрезвившим. Мандрыка улыбался, кивал головой, пил и закусывал, но помалкивал. Прошло совсем немного времени, и замкнулся Усошин, стал украдкой поглядывать на часы, а когда кто-нибудь в компании поглядывает на часы украдкой и, как ему кажется, совершенно незаметно, это мгновенно видят все. И тоже смотрят на свои часы. Незаметно приближается и занимает исходную позицию официант — и стол сразу превращается в какое-то умирающее существо. Оно, это существо, еще посверкивает глазками, оно еще лязгает железными зубами вилок и ножей, бьет чешуйчатым хвостом, позвякивая бокалами, но все понимают — существо доживает последние свои минуты.

— Вы меня извините, как человек северный, живущий среди зеков... — Усошин помялся. — Я бы кое-что со стола захватил в гостиницу. — Он потянулся было к салфеткам, но Выговский его остановил.

— Завернут, — сказал он холодно. — Упакуют наилучшим образом, сложат в корзинку и отнесут в машину.

— Даже так?! — восхитился Усошин. — Теперь я понимаю, почему люди стремятся жить в столице.

Наутро, в гостинице, почти не обмениваясь словами, в легкой угнетенности после вчерашнего перебора поделили деньги. Не сговариваясь, будто все было решено заранее, Выговский каждому отсчитал по семь тысяч.

— Возражения есть?

— Я доволен, — легкомысленно брякнул Здор.

— А почему бы тебе не быть довольным, — пожал плечами Гущин. — На твоём месте я бы тоже был доволен.

— Согласен! — нервно бросил Здор. — Меняемся местами.

— Остановитесь, — поморщился Выговский. — У вас еще будет время и будет повод. Более достойный. Это я вам обещаю.

— Дождаться бы! — все не мог успокоиться Здор.

— Через месяц. Когда получим не по семь, а по семьдесят тысяч долларов. А пока я предлагаю Гущину, Агапову и Горожанину выдать премиальные. По три тысячи. Им надо кое с кем расплатиться. Я правильно понимаю положение?

— Мне придется расплатиться не только этими тремя тысячами, но и свои основные затронуть, — проворчал Гущин.

— Твои проблемы, — опять возник Здор.

— Не надо бы тебе этого говорить, — сказал Усошин. — Лишнее болтаешь.

— А ты откуда знаешь?

— Пообщаешься с зеками лет десять-двадцать... Начнешь кое-что соображать в жизни.

— А я общался!

— Чувствую — маловато, — усмехнулся Усошин.

Поезд на север уходил вечером, пора было расходиться. Хотелось отдохнуть, похмелиться, купить гостинцы, просто пошатаваться и обдумать события последних дней. Была, все-таки была какая-то неопределенность, может быть, даже нервозность. Все понимали, что происходит нечто существенное, необратимое. Да, так будет точнее — именно необратимое.

Второй оборот ключа мне дался с трудом, как обычно. Но я его все-таки провернул и, толкнув дверь, некоторое время стоял неподвижно, стараясь запустить в действие все свои чувства — слух, зрение, обоняние, даже интуицию — и ощутить нечто неощущаемое. Но нет, ничто во мне не дрогнуло, не напряглось, не предсказалось.

Осторожно, стараясь не производить никаких звуков, я вошел в комнату и сразу увидел главное — дверь на лоджию была открыта, крючок висел безвольно и даже как-то обесчещенно. В таком положении я его никогда не оставлял. Дело в том, что врезанный в дверь замок был когда-то безжалостно вывернут, и теперь дверь запиралась только на корявый, изогнутый крючок, который тем не менее был достаточно надежен. Уйти, оставив дверь незапертой, я не мог, это исключено.

Бывает в нашей жизни, полной опасностей и всевозможных неожиданностей, что щеколда в замке проворачивается на два шага даже при одном повороте ключа. Второй поворот при этом не требуется, да он и невозможен. А бывает, что щеколда ведет себя как и положено — при одном повороте ключа проворачивается на один шаг, при втором — еще на один шаг.

Это нормально, это правильно и естественно.

И ни у кого не вызывает дурных предчувствий.

Хорошо, подумал я, допустим, щеколда решила со мной пошалить и при двух поворотах ключа продвинулась всего на один шаг. Бывает. И тогда мои подозрения глупы и безосновательны.

Но кривой, ржавый крючок из толстой проволоки все ставил на свои места — в номере кто-то побывал. И не уборщица, поскольку мусор остался в ведре. Он оставался нетронутым уже несколько дней, но напомнить об этом я не смел — уж больно гордая и самолюбивая уборщица мне досталась. Над ведром уже кружила мошкара, иногда с ревом бомбардировщика комнату пересекала муха с перламутровым зеленоватым брюхом — это было уже серьезное предупреждение.

Человек, который побывал здесь, должен быть заинтересован в том, чтобы я не догадался о его посещении. Если же он не успел или не смог закрыть дверь на два оборота, если он оставил крючок болтаться в петле, значит... Что это может означать? Первое — он уходил спешно. Второе — через лоджию. Третье — в те самые секунды, когда я поднимался по лестнице со своим ключом на изготовке. Не исключено, совсем даже не исключено, что какое-то недолгое время мы с ним оба находились в номере. Но я — в прихожей возле туалета, а он на лоджии, уже перебрасывая ногу через перила.

Не придумав ничего лучшего, я спустился вниз и у крыльца, у какого-то густого куста попытался найти хотя бы отпечатки подошв. Ничего. Вокруг всего дома была сделана отмостка из мелкой гальки с бетоном и отпечататься там не смогла бы даже кувалда, сброшенная с крыши.

Но я нашел, нашел, наконец, то, что искал. Дело в том, что над крыльцом был сделан жестяной навес — он покрыт потеками смолы с крыши, опавшими листьями, персиковыми косточками и прочими отходами южной жизни. Подпирался навес с каждой стороны двумя железными, выкрашенными масляной краской трубами — они веером расходились от крыльца. Чтобы уйти из моего номера через лоджию, достаточно было спрыгнуть на навес, а уже с него, скользя вдоль труб, спуститься на землю. На все это вряд ли требуется больше десяти секунд.

И вот моя первая радость — вдоль обеих труб, установленных со стороны моей лоджии, шли черные полосы. Следы скользящих подошв. Я потрогал пальцем одну полосу, вторую. Совершенно свежие. Даже мелкие катышки можно было заметить на их покато́й поверхности.

— Так, — проговорил я вслух и поднялся в номер. — Суду все ясно и понятно. Вопрос остается один — в номере побывал вор или кто похуже?

Повернув ключ два раза и оставив его в замке, чтобы никто другой не смог просунуть в эту щель свою отмычку, я продолжал стоять все в том же состоянии настороженности. Стараясь не сделать ни одного лишнего движения, чтобы не разрушить пре-

ступные слои воздуха, не сместить преступные запахи, которых я не ощущал, но которые наверняка еще наполняли номер, я открыл дверь в ванную.

И опять тихая радость охватила меня.

Дело в том, что мой кран слегка подтекал. Тихо, мелко и пакустно из него постоянно сочилась почти неприметная струйка водицы. Она стекала на пол, покрытый мелкой, вразной, пьяно уложенной плиткой. Вода скапливалась между выступами, некоторые, более других, утопленные плиточки покрывала полностью и наконец уходила в сток для душа. Едва глянув на эту струйку, я просто не мог не подумать, что любой недостаток в мире имеет свои достоинства. Как и эта косо-криво уложенная плитка, как и подтекающий кран, который никто не удосужится затянуть чуть плотнее, как и эта проржавевшая сточная решетка для душа, которого, кстати, давно уже не было в номере. Впрочем, у меня было ощущение, что душа здесь не было никогда. Хотя труба с ситечком болталась где-то у самого потолка, два штыря, предназначенные для открывания и закрывания холодной-горячей воды тоже имелись, но ручек на них не было, и единственное, для чего они могли пригодиться, — это повесить на них для просушки трусики, лифчики и прочие волнующие подробности местного быта.

Но это все ерунда. Главное в другом. Мой таинственный гость, прежде чем войти в комнату, заглянул в ванную. Не знаю, зачем ему это понадобилось и что он там надеялся увидеть. Правильно, в общем-то, поступил — на всякий случай, чтобы не было неожиданностей, мало ли что... В общем, заглянул и, похоже, даже посмотрел на себя в зеркало, потому что обеими своими ногами побывал в незаметной лужице, на коряво уложенных плитках. Убедившись, что в ванной нет ничего, он прошел в комнату.

А тут внизу хлопнула входная дверь — я возвращался. И он, уже ни о чем не задумываясь, рванул на лоджию, прыгнул на навес и по трубам соскользнул на крыльцо. И был таков.

Но следы, мокрые, свежие следы подошв его туфель, или что на нем еще могло быть — босоножки, шлепанцы, пляжные плетенки, — следы остались на паркетном полу и вели из ванной напрямиком на лоджию. Следы отпечатались и там — крупные поперечные узоры. На бетонном полу влага впитывалась быстрее, чем на лакированном паркете, но зато и подробностей осталось больше. Я поставил рядом свой босоножек — он был примерно того же размера. Значит, в номере побывал хороший такой ребенок, если и меньше меня ростом, то ненамного, совсем ненамного.

Не теряя времени, я вынул из стола фотоаппарат, радуясь тому, что не успел ворюга поганый даже в ящик заглянуть — мьльница-то у меня была неплохая, истинно японского производства, с выдвигающимся объективом, устройством, которое выбивает дату. С некоторых пор я полюбил хорошие вещи, тем

более, что почти два года у меня была возможность покупать лучшее из имеющегося на прилавках.

И я заснял следы, оставленные в комнате, на лоджии. Пленки хватало, и я не поспешил щелкнуть несколько раз даже в ванной, хотя там следы были менее различимы.

Со съемкой я успел закончить до того, как следы высохли. Через пять минут в номере, на лоджии не осталось ни одного влажного пятна.

Теперь — деньги.

Тайник я соорудил под письменным столом, там была уложена какая-то железная решетка непонятного назначения. Может быть, контакты электрических проводов, выход какой-нибудь трубы, но как бы там ни было, под этой решеткой вполне поместились те деньги, которых мне должно хватить в коктейльном убежище. Доллары были на месте.

И пистолет с глушителем тоже оказался на месте. Его я засунул поглубже в запасное постельное белье, сложенное стопкой в шкафу. Здесь тоже нужно было время, чтобы его обнаружить, требовалась какая-никакая смекалка.

Я повертел пистолет в руках, вынул обойму, пересчитал патроны — все в порядке. Передернул затвор — патрон вошел в ствол. И вдруг, сам того не ожидая, я почувствовал исходящую от пистолета легкую, почти неуловимую дрожь. Это была даже не дрожь, а какое-то нервное подрагивание, судороги нетерпения. Пистолет будто знал заранее, что приближается его час, вот-вот что-то произойдет, и он понадобится, пригодится, а тогда уж покажет, на что способен.

Такое было ощущение. Оно продолжалось не более секунды, но было настолько сильным, запоминающимся, что на какое-то время я отложил пистолет в сторону.

Честно говоря, это было самое яркое впечатление от всего, с чем мне пришлось столкнуться за последний час. Это происходило не впервые, я уже был знаком с почти неуловимыми судорогами моего пистолета. Чем все заканчивалось, я тоже хорошо знал.

Неожиданно раздался резкий стук по стеклу — кто-то бросил камешек в дверь лоджии. Я помедлил — снова камешек. Чуть раздвинув штору, я выглянул наружу, но ничего не увидел. Человек, видимо, стоял на дорожке у самого дома. Если на дорожке, почти у крыльца... Так серьезные люди себя не ведут. Решительно откинув черный крючок, я распахнул дверь и подошел к перилам.

Внизу стоял Жора, а рядом с ним уже знакомая мне красавица, которая облюбовала меня на пляже.

— Привет, — сказал Жора. — Отдыхаешь?

— А кто это рядом с тобой?

— Представляешь, это прекрасная девушка! — Жора выходил на привычные свои обороты. — Она заинтересовалась моими произведениями.

— Всеми?

— Нет, только наиболее целомудренными. Как я понимаю, она сама чрезвычайно целомудренная. — Жора сделал легкий поклон в сторону Жанны. — Мы с ней выпили вина и в разговоре выяснилось, что она хорошо тебя знает.

— Давно?

— О чем ты говоришь?! Можно за полчаса так узнать человека, как не узнаешь за всю жизнь. Мы хотим к тебе подняться... Я принес изделие, которое ты приобрел у меня за бешеные деньги.

— Неси. — Я приглашающе махнул рукой.

Пока мои гости, уступая друг другу дорогу, медленно поднимались к моему номеру, я успел спрятать пистолет и закрыть шкаф.

— А вы не ждали нас, а мы приперлися! — пропел Жора, входя в номер. — Входи, красавица! Да, чуть не забыл. — Он порылся в своей черной хозяйственной сумке и с грохотом положил на маленький письменный стол каменный член, который я купил у него несколько дней назад. И опять я содрогнулся, увидев это изваяние, исполненное с таким обилием анатомических подробностей, с такой точностью, что в самом деле смотреть на это произведение без содрогания не было никаких сил — его вид просто ошарашивал.

— Боже, что это?! — воскликнула Жанна, бесстрашно беря в руки Жорино произведение. — Кошмар какой-то, — пробормотала она смятенно. — Неужели подобное случается в природе?

— Случается, милая девушка, хотя и довольно редко, — заверил Жора.

— А кто позировал? — спросил я, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— Самому пришлось, — скромно ответил Жора.

— Ты?! — поперхнулась Жанна. — Не верю!

— Доказательства представлю при первом же удобном случае, — заверил Жора. — Между прочим, женщины подобным произведениям оказывают внимание гораздо большее, нежели мужчины. Только взглянув на этот шедевр, они понимают, как много потеряли в жизни, какая богатая, насыщенная жизнь пронесется мимо. И ничто, ничто не может восполнить им этот пробел.

— Потрясающе! — искренне воскликнула Жанна.

— По-моему, очень точно подмечено, — сказал я, прикидывая, надежно ли засунул пистолет среди запасных одеял. И для уверенности оперся плечом о двери шкафа так, чтобы они закрылись плотно, без просветов.

— Друзья мои! — воскликнул Жора. — А не выпить ли нам вина? — Порывшись в безразмерной своей сумке, он вынул початую бутылку мадеры.

— Разве что глоточек, — сказала Жанна несколько поспешно, будто опасалась, что я откажусь и тогда им с Жорой придется уходить.

Ну что ж, пусть так. Видит Бог, мне не хотелось ни встреч, ни знакомств, не хотелось ни мадеры, ни коньяка. Разве что хороший бокал шампанского. Но жизнь вламывалась, просачивалась в меня — то таинственным гостем, то этой вот красавицей, то Жорой с его каменными изваяниями. Я не хотел, истинно говорю — не хотел.

Наблюдая, как хлопочет Жанна, расставляя на журнальном столике граненые стаканы, как Жора усаживается на мою кровать, собираясь прочесть нечто еще более шаловливое и двусмысленное, я по привычке снова хотел было заглянуть в себя и вдруг понял, что не решусь по одной причине — боялся увидеть там пустоту. Мне уже не хотелось пустоты. Похоже, я начал оживать.

— Чем вы занимаетесь? — спросил я у Жанны и уточнил: — В свободное от Коктебеля время.

— Учусь. — Она легко махнула тонкой загорелой рукой.

— Чему?

— А! Чему-нибудь и как-нибудь.

— Прекрасный ответ! — восхитился Жора и разлил мадеру по стаканам. — Ответ, достойный человека свободного, жизнелюбивого и необыкновенно красивого. Хорошо сказал? — повернулся он ко мне.

— За это и выпьем.

Чем больше я смотрел на Жанну, тем больше мною овладевало какое-то двойственное впечатление. С одной стороны, подчеркнутая легкость, южная беззаботность, с другой — какая-то неженская четкость. Сыр, который я вынул из холодильника, она твердой, недрогнувшей рукой нарезала тонкими пластинами, и все они были одинаковой толщины. На вопрос о том, чем занимается, попросту не ответила. И даже не попыталась произнести нечто необязательное, может быть, даже ложное. Другими словами, сказала — отвалите, ребята.

— Вы здесь один живете? — спросила она, показывая загорелым своим пальчиком на две кровати, стоявшие у противоположных стен.

— Да. Хотя номер считается двухместным.

— И платите за два места?

— За одно.

— Хорошо устроились.

— Могу поделиться.

— Чем?

— Койко-местом.

— Мне нравится ваше предложение. Но я подумаю. Можно?

— Конечно.

И опять в ее словах прозвучала жестковатость. Ее ничуть не смутила двусмысленность моего предложения, она будто ждала от меня именно этих слов.

— Друзья мои! — воскликнул Жора с подъемом, но по обыкновению проглатывая части слов. — Я рад, что мне удалось устроить вашу жизнь. Будьте счастливы! Любите друг друга! Берегите то, что дала вам природа!

Выпив свою мадеру, он несколько затуманенно осмотрелся по сторонам. Поднял с пола бутылку, убедился, что она пуста, и снова поставил в угол.

— Пожалуй, пойду. — Жанна поднялась. — Спасибо за угощение, за приятный разговор... До скорой встречи.

— Я тоже уйду, — поднялся и Жора. — На площади начинается торговля, мне пора. Люди стремятся к прекрасному, и я в меру своих скромных сил должен это их стремление поддерживать. — Он поднял черную клеенчатую сумку, в которой глухо стукнули каменные изваяния, изображающие морских чудиц, завитых в спирали змей, задумчивых морских див, приведшихся ему в найденных на берегу камнях. — Выйдешь? — спросил он у меня.

— Через часок увидимся на площади, — ответил я. — Вы тоже там будете? — спросил я у Жанны.

— У нас же своя компания... Как девочки решат. Но буду помнить ваш вопрос. Ведь в нем и негромкое такое предложение, да?

— Немного есть.

— Всего! — Она махнула рукой. Почему-то каждый раз я отмечаю про себя — тонкая загорелая рука.

Когда Жора с Жанной спустились по лестнице, я вышел на лоджию. Не сговариваясь, они помахали мне, я ответил и вернулся в номер, не забыв закрыть дверь на крючок и задернуть шторы.

Все было мило, легко и просто, пока деньги на счетах плясали небольшие, хотя и шестизначные, но все-таки небольшие. Все изменилось, когда у фирмы появился первый миллион долларов и он рос, увеличивался ошарашивающе быстро — работали пиломатериалы, которые производили доску, вагонку, в Вологодской области запустили цех по выпуску срубов, бань, хозблоков, железная дорога оптом закупала шпалы, вот-вот должна быть запущена линия по выпуску фанеры. Мандрыка смотался в Америку, и уже шли, шли на каком-то корабле потрясающие передвижные установки, которые позволяли из бревен делать балки, доски, брусы любой конфигурации. И Фавазу теперь продавали не бревна, а готовые изделия — они стоили раз в десять дороже. Короче, завертелся маховик, остановить который уже было непросто.

У всей семерки учредителей теперь были телохранители, джипы, секретарши, мобильники, коттеджи и много чего еще

совершенно ненужного в жизни, простой и естественной. Более того, жизнь простая и естественная ушла, исчезла, осталась на каком-то полустанке, где их поезд, мощный и победный, остановился ровно на десять секунд, чтобы выпихнуть из вагона эту жизнь, ставшую ненужной и раздражающей. А нормальной жизнью стала считаться другая — нервная, напряженная, подзвонившая.

Да, об этом надо сказать.

Вряд ли семерка учредителей замечала происходящие перемены, но человек со стороны, наблюдательный и постоянно присутствующий, наверняка заметил бы многое. Появилась в общении немногословность, многозначительное молчание с долгими взглядами, когда собеседники напряженно, исподлобья, уставясь друг на друга, ждали, когда другой, наконец, поймет сказанное. Стало опасно произносить слова — они могли быть истолкованы как угодно. Появилась угрюмая сосредоточенность — далеко не все успевали ребята переварить в своих мозгах, и время от времени случались проколы — не вовремя заплатили, не вывезли продукцию, не затребовали деньги, которые кто-то уже задолжал.

Но это было нечасто. В общем, управлялись. Производство росло. Богатые люди по всей стране строили многоэтажные дома, им требовались строительные материалы — вагонка, окна, двери, полы...

Случались пьянки. Но не было уже ничего похожего на ту первую, в Доме литераторов, когда все происходило легко и весело в сверкающих брызгах шампанского. Вот шампанское осталось. Оно стало как бы фирменным напитком. И если раньше кое-кто пытался перейти на другой напиток, то теперь это прекратилось, все понимали — надо оставаться трезвыми. И оставались трезвыми.

И разъезжались — каждый на своей машине, со своим водителем, со своим телохранителем. Это поняли все и почти одновременно — нужны телохранители. Тем более что были деньги их оплачивать.

Все купили квартиры в хороших районах. Арбат, Белорусский вокзал, метро Аэропорт. Так примерно. Хорошие квартиры, большие, просторные, с высокими потолками. Обставили хорошей мебелью. Испанская кухня, немецкий холл, итальянская спальня... Туалеты, ванны, кухни вспыхнули новым кафелем, комнаты тускло блеснули новым паркетом. Но, странное дело, в гости друг к другу почти не заглядывали, разве что на минуту, по делу, передать документы, билеты, путевки, счета.

Жены тоже не общались. Понимали — не надо. Так будет лучше.

Всем вдруг стали доступны совершенно новые законы жизни — меньше контактов, меньше риска, меньше опасности. Все время где-то рядом, за спиной ощущалась опасность. По Москве

проносились на предельно возможной скорости, по коридорам собственной конторы проходили быстро, не задерживаясь, стараясь побыстрее оказаться за бронированной дверью и уже там остановиться, чтобы переброситься несколькими словами. И это при том, что охрана у входа не пускала никого, чей визит не был бы оговорен заранее. Шторы на окнах повесили светлые, золотистые, но достаточно плотные. Раздвигали их только на ночь, чтобы проветрить помещение.

И что самое интересное — никто этого заранее не планировал, не обсуждал — новые условия жизни как бы продиктовали новые правила поведения. Эти знания, казалось, были заложены в каждом изначально и таились неведомые, непредсказуемые, словно ожидая подходящих условий.

И дождались. И дали первые побеги.

Произошла еще одна странная вещь — каждый стал чуть другим. Но изменения произошли в сторону взаимной притирки. Прошло совсем немного времени, и все поняли, что являются единомышленниками не только в целях, но и в средствах. В вопросах — как быть, что делать, какое решение принять — разногласий не возникало. И даже если кто-то принимал решение самостоятельно, он мог быть уверен — его не осудят, поймут и одобряют.

И в то же время каждый затаился. Всем было ясно, что такая жизнь не может продолжаться слишком долго. Наступит развязка. И победит тот, кто ее приближение почувствует раньше, хоть на мгновение раньше других. Это, наверное, напоминает соревнование на треке, когда велосипедист, стоя почти на месте, старается пропустить соперника вперед и, уловив момент, рвануть и стать недосягаемым.

Ладно, остановимся.

Об этом можно говорить много и долго, а события, тем временем, приближались, наваливались тяжким душным облаком, и решения приходилось принимать быстрые, рискованные, а то и попросту криминальные — иначе было нельзя. Тем более, что к исходу второго года вся семерка стала... Да-да, да — миллионерами. А большие деньги требуют особого к себе отношения. Они капризны, своенравны, требуют внимания, поклонения. И не прощают пренебрежения. Большие деньги — как прирученный в доме хищник. Одно неосторожное движение, интонация — и зверь растерзает своего же хозяина. Были примеры, были.

Так вот деньги — то же самое. Так же и деньги. Имеются в виду большие деньги.

Мандрыка позвонил по внутреннему телефону Выговскому, подождал, пока тот поднимет трубку.

— Игорь, я зайду?

— Заходи.

Он мог и не спрашивать, но почему-то чувствовал — надо. Это правильно. Так будет лучше.

Когда Мандрыка вошел в кабинет, Выговский разговаривал по телефону. Негромко, раздумчиво, но смысл не улавливался — Мандрыка так и не понял, о чем идет речь, хотя все слова были просты и знакомы. Выговский положил трубку, некоторое время сидел, молча уставившись в окно, и, уже приняв какое-то решение, поднял голову.

— Есть новости? — спросил он.

— Есть.

— Хорошие?

— Нет. — Мандрыка отвечал кратко, но со значением, словно подбирался к главному и в то же время давал Выговскому время отойти от предыдущего разговора.

— Кто-то хочет денег? — спросил Выговский, усмехнувшись.

— И много.

— Железная дорога?

— Точно.

— А что Слава Горожанинов? Это ведь его участок?

— На него и вышли. На его станции проблем нет. Вагоны он достает, грузит, отправляет... Все идет нормально. Но состав проходит через несколько отделений железной дороги. И шустрые ребята сообразили, что тут можно пожить.

— Ты с ними разговаривал?

— И не один раз.

— Сколько они хотят?

— Для начала миллион.

— А потом?

— Потом в долю.

Выговский и Мандрыка сидели в глубоких креслах, и со стороны могло показаться, что говорить им особенно-то не о чем, а сидят эти господа, перебрасываясь словами, разве что в ожидании совещания, заседания, встречи. Роскошный клетчатый пиджак, белая сорочка, галстук глухой болотной зелени, залысины и небольшая седина у висков делали Мандрыку похожим на крупного банкира, министра иностранных дел небольшой европейской страны или, на худой конец, генерального директора концерна. А Выговский, сидевший прямо, с тощими коленками, выступающими у подлокотников кресла, был похож на памятник Линкольну в Вашингтоне, где он побывал совсем недавно.

— Они настаивают, Игорь, — напомнил Мандрыка.

— Каким образом?

Мандрыка молча протянул мятый клочок бумажки. Там чем-то красным были нацарапаны два слова "Будет кровь". Повертев бумажку, Выговский тяжело, со стоном выдохнул воздух, который, казалось, долго не мог из себя выдать.

— Ну, что ж... Кровь так кровь. — И беспомощно посмотрел на Мандрыку. Тот глаз не отвел, долгий взгляд Выговского выдержал. Оба понимали — в эти секунды принимается решение.

Фирма как бы переходит к новым правилам, новым законам, по которым теперь ей и предстоит жить.

— Не думал, что это будет так скоро... Хотя... — Выговский не закончил. — Что скажешь?

— Я тянул сколько мог, обещал, сколько мог обещать... Ты знаешь.

— У нас нет другого выхода, Вася. Если сейчас уступим, то единственное, что остается, — снимать все деньги, делить их по-братски и разбегаться в разные стороны. Какая махина рухнет, Вася, какая махина!

— Не рухнет, — негромко ответил Мандрыка, глядя Выговскому в глаза. — Не допустим. — Мандрыка так сжал кулаки, лежавшие на подлокотниках, что побелели суставы.

— Не хотелось бы, — сказал Выговский беспомощно, — не хотелось бы, — протянул уже тверже. — Не хотелось бы! — почти выкрикнул он, и Мандрыка понял, что решение принято.

Наступило молчание. Лица у обоих были спокойные, почти сонные. Но это была сосредоточенность.

— Наехали, значит, — проговорил Выговский, не открывая глаз. — Ну хорошо! — встрепенулся он, как бы отгоняя сонливость. — Пусть будет так. Ты говорил, что у тебя есть надежные ребята?

— Я? — удивился Мандрыка.

— Говорил! — твердо сказал Выговский.

— Есть такие ребята. Но это люди Усошина. Они когда-то сидели у него.

— Ты с ними встречался?

— Да.

— Сколько их?

— Двое.

— Они в самом деле надежные?

— Игорь... Если возьмутся, то сделают. Но дело в том, что ребята эти... как бы выразиться... Больно крутоваты.

— Хозяина могут искушать?

— До этого, надеюсь, не дойдет, но своенравия у них хоть отбавляй.

— Пусть, — сказал Выговский. — Откуда они?

— Украина. Днепропетровск.

— Хороший город. Я там был. — И эти слова прозвучали как окончательное решение.

— Я тоже там был. С этими ребятами и познакомился.

— Договоримся так... Ты вызываешь этих придурков. — Выговский вернул Мандрыке кровавую записку. — И вызываешь усошинских ребят. Не обязательно, чтобы они все появились в один день. И те, и другие могут поскучать недельку. Могут?

— Вполне, — кивнул Мандрыка.

— Эти усошинские... Им инструмент нужен? Или свой привезут?

— Их проблемы.

— Нет, так нельзя. Своенравные, как ты говоришь, значит, дурные. Они должны уцелеть. Нельзя допустить, чтобы их взяли. Живыми.

— Понял, — кивнул Мандрыка.

— Если все пройдет хорошо... Если все пройдет хорошо... — Выговский два раза начинал что-то говорить и каждый раз не решился закончить. Мандрыка пришел ему на помощь.

— Если все сойдет хорошо, они нам еще пригодятся.

— На тропу войны выходим, Вася? — усмехнулся Выговский.

— Сейчас вся страна на этой тропе. У меня такое впечатление, что только мы и сохраняем девственность. Девственность хороша до определенного возраста. А потом это уже никакое не достоинство, это уже позор, его надо скрывать от людей.

— Остальным сообщим?

— Обязательно, — не колеблясь, сказал Мандрыка. И повторил: — Обязательно.

— Почему?

— Потому что этим решением... И дальнейшими событиями, какими бы они ни были... Мы всех повяжем в хороший кулак. Ты знал? Знал. Будь здоров. Значит, ты — соучастник, а уж никак не жертва невинная. — Голос Мандрыки звучал с таким напором, будто он уже клеймил невидимого отступника и предателя.

— Ты прав, Вася. Значит, так... Начинай. Собирай в Москву всех участников будущих трагических событий. Подумай об инструменте. Это важно. Я всех оповещу. И добьюсь, чтобы каждый кивнул головой в знак согласия.

— Может, подписи собрать? — предложил Мандрыка.

— Не надо оставлять никаких письменных следов. Ни в чем. Нигде и никогда.

— Согласен.

— Если инструмент у них чистый, незапятнанный другими делами, пусть они его там и оставят. На месте происшествия. Если инструмент грязный, использовать его нельзя. Ниточка потянется. И где вынырнет ее шаловливый кончик, предсказать невозможно. Пусть они там у себя в Днепропетровске будут какими угодно — своенравными, капризными... Здесь они должны вести себя пристойно. Ни шага в сторону.

— Деньги, — напомнил Мандрыка.

— Я уже подумал... По десятке до, по десятке после. Хватит? Не обидятся?

— Хватит. Деньги на Украине другие. Там десятка — это трехкомнатная квартира. Не самая лучшая, конечно, но вполне пристойная трехкомнатная квартира. В центре города.

— Встречаешься с ними только ты. Они не должны знать никаких подробностей. От себя ли ты действуешь, от государства,

от какого государства... В чем разногласия, какие суммы на кону — не их собачье дело. Они не знают ничего, кроме... — Выговский запнулся.

— Кроме клиента, — подсказал Мандрыка самые невинные слова, которые только подвернулись.

— Вот именно.

— Получается, что один только я буду, как вошь на гребешке? — медленно проговорил Мандрыка.

— Не понял?

— Вы все остаетесь в тени. Возникаю только я?

— Но ты-то знаешь остальных! — рассмеялся Выговский. — На тебе цепочка не обрывается. Усошин далеко, но он тоже засвечен, а кроме него, исполнителей знаешь только ты. Вот и все. И еще одно... Как только ты выводишь ребят на клиентов... — На этот раз Выговский не запнулся, новую терминологию он усвоил быстро и без видимых усилий. — Как только ты выводишь исполнителей на клиентов, мы все из Москвы исчезаем. И ты тоже. Кто раньше, кто позже, но в критические дни нас здесь никого быть не должно.

— И это правильно! — с подъемом произнес Мандрыка.

Сами того не замечая, Выговский и Мандрыка грамотно и четко, будто всю жизнь этим занимались, разработали операцию не просто сложную, а чреватую смертельной опасностью для них самих.

— Вроде все предусмотрели? — спросил Выговский, поднимаясь.

— Если чего забыли, решим по ходу, — спокойно сказал Мандрыка.

И ни у Выговского, ни у Мандрыки не возникло никаких сомнений — оба были совершенно уверены в том, что действительно все можно решить по ходу, и они в состоянии решить.

К вечеру набережная приобретала вид причудливый и даже экзотичный. Едва начинало темнеть, едва солнце опускалось за горы, здесь вспыхивало множество огней — торговцы, каждый по-своему, освещали свой товар. Каменных дел мастера протянули провода от столбов, живописцы располагались под фонарями, продавцы подсвечников поступили еще проще — вставили свечи в свои подвесные чайники, замки, колбы, и весь угол набережной под акацией мерцал, привлекал и соблазнял простодушных отдыхающих, разомлевших на дневном солнце.

Прошел парень, ведя на поводке крокодила в кожаном наморднике, народ ахал, расступался, женщины взвизгивали, а крокодил шествовал важно, вразвалочку и даже как-то привычно. Парень зычным голосом предлагал за одну гривну сфотографироваться с чудищем, но желающих не находилось. Тут же брел старикашка с обезьяной, которая непрерывно что-то выискивала в небогатых волосах хозяина, но тот оставался невозму-

тим. Прошел пьяный тип с игуаной, неестественно громадной ящерицей, которая едва умещалась на его плечах — тоже предлагал сфотографироваться, но какой-то мистический ужас исходил от этого странного существа. Намордника на игуане не было, но чешуйчатая шкура, вислый мясистый хвост, полусонные глаза, неуловимо быстрые движения головы отпугивали и заставляли шарахаться в стороны.

Жора, как обычно, стоял у парапета, рядом с каменными своими изделиями. Без главного произведения, привлекавшего пьяную толпу, его выставка сразу обеднела. Жора срочно изготавливал новый член уже в более полной комплектации. Но он еще не был готов, и Жора выставил его слегка незаконченным, слегка поникшим, как бы уставшим.

— Как называется... это? — спросила у Жоры, возбужденно блестя глазками, девушка в джинсах.

— Сами не видите? “Конец сезона”.

Несколько взвинченный смех подтвердил, что название точное и коктебельской публикой принимается.

— Смотри, а вот и Жанна, — сказал Жора, как нечто совершенно естественное и закономерное.

Действительно, в неверном, мерцающем свете площади я увидел уже знакомую стайку девушек. Жанна вскинула по своей привычке руку высоко вверх, помахала ладошкой, но не подошла. Сделала какой-то неуловимый жест, но я понял — она хотела сказать, чтоб мы не исчезали, она подойдет попозже.

— Слишком хороша для меня, — простонал Жора. — Слишком.

— А так бывает?

— Бывает, мой друг, бывает!

— А как ты узнаешь — какая для тебя слишком хороша, а какая в самый раз?

— Это не я, это они определяют, — умудренно протянул Жора. — И должен тебе сказать — безошибочно. Как им это удается — понятия не имею. Мистика. Колдовство. Нечто сверхъестественное. А если перевести на прозу жизни, то мои — это те, которым достаточно на ночь бутылки мадеры. Ну, может быть, две бутылки. На двоих. Все те, которые мечтают о большем, обтекают меня, не касаясь. Как вода обтекает замшелый, вросший в дно, покрытый тиной камень. Красиво сказал? Сам чувствую, что неплохо выразился.

Поредевшая сентябрьская толпа продолжала медленно плыть мимо нас с обычной вечерней усталостью. Люди на ходу всматривались в выставленные камни, картинку, фотографии, керамические поделки и шли дальше. Время покупок еще не пришло, покупали перед отъездом, когда была уверенность, что хватает денег и на обратный билет, и на бутылку коньяка в дорогу.

Время от времени я оглядывался назад.

Море штормило, дул несильный ветер, пляж был совершенно пуст. Значит, с тыла удара можно не опасаться, если выстрел и будет, то в лицо. А это уже вселяло кое-какие надежды. Темные окна столовой Дома творчества тоже не вызывали опасений — все двери были заперты, форточки закрыты, и вряд ли кому придет в голову устроить там засаду.

Толпа продолжала медленно проплывать передо мной, а я все прощупывал ее в надежде увидеть, узнать человека, которому я, возможно, понадобился. Но нет, ничего подозрительного не увидел.

— А вот и я! — Жанна стояла в двух шагах, я даже не заметил, с какой стороны она появилась.

— Прекрасная погода, не правда ли? — неожиданно откуда-то выскочили эти слова, уже произнеся их, я понял, что не надо бы, не надо бы — кто-то из наших говорил их довольно часто, они стали почти поговоркой, предназначенной для внутреннего пользования.

— Да, действительно! — легко подхватила Жанна. — Луна, как никогда, щербата, лунная дорожка размазана по волнам, а удары прибоя говорят о том, что утром купаться будет невозможно.

— О, друзья мои! — воскликнул Жора радостно. — Вы опять вместе! Это обнадеживает. Это говорит о том, что жизнь продолжается и будет продолжаться еще некоторое время.

— Долгое время? — поинтересовалась Жанна.

— Достаточное для того, чтобы совершить все, предназначенное природой! — Жора не задумывался ни на секунду. Многолетний южный опыт позволял ему в подобных разговорах чувствовать себя уверенно и неуязвимо. — Кстати... А не выпить ли нам по глоточку мадеры? Золотистой, коктебельской мадеры, а?!

— Разве что глоточек, — сказала Жанна. Волосы она собрала в пучок на затылке, обнажив высокую загорелую шею, сама была в белом узком платье, которое едва достигало середины бедер.

— О! — сказал Жора и, обернувшись к парапету, вынул из черной клеенчатой сумки бутылку и пивной бокал с фирменным знаком "Оболонь".

Из этого бокала мы и выпили мадеру, почти на равных выпили. Вечер сразу чуть изменился, сделался менее опасным и более соблазнительным. И шастающий в ногах у прохожих полуметровый крокодил в кожаном наморднике, игуана с цепкими лапами, посверкивающими чешуйками кожи и тяжелым вислым хвостом, действительно какая-то обкусанная луна, время от времени появляющаяся в разрывах ночных туч, загорелая до черноты Жанна в белом платье... Опять же бутылка мадеры на троих — все это создавало странное ощущение вдруг распахнувшихся возможностей, когда все можно, все допустимо и ты просто обязан всем воспользоваться. Даже не так, не воспользовать-

ся — оценить и убедиться в том, что все вокруг прекрасно, более того, для тебя и создано.

Жора куда-то исчез, и я вдруг обнаружил себя на скамейке у причала, рядом со мной сидела Жанна. Между нами стояла пустая бутылка из-под мускатного шампанского и лежала смятая салфетка от чебурека.

— Я смотрю, ты любишь шампанское? — сказала Жанна, и я вдруг ощутил теплую волну от ее “ты”.

— Да и ты вроде не отказывалась?

— Я — подневольная! — рассмеялась она. — Я только принимала угощение.

— Повторим?

— А выдержим? — И опять приятно царпнуло это “выдержим” — значит, мы вместе, заодно, как бы даже в сговоре.

— Обязаны, — сказал я.

— Обязанности надо выполнять.

— Сиди здесь, я сейчас приду. Хорошо?

— Хорошо.

— Не сбежишь?

— Зачем, Женя? И потом — куда?

— Вообще-то да... — согласился я.

— От себя не убежишь, — сказала она уже мне вслед.

У меня не было времени вдумываться в тонкий смысл последних слов, я опасался, что киоск на перекрестке будет закрыт. Но нет, работал. Я уже знал — продавца зовут Игорь, он запомнил меня по первой бутылке и, не спрашивая, вынул из холодильника вторую. Красное мускатное стоило четырнадцать гривен, другими словами — ничего не стоило.

— Ты еще не закрываешься?

— Я до трех, — успокоил меня Игорь.

— Дня?

— Ночи! — весело ответил он.

— Тогда до скорой встречи.

Встреча действительно оказалась скорой — через полчаса мы с Жанной подошли к киоску и взяли еще три бутылки красного мускатного.

— Неужели есть место, куда нас пустят с таким количеством своего алкоголя? — спросила Жанна.

— Есть такое местечко, — ответил я. — Совсем рядом.

И снова промелькнули перед нами крокодил в наморднике, игуана с сонным взглядом — и мы оказались у зацелованного Ленина с красными губами и со сбитым носом.

— Какой ужас! — вскричала Жанна. — Ты ведешь меня в свой номер! Я узнала это место — ты ведешь меня в свой номер!

— Раньше говорили — номера.

— Да, кажется, так и говорили, — подтвердила Жанна. — Ты меня не обидишь?

— Как получится.

— Ну, что ж... Пусть так.

Лоджия в моем номере состояла как бы из двух частей — помимо основной площади был еще отсек, вроде кладовки, но открытый, с отдельным освещением. Там никто не мог нас увидеть, не смог бы достать ни один злоумышленник, на какое бы дерево ни забрался, на какой бы крыше ни расположился. В этом отсеке мы и накрыли журнальный столик.

Вечер был темен и свеж, деревья шумели на сильном ветру, но в нашем закутке было настолько тихо, что даже высохшие свои плавки я оставил на перилах, не опасаясь, что их унесет ветер. Совсем рядом, за деревьями, бухали в берег волны, докатившиеся от самой Турции, в ресторане Славы Ложко громышал оркестр, а сам Слава в перерывах читал свои шаловливые стихи о том, как красиво он любил красивых женщин.

А мы с Жанной пили красное мускатное, смотрели друг другу в глаза, произносили двусмысленности, невинно касались друг друга ладошками и весело смеялись над разными забавными случаями, происшедшими в нашей жизни совсем недавно и совсем давно.

А потом, когда кончилась вторая бутылка, я сказал, что пора спать.

— Но у нас есть еще вино! — удивилась Жанна.

— Выпьем утром. И только тогда ты поймешь, что такое настоящее холодное, красное, мускатное... Ну, и так далее.

— Я смотрю, ты большой любитель шампанского? — спросила Жанна с некоторым подозрением в голосе. Второй раз за сегодняшний вечер она задала мне этот вопрос.

— С Жорой я пью мадеру. С директором Дома творчества — коньяк. С тобой — шампанское. А в Запорожье у меня есть друг Владимир Иванович Подгорный, ректор местного машиностроительного института... Так вот с ним мы пьем самогон, который производит его столетняя мать. Вопросы есть?

— Наливай, — беспшашно махнула Жанна рукой, и я разлил остатки шампанского из второй бутылки. — Только это... Я буду спать отдельно. Мы ведь об этом уже договорились? Ты ведь сдал мне свободное койко-место?

— Не возражаю.

И я действительно не возражал. Я уже получил от этого вечера так много, что еще чего-то... Это уже казалось излишним.

Мы легли отдельно. И погасили свет. Но дверь на лоджию была распахнута. Там, невидимые в темноте, шумели деревья, грохотали волны, надсадно сотрясал воздух ложковский оркестр, заглушая все остальные оркестры Коктебеля.

— Мне холодно, — сказала Жанна. — Одной простыни недостаточно. Сентябрь все-таки.

— Одеяла в шкаф, — ответил я.

И заволновался, задергался, понял — сказал что-то не то, несурное, может быть, даже опасное. Но шампанское сделало

свое дело. Пока я сообразил, что к чему, было уже поздно. Жанна встала, в легких сумерках нашла шкаф, открыла дверцу и выдернула из стопки одеяло.

Я уже приподнялся, чтобы остановить ее, уже руки протянул, чтобы не допустить к шкафу, к одеялам, подушкам и простыням, сложенным там на случай холодов... Но было поздно. Едва она выдернула одеяло, раздался оглушительный грохот — упало что-то тяжелое, громоздкое, преступное.

Когда я включил верхний свет и под потолком вспыхнула лампочка, прикрытая абажуром с кистями, то увидел Жанну, прижимавшую к себе синее солдатское одеяло. На полу, у самых ее ног, лежал мой пистолет, а рядом — Жорина изваяние, неизменно потрясающее меня точностью анатомических подробностей. Двухкилограммовый каменный член упал на пол с грохотом, наверное, ничуть не меньшим, чем “стечкин” с глушителем.

— Ни фиги себе, — пробормотала Жанна, и не столько ужас был в ее голосе, сколько смех, во всяком случае, мне так показалось.

— Не обращай внимания. — Я небрежно затолкал ногой оба предмета под шкаф. — Им там самое место.

После этого выключил свет, взял Жанну вместе с одеялом на руки, отнес на свою кровать, а сам улегся рядом. И все было прекрасно.

Поезд из Днепропетровска приходил на Курский вокзал в 11.26. Мандрыка не вышел на перрон, остался в машине. Накануне он созвонился с ребятами и сказал, что будет в красном “шевроле” на стоянке. Это было грамотно — никто не видел его с исполнителями, никто не засек, даже если за ними тянулся “хвост” из самого Днепропетровска.

Опустив стекло, чтобы лучше слышать объявления, Мандрыка взглянул на часы — это был “Роллекс”. Ничего не мог поделать с собой Мандрыка, любил красивые, дорогие вещи. И только сейчас, когда появились не просто деньги, а большие деньги, эта таившаяся страсть вылезла наружу и завладела им полностью. Что там часы, хорошие часы просто необходимы, но Мандрыка на часах остановиться не мог. Авторучки, блокноты, перстни с непростыми камешками, запонки, галстуки — все было не просто высокого, все было наивысшего качества. Говорят, человек с большими деньгами резко меняется — ничуть. Просто в нем проявляется то, что было всегда.

— Здравствуйте вам, — раздался голос, и Мандрыка увидел рядом с собой простецкое улыбчивое лицо.

— А, приехали, значит. Садитесь сзади. У вас все в порядке? Как доехали?

— Нормально. — На просторном заднем сиденье расположились два щупловатых паренька. Мандрыка посмотрел на них в

зеркало, потом обернулся назад. Некоторое время молча рассматривал обоих, как бы еще раз примеряя к делу, которое им предстояло выполнить.

— Что, изменились? — спросил один из парней, тот, кто первым заглянул в машину. — Трудно узнать?

— Узнал.

— А мы тебя не сразу... Крутой, не сразу подойти решились, все прикидывали — да тот ли это Васько, с которым познакомились, которого полюбили и до сих пор любим, — балагурил парень.

— Значит, так, Гриша... И ты Валера. — Назвав одного парня по имени, Мандрыка на ходу понял, что второго тоже нельзя отодвигать. Валера до сих пор не проронил ни слова, но тоже был смешлив, даже как бы добродушен. — Значит так, хлопцы. Работа предстоит сегодня.

— А по Москве погулять, на Красную площадь сходить, в Мавзолей заглянуть? — продолжал куражиться Гриша. — Я давно Ильича не видел. Как он там?

— Давайте договоримся... Встретимся в Днепре, найдем хорошее местечко и вволю посмеемся. Над чем угодно. Заметано? Времени у меня мало. У вас тоже немного. Все очень серьезно.

— Молчу, как рыба об лед. — Гриша приложил обе ладони к груди. — Звыняйте, дядько.

— С украинским языком осторожнее.

— Но ты-то понимаешь!

— Гриша! Это след! — со стоном, страдая от непонимания, произнес Мандрыка. — Любой придунок услышит от вас одно слово и сразу скажет — с Украины ребята. Тебе это нужно?

— Все, Вася! И с этим завязали.

— Обратные билеты взяли?

— Как договорились.

— Правильно, незачем в местных вокзальных компьютерах свои фамилии оставлять. Инструмент с собой?

— Привезли инструмент. Хотя это было непросто — две таможни отработали.

— Чистый инструмент?

— Почти.

— Не пойдет, — твердо сказал Мандрыка.

— Вася, — протянул Гриша. — Ну, в Чечне побывал инструмент! Сейчас по стране ничего не найдешь, что в Чечне не побывало! Все нормально! Не переживай!

— Ладно, — пересиливая себя, с трудом согласился Мандрыка. — Значит, так... Отработали — и сразу на поезд. От инструмента избавляетесь немедленно. Он вам больше не пригодится.

— Как знать, — сорвалось у молчавшего до сих пор Валеры. — Жизнь — она такая... Какой угодно стороной может повернуться.

Мандрыка долго молчал, проводил взглядом милиционера, который уже не первый раз проходил мимо машины, потом включил мотор и медленно выехал со стоянки. Проехав вдоль всего здания вокзала, свернул влево, поднялся к Садовому кольцу и, дождавшись зеленого светофора, свернул вправо. Метров через двести Мандрыка опять свернул вправо на тихую, пустынную улицу Казакова. Проехав две-три минуты, пристроился недалеко от церкви.

— Здесь немного спокойнее, — объяснил он свои маневры. — Теперь вот что... Я вам кое в чем уступил, уступите и вы... От инструмента избавляетесь немедленно. Если он запачкан, то, может быть, на месте его бросать и не следует. Но при первой же возможности... В воду, канализационную решетку, в общественный туалет... Ваши убытки я восполню особо.

— Это другой разговор! — с подъемом произнес Гриша. — На это мы пойдем охотно и даже весело!

Мандрыка поморщился, помолчал, уже этим давая понять, что недоволен легкомысленным отношением к делу, что засомневался в ребятах и подумывает, не отменить ли все затеянное.

Те поняли, тоже помолчали.

— Вася. — Гриша положил руку на плечо Мандрыке. — Ты не переживай. Это мы от волнения куражимся, от радости, что приехали нормально, что тебя увидели... Этакий своеобразный шок. Мы сейчас пошатаемся немного по улицам, перекусим, и все пройдет. Ты не сомневайся в нас, мы ничего ребята, мы в порядке. Уж неделю как ни грамма не выпили. Представляешь, как серьезно относимся к делу?

— Ладно, проехали. Клиент живет в гостинице "Россия". Третий этаж. Вот номер. — Мандрыка лишь показал цифры на бумажке. — Вы должны подойти в половине седьмого... Повторяю — в восемнадцать тридцать. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Постучать четко, раздельно три раза. Вам откроют. Дверь будет заперта, но если вы в восемнадцать тридцать подойдете к двери и постучите три раза, — Мандрыка постучал костяшками пальцев по приборному щитку, показывая, как это надо сделать, — вам откроет человек высокого роста. Это и будет ваш клиент. Вы делаете свое дело, вынимаете из дверей гостиничный ключ, кладете его в карман и уходите, плотно закрыв за собой дверь. Там срабатывает защелка. И до следующего дня в номер никто не сунется. Ни горничная, ни дежурная, никто. Дверь будет заперта. Всевозможные обходы, уборки и прочее — утром. Когда его обнаружат, вы будете уже в Днепрпетровске.

— Неплохо. — Гриша вопросительно посмотрел на Валеру. Тот лишь молча кивнул, опять не произнеся ни слова.

— Спокойно, не торопясь, выходите из гостиницы, спускаетесь по улице Разина к метро "Китай-город" и с одной пересадкой добираетесь до Курского вокзала. Дальше сами знаете. Если

все будет по плану, вы окажетесь на вокзале минут за пятнадцать до отхода поезда. Поезд отходит с третьей платформы. Вопросы есть?

— Ты уверен, что клиент будет на месте? — спросил Гриша уже совершенно другим голосом — негромким, озабоченным, даже какая-то опасливость появилась в его тоне.

— Я сам с ним так договорюсь.

— А ты где будешь в это время?

— Совсем в другом городе. Сейчас мы расстаемся, и я мчусь в аэропорт.

— Где именно ты будешь, нам ведь знать необязательно?

— Полностью с тобой согласен, — усмехнулся Мандрыка.

— Как звать клиента?

— Зачем это тебе нужно?

— Вообще-то да, — пожал плечами Гриша. — Зачем это мне нужно? Совершенно незачем. Клиент — он и есть клиент. Согласен — вопрос глупый. Но есть вопрос и получше.

— Слушаю, — сказал Мандрыка с легким нетерпением.

— Деньги.

— По пятерке до, по десятке после, — слукавил Мандрыка.

Гриша молча посмотрел на Валеру, и некоторое время оба молчали, уставясь друг другу в глаза. Чувствовалось, что в эти мгновения они производили сложные расчеты и как бы невидимо, на уровне подсознания советовались, пытались понять друг друга по движениям бровей, зрачков и даже, наверное, ушей.

— Всего тридцать? — наконец спросил Валера.

— Да. На двоих тридцать, — уточнил Мандрыка.

— Плюс накладные расходы — билеты, инструмент...

— И ужин в поезде, — прервал перечисление Мандрыка.

— Годится, — сказал Валера.

— Годится, — повторил Гриша.

Мандрыка открыл бардачок и, вынув пачку долларов в банковской упаковке, протянул Грише.

— Здесь десятка. По пятерке каждому.

— Когда остальные?

— В любой момент. Вы приедете сюда, я приеду в Днепр — не имеет никакого значения.

— Но это надежно?

— Ребята... Куда я от вас денусь, — со вздохом проговорил Мандрыка. — Вы же меня на краю света достанете.

— Достанем, — кивнул Гриша. — И потом, у нас есть общий друг... Николай Иванович Усошин. Верно говорю?

— Куда вас подбросить? — спросил Мандрыка, трогая машину с места и разворачиваясь опять в сторону Садового кольца вверх по улице Казакова.

— К любому метро, — ответил Гриша. — У нас впереди почти весь день. Пошатаемся по Москве.

— Предупреждаю — ни грамма водки, ни кружки пива.

— Вася! — весело рассмеялся Гриша. — Это уже не твои проблемы, это уже наши проблемы. А если всерьез... хочешь признаюсь... Я даже поесть не смогу. Валера вот сможет, а я — нет.

Машина выехала к Садовому кольцу, Мандрыка дождался паузы и, свернув направо, продолжал ехать в крайнем правом ряду. Через несколько сот метров он остановился — ему не терпелось избавиться от пассажиров.

— Через дорогу — метро Красные ворота. Схемы на каждом углу — разберетесь. Завтра в середине дня буду звонить в Днепр. По твоему телефону. — Он в упор посмотрел на Гришу. — К тому времени вы должны быть дома.

— Будем, Вася, не переживай. Все обойдется, все будет наилучшим образом.

— Ни пуха, ребята, — сказал Мандрыка.

— К черту! — ответил Гриша. И, бросив ремень сумки на плечо, повернулся к Валере. О Мандрыке, о его дальнейших перемещениях он уже как бы и забыл.

Мандрыка тронул машину и влился в общий поток. Через три километра ему предстояло свернуть на Тверскую и рвануть в Шереметьево. Напротив института Склифосовского, как обычно, его подстерегала большая пробка, и пока машина медленно, по два-три метра, продвигалась вперед, Мандрыка связался по телефону с нужным человеком.

— Олег Витальевич? Добрый день. Я все подготовил. Буду, как и договаривались — ровно в половине седьмого. Да, с документами. И мы все расставим по своим местам. До скорой встречи.

Не надо бы ему произносить последних слов, не надо бы. Скорая встреча в делах, которые он сам же и затеял... Опасные слова, ох, опасные. Ведь состоялась их встреча, состоялась. Правда, чуть попозже.

Гриша и Валера подошли к гостинице "Россия" около шести часов вечера. Со стороны Красной площади подошли. Солнце уже садилось, и стеклянный фасад гостиницы сверкал закатными бликами, создавая в душе настроение праздничное, приподнятое. Лица и у Гриши, и у Валеры были простоватыми, в них таилась как бы даже незащитность. Они подошли к швейцару, он, естественно, спросил карточку гостя, у них ее не оказалось, они начали канючить, проситься хотя бы в вестибюль, купить каких-то там журналов с красивыми картинками, швейцар упирался, но не слишком уж неприступно. А когда Гриша с явно глуповатой улыбкой сунул ему сотню рублей, тот все с тем же недовольным выражением лица отступил от прохода и даже подтолкнул ребят, дескать, проходите быстрее, не задерживайте, тут вон сколько людей скопилось и все торопятся, все торопятся.

Действительно, потолкавшись у журнальных киосков, ребята отошли в сторонку и сели в кресла. Вид у них был самый что

ни на есть простецкий, и ни одна живая душа не заинтересовалась ими. И так все ясно — провинциалы приехали и балдеют от одного только вида столицы.

Стрелки показывали десять минут седьмого, когда они поднялись и, робея, стесняясь собственного вида, направились к лифтовой площадке. Подошел лифт, опять же от стеснительности они пропустили вперед торопящихся деловых людей, потом вошли сами. Они вышли первыми. Лифт унесся дальше, ввысь, в поднебесье — им туда не нужно было.

— Номер помнишь? — спросил Гриша.

— Помню.

— Кажется, нам в ту сторону.

— Какая разница... Коридоры по кругу идут... Все равно выйдем куда надо.

Часы показывали двадцать минут седьмого. Времени было достаточно, чтобы пройти по бесконечным коридорам гостиницы и найти нужный номер. Когда ребята остановились у нужной двери, до срока оставалось еще три минуты. Решили не нарушать мандрыковские инструкции и прошли вперед, развернулись, не доходя до столика дежурной. Она уже поглядывала на них с интересом. Но увидев, что они остановились, успокоилась — гости нашли, наконец, номер, который искали.

Ровно в восемнадцать часов тридцать минут Гриша постучал в дверь. Три раза, с паузами, как и наставлял Мандрыка.

— Кто? — раздался из номера веселый голос.

— Свои, — так же весело ответил Гриша.

Дверь распахнулась, и ребята резко, выставив вперед пистолеты с глушителями, прошли в номер и тут же захлопнули за собой дверь. Мгновенно побледневший мужик в спортивном костюме отшатнулся в глубину. Гриша и Валера быстро шагнули за ним. И тут их ожидала самая большая неожиданность — вокруг журнального столика сидело четыре человека. В этот момент раскрылась дверь из туалета и вышел пятый — слегка поддавший, розовый, с улыбкой до ушей. Гриша пистолетом подтолкнул его в общую кучу.

— Ни фиги себе, — пробормотал он.

— Ничего не поделаешь, — ответил Валера и выстрелил первым в ближайшего, Гриша тут же начал стрелять в остальных. Старались попасть в грудь, в легкие, чтобы не было криков. Щелчки выстрелов раздавались часто и сухо. Через двадцать тридцать секунд все было кончено. Тогда Валера перезарядил обойму и, обойдя все трупы, выстрелил каждому в голову — между ухом и виском. До этих выстрелов еще слышались стоны, люди бились в агонии, теперь же все были совершенно неподвижны.

— Уходим, — сказал Гриша.

— Подожди, — Валера обошел все трупы, вывернул у каждого карманы, сбросил в свою сумку кошельки, бумажники,

деньги, снял с рук часы, заглянул на вешалку — там тоже обшарил карманы нескольких пиджаков. — Все, — сказал он. — Пошли.

— Ключ, — сказал Гриша.

— Я возьму. Медленно в сторону дежурной. Там лифт.

— Понял.

Едва они вышли и защелкнули дверь, к ним подошла горничная.

— Там еще кто-нибудь остался? — спросила она.

— Пьяные вусмерть, — спокойно ответил Валера. — Раньше утра вы от них ничего не добьетесь.

— Может, попробовать? Они немного задолжали...

— Не советую, — равнодушно проговорил Валера.

— Завтра, так завтра, — пробормотала горничная и тоже направилась к столику дежурной.

Ребята прошли вслед за ней, вызвали лифт, не торопясь вошли, даже несколько замешкавшись. Говорили вполголоса, о чем-то совершенно невинном, на дежурную не смотрели, видели ее только в отражении стекла — дескать, у них своих забот полон рот. Нажали кнопку первого этажа, вышли из лифта, осмотрелись и направились к выходу из гостиницы.

Им повезло — они оказались как раз перед улицей Разина. Спустились к метро, купили свежих газет, заметили, что милиционер у входа смотрит на них если не с подозрением, то как-то неприятно, со вниманием. Потому и остановились у газетного киоска. Приезжие газет не покупают. Увидев, что люди, которые заинтересовали его, берут газеты, успокоился и милиционер.

На Курский вокзал прибыли за пятнадцать минут до отхода поезда. Мандрыка все рассчитал правильно. В вагоне почти никого не было: в купе они оказались вдвоем. Бросив сумки на вторые полки, сели за столик напротив друг друга и впервые за последний час посмотрели друг другу в глаза.

— Ну что? — спросил Гриша.

— Вроде обошлось, — ответил Валера.

— Сглупили мы, крепко сглупили.

— В чем?

— Нельзя было с этими сумками идти по городу. Такая улика, такая улика...

— Все правильно, — ответил Валера. — Я бы уложил каждого, кто попытался бы остановить меня.

— Постель берете? — спросила проводница, заглянув в купе.

— Берем, — ответил Гриша.

В этот только момент оба заметили, что поезд тронулся. Медленно поплыл мимо перрон, редкие провожающие, носильщики, киоски с водой, два милиционера, мирно покуривающие у спуска в подземный переход.

— Неужели обошлось? — пробормотал Гриша.

Вместо ответа Валера поднялся, опустил на сиденье свою сумку, вынул бутылку водки "Гжелка", которую купили, блуждая целый день по Москве.

— Принеси стаканы, — сказал он, и только по этим словам можно было догадаться, кто у них главный. Когда Гриша поставил на столик два стакана, Валера разлил в них водку, граммов по сто пятьдесят, и, не дожидаясь, пока поднимет свой стакан Гриша, молча чокнулся и в три глотка выпил.

— С Васи причитается больше, чем он думает, — сказал Гриша.

— С Васи хорошо причитается.

А поезд набирал скорость, унося ребят все дальше от Москвы, от того опасного места, которое оставалось в гостинице "Россия". Когда совсем стемнело, Валера вынул из сумки свой пистолет и, убедившись, что в коридоре никого нет, с силой запустил самую страшную улику в приспущенное окно.

— Давай и свой, — сказал он.

Взяв из рук Гриши второй пистолет, поступил с ним точно так же. Упали пистолеты в какой-то лесной кустарник, в воду или просто в траву на расстояние не менее километра друг от друга. Когда-нибудь их, наверно, найдут, но не сразу и не один человек — это уж точно.

Валера вернулся в купе, закрыл дверь, повернул рычаг запора, поднял щеколду у второй полки, чтобы никто не мог войти в эти опасные минуты. И вытряхнул из своей сумки на нижнюю полку все бумажники и кошельки, которые успел собрать в номере. Освободив их от денег, а набралось около восьми тысяч долларов, он взял стопку кошельков и, выйдя в коридор, с паузами, один за другим выбросил их все в окно. Вернувшись, половину денег отсчитал Грише.

— Кажется, все, — сказал он устало.

— Осталось таможню пройти.

— Авось.

В середине следующего дня позвонил Мандрыка.

— Вы уже дома? — даже на расстоянии в несколько тысяч километров в его голосе чувствовалось облегчение.

— Добрались, — ответил Гриша.

— Все в порядке?

— Даже более того.

— Не понял?

— Их было пятеро.

— И вы...

— Да, Вася, да. Нам ничего не оставалось. Не могли же мы просто уйти. Тебя бы подвели. Вошли, как ты и велел, — в половине седьмого. Ты знал, что их будет пятеро?

— Значит, вы... — проговорил Мандрыка мертвым голосом.

— Да. Но мы дома, у нас все в порядке. И это... Нужно поговорить о деньгах. С тебя крутовато причитается.

— Поговорим, — обронил Мандрыка и повесил трубку в каком-то далеком городе. Говорить дальше у него попросту не было сил.

При въезде в Коктебель со стороны Феодосии стоит громадный щит, на котором перечислены писатели, славно здесь потрудившиеся в разные годы — Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Александр Грин, Вячеслав Лозко, еще кто-то из великих. Каждый приезжающий сюда мог сразу проникнуться необыкновенностью этих мест, этих волн, этих гор.

Солнце только что опустилось за два пологих холма, напоминающих юные женские груди. Кажется, их здесь так и называют, разве что без слова “юные”. Приближались сумерки, приближался вечер, оживала площадь перед столовой Дома творчества. Мне пора было туда.

Жора уже выставил на парапете потрясающие свои изделия, в черной его сумке наверняка затаилась бутылка мадеры. Слава Лозко уже расхаживает среди торговцев, призывая их внести лепту на поддержание порядка на знаменитом побережье.

Я развернулся и пошел в обратную сторону, в Коктебель. По обочинам сидели бабки, лузгали семечки и судачили о наступивших тягостных временах. Прямо на асфальте стояли плакатики, бабки предлагали жилье — у моря, под ключ, вас могли принять с семьей, в одиночку, с девушкой и с другом, с собакой и крокодилом. И документов не спросят, хотя, конечно, и поворчат, пожалуются на строгость порядков — все-таки другое государство.

В безлюдные места я пришел сознательно, проверить — не идет ли кто за мной, не вызываю ли я у кого интереса болезненного и пристального. Вроде обошлось, вроде никто не устремился за мной следом.

Южный базар раскинулся по обе стороны дороги и не закрывался, кажется, всю ночь — при фонарях торговали, спали тут же в машинах, отдавали за бесценок персики, груши, дыни, арбузы, домашнее вино, поддельный коньяк, жареную осетрину.

Жора оказался на месте. Рядом две девицы похотливо хихикали, показывая юными своими пальчиками на очередной шедевр.

— А можно, мы сфотографируемся ... с ним? — спросила девушка побойчее.

— Можно, — кивнул Жора равнодушно — с подобными просьбами к нему обращались постоянно.

Что тут началось! Девушки попеременно брали изваяние в руки, прижимали к груди, засовывали в волосы, целовали! Пока одна все это проделывала, возбужденно сверкая глазками, вторая беспрестанно щелкала мыльницей.

— Во дают, а! — озадаченно проговорил Жора. — Ужас и кошмар! Можно представить, как они ведут себя с более естественными приспособлениями! Все произведение заслюнявили!

— Если спишь в чужой постели, — проговорил я бессмертные Жорины строки, — значит... Сам понимаешь, где находишься!

Мыльница, которой только что орудовали несозревшие еще красавицы, напомнила мне об одном незавершенном деле. В вестибюле Дома творчества расположился киоск фотоуслуг, украшенный красно-золотистой кодаковской рекламой. Два дня назад я сдал пленку, и уже, наверно, были готовы снимки со следами, оставленными каким-то придурком в моем номере.

Снимки получились отличными — четкими, резкими, и все особенности преступной подошвы отпечатались даже в цвете.

— Любимая женщина? — спросил Жора, увидев меня со снимками.

— Вроде того. — Я сунул снимки в карман. — Кстати, о любимой женщине... Жанна не появлялась?

— Третий день не вижу. Может, уехала? Загорела она достаточно, пора и честь знать, а?

— А ручкой помахать? — спросил я. — А бутылку поставить отвальную? А в щечку поцеловать?

— Она ничего этого не сделала? — ужаснулся Жора. — В Коктебеле так себя не ведут. Что-то мне этот мужик все на глаза попадается. — Жора пристально всмотрелся в толпу. — Загорать не загорает, мадеру не пьет, к каберне тоже равнодушен. И к бабам не пристаёт. Ходит туда сюда и глазами зыркает. Не наш это человек. Поганый он.

— Где? Покажи!

— Прошел только что... Как только появится, прямо пальцем в него ткну. И одет как-то...

— Как?

— Слишком серьезно. Здесь так не одеваются, если вообще одеваются. Брюки, видишь ли, на нем, туфли... Как-то даже при галстукке появился. Правда, дождь шел. Для меня ясно — или дурак, или больной. Как хохлы говорят... Якщо людина не пье, то або вона хвора, або падлюка. Как насчет мадеры?

— Глоточек можно.

Жора щедро налил в стакан золотистого вина.

— Грушей закусишь?

— Давай.

Постепенно стемнело. Площадь осветилась многочисленными огнями, свечами, какими-то странными приспособлениями, которые горели сами по себе и даже давали какой-то свет. У Жоры не было фонаря, и он не мог осветить тусклые в полумраке свои произведения. И потому, едва сгущались сумерки, молча и даже с какой-то обреченностью складывал нераскупленные подделки в черную клеенчатую сумку.

— Слушай, пошли в “Икс”, — закрывая молнию, сказал Жора.

— А что это такое?

— Друг мой! Быть в Коктебеле и не знать, что такое “Икс”?! Это непростительно. Любимая моя кафешка. Там меня любят, балуют, позволяют на ночь оставлять мои произведения, и заметить — не воруют. А в других местах воруют. А кроме того, в “Иксе” могут в долг дать бутылку коньяка. У тебя есть где-нибудь на земле место, где тебе без денег дали бы бутылку коньяка? — требовательно спросил Жора.

— Честно говоря... нет, — признался я, мысленно окинув побережья Греции, Кипра, Крита, Испании, промелькнули берега еще каких-то стран и островов. И я вынужден был честно признаться: — Нет у меня такого места.

— А у меня есть, — сказал Жора и вдруг перебил сам себя: — Вон тот чудной мужик. Не то хворый, не то падлюка. Не исключено, что и то, и другое.

Не медля ни секунды, я бросился в указанном Жорой направлении, но пока пробивался сквозь толпу у армянской шашлычной и выскочил на простор набережной... Никого, привлекающего внимание, уже не увидел. То ли я в толпе проскочил мимо него, то ли он свернул где-нибудь в сторону.

— Не нашел? — спросил Жора. — А зачем он тебе? Если хочешь, в следующий раз скажу ему, что ты хочешь с ним встретиться.

— Ни в коем случае! — вскричал я. — Ни в коем случае!

— Понял, — кивнул Жора. — Пошли. — И он двинулся в том самом направлении, куда минуту назад рванулся и я, чтобы увидеть, наконец, человека, вызывающего у Жоры недоумение. Мы опять дошли до шашлычной, но тут Жора резко потащил меня влево, в темноту, в заросли каких-то южных кустарников, вплотную примыкающих к дому Волошина. Там оказался неприметный проход на территорию Дома творчества. И мы тут же оказались в полной темноте. Только далеко впереди мерцали над дорогой тусклые лампочки.

— Куда идем? — спросил я.

— В “Икс”. Там нас ждут. У тебя есть место, где тебя всегда ждут?

— Нет.

— А у меня есть. И не одно. В Москве женщина ждет, она мне свои стихи присылает. Мне, между прочим, посвященные. И в Питере женщина... Она живет возле Аничкова моста. Стихов не посвящает, зато я ей... Посвящаю. Так что, друг мой, мне есть куда деться на этой земле. Пока еще есть. У меня впереди много лет — одна женщина по руке нагадала.

— Увидишь — передавай привет.

— Обязательно.

Тусклые лампочки над дорогой в глубине писательского парка и оказались кафе "Икс". Небольшое, на несколько столиков, с арочными проемами в толстой кирпичной стене, выкрашенной в белый цвет, на стенках висели коряги, отдаленно напоминающие каких-то тварей. Между столиками ходил громадный, упитанный пес, рыжий мастиф. Он каждому заглядывал в глаза — не то хотел о чем-то спросить, не то убедиться, что пришел свой человек и ждать от него неприятностей не следует.

Мы сели в угол так, что проем в стене оказался над нашими головами — это мне понравилось. Из темноты, из зарослей парка нас не было видно, а последнее время мне нравится, когда меня не видно. Как меняются убеждения, — ведь совсем недавно, всего два года назад, я постоянно думал над тем, хорошо ли я виден со стороны, замечен ли, достаточно ли освещен... Глупый, самонадеянный человек.

Нам принесли сероватый коньяк, две салфетки и два бутерброда — расплывшийся по хлебу сыр. В дальнейшем выяснилось, что под сыром и в моем бутерброде, и в Жорином таится по куску какой-то сырой колбасы. Из колбасы что-то сочилось. Видимо, эти фирменные бутерброды готовили в духовке, и от температуры потекли и сыр, и колбаса.

Неожиданно раздался мощный, басовитый лай мастифа. Он пронесся мимо нашего столика куда-то в темноту, там раздался треск сучьев, человеческий вскрик, и все стихло.

Появившийся из глубин кафе хозяин с мастифом пояснил:

— Не любит, когда крадутся. Иди спокойно, можешь переступить через него, наступить на хвост, на лапу — не шевельнется. Но когда видит крадущегося человека — за себя не отвечает. И я тоже за него не отвечаю.

— Мы за все ответим, — рассмеялся Жора.

— Кто-то крался, а ему это не понравилось. Вот и все. — Хозяин снова скрылся в глубинах кафе, пес побрел за ним, видимо, благодарный за поддержку. Все снова вернулись к своим занятиям.

Кроме меня — насторожила история с мастифом, который не любит, когда кто-то к кому-то крадется, и пресекает подобные поползновения решительно и бесстрашно.

— Выйдем на минутку, — сказал я Жоре и первым поднялся из-за стола.

— Но мы вернемся?!

— Конечно.

Мы вышли из "Икса", осмотрелись. Я посмотрел в ту сторону, куда недавно понесся благородный мастиф. Там были заросли какого-то южного кустарника, остатки забора, туда же стекал небольшой ручей — дальше он устремлялся к чайному домику, мимо столовой и уходил под набережную к морю.

— У хозяина должен быть фонарь, — сказал я.

— Сейчас будет, — доверительно прошептал Жора. — Здесь все к твоим услугам.

Фонарь я держал в руке через минуту. Так и есть, кустарник, остатки забора, ручей, который почти весь впитывался в землю. Я оглянулся — отсюда просматривались все посетители кафе. Во всяком случае, наш столик был виден. Я наклонился, пытаюсь хоть что-нибудь рассмотреть в неверном свете фонаря. Интересно, почему на юге все предметы обихода — плохие? Фонарь еле светит, кипятильник не работает, замки в дверях заклинивает, шингалеты на окнах отрываются при порыве ветра, пластмассовые стулья на пляже какие-то надтреснутые...

Но как бы ни был слаб фонарь, мне удалось все-таки рассмотреть то, что я искал, — следы от подошв на влажной земле. Здесь, под плотным кустарником, не росла даже трава — солнце не пробивалось совершенно. Поэтому земля была чиста от листьев, от травы, от мусора и на ней все отпечатывалось четко и ясно. А поскольку в кармане у меня лежали снимки, которые я получил час назад, узнать рисунок подошвы не представляло труда.

Совсем недавно я видел его на полу в собственном номере.

— Ну, что? — спросил Жора. — Нашел? — Он обладал способностью задавать удивительно точные вопросы, несмотря на их внешнюю бестолковость.

— Нашел.

— Ну и отлично. Пошли, пока наш коньяк не убрали. А то они могут. Вдруг решат, что нам больше не хочется. У них это не заржавеет. Уж сколько раз случалось. — И мы вернулись в кафе.

Мастиф лежал недалеко от входа и, несмотря на полнейшее добродушие, глаз его был бдительно скошен в сторону темных кустов. Видимо, он еще не успокоился и готов был опять навести порядок на подвластной ему территории.

Наш коньяк стоял на месте. И огрызки бутербродов тоже лежали на столе, хотя их полнейшая непригодность в пищу была видна на расстоянии.

— За что выпьем? — спросил Жора.

— За победу. Над силами зла. Как мы их понимаем.

— Прекрасный тост! — воскликнул Жора с подъемом. — Прямо просится в стихи.

— Дарю! — Я выпил из мутноватого стакана коньяк, сунул в рот оставшуюся от бутерброда корочку. Заказывать еще чего-то не хотелось — передо мной разверзлась такая пропасть, такая пропасть, что было не до закуски.

Главное открытие — у меня в номере был не вор. Кто-то очень хотел убедиться, что я — это я. Видимо, убедился.

Если этот же человек прятался в кустах, значит, что? Значит, его интересовал именно я. Или же он продолжал убеждаться?

У него было время выстрелить? Было. Но почему-то этого не сделал. Он мог застрелить того же мастифа? Нет, мастифа за-

стрелить не мог. Он бы себя выдал. Показал бы, что завелся в Котбеле человек, способный на подобное.

Странное ощущение вдруг овладело мною — я почувствовал себя здесь в полной безопасности. У дверей лежал мастиф, Жора читал шаловливые свои стихи, мы сидели и трепались обо всем на свете легко и беззаботно, и вечер наш продолжал набирать обороты, раскручиваться и приобретать видимость настоящего праздника, долгожданного и счастливого.

Нас никто не торопил, в коктейльских забегаловках не принято торопить. Пользуясь этим, многие посетители, если, конечно, хватает сил и денег, встречают рассветы, любят, как над горой Хамелеон поднимается солнце, как по пустынному пляжу в предрассветном тумане бродят тяжелые чайки и галька поскрипывает под их мощными лапами.

И как, скажите, как не заказать в таком случае бутылку настоящего шампанского, чтобы, как говорили днепропетровские ребята Гриша и Валера, залакировать настоящую пьянку. И мы ее достойно залакировали.

А ребята были хорошие, надежные. Но с недостатками.

В кабинете начальника леспромхоза Сергея Агапова собрались еще двое — Николай Усошин и Слава Горожанинов. Начальник лагеря и начальник железнодорожной станции. Перед ними на тумбочке стоял японский телевизор с достаточно большим экраном. И с пультом управления, который позволял на расстоянии, не вставая, увеличивать и уменьшать звук, прибавить красного или голубого цвета — в зависимости от личных вкусов и характера передачи. А передача была такая, что всем троим хотелось вообще убрать красный цвет — показывали залитый кровью ворсистый пол в гостинице "Россия". Иногда им хотелось убрать голубой или серый цвета — когда на экране появлялись жутковатые ощеренные лица трупов.

Длинный Агапов сидел в низком кресле, поставив локти на колени и подперев кулаками щеки. Усошин в форме майора сидел в углу на стуле, откинувшись назад, словно подставляя физиономию под начальственные пощечины. На экран он смотрел со странным выражением не то неудовольствия, не то пренебрежения к тому, что видел. Но, скорее всего, и недовольство, и пренебрежение относилось к людям, которые все это сделали.

Не в силах сидеть на месте, Слава Горожанинов нервно расхаживал по кабинету, то присаживаясь на стул, то в растерянности садился на стол Агапова и уже оттуда смотрел криминальную хронику.

Дежурная по этажу, возбужденная телевизионным вниманием к себе, что-то невразумительно лопотала, горничная вообще не могла сказать ни слова, но настырный корреспондент добился все-таки от нее признания, что видела она двух молодых ребят, выходящих из номера. Ребята были спокойные и вежли-

вые, совершенно не чеченской и даже не кавказской внешности, мило с ней побеседовали, в номер заходить не советовали, потому что там все пьяные вусмерть, как они сказали. Она повторила несколько раз — “вусмерть”. Получается, что убийцы открытым текстом сказали ей, что случилось с хозяином номера и с его гостями.

— Но кто же мог знать, кто мог знать! — причитала девушка и без конца прикладывала гостиничное полотенце к совершенно сухим глазам. Ей, очевидно, казалось, что после случившегося нужно плакать. Но слез не было.

Что-то беспомощно вякали милицейские чины, начальник охраны гостиницы, вахтеры, швейцары, даже официанта из буфета третьего этажа пытались раскрутить, но никто ничего внятного сказать не мог. Говорили о системе перехвата, которой уже охвачена вся Москва, составляли какие-то фотороботы, показывали изображенных на них уродцев, которые не то что на преступников, а даже и на людей походили весьма отдаленно.

Радостно возбужденный корреспондент говорил вздохом о криминальных разборках, о передаче собственности, о высоком профессиональном уровне убийц, о контрольных выстрелах в голову, о многочисленных версиях, которые разрабатывает следствие. Промелькнуло словечко про железную дорогу, и тут же корреспондент, поблескивая глуповатенькими глазками, сказал, что кто-то из убитых имеет отношение к железной дороге и поэтому именно на железной дороге надо искать следы убийц.

Когда передача закончилась, все вздохнули с облегчением — дальше слушать все эти подробности ни у кого просто не было сил, требовалась передышка. Надо было и самим какие-то слова произнести, выплеснуть собственный ужас от случившегося.

Некоторое время все оцепенело молчали, словно приходя в себя от неожиданного потрясения. Потом шевельнулся Агапов в кресле, с трудом разнял сцепленные пальцы Усошин, прошел к окну, вернулся, сел на неостывшее еще сиденье.

— Это называется — вляпались! — в сердцах произнес он.

— А ведь чувствовал я и предчувствовал! — нервно рассмеялся Агапов. — Что-то будет, что-то случится! Подзалетишь ты, Сережа, ох, подзалетишь! И баба моя как в воду глядела и не скрывала своих видений.

— Ты миллионер? — спросил Усошин. Негромко спросил, даже не глядя в его сторону.

— Ну?

— Я задал тебе, Сережа, вопрос, а ты, пожалуйста, ответь. Мои зеки отвечают, когда я у них о чем-нибудь спрашиваю. Вот у тебя в данный момент спрашиваю... Ты миллионер?

— Да.

— Долларовый миллионер?

— Да.

— И я тоже долларовый. И присутствующий здесь Слава Горожанинов, который так дергался, когда по телевизору железную дорогу поминали недобрым словом... Он ведь человек не менее состоятельный, нежели мы с тобой, верно? А, Слава?

— Все ты говоришь правильно, справедливо и, главное, своевременен. Только возникает вечный вопрос — что делать? Как быть?

— Деньги надо прятать, — сказал Агапов, снова падая в жесткое кресло. — Зарывать, топить, замуровывать... Чтобы когда вернемся оттуда...

— Откуда? — спросил Усошин, который, кажется, единственный не потерял самообладания. Многолетний опыт общения с зеками многому его научил и подготовил к положениям неожиданным, рискованным, а то и попросту опасным.

— Из твоих владений, Коля! Из твоих владений!

— Не торопись. От тюрьмы да от сумы не зарекайся, но и спешить не надо. Мы с вами — северный блок. Есть еще блок южный — Новороссийск. А там, — он резко выбросил руку вперед, показывая пальцем в черный экран телевизора, — поработал блок московский. И не надо нас путать! Набедокурили — расхлебывайте.

— А что, — протянул Горожанинов. — В этом что-то есть, а? — Он повернулся к Агапову. — В конце концов, на нашем участке все спокойно. Лес отправляем, никто на нас не наезжает, никто не мешает работать, а?

Агапов вытянул далеко вперед длинные ноги, забросил руки за голову и некоторое время молча рассматривал своих собеседников, склоняя голову то к одному плечу, то к другому.

— Так-то оно так, — наконец проговорил он. — Так-то оно так, — повторил раздумчиво.

— А что не так? — взвился Горожанинов.

— Выговский звонил тебе перед этой мясорубкой? — Он кивнул в сторону телевизора.

— Ну! Звонил! И что из этого следует?

— Он сказал, что затевается?

— Ну?

— Спрашиваю — сказал? Ведь речь шла о железной дороге, на нас наехали со стороны железной дороги, с твоей стороны, Слава.

— На моем участке все в порядке!

— Это неважно. Из всех наших звеньев первым лопнуло железнодорожное звено. Там, южнее... Наехали ребята, почувствовали, что можно пожить. Было принято решение — дать отпор. Тебе звонил Выговский? — с улыбкой повторил вопрос Агапов. — Молчишь. Отвечаю за тебя — звонил. Оповестил, поставил в известность? Оповестил. Ты согласился? Согласился. Дал свое добро.

— А ты! — взвился Горожанинов.

— И я, — спокойно кивнул Агапов. — И Коля тоже, — кивнул он в сторону Усошина.

— Я ничего не подписывал!

— А этого и не требуется, да, Коля? — повернулся Агапов к Усошину. — Как там у вас, у юристов? Если есть телефонная запись, подпись ведь не требуется?

— Когда как, — вздохнул Усошин. — Когда как... Если речь идет о таком вот событии, — он посмотрел на пустой экран телевизора, — то сгодится не то что телефонная запись, дыхание твое записанное на пленку уже может служить основанием для приговора. Дыхание! Жест! Взгляд! Запах! Стон! Чих! Чихнул не там, где нужно, недостаточно громко или слишком звучно... И большой привет. Подставили они нас. Если они сообразили эти телефонные разговоры записать, то... Все! А они сообразили. Иначе бы не звонили. Они звонили только для того, чтобы записать наше согласие. И правильно сделали.

— Это в каком же смысле? — спросил Агапов.

— В том смысле, что мы как и прежде едины, действуем согласованно, представляем собой один кулак. И нет у нас разброда. И нет у нас колебаний. И никто из нас не дрогнул, не бросился в кусты, доносить никто не побежал, с повинной не приполз. Разве нет, дорогие товарищи? — усмехнулся Усошин. Он старательно стряхнул с рукава кителя невидимые пылинки, будто они его в чем-то уличали, а он не просто пылинки смахивал — следы уничтожал. Точно так же он провел рукой по майорским погонам, пригладил ладонями гладко зачесанные назад волосы.

— Что же делать? — спросил Горожанинов.

— Молиться, — не задумываясь, ответил Усошин. — Молиться, чтобы ребята, которые так славно поработали, успели вовремя смыться, чтобы следов не оставили. Чтобы те роботы, которые нашлапали милицейские живописцы, были не слишком похожи на оригинал. Выговский не дурак, московских он не подключил. Из ближнего зарубежья привел ребят. Если их не взяли за прошедшие двое суток, значит, они уже далеко, в Москве их искать не стоит. Нет, это дело не раскрыть. Сработали ребята грамотно, уж я-то в этом немного разбираюсь. Произошло невероятное... Они вошли в номер, чтобы завалить одного. А там оказывается пятеро. Что им делать? Как поступить? Я допускаю, что они вообще не знали, кто из этих пятерых — их клиент. Так бывает. Мандрыка звонил мне откуда-то... Пару слов обронил. Они не знали даже, как зовут их клиента. Что произошло... На встречу должен был идти Мандрыка... Ему подготовили засаду. Эти пятеро — засада. Но когда вошли двое с пистолетами на изготовку... Все решали секунды. Доли секунды. Ребята сориентировались быстро. Результат вы видели. Лишь бы только не оставили следов.

— А какие могут быть следы?

— Они допустили несколько ошибок... Не надо бы шарить по карманам, заглядывать в стол, касаться чего бы то ни было. Или они жлобы, или пытались создать версию ограбления. Но пять трупов... И все люди с прошлым. Не исключено, что в номере найдут оружие. Версия ограбления отпадет сразу. Копать будут по их специализации. Если установят личности.

— А могут и не установить?

— Если это крутые ребята, они наверняка приехали с чужими документами.

— А если пойдут по специализации, — медленно проговорил Горожанинов, — возникает железная дорога, я правильно понимаю?

— Если это действительно была засада, а не деловые переговоры... То они наемники. Тогда здесь железная дорога может и не вынырнуть. Но появляется другая опасность. — Усошин замолчал, уставившись в черный экран телевизора.

— Ну?! — не выдержал Агапов. — Какая другая опасность вдруг открылась твоему внутреннему взору?!

— Если это в самом деле были крутые ребята... Начнется сведение счетов. Война начнется. И сколько тогда пострадает людей, кто именно... Предсказать невозможно. Тут уж наше с вами положение оказывается выигрышным. Мы в стороне. На отшибе. Вроде и ни при чем.

— Хоть какой-то просвет! — облегченно выдохнул Агапов. Он резко поднялся, подошел к своему столу, вынул из тумбочки бутылку шампанского, на ходу сорвал фольгу с горлышка, свинтил проволоку, качнул туда-сюда пробку и дождался наконец, дождался радостного хлопка. Так же не останавливаясь, он подошел к подоконнику и в стаканы, предназначенные для чая, разлил вино, выпил залпом свой стакан, шумно выдохнул воздух и вытер губы. — Хоть какой-то просвет в облаках! — повторил он и отнес стаканы с шампанским Усошину и Горожанинову.

И в этот момент раздался междугородный телефонный звонок. Все быстро переглянулись, замерли. Агапов подошел к своему столу и, не обращая внимания на частые трели телефона, основательно уселся в свое кресло, отодвинул подвернувшиеся под руку бумаги и лишь после этого поднял трубку.

— Агапов. Слушаю.

Звонил Выговский.

— Сергей? Рад, что застал тебя.

— А я всегда на месте. У нас на севере так. — Этими невинными словами он, может быть, сам того не желая, отгородился от Выговского и всей его московской братвы. Невольно получилось, как бы само собой, без умысла и расчета. Но Выговский понял сказанное.

— У нас тоже так, — сказал он. — Последние известия смотрите?

- Смотрим.
- И как?
- Это действительно уже последние известия? Или еще будут?
- Сложный вопрос, Сережа. То, что случилось, — накладка.
- Догадались.
- Но, вроде, все обошлось.
- О том и молимся.
- Ребята уехали в соседнее государство. Уже дома.
- В ближнем зарубежье? — невинно спросил Агапов, а сам подумал — если Выговский станет убеждать его, что ребята в дальнем зарубежье, это будет ложью.
- В ближнем, — подтвердил Выговский.
- Привет от Коли Усошина, он здесь, в кабинете.
- Чем занят?
- Шампанское пьет.
- Хорошее дело. Как он?
- Удар выдержал. Предрекает развитие событий. В том же направлении. Печалится. Сожалеет о случившемся.
- Мы тоже. Но работа продолжается. Как и прежде. В том же объеме.
- Это возможно?
- Не произошло ничего такого, что могло бы нас остановить, заставить лечь на дно или совершить еще какую-нибудь глупость. Все остается в силе.
- Это радует.
- Я чувствую, что настроение у вас не самое лучшее?
- Игорь. — Агапов помолчал, посмотрел на своих гостей, на уже пустые стаканы. — Игорь... Если мы пьем шампанское, то вовсе не потому, что веселы и счастливы. Мы пьем шампанское только потому, что в тумбочке у меня не нашлось ничего другого.
- Сережа... Повторяю — все продолжается. И потом... Вам-то там, как ты говоришь, на севере... Чего беспокоиться? Нам придется держать удар. Здесь. В Москве.
- Мы тоже так подумали.
- И еще... По моим данным, у ребят не все хорошо получилось. Не надо бы им по шкафам лазить, с кошельками возиться... Не надо бы. Они в свое время у Коли побывали на отдыхе. Он их хорошо знает. Его люди.
- Коля Усошин? — уточнил Агапов.
- Да.
- Отпечатки? — спросил Агапов, но Выговский не услышал этого вопроса.
- И еще, — сказал он. — Фаваз пропал.
- Не понял?
- Да, Сережа, да. Его офис закрыт. Будто там никогда никого не было.

— Так ведь за ним три парохода дров! — не выдержал Агапов.
— Мы его найдем. Здесь или там — найдем. Не могу обещать, что все вернем... Сам понимаешь, в Интерпол обращаться не будем. Но кое-что можем.

— Так, — крикнул Агапов. — К нам не собираетесь в гости заглянуть?

— Пока нет. Да и вам, наверно, не стоит торопиться. Дожди у нас тут, похолодало. Неуютно сейчас в Москве.

— Смотрим телевизор, знаем. Про погоду сообщают постоянно. Какой-то жестокий циклон на вас движется.

— Мы в самом его центре, Сережа. Ну, что... Будем прощаться. Пока все. Будут новости — позвоню. Если у вас что забрезжит — телефоны знаете.

— Будь здоров, Игорь. — И Агапов положил трубку. — Фаваз сбежал, — повернулся он к Усошину и Горожанинову.

И опять все трое замолчали. Закатное солнце осветило красным светом маленькое северное окошко кабинета начальника леспромхоза, легло бликами на лица людей.

— Значит, еще и Фаваз, — проговорил наконец Горожанинов.

— Найдется, — с непонятной уверенностью сказал Усошин. — Живым или мертвым... Найдется.

— Так живым или мертвым? — весело спросил Агапов.

— Скорее, мертвым. Таковы законы жизни. Их нельзя нарушать. Никому. Они могут показаться странными... Зековскими, бандитскими, любовными, торговыми... Какими угодно. Но нарушать их нельзя. Это я усвоил на своей непростой службе. Стонут и слезы льют, — он кивнул в сторону телевизора, — убили журналиста, убили любимца всенародного, талантливого и неповторимого... Не верю! Убили дельца, который нарушил законы своей банды. И ничего больше. Стонут — убили честнейшего политика, надежду и опору демократической России... Не верю. Убили прохиндея, который кинул свою братву. В подведомственном мне учреждении тоже случаются непредвиденные случаи. И веселые, и печальные. Но я твердо знаю, что за каждым печальным случаем стоит нарушение закона. Закона барака, камеры, лагеря. На первый раз могут морду повредить, на второй раз еще что-нибудь приведут в негодность. А на третий, глядишь, дерево при лесоповале упало совсем не в ту сторону, в которую должно было упасть по всем законам физики.

— Что-то в этом есть, — озадаченно проговорил Агапов.

— В школе нарушителям, — продолжал Усошин, — грозят пальчиком. Во дворах им бьют морды. Могут ножом пырнуть. А дальше все круче, дальше все круче. Фаваз находился под крышей наших законов. Наших, — повторил с нажимом Усошин. — Он ими пренебрег. Нарушил. И оказался совершенно ничем не защищенным под громадным, бездонным, древним небом. — Улыбка Усошина, скорее, напоминала оскал.

— Что-то в этом есть, — повторил Агапов, чтобы хоть как-то смягчить слова Усошина — не привык Агапов к такому вот тону, еще не привык.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы наши московские друзья были с нами неискренни, — повторил Усошин уже с мягкой улыбкой, но эта мягкость была куда опаснее того оскала, который напугал Агапова минуту назад. — Мне бы не хотелось, чтобы наши московские благодетели, — он ткнул пальцем в телефон, по которому только что разговаривал Агапов, — оказались хоть в чем-то неискренними с их бесхитростными северными поделниками, — прорвалось у него словцо из зоны.

И Усошин опять улыбнулся — простодушно доверчиво, даже как бы слегка стесняясь слов, которые только что сам произнес. Но в глазах его на секунду сверкнули два красных сатанинских огонька — отблески солнца, которое било прямо в немытые стекла агаповского кабинета.

Третий день шел дождь — такое бывает даже в Коктебеле. Было тепло, но море вдруг похолодало до пятнадцати градусов за одну ночь. Достаточно было войти в воду по щиколотку, как ноги моментально стыли. На спор можно было окунуться, но радости при этом никакой.

Сквозь устоявшуюся вонь мочи я поднялся от пляжа по ступенькам на площадь с чувством облегчения. Все возвышенные и трепетные любители встречать рассветы гадили здесь же, под себя, разве что спускались на несколько ступенек вниз, к пляжу.

Жоры на площади не было — дождь. Если нет покупателей, ему тоже у парапета делать нечего. Мой знакомый журналист Алевтин познакомился с судомойкой из стриптиз-бара и теперь не всегда приходил даже на завтрак. Встречи у них были только по утрам — после ночной смены тетька торопилась в его номер — такое условие поставил ей Алевтин.

А Жанна пропала. Три дня я не встречал ее ни на пляже, ни на набережной, ни на торговой площади. Оказывается, я совершенно не представлял, где она живет, какая у нее фамилия и вообще стал сомневаться, что она существует на белом свете.

Продолжая короткими перебежками продвигаться по набережной — от навеса к навесу, от ресторана к ресторану — я, наконец, наткнулся на знакомую физиономию. Это был полубанкир-полукиллер из Днепропетровска.

— Привет, — сказал он таким спокойным и уверенным голосом, будто мы с ним каждый вечер что-то пили. — Дождь идет, — добавил он, поясняя свой тон.

— Третий день, — ответил я так же значительно, будто пароль произносил.

— Ишь ты, — сказал он без удивления. — Выпить бы чего-нибудь... Ты как?

— Надо!

— Дальше на набережной стоит небольшой магазинчик... "Коктебель" называется. В нем все настоящее, прямо с завода по оптовым ценам. Самый дешевый магазинчик, но о нем никто не знает.

— А ты как узнал?

— Верные люди сказали.

— Такие бывают?

— Когда дело касается коньяка... Бывают. А красавица твоя сбежала?

— Красавица? — не понял я.

— Маленькая такая, черненькая... Шустрая. Слушай сюда, мужик... Здесь все обо всех знают. Ты только посмотрел в ее стору, а по набережной уж шепоток пошел. За вами уже вторую неделю весь Коктебель наблюдает бдительно и неотрывно. Поэтому — не надо.

— Что не надо?

— Делать большие глаза.

Полубанкир-полукиллер был невысок ростом, молод, румян, лыс и уверен в себе. Ходил он в спортивном костюме, который развевался на нем, как знамя на древке.

— Надолго сюда?

— Как получится.

— Я тоже. У меня яхта здесь, — неожиданно изменил он тему разговора. — "Касатка" называется. Хочешь покататься?

— Прямо сейчас?

— Нет, сейчас уже поздно. Темнеет. — Мой собеседник отвечал только на поставленный вопрос, прямо и нелукаво. — Андрей, — он протянул руку. Она оказалась мокрой от дождя, но крепкой, видно, чем-то занимался.

— Евгений, — с запинкой сказал я, с трудом вспомнив собственное чужое имя.

— Этот мясистый в белом... Твой приятель? — неожиданно спросил Андрей.

— Какой мясистый?

— Я думал, вы вместе... Как увижу тебя — через минуту он идет. Или наоборот. Вот иду сейчас и удивляюсь — чего это мясистого не видно.

Мой новый друг Андрей шел размашисто, смотрел только вперед, слова произносил легко, как бы между прочим, не придавая им никакого значения.

— Я его видел с твоей девочкой, — сказал Андрей после долгого молчания. Из чего я понял, что тему он держит, слова произносит не случайные.

— Приставал?

— Не то чтобы... Он ведь знает, что ты с ней... Может, о тебе что-то хотел спросить. Так бывает в жизни. — Он, наконец, посмотрел на меня весело, но веселость его не была простодушной. — Если увижу, покажу. Ничего, плотненький мужик, го-

ворю же — мясистый. Озабоченный какой-то. Он мне не показался отдыхающим.

— Может, местный?

— Местный будет тебе вот так шататься по набережной при полном параде? Не надо, мужик, то есть Женя. Ты ведь Женя? Не надо. Хочешь, я тебе его покажу?

— Хочу.

— Я немного знаю эту публику... Ты бы вот так не шатался.

— Как?

— Будто ты в Коктебеле.

— А где же я?

— Извини, Женя... Может быть, я лезу куда мне не надо... Но раз уж начал, закончу. У меня такое впечатление, что ты не в Коктебеле, а на мушке.

— Так. — И ничего больше я сказать не смог.

— Я прав?

— Все мы на мушке.

— Значит, прав. А вот и "Коктебель". Зайдем? Хороший коньяк и стоит всего шестнадцать гривен с полтиной. Магазирик, правда, излишне освещен... Но рискнем!

Андрей пропустил меня вперед, сам поднялся по ступенькам следом. Обернувшись назад, я увидел, что он, остановившись на крыльце, внимательно смотрит то в одну сторону вдоль набережной, то в другую. И, словно убедившись в полной нашей безопасности, переступил порог.

Мы взяли две бутылки коньяка. Одну бутылку взял он, вторую я. Решили, что нам этого будет вполне достаточно. Я хотел было взять шампанское из Нового Света, но он решительно отверг эту идею.

— Шампанское под дождем? — воскликнул изумленно. — Да никогда! Да ни за что!

Мне оставалось только подчиниться.

Едва мы вышли из "Коктебеля", к нам подошли две мокрые девушки и вручили по клочку бумаги. Оказалось, это приглашения в клуб "Душка" на стриптиз. На бумажке была изображена голая баба почему-то спиной к зрителю да еще и в громадной черной шляпе, которая закрывала всю голову, видимо, как наиболее интимное место, и половину спины. На руках у бабы были перчатки, напоминающие мотоциклетные, но с дырками. Сидела она на чем-то твердом, отчего зад ее был плоский и какой-то расплющенный.

— Простите, девушки, — спросил Андрей, — а раздеваться на этом сеансе будете вы?

— Нет, что вы! — замахали нежными своими юными ручонками девушки. — Раздеваться будет специально прибывшая бригада из Киева. Они это сделают лучше нас.

— А вот в вашем приглашении сказано, что в программе будет еще и топлес. Это что такое?

— Разновидность, — отчаянно сказала одна из девчушек. — А может, это блюдо такое? Похожее на бефстроганов...

— Да-а-а! — не то восхищенно, не то озадаченно протянул Андрей. — Хорошо. Уговорили. Придем. Придем? — спросил он у меня.

— Обязательно.

— Только там дорого, — честно предупредили девчушки.

— Разберемся, — заверил их Андрей и тут же взял меня за локоть. — Смотри, вон он пошел!

— Кто?

— Мясистый.

— Где?! — вскинулся я.

— Видишь шашлычную?

— Вижу.

— Мужик за столик садится... Видишь? В белом пиджаке. К нам лицом, видишь? Я же сказал — только ты появляешься, где-то рядом обязательно возникает мясистый.

Я всмотрелся в человека, севшего за столик в глубине шашлычной. Нет, мы с ним не встречались. Так и должно быть — знай он меня, ему не пришлось бы так долго колебаться и маяться.

Он был не из наших. Не из первой волны. Из первой волны никто не уцелел. На что уж бойкие были Гриша с Валерой, а и им не удалось выскользнуть из смертельного водоворота.

Мясистый сел грамотно — спиной к кирпичной стене, лицом к набережной в тени зонтика, который был вставлен в центре стола в специально сделанную дырку. Если бы Андрей не показал, я бы никогда не увидел его в глубине забегаловки, под зонтиком, в сумерках уже наступившего вечера. А он на освещенной набережной видел всех, достаточно подробно видел. Видел и нас, он шел сзади и приблизился, когда мы трепались с девчушками из "Душки".

И мне ничего не оставалось, как сказать Андрею:

— Надо бы все-таки заглянуть к этой "Душке".

— Заглянем! — подхватил Андрей. — И Мясистый останется с носом!

Он все понимал, этот Андрей, он все схватывал на лету. Не надо бы мне терять его, может, у нас что-то завяжется. Похоже, он прошел школу не менее суровую. И уцелел. И я уцелел... Пока. А там будет видно.

Дойдя до причала, мы круто повернули влево и через сотню метров оказались возле площадки аттракционов — какие-то качели, вертушки с кабинками, хилые провинциальные горки, которые не заставят визжать даже самых слабонервных. Тут же мы увидели веревку, протянутую между двумя столбами. На ней мокли под дождем разноцветные трусики, наверно, не меньше дюжины. По этой маленькой подробности можно было догадаться, что стриптизное заведение где-то рядом.

— Знаешь, похоже, здесь. — Андрей указал на откровенно сараистое сооружение с многочисленными заколоченными дверями. Дважды обойдя вокруг продолговатого здания, мы, наконец, увидели дверь, из которой просачивался слабый свет. Вошли внутрь. Так и есть, это была “Душка”.

В вестибюле стоял бильярдный стол и два босых мужика в плавках пьяно тыкали киями в шары, иногда попадали. На нас они не обратили внимания.

За стойкой стояла маленькая женщина, оказавшаяся необыкновенно деловой и цепкой, на стриптизершу из киевской бригады она явно не тянула — за сорок было тетеньке.

— Вы к нам? — спросила она, радостно мерцая нарисованными глазками.

— Вроде того. — Андрей, не переставая, с подозрением осматривался по сторонам. — Это, простите... Стриптиз?

— Стриптиз будет позже. Проходите в зал, выбирайте столик. — Женщина показала на дверь.

В зале не было ни единой души.

— Вам повезло, — сказала женщина. — Можете выбрать любой столик. Советую поближе к сцене.

Она ушла, и мы с Андреем остались одни в полутемном зале с выгороженным некрашеными досками углом, в котором могла расположиться компания веселая, пьяная, денежная и потому, естественно, самая уважаемая. Черный земляной пол, длинные плюшевые скатерти с какими-то похоронными кистями, грохот посуды и ругань на кухне — все это несколько угнетало.

И все же вечер у нас с Андреем получился на славу. Нам принесли салат из помидор и перца, какие-то многократно разогретье котлеты, оставшуюся, видимо, от вчерашнего веселья жареную картошку. Мы еще что-то попросили, может быть, даже шашлык, но помнится это слабо. Коньяк выпили весь, две бутылки, и, кажется, заказали еще одну. Ее тоже выпили.

Помню, играла музыка, девочки что-то изображали вокруг водопроводной трубы, хорошие такие девочки, но невеселые. Улыбаться улыбались, но веселья в их глазах мы не обнаружили. Они возникали из узкой щели в стене, затянутой черной шторой, исчезали, опять появлялись, глазками моргали, зубки показывали, хорошие зубки, беленькие такие, ровные, молоденькие. Но, к сожалению, это были не улыбки, это было что-то другое.

В каком-то порыве благодарности за жидкие аплодисменты они подбежали к нам, и мы, не требуя с них ничего, сунули им по сотне гривен, после чего девушки наконец-то улыбнулись искренне и почти весело.

Возвращались мы под дождем, заботливо поддерживая друг друга, предупреждая о лужах, но не для того, чтобы их обойти, а просто из желания проявить заботу. Набережная была почти пуста, но в углублениях, под навесами, под разноцветными зон-

тиками все еще сидели нахохлившиеся отдыхающие и потягивали вино, коньяк, жевали шашлыки. Пройдя через пустую площадь мимо писательской столовой, мы с Андреем свернули на территорию Дома творчества. Бывшую территорию Дома творчества, потому что сейчас она уже расхvatана под рестораны, особняки, под какие-то сооружения, понять назначение которых было так же сложно, как и найти их владельцев.

Дальше наши пути расходились — Андрей шел направо, в сторону административного здания, а я к девятнадцатому корпусу. Мы обнялись, похлопали друг друга по мокрым спинам, выражая тем самым полнейшее расположение, любовь, а то и дружбу. Оторвавшись друг от друга, прощально потрясли в воздухе мокрыми кулаками и шагнули каждый в свою темноту. Он пошел по выложенной плитками дорожке, а я нырнул в кусты, чтобы напрямик выйти к своему жилью. Но немного не рассчитал, что опять же протестительно, и уперся в трансформаторную будку — рассмотреть ее в темноте было совершенно невозможно.

Так вот, пройдя всего несколько шагов по свежей зеленой траве, выступившей из осенней коктебельской земли после недельных дождей... А травка проросла прямо весенняя — густая, яркая, свежая! Как выяснилось через минуту-вторую, проросла она специально для меня. Какие-то высшие силы, ко мне искренне расположенные, специально организовали эти затяжные дожди, чтобы выросла вокруг трансформаторной будки густая, высокая, весенняя трава.

Так вот, когда я вышел из-за трансформаторной будки...

Новые хохлы, построившие ресторан на набережной, запитались от этой будки — кухня, освещение, музыка и прочее. Им потребовалось очень много электричества. И они прорыли канаву, а в эту канаву уложили кабель. Хорошо уложили. Но ведь канаву-то после того надо зарыть. Не зарыли. Только присыпали. А после дождей земля осела и канава приобрела прежнюю глубину. Вот в эту канаву после полутора бутылок коньяка и разной мелочи, вроде шампанского и мадеры, я и влетел.

И уже падая, на ходу, в полете, отталкиваясь от ствола дерева, которое, пользуясь моей беспомощностью, тут же устремилось навстречу, так вот, уже в падении я услышал звук. Нежный такой, негромкий, но очень четкий металлический щелчок. О, как хорошо мне знаком этот звук, как часто я слышал его в последний год. Это был звук выстрела, смягченный глушителем. И тут же раздался шлепок пули в тот самый ствол, который устремился мне навстречу.

Я упал. И сразу стал совершенно трезвым.

Упал в темноту, в высокую траву, на спину, разбросав руки в стороны. И пользуясь тем, что мои телодвижения со стороны увидеть невозможно, внаглую, не таясь, вынул сзади из-за пояса пистолет и остался лежать все так же, разметавшись в траве. Но рука моя, правая рука, с пистолетом, удлинненным глушите-

лем, была направлена в ту сторону, откуда прозвучал щелчок выстрела.

Рассмотреть в темноте меня все-таки можно было, можно. Смутное белесое пятно — не сразу поймешь, где голова, где ноги. И все мои надежды на спасение были в том, что за мной охотился все-таки профессионал. Если любитель и отморозок — мне конец. Он будет стрелять из кустов, пока не кончатся патроны. И, конечно, добьет. Чего тут добивать-то, с трех шагов промахнуться невозможно. Профессионал подойдет вплотную, чтобы сделать контрольный выстрел в голову.

Моя рука с пистолетом утонула в густой зеленой траве и была совершенно не видна. Я мог даже немного пошевелить ею, чтобы направить ствол в то место, где, как мне показалось, чуть сдвинулись кусты, чуть зашелестело. Дождь падал мне прямо на лицо, смывая остатки хмеля. Какой хмель, когда рядом с твоей головой в ствол вошла пуля. А если бы эти ребята, новые хохлы, засыпали канаву? Я бы не упал.

Пуля долетела бы куда ей положено, и все. Прости, прощай село родное...

Он поднялся из кустов и прошел мимо фонаря, чтобы проверить — нет ли кого рядом. Я узнал — это был Мясистый. Он сожрал свой шашлык под зонтиком, дождался нашего возвращения из стриптизного учреждения и подстерег, все-таки подстерег.

Очень хорошо. Он не может уйти, не убедившись, что дело сделано.

Так и есть, Мясистый вышел на аллею, глянул в один конец, в другой и, видимо, удостоверившись, что никто ему не помешает, никто не увидит, решительно шагнул в кусты. Он двинулся напрямик, даже не пытаясь идти тише и осторожнее. Ему нужно было сделать контрольный выстрел в голову. Я представлял, что он видит в этот момент — распростертое, неподвижное тело. Он шел ко мне со стороны правой руки. Моя голова была повернута в его сторону и моя правая рука тоже была вытянута в его сторону. Я еще раз попробовал большим пальцем — предохранитель снят. Патрон в стволе. Затвор передернут. Трава скрывает и мою правую руку, и пистолет в ней.

Неожиданно Мясистый оказался в трех шагах, потом в двух. Я поднял из травы руку и трижды выстрелил ему в корпус. Чтобы не промахнуться. Все получилось отлично — пистолет трижды дернулся в моей руке, раздались три сухих, приятных на звук щелчка, таких обнадеживающих и почти не слышных.

Мясистый рухнул тяжело, молча, разве что стон, глухой стон раздался в темноте. И упал он как-то неловко, на четвереньки, да так на четвереньках и застыл.

Не поднимаясь, не меняя позы, я снова поднял пистолет из травы и выстрелил в то место, где, по моим прикидкам, должна быть голова. После этого он завалился набок.

Я встал и сделал к нему один шаг — больше не требовалось, он и лежал от меня в одном шаге. Оглянулся по сторонам. Ни единой живой души.

В осенней листве шелестел дождь, время от времени громы-хали волны прибоя, где-то над Карадагом вспыхивали молнии, изредка доносились раскаты грома. Это было прекрасно. Не хотелось даже вмешиваться какими-то своими звуками в эту гармонию. Но сделать это было необходимо, потому что с некоторых пор, вот уже год, наверно, я считал себя профессионалом и должен был выполнять свою работу добросовестно, качественно, надежно. И главное — необратимо.

Я склонился над Мясистым, поднес срез глушителя к его голове, стараясь, чтобы он оказался как раз между ухом и виском — в этом случае результат обычно получается наиболее удачным — дважды нажал курок. Да, дважды. Все-таки чувство добросовестности никогда не оставляло меня.

Мясистый не шевелился и я мог уйти — не сидеть же мне над ним под дождем. Преодолевая себя, я обшарил Мясистого — ни одной бумажки, ни одного документа. Ну что ж, это грамотно. Только в наружном кармане пиджака я нашел несколько гривневых десятков. И снова засунул их ему в карман. Ничего мне от тебя, дорогой, не нужно. Пусть наши отношения останутся чистыми и бескорыстными...

Метрах в двадцати от девятнадцатого корпуса я давно уже заметил полужасыпанный колодец. Видимо, когда-то он использовался для стока воды или подводки кабелей... Но все это в прошлом, теперь в этот колодец потихоньку сыпали мусор. Вот туда я и бросил свой пистолет. А сверху присыпал опавшими листьями, травой, подвернувшимся сушняком.

Дождь продолжал идти, и его шелест в ветвях акаций навевал состояние умиротворенности, внушал надежды на будущее, слабые, почти неосуществимые, но все-таки, все-таки...

Подойдя к своему подъезду, я включил лампочку над крыльцом, потом лампочку, которая освещала длинную лестницу к моему номеру, потом вошел в номер, заперся на два оборота ключа и, не снимая с себя мокрой одежды, в чем был рухнул на кровать лицом вниз. Но через некоторое время все-таки заставил себя встать, разделся, вытер мокрое лицо полотенцем. Открыв бутылку коньяка, выпил полстакана, но никакого результата не ощутил. Меня бил озноб, и я забрался сразу под два одеяла, под обычные солдатские одеяла и, кажется, начал потихоньку согреться.

Последнее, о чем я успел подумать, да, опять мысль профессионала, — утром, когда начнется возня вокруг трупа, обязательно надо подойти и тоже там потолкаться. Для этого у меня два основания — я должен посмотреть на рисунок подошвы туфель Мясистого. А во-вторых, нужно там побывать, чтобы ни у кого в будущем не возникло желания спросить:

— А почему, дорогой, у тебя трава на туфлях? А почему на подошвах та же грязь, что и возле убитого? А почему вокруг жертвы отпечатки твоих туфель?

Ну, и так далее.

— Ладно, — сказал я не столько себе, сколько тому существу, которое в таких случаях всегда проявляет обо мне заботу, настаивает, как поступить, чтобы подобных вопросов не возникло ни в чьей бестолковой голове. — Ладно... Все понял. Утром я там обязательно побываю.

Из всех ребят разве только Гуцин не изменился. Во всяком случае, никаких видимых перемен с ним вроде бы не произошло. Ходил он все в том же светлом костюме — брюки слегка выпирали на коленях, рукава пиджака, кажется, никогда и не распрямлялись. Рубашка была хотя и чистая, но воротник жеванный, застиранный, туфли тоже какие-то заношенные. Когда он шел по новороссийской улице, переходил из кабинета в кабинет в управлении порта, никто не мог заподозрить в нем миллионера, человека, который чуть ли не каждую неделю отправлял за море корабли с лесом, почти личные корабли, почти свои.

Видимо, опыт предыдущей жизни убедил его в том, что самое ценное качество — это все-таки неприметность, особенно в той деятельности, которой занимался он. Все у Гуцина получалось, второй год получалось. Какой-то хиленький банк в Москве исправно переводил деньги на счета в других странах, в хороших странах, устойчивых во всех смыслах слова.

Кстати, и работа его была тоже какая-то невидимая — зайдет в один кабинет, потрепется, анекдот расскажет, перейдет в другой — выпьет с хозяином вина, иногда даже коньячком побалуется, похочет и дальше пошел. Иногда из папочки бумажку вытащит, хозяин почти не глядя подписывает ее, и расстаются чрезвычайно друг другом довольные.

Ездил Гуцин, как и прежде, на задрипанной “шестерке” и не торопился менять ее на машины красивые, сильные, уважаемые. Разве что только в мастерские иногда сдавал свою колымагу. Там ее доводили до состояния почти идеального, и это Гуцина вполне устраивало. И внутри “шестерка” была запыленная, багажник засыпан пылью кирпичей, цемента, каких-то плит — дом свой, прежний неказистый дом Гуцин решил слегка благоустроить. Но в этом, опять же, никто не мог заподозрить больших денег. Пришли времена, когда все получили возможность слегка приукрасить свое жилище — сделать навес, чтобы снег с крыши не валился на крыльцо, уложить дорожку из бракованных плит, чтобы осенью не прыгать по грязи, заменить батареи в комнате, поскольку старые давно уже протекали. И так далее.

Единственно, чем отличался Гуцин в строительных работах, — пристроил к дому еще почти такой же, как раз на три комнаты. И свел оба дома под одну крышу.

Это был объем работ, который мог себе позволить любой водитель порта, любой крановщик или лоцман. Разве что качество материалов на участке Гущина было лучше, чем у других, гораздо лучше. Ну, да это мало кто мог заметить. В обстановке всеобщего и повального воровства на подобные мелочи вообще никто не обращал внимания.

Главное было в другом: Гущин не выделялся ни в чем — ни машиной, ни одеждой, ни образом жизни. Он не сменил мебель, у него даже телевизор остался прежним — громадный, полированный, почти в центнер весом не то “Электрон”, не то “Горизонт”. Картинки он давал бледноватые, но все-таки цветные, а вот звук был вполне приличным, и это Гущина устраивало.

Гущин был явно опытнее прочих. Понимал — то, что происходит, долго продолжаться не может. Потихоньку купил сыну квартиру в Москве, большую удобную квартиру. Потом присмотрел квартиру дочери, тоже хорошую, потом себе, жене. Отремонтировал все четыре и сдал внаем. Деньги вроде небольшие, две-три тысячи долларов в месяц, но постоянные, законные, чистые деньги. О них он мог отчитаться перед каждым желающим инспектором.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Нашлись люди, которых не ввели в заблуждение ни замызганный “жигуленок”, ни старый телевизор, ни потрепанная одежда, нашлись люди достаточно проницательные, чтобы понять истинное значение всей этой мишуры.

Настал как-то день, настал час, когда Гущин с улыбкой на устах появился перед человеком толстым, потным, красным и бесконечно доброжелательным.

Звали этого человека Курьянов Анатолий Анатольевич.

— Привет, Толя! — ввалился к нему Гущин с папочкой под мышкой, в пропыленных своих плетенках и с пузырями на коленях.

— А, Борис! — обрадовался Курьянов и, поднявшись всем своим тяжелым телом из-за стола, протянул Гущину ладонь жаркую и сильную. — Садись! С чем пожаловал?

— Да вот, пробежал мимо, дай, думаю, загляну к старому другу! Дай, думаю, узнаю, как живет-поживает!

— Правильно сделал, — одобрил Курьянов, который по должности был чуть повыше Гущина, не так, чтобы очень, но все-таки повыше, и курьяновская подпись время от времени Гущину нужна была ну просто позарез. И Курьянов это знал. Более того, как выяснилось, прекрасно понимал происходящее. — Говорят, стройку затеял?

— Какая стройка, Толя! — воскликнул Гущин со всей искренностью, на которую был способен. А почему и не быть искренним, если стройка действительно пустяковая, не коттедж какой-нибудь на берегу моря, которых в новороссийских пригородах появилось несчетное количество. — Дорож-

ку проложил из битого кирпича, крышу перекрыл, протекает крыша-то!

— Это плохо, — сказал, закручивившись, Курьянов. — Нельзя, чтобы крыша протекала. Крыша должна быть надежной, чтобы оберегала от всех жизненных невзгод и непогод.

Вроде и ничего особенного не сказал Курьянов, слова самые обычные, даже как бы и несамостоятельные — просто поддержал друга в разговоре, — стройка, дорожка, крыша. Но дохнуло холодком на Гущина, дохнуло, и он поначалу даже не мог понять, откуда, от каких слов старого доброго знакомого вдруг потянуло могильным холодом. И поначалу не мог сообразить, что такого сказал ему Курьянов. Гущин подавил в себе настороженность, сумел подавить, тем более, что собеседник был все так же добродушен и улыбчив. И лишь через несколько дней, снова и снова прокручивая в памяти этот разговор, Гущин вышел все-таки на те слова, которые его насторожили в кабинете. Курьянов несколько раз повторил слово “крыша”, со значением повторил, связал с жизненными невзгодами. Но и тогда, через несколько дней, Гущин лишь упрекнул себя в излишней подозрительности и успокоился.

А зря.

— Да, Толя! — как бы спохватился Гущин. — Подписал бы ты мне одну бумаженцию. — Он даже не сказал бумагу, документ, платежку, нет, все было гораздо проще и невиннее — бумаженция.

— Нет проблем, — и до того, как Гущин в пачке бумаг успел найти нужную, Курьянов по рассеянности и дружеской готовности помочь взял, не выдернул, а все-таки взял у него из рук всю стопку. — Сейчас я тебе столько подписей наставлю, столько штампов и печатей, что тебе в них и не разобраться, — продолжал куражиться Курьянов, не обращая внимания на суматошные попытки Гущина показать тому только одну нужную в данный момент бумагу. Но Курьянов, видимо, поддавший уже в этот день, плотно уселся на свой стул, положил перед собой пачку гущинских бумаг, надел очки, нашел ручку...

И надо же тому случиться, а так и должно было случиться, думал потом Гущин, что в кабинет вошла секретарша и срочно куда-то Курьянова позвала. Дескать, от очень большого человека очень важный звонок срочности просто необыкновенной.

Курьянов в полном ужасе, ничего не соображая, хлопнул себя жаркой ладонью по лбу так, что, кажется, брызги пота полетели в разные стороны, дескать, как я мог забыть, как мог забыть?! И, в упор не видя заматавшегося Гущина, сунул все его бумаги, совершенно механически, не понимая, что делает, бросил все его бумаги в стол, захлопнул ящик и выскочил из кабинета, на ходу отдавая какие-то указания, матеря водителя и еще кого-то, скатился вниз, сел в машину и был таков.

Гущин попытался было объяснить секретарше, что его лучший друг Толя в суете не вернул бумаги, но та только руками развела.

— Извините, Борис Петрович... Я вас очень люблю, но лезть к начальству в стол мне не позволено. Подождите Анатолия Анатольевича, он вот-вот вернется. В крайнем случае, приходите завтра утром и все получите в целости и сохранности.

Даже в этот момент Гущин не заподозрил подвоха — так ловко, так неуловимо быстро все было проделано, с таким мастерством, что даже он, ловкач и пройдоха, не смог ни в чем упрекнуть Курьянова, не смог ни в чем заподозрить. А напрасно.

Через полчаса в приемной раздался звонок. Звонил Курьянов.

И сказал секретарше такие слова:

— Наденька, у меня в столе, в центральном ящике, лежат документы в целлофановой папочке розового цвета.

— Это которые Гущин оставил?

— Так вот об этой папочке. — В голосе Курьянова появилось совсем небольшое количество металла, и секретарша поняла, что вопросов задавать не следует. — Ты, пожалуйста, закрой приемную на ключ, хорошо меня слышишь? Возьми эту папочку и на ксероксе каждую бумажку, обе стороны... Повторяю — каждую бумажку. Если в папочке окажется трамвайный билет, то и обе стороны билета... Все поняла?

— Я все сделаю, Анатолий Анатольевич.

— Немедленно. Я позвоню через десять минут, и ты мне скажешь, что розовая папочка с документами опять лежит в моем столе. А копии, в другой папочке, тоже лежат в моем столе. Но в тумбочке.

— Все поняла, Анатолий Анатольевич.

— Я позвоню, конечно, не через десять минут, — уже благожелательно добавил Курьянов. — Я позвоню через пятнадцать минут.

— Да, так будет лучше.

Он позвонил через двадцать минут.

— Все в порядке, Анатолий Анатольевич.

— Розовая папочка у меня в столе в центральном ящике?

— Да, там, где и лежала.

— И все документы в том же порядке?

— Да, я все сделала, как вы сказали.

— А все копии в другой папочке у меня в тумбочке?

— Да, Анатолий Анатольевич.

— Целую, Наденька.

— Я вас тоже.

— С меня причитается.

— С меня тоже.

— Как я рад слышать тебя, Наденька, когда ты говоришь такие слова!

- Я тоже, Анатолий Анатольевич.
— Наденька, когда ты меня уже Толиком назовешь?
— Толик, тут Гуцин в коридоре колотится...
— Скажи ему, что я буду через полчаса.

Курьянов приехал из соседнего парка, где он пил пиво, действительно через полчаса. Гуцин, могущественный Гуцин, бросился ему навстречу, как мальчишка, дождавшийся отца из долгой командировки.

— Толик! — вскричал Гуцин. — Наконец-то!

— Виноват, виноват, виноват! — Курьянов приложил руки к груди и повинно склонил голову. — Там такое решалось, такое решалось... Просто ужас и кошмар.

— А что случилось?

— Боря, если скажу — упадешь замертво! Живи, Боря! Не могу на себя взять такой грех! Живи! — Курьянов вошел в приемную, мимоходом подмигнул Наденьке, рванул дверь в кабинет и, войдя, плюхнулся обильным своим телом в кресло, поднял глаза на Гуцина. — Выпить хочешь?

— Хочу! — Издерганный за последний час Гуцин не нашел в себе сил отказаться, да и нельзя было отказываться. Выпить в кабинете большого человека — это не просто принять угощение, это признание, это значит, что и ты можешь угостить его в свое время, другими словами, вы соратники и вообще как бы даже на равных.

Курьянов вынул из холодильника бутылку белого мускатного, разлил в два тонких стакана и залпом выпил. Гуцину ничего не оставалось, как последовать его примеру.

— Ладно, Боря, — сказал Курьянов. — В случае чего — заходи! Проблемы для того и существуют, чтобы их решать.

— Я, конечно, дико извиняюсь, — усмехнулся Гуцин. — Но у тебя в столе мои документы... И некоторые из них ты собирался подписать!

— Какой кошмар, какой ужас и мрак! — раскаянно воскликнул Курьянов, — Боря, ты сам видишь — все у мужика отшибло! Прости великодушно, — Курьянов открыл ящик стола, вынул розовую папочку, повертел ее перед глазами и протянул Гуцину. — Слушай, разбирайся тут сам, я не знаю, что к чему.

Гуцин мгновенно нашел две нужные бумаги, Курьянов, не глядя, их подписал, не глядя, вернул Гуцину, как бы все еще находясь во власти жестоких безжалостных событий.

Едва Гуцин ушел, Курьянов вызвал к себе секретаршу.

— Ко мне никого. Меня нет, — сказал он, и уже не было в его лице, в голосе того бесконечного добродушия, которым он надеялся всех, кто заходил к нему. Маленькие глазки, тяжелые ладони на столе, грудь, наклоненная вперед, — казалось, он готов был прыгнуть и растерзать каждого, кто заглянет в кабинет без разрешения.

— Поняла, Анатолий Анатольевич.

Едва секретарша вышла, Курьянов сам подошел к двери и повернул ключ. Хорошо так повернул, со скрежетом. Наденька наверхня услышала этот звук и сделала свои выводы. А Курьянов принялся изучать копии бумаг из розовой папочки Гущина. Он был грамотным человеком, давно работал в порту, знал все входы и выходы и ему не составляло большого труда разобраться во всем, чем занимался Гущин даже по случайным бумагам, оказавшимся в папке.

Теперь Курьянов узнал, что есть "Нордлес", генеральный директор Выговский, бухгалтер Мандрыка, что есть в Стамбуле фирма, которой руководит некий Фаваз. А из штампов в верхней части документов он узнал адрес и телефоны "Нордлеса".

Больше ничего ему не требовалось.

Через час на столе, на лакированной его поверхности, лежали уже не плотные жаркие ладони, на столе лежали два громадных кулака — Курьянов понял, как использовал его Гущин и как мало платил. Курьянов почувствовал себя обманутым.

Спрятав документы в тумбочку, он подошел к двери и повернул ключ в обратную сторону. Секретарша услышала и поняла Курьянова правильно — я на месте, если кто-то хочет ко мне поехать, не возражаю.

Но все-таки заглянула.

— Вы уже на месте, Анатолий Анатольевич?

— Да, я у себя. Для тебя тоже.

— И для Гущина?

— Особенно для Гущина. Он может заходить ко мне в любое время вне очереди. Я готов его принять всегда, — сказал Курьянов без улыбки, и сжатые кулаки его продолжали лежать на столе. Секретарша Наденька увидела их — она всегда замечала подобные проявления начальственных чувств.

— Поняла, Анатолий Анатольевич.

— Нисколько не сомневаюсь.

Оставшись один, Курьянов снова достал из тумбочки папку с документами, но раскрывать не стал. Положил на стол и некоторое время сидел, уставившись взглядом в пластмассовую пленку, будто прочитывал не только то, что было на бумаге, но и то, что скрыто в других документах, о которых он только догадывался. Мысленно пролистнув все их, снова сунул папку в тумбочку.

— Хорошо, друг любезный, — проговорил вслух. — Всегда тебе рад, всегда моя дверь открыта для тебя. Жду со все возрастающим нетерпением. А впрочем, зачем ждать? Как сказал кто-то из великих, — промедление смерти подобно.

И Курьянов нажал кнопку вызова секретарши.

— Наденька, дорогая... Не знаешь, Гущин еще в управлении? Время, вроде, не позднее...

— Должен быть у себя.

— Я тебя попрошу, дорогая... Найди его, пригласи. Скажи, что жду его с нетерпением.

— Так и сказать?

— Можешь даже немного расцветить свои слова... Скажи, что я жду его со все возрастающим нетерпением.

— Хорошо, приглашу, — сказала Наденька, давая понять, что слов, которые произнесло начальство, ей никогда не запомнить.

Гущин был опытным человеком в кабинетных играх, и приглашение секретарши снова зайти к Курьянову ему не понравилось. Он хотел было даже сбежать, сослаться на что-то срочное, но, поразмыслив, решил, что так будет еще хуже. И направился к Курьянову.

— Толя, — радостно закричал он с порога. — Иду к тебе, а Наденька говорит, что и ты меня ждешь! Похоже, наши желания взаимны!

— Садись, — сказал Курьянов, и в этот момент в его голосе нельзя было найти даже следов того благодушия, которым он щедро одаривал всех, кто встречался на его жизненном пути.

— Я так думаю, — не сдавался Гущин. — Ты решил, что еще по стаканчику холодного сухого нам не помешает?

— Нам ничто не помешает, Боря, — сказал Курьянов. — И вино тоже. Но... Немного позже.

— Я готов ждать этого счастливого момента всю жизнь! — воскликнул Гущин все с тем же подъемом, но это уже была паника. Слова вырывались бестолковые, ненужные.

— А я, в свою очередь, готов, как и прежде, подписывать все твои документы, или бумаженции, как ты выражаешься. Но с одним условием!

— Я его принимаю! — воскликнул Гущин уже совершенно по-дурачки.

— Отлично, — невозмутимо кивнул Курьянов большой лысой головой. — Отныне каждая моя подпись будет стоить пять тысяч долларов. Я внятно выразился?

— Толя... Сколько?

— Включая подписанные сегодня, — уточнил Курьянов. — И наша с тобой дружба будет крепчать. А вино... Холодное, белое, сухое мы с тобой будем пить... Как и прежде.

— Толя... Ты чего-то не понял... Меня попросили оказать небольшую услугу... Я по простоте душевной, помня о старой нашей с тобой дружбе, подошел с этой просьбой...

— Не надо, Боря. Остановись. С каждым словом ты погружаешься все глубже. Будет трудно выбираться. Помолчи. Тебе знакомо такое слово... "Нордлес"?

— "Нордлес"? — переспросил Гущин, побледнев. — Ты хочешь сказать, что...

— Я ничего не хочу сказать. Просто говорю. Мы с тобой могли бы этот разговор построить иначе... Например, ты сказал бы

мне честно и откровенно... Пять тысяч, Толя, слишком, а вот, например, три тысячи за подпись я готов тебе платить с превеликим удовольствием. Заметь — я не отступаю от своих условий. Это просто условные цифры, чтобы показать — разговор у нас, Боря, идет не деловой.

Сдаться бы сейчас Гущину, принять без сомнений и колебаний все условия, которые выдвинул Курьянов, выпить бы с ним тут же по стакану белого сухого... И все. И он прожил бы гораздо дольше.

Но ничто, ни одна жилка, ни одна извилина не дрогнула в его организме, не подсказала, не предупредила. Отчего так случилось, трудно сказать. В общем-то, Курьянов потребовал не столь уж большие деньги, не столь, опять же намекнул, что готов снизить затребованное... Да и Выговский с Мандрыкой приняли бы эти условия. Но, видимо, опыт, который приобрел Гуцин, годился для прежней жизни, когда любая услуга могла быть оплачена выпивкой в ресторане, одноразовой услугой какой-нибудь шалапутницы, а то и попросту бутылкой водки. Кончились эти времена, ушли настолько быстро и необратимо, что Гуцин этого даже не заметил.

— Слушаю тебя, Боря, — напомнил о себе Курьянов.

— Пытаюсь прийти в себя.

— Скажу еще несколько слов... Заметь, я не прошу слишком много. Больше я еще попрошу — когда вы все привыкнете к этой сумме. Думай, Боря. А чтобы не думать попусту, даю направление мыслей... Мне известно такое имя — Фаваз.

Гуцин молчал, и так и этак прикидывая совершенно новое положение, в котором оказался. Молчал и по той причине, что ждал — может, еще что-то добавит Курьянов, еще какую-то информацию выдаст. Но тот не торопился, понимал, что поскольку все его знания почерпнуты из случайных бумажек, оказавшихся в папке Гущина, то много говорить не надо, чтобы не выдать источник. Он повернулся к залитому солнцем окну, но даже не щурился, казалось, ему приятно было смотреть в упор на светило. Понимал Курьянов четко и бесспорно — надо выходить на Москву. По тем крохам сведений, которые содержались в штампах и печатях гуциновских бумажек, можно выйти на генерального директора Выговского, на Мандрыку — а его закорючка красовалась в качестве подписи главного бухгалтера. Вот положи сейчас Гуцин на стол десять тысяч долларов, и все эти затеи были бы отложены на неопределенное время. Может быть, на год, на два, а что было бы через два года...

О! Об этом не стоит и говорить.

Но Гуцин упорствовал, и Курьянов понял окончательно — надо избавляться. Лишнее звено, которое не нужно ни ему, Курьянову, ни неведомому Выговскому. Для кампании, которая отправляет лес на Ближний Восток, в Турцию, северную

Африку, Гуцин мелковат. И даже сейчас, сидя перед ним, в полной мере показывает полнейшую свою несостоятельность.

В эти вот самые секунды и решилась судьба Гуцина.

— Я должен подумать, — сказал он.

— Подумай, — пожал плечами Курьянов. — Голова есть — отчего не подумать. Вина выпьешь?

Гуцин остановился уже у двери, обернулся, но, так и не ответив, молча вышел.

Спал я в эту ночь плохо, несмотря на чудовищное количество выпитого коньяка. Часто просыпался, смотрел сквозь распахнутое окно на звезды, прислушивался к раскатам грома над Карадагом, а сам все ждал — когда же под моими окнами зазвучат голоса возбужденные и встревоженные. Конечно, Мясистого найдут уже утром, когда рассветет, до этого, если кто и наткнется на него невзначай, решит, что мужик просто перепил.

Проснувшись в очередной раз и убедившись, что небо над морем все еще темное и до рассвета далеко, я включил свет и осмотрел свою одежду. Пятен крови не было. Еще раз прощупал брюки, пиджак, даже носки вывернул наизнанку. Все было в порядке.

Выходит, работу я проделал достаточно чисто, за что мимоходом похвалил себя. Конечно, после моего падения в канаву на туфлях осталась грязь, но я решил ее не смывать. Как ни старайся, а частицы грунта все равно останутся — в мельчайших порах, в швах, под декоративными нашивками. В таких случаях надо не уничтожать следы, а постараться их узаконить. Поэтому я и ждал рассвета, ждал, когда обнаружат тело несчастного Мясистого, чтобы выйти и на глазах у всех потоптаться по этому месту, может быть, даже оттащить тело в сторону, на асфальт — тогда даже невидимые пятна крови получат свое объяснение.

Наконец рассвело. Я открыл дверь на лоджию, чтобы лучше были слышны голоса — когда они загалдят. А в том, что Мясистого вот-вот обнаружат, у меня не было никаких сомнений. Утром, при ясном свете, это место оказывается совершенно открытым и просматривается со всех сторон. На скамеечках целуются в любую погоду, в жару мамыши приводят сюда малышей, чтобы уберечь от солнечного удара, да и уборщицы не забывают убрать вокруг лучшего корпуса Дома творчества.

И я дождался, дождался вскрика, который никак нельзя было назвать ни радостным, ни страстным, ни возбужденным. Это был вскрик ужаса.

Осторожно вышел на лоджию. Возле светлого пятна, распластанного на траве, стояли двое. Скорее всего, парень с девушкой, хотя различить невозможно — оба были в спортивных костюмах. Ну все, сейчас начнется.

Ближайшие люди где? В ресторане. Туда они и помчатся. Для этого им надо выскочить на набережную, свернуть в сторо-

ну Карадага и уже там поднимать панику. И набежит пьяная толпа, все будет радостно говорливы, как же, такое приключение — труп в конце сезона. Неплохое название для детектива — труп в конце сезона. Женщины опять начнут вскрикивать, закрывать в ужасе глаза, но ни за что, ни за что их не оттащить от трупа, пока его не увезут в Феодосию.

Я не спеша оделся, натянул на себя сырые еще брюки, пиджак, перемазанные в грязи туфли — настал момент, когда все эти уличающие следы можно обесценить.

В ресторане неожиданно смолкла музыка, значит, парень с девушкой уже добрались туда. И визги прекратились.

Все идет, как я и предполагал. Через две-три минуты можно выйти из номера, спуститься по лестнице и приблизиться к замершей в восторженном ужасе толпе.

У меня не было никаких сил ждать, и я, вынув из холодильника красное мускатное, выстрелил пробкой в потолок. Шампанское нельзя пить, причмокивая губами. Шампанское надо налить в большой бокал и залпом, большими глотками отпить половину, не менее. Да, надо сделать не менее двух-трех глотков, позволить шампанскому влиться в тебя свободной, ничем не сдерживаемой струей, а вот с третьим глотком не торопись, пусть вино побудет во рту, пусть пузырится и наполняет тебя острым холодным хмелем. И когда уже не будет никаких сил терпеть этот праздник во рту, начинай потихоньку, ощущая вкус, цвет, да-да, ощущая языком розовый цвет шампанского, начинай медленно пропускать его в себя, не торопясь, держась из последних сил, со стоном, точь-в-точь как это бывает с женщиной, в тот самый момент, в тот самый момент...

Вот так я выпил полный тонкий бокал, который украл когда-то в Германии. Не мог удержаться — сунул в кожаную сумку и ушел небрежной походкой миллионера. А бокал унес. Тонкий, округлый, полулитровый, на мощной устойчивой ножке.

Подойдя к молчаливо стоявшей толпе, я протиснулся вперед. Мясистый лежал точно в той же позе, в которой я его и оставил. Живые люди в таком положении лежать не могут. Поза трупа. Неестественно вывернутые руки, запрокинутая голова, вразбой подтянутые ноги. Все правильно, ничего не изменилось с того момента, когда я еще теплого обшаривал его. Я обошел вокруг Мясистого, чтобы увидеть его подошвы. Так и есть — узоры с поперечными полосами. Значит, все-таки пересеклись наши тропинки, значит, мы все-таки встретились...

И вдруг я увидел Жанну.

Ее не было дня три, она не появлялась у столовой Дома творчества, на пляже, на набережной. И вдруг — стоит. Живая и невредимая. Бледная, правда, но здесь все бледные. Может быть, и я тоже — живой ведь человек. Я удивился, увидев Жанну, она еще больше удивилась, увидев меня. Даже бровки вскинула, даже ручки от лица опустила.

Пробираясь к Жанне, я опять споткнулся, ступив в канаву, перед кем-то извинился, придерживаясь за чье-то плечо, вытер туфли о свежую, опять же зеленую траву. Владелец плеча наверняка вспомнит, если у него спросят — да, скажет он, действительно, этот мужик провалился в канаву и держался за меня, вытирая ноги о траву.

— Привет, — сказал я Жанне. — Давно не виделись.

— Привет, — сказала она без прежней легкости.

— Как ты здесь оказалась?

— Из ресторана пришла. Вместе со всеми.

— А что ты там делала?

— Веселилась.

— С кем?

— Ревнуешь? — она вымученно улыбнулась.

— Конечно.

— На каком основании?

— Воспоминания будоражат. Где ты была эти дни?

— С девочками в Ялту ездили.

— Зачем?

— Провырнуться.

— Меня бы взяли.

— Поехал бы? — На этот раз она удивилась совершенно искренне, почти как раньше.

— А почему нет?

— Ты знал его? — Она кивнула в сторону труп.

— Вроде не встречались.

— Я, кажется, видела его на набережной. Он все время один ходил. С каким-то странным выражением лица, будто кого-то ждал или искал... Странный тип.

— Разберутся.

— Послушай. — Жанна отвела меня в сторонку, мы вышли на асфальт. — Послушай, Женя... Только откровенно... Это ты его?

— Не понял? — дернулся я, чувствуя, что не надо бы так, спокойнее нужно, равнодушнее. Интерес должен присутствовать только как любопытство, не больше.

— Завалил ты? — спросила она спокойно, хотя слово произнесла... Как бы это... Профессиональное.

— Ты что?

— Когда мы с тобой общались в одну прекрасную ночь... Помнишь? У тебя из шкафа что-то выпало. Хорошо так гроыхнуло.

— Жорино произведение?

— Там был еще пистолет с глушителем.

— А, да... Что-то такое припоминается. — Я уставился в светящее небо с совершенно дурацким выражением лица, будто мне действительно припомнилось что-то странное. — Но другие впечатления той ночи мне запомнились гораздо лучше, — сказал я, поворотив глаза от неба к Жанне. — И подавили все другие воспоминания.

— Откуда он у тебя? — Она смотрела на меня исподлобья, твердо, не мигая. Может быть, только теперь я понял, что передо мной не просто веселая курортная девочка, передо мной более серьезное существо. И внутри у нее не только солнце, как мне показалось в самом начале на пляже.

— Понимаешь. — Я провел рукой по воздуху, охватывая жестом весь Карадаг. — Эта штукавина была в номере, когда меня туда только поселили. Как-то стало холодно... Как и тебе, помнишь? И я выдернул из стопки одеяло. Он и вывалился. Я поудивлялся и опять засунул его на место. Вещь все-таки ценная, опять же, может пригодиться.

— Где он сейчас?

— В море забросил.

— Когда?

— Когда все это случилось... Думаю, как бы не влипнуть. И быстренько напрямик, через забор... Здесь метров тридцать... И забросил. Взял за глушитель, размахнулся и... — Когда врешь, нужно в рассказ насовывать побольше подробностей. Они могут быть глупыми, наивными, дурацкими, главное, чтобы они были и чтобы их было много. — И забросил. Он плюхнулся и утонул. Металл в воде тонет.

— Куда ты его забросил? — с непонятной настойчивостью допытывалась Жанна.

— А вон туда, — махнул я рукой в сторону моря.

— Ну, смотри, — она взглянула на меня с искренней обеспокоенностью. — А то как бы действительно не влипнуть.

— Авось.

— А я как увидела... Сразу вспомнила твою штукавину... — Жанна продолжала испытующе смотреть мне в глаза.

— Нет-нет, я не видел этого человека. И одет он как-то не пококтебельски... Слишком серьезно одет.

— Дождь был вечером, в шортах прохладно... Нормально одет. — Она снова шагнула к толпе, окружавшей труп, и я поплелся следом.

Некоторое время мы молчали, вслушиваясь в бестолковые суждения. Кто жалел бедолагу, кто выискивал в нем какие-то криминальные признаки, вспомнили его жену, детей, но, как бы там ни было, разговор шел нервный. Труп среди пляжной публики — это настолько несовместимое, настолько чуждое зрелище, что даже пьяная визжащая компания была шокирована — как все, оказывается, близко, как все, оказывается, рядом.

— Профессионал стрелял, — обронила чуть слышно Жанна, но я разобрал ее слова.

— Почему ты так думаешь?

— Контрольный выстрел в голову. Остальные ранения не были смертельными. Живот, плечи...

— Он тоже с пистолетом, — сказал я негромко, для Жанны.

— С чего ты взял? — резко обернулась она.

— А вон ствол торчит из-под полы пиджака. — Я указал на еле видный срез глушителя. Если бы я не знал, что у него есть пистолет, то никогда бы не увидел этот маленький черный кругляшок. Но поскольку я кое-что знал, то не столько смотрел на Мясистого, сколько выискивал — где же пистолет, неужели уперли ночные влюбленные? И когда, наконец, увидел — облегченно перевел дух. Значит, следствие направится в нужную для меня сторону, в нужном направлении. Значит, это не убийство отдыхающего, а крутые разборки каких-то злобных, кровожадных банд. То на татар грешат, то на чеченцев, афганцев... Пусть разбираются. Знающие люди выстроят версию грамотную и убедительную.

Дальнейшее было для меня полной неожиданностью — Жанна, не колеблясь, шагнула вперед, склонилась над трупом и откинула полу пиджака. Пистолет был в руке у Мясистого. Он умер, так и не выпустив оружия из рук. Ну что ж, наверно, мужественный был человек. Интересно вот только, сколько заплатили несчастному за его отвагу?

А ведь все могло быть иначе — все шло к тому, что толпа вот так же стояла бы вокруг меня и я вот так же, отвратительно изогнувшись мертвым своим телом, потешал бы пьяную компанию. И Жанна, глядишь, всплакнула бы, увидев любимые глаза мертвыми... Шучу.

— Не трогайте, девушка! — вдруг тонко взвизгнула женщина. — Не надо ни к чему прикасаться! Придет милиция — может, какие-то следы обнаружатся!

— Да, девушка, отойдите! — подхватил мужик свежую мысль. — А то потом затаскают! Не отвертитесь!

Жанна неохотно отошла, остановилась, не оборачиваясь, но и не прикасаясь ко мне. Я качнулся вперед, положил руки ей на плечи, она прижалась лопатками к моей груди.

— А откуда ты знаешь про контрольный выстрел? — спросил я, наклонившись к самому ушку, даже слегка коснувшись его губами.

— Детективы надо читать. — Полуобернувшись, она все еще не спускала взгляда с Мясистого, будто ожидая от него чего-то, будто мог он еще простонать, завалиться набок, попытаться встать. Нет, не встанет, я уже знал точно. Сам об этом позаботился.

— Пойдем отсюда, — сказал я. — А то и в самом деле затаскают. Сказал ведь вон тот мужик.

— Убегаешь с места преступления? — с улыбкой обернулась ко мне Жанна. — Может, и в самом деле мордочка в пуху, а? Признавайся! Только чистосердечные показания могут смягчить вину!

— От допроса мне все равно никуда не уйти, — сказал я.

— Почему?

— Живу рядом. — Я кивнул на девятнадцатый корпус. — Тут уж хочешь не хочешь, а на вопросы отвечай. Как ты выражаешься, чистосердечно и с желанием помочь следствию.

— Я так не говорила.

— Пошли вина выпьем, — предложил я. — У меня есть мускатное. В достаточном количестве и в меру охлажденное.

— Я бы сейчас выпила текилы.

— Выпьем и текилы. Я знаю, где она есть. У Игоря. Вон в том железном киоске у входа в парк Дома творчества. Самый богатый киоск побережья. Есть там и текила... С мексиканской шляпой возле горлышка. Но попозже, к вечеру... Так что?

— Мускатное так мускатное, — вздохнула Жанна обреченно. — Дареному коню в зубы не смотрят.

Не понравились мне ее последние слова. Хоть и не было в них явного вызова или пренебрежения, но какая-то малая часть вызова, нотка пренебрежения прозвучали. До моего крыльца мы прошли молча. Не хотелось говорить, развлекать, потешать после печальных утренних впечатлений. Идешь? Иди. Не желаешь? До скорой встречи. Она, видимо, поняла мое настроение.

— Я сказала что-то не так? — спросила она.

— Все, что ты произносишь, — обернулся я уже на крыльце, — для меня звучит божественной музыкой.

— Спасибо. — Она поняла издевку.

Мы вошли в номер, я тут же заперся, усадил Жанну на свою кровать, не спрашивая, хочет ли она этого или желает сесть напротив. Принес с лоджии бутылку мускатного, сорвал фольгу, свинтил проволоку, и пробка, не дожидаясь моего разрешения, сама бабахнула в потолок. Я разлил всю бутылку в два бокала из тонкого стекла, покрытого причудливыми золотыми вензелями. Сел не рядом с Жанной, а напротив, на вторую кровать.

— За победу! — Я поднял бокал, улыбаясь настолько радостно, насколько хватало моих сил.

— О какой победе ты говоришь? У тебя труп под балконом!

— Над силами зла. Как мы их понимаем!

— Разве что так, — не нашла что возразить Жанна и, пригубив свой бокал, поставила его на стол.

Я свой выпил до дна. Сразу, залпом и только последний глоток чуть подзадержал во рту, чуть протянул наслаждение, постепенно пропуская в себя шипящую красными мускатными пузырьками струю.

В конце концов, почему бы мне и не выпить за победу! Может быть, не за полную, окончательных побед никогда не бывает ни у кого. А так, маленькая, промежуточная, не столько победа, сколько передышка... Почему бы и не выпить с красивой женщиной, даже если ее и немного колотит от зрелища непривычного, может быть, даже страшноватого. Уж не обо мне ли она переживает, — подумал я с некоторой горделивостью. Впрочем, гор-

деливость была, скорее, результатом второго бокала шампанского, нежели истинным отношением к самому себе.

Солнце зашло, в комнате стояли сумерки, но ни Выговский, ни Здор не торопились включать свет — ни верхний, ни настольную лампу. Их разговор не требовал большого света. Более того, темнота, если и не полная, то хотя бы вот такие сумерки казались уместнее.

— Проговорим еще раз, — медленно сказал Выговский. — Чтобы не пролететь на недопонимании.

— Нет никакого недопонимания! — резковато бросил Здор. — Все ясно и просто. Как пареная репа.

— Значит, наши приятели и соратники...

— Это приятели и соратники Усошина!

— Поскольку они выполнили заказ, это уже наши приятели. Гриша и Валера. Днепропетровские ребята. Приехали, сделали свое дело и уехали. — Выговский продолжал говорить медленно, словно многократным повторением пытался получше уяснить случившееся.

— В народе говорят — сунул, вынул и пошел! — выкрикнул Здор.

— Подожди, Миша... Не возникай без толку. Мы должны сейчас, вдвоем, ты и я... Понял? Принять решение. Которое нас обяжет ко многому. Изменит нашу жизнь. Чего дергаешься? У тебя есть такое решение? Говори, слушаю внимательно.

— Виноват! — покаялся Здор. — Вляпались мы с этими ребятами. По уши вляпались. Мои менты сказали, что вроде у следствия уже есть фамилия одного из них!

— Откуда? — осел в кресле Выговский.

— Пальчики оставили. Когда по карманам у трупов шарили, в ящички заглядывали. Деньги искали. А наши десятки тысяч для них вроде и не деньги. Идиоты. Даже пистолеты не оставили. Пожлобились. Теперь продадут. И потянется ниточка.

— Так, — крикнул Выговский.

Дверь приоткрылась, пропуская в кабинет яркий свет из приемной. В проеме возник Мандрыка в неизменном клетчатом пиджаке.

— Не помешал? — спросил он.

— Входи, Вася, — устало сказал Выговский. — Присаживайся.

— У вас тут в темноте и кресла не найдешь... Включить свет?

— Не надо, — ответил Здор. — Нет сил смотреть на тебя.

— Чем же я так тебе не пришелся? — Мандрыка спокойно уселся в третье кресло. — Чем не угодил? Есть ли у меня возможность исправиться?

— Кончай, Вася, — сказал Выговский. — Думаем, что с твоими ребятами делать.

— Каких ребят вы называете моими? Они усошинские.

— Ладно, Вася, — повторил Выговский все с тем же бесконечным терпением. — У Миши новые сведения... Одно из них менты вычислили.

— Как? — будто от боли вскрикнул Мандрыка.

— Пальчики! — закричал Здор. — Вложили его шаловливые пальчики в компьютер, нажали кнопку, а на экране — р-р-раз и его морда! Со всеми своими отличительными признаками. С веснушками, конопушками! И бесконечной дурью в глазах. А ниже текст — имя, фамилия, отчество. Что там еще у него есть? Адрес. Прописка. Биография. Тюремная биография, между прочим.

Мандрыка долго молчал, потом, не выдержав, подошел к столу и включил настольную лампу.

— Где же они наследили? — наконец произнес он.

— У трупов по карманам шарили. Трупы еще теплые, еще ногами-руками дергают, кровяца из них хлещет, клекот из горла, а они по карманам. Ты же их этому не учил? Такого задания не давал?

— Они плохо поступили, — сказал Мандрыка негромко. — Так поступать нельзя.

Спокойные мандрыковские слова привели Здора в состояние бешенства, он вскочил, подбирая слова самые злые и беспощадные, но некоторое время только открывал и закрывал рот, пока не вмешался Выговский, подняв успокаивающе руку.

— Сядь, Миша, — сказал он твердо и властно, как может, в конце концов, заговорить генеральный директор. — Сядь, сказал! Что ты все время дергаешься? Если столько в тебе гнева и возмущения, исправь положение.

— Как?!

— Давай подумаем. Все вместе. Оповестим народ. Чтобы никто не остался в стороне. Чтобы никто потом не говорил, что ничего не знает. Слушайте, люди и города, и не говорите потом, что вы не слышали! Так оповещали народ в прежние времена. Глашатаи такие были с зычными голосами. Вот бы тебе глашатаем, а, Миша?

— Я молчу.

— Это правильно, — сказал Мандрыка. — Что делать, провинциальные ребята попались нам. Они, конечно, крутые, вон как поступили в трудный момент... Но темные.

— Идиоты! — прошипел Здор.

— И опять я с тобой согласен, — кивнул Мандрыка. Гладко зачесанные назад волосы, седина на висках, невозмутимость и нарядность делали его похожим на аристократа. — Вы еще не все знаете, ребята, — проговорил он. — Пальчики пальчиками... Но...

— Ну! — поторопил Здор.

— Деньги.

— Что деньги? — не выдержал и Выговский.

— Хотят денег.

— Ты с ними не расплатился?

— Они получили только аванс. Им причитается еще двадцать тысяч.

— А почему не отдал остальные?

— Мы так договорились. Или кто-то из нас поедет в Днепр, или они приедут сюда. Речь не об этих деньгах, дорогие мои, речь о других деньгах. Они требуют увеличить гонорар в пять раз. По количеству клиентов, с которыми им пришлось столкнуться.

— О некотором увеличении гонорара говорить можно, — раздумчиво сказал Выговский. — Но о том, чтобы его увеличить в пять раз... Это неправильно.

— Их довод такой. — Мандрыка свел кончики пальцев правой руки и левой, получив как бы ребристый шар, который помог ему сосредоточиться. — Их довод такой... Мы их подставили. — Он поднял голову и посмотрел поочередно на Выговского и Здора.

— Каким образом?

— Не предупредили о том, что в комнате будет не один человек, а пятеро.

— Но мы сами не знали!

— Гриша и Валера не верят. Они настаивают на том, что мы об этом знали. И заранее не уведомили. Сознательно поставив в положение не просто сложное, а смертельно опасное. Такова их позиция. Если примем их требования, гонорар возрастет с сорока тысяч до двухсот.

— Он возрастет еще больше, — вздохнул Выговский.

— Почему? — не понял Мандрыка.

— Они с нас не слезут.

— Во! — воскликнул Здор. — И я о том же! Мы с этими кретинами вляпались надолго, если не навсегда!

— Не навсегда, — тихо сказал Выговский.

— В каком смысле? — спросил Мандрыка.

— Ты, Вася, понял меня правильно. Нам ничего не остается. Только это. Только это.

— Что это?

— Ха! — Здор вскочил из своего кресла, но тут же сел обратно. — Какой наивный! Какой нежный и трепетный!

— Заткнись, — сказал Мандрыка. — Вон вода стоит... Выпей. Может, полегчает.

— Убирать их надо, — сказал Выговский. — Они приняли нас за лохов. Какое-то время назад мы и были лохами. Они это почувствовали. Они, Миша, не идиоты, — повернулся Выговский к Здору. — Это четкие ребята. Их слабость в другом.

— Жлобы! — выкрикнул Здор.

— Да, — кивнул Выговский. — Этого у них не отнять. На этом мы и сыграем. Скажи, Вася, — обратился он к Мандрыке, — скажи мне честно и откровенно...

— А я всегда...

— Знаю... Скажи мне вот что... С этими Гришей и Валерой, с этими ребятами тебя что-нибудь связывает? Родственные отношения, дружеские, приятельские? Может, за одной бабой ухлестывали, может, еще чего?

— Ничего! — твердо сказал Мандрыка. — Это люди Усошина.

— Усошин далеко.

— То есть, если с ними что-то случится, ты недолго будешь переживать?

— Знаешь, Игорь, совсем недолго.

— А Усошин?

— Перебьется. Ему и знать обо всем не обязательно.

— Ты уверен?

— Знаешь, сколько у него зеков? Считать не пересчитать. И все новые, и все новые прибывают!

На какое-то время в кабинете, освещенном мягким светом настольной лампы, установилось молчание. Изредка звонил телефон, — видимо, пробивались руководители многочисленных пилорам, лесопилок, заводиков, которые успели возникнуть под крылом "Нордлеса" за последние полтора года. Но трубку поднимала секретарша и отсекала, отсекала звонки, которые в данный момент только раздражали руководство.

— Мы спасаемся, — наконец проговорил Выговский. — Мы только спасаемся. И больше ничего.

— Согласен, — сказал в наступившей тишине Здор. — Целиком и полностью, — вдруг выскочили из него слова, которые в большом ходу были всего несколько лет назад. Надо же, сохранились где-то в глубинах его сознания.

— А ты, Вася? — спросил Выговский.

— Что мне остается? Присоединяюсь к большинству.

— Другими словами, поддерживаешь? — уточнил Выговский. Он не хотел в этом щекотливом вопросе оставлять что-то не до конца проговоренное.

— Да, — уже тверже сказал Мандрыка, поняв, что от него требуется.

— Ты сказал, что поддерживаешь большинство... Я думаю, не надо так уж широко оповещать народ о принятом решении, — медленно, почти по слогам проговорил Выговский. — Мы знаем положение, в котором оказался "Нордлес", знаем опасность, которая нам угрожает в случае ареста этих Гриши и Валеры... Мы должны опередить события.

— Это грамотно, — сказал Мандрыка.

— Я — за! — Здор даже ладошки прижал к груди, показывая, с какой искренностью он поддерживает все сказанное Выговским.

— Тебе, Вася, надо связаться с этими ребятами и вызвать их в Москву. За деньгами придут. Тем более, что вы об этом договаривались.

— Было, — кивнул Мандрыка.

— Предупреди, что поскольку возвращаться будут с большими деньгами, чтоб не трепались там — куда едут, к кому, зачем и так далее.

— Согласен, — кивнул Мандрыка.

— Теперь подробности. — Выговский встал, подошел к двери, выглянул в приемную и, убедившись, что все там спокойно и они могут без помех продолжать разговор, закрыл дверь и вернулся в свое кресло. Оно стояло между двумя окнами, и только свет настольной лампы освещал его смутный контур на фоне темной шторы. — Примерно так я представляю себе, как все должно произойти...

Поезд из Днепропетровска опаздывал редко, не опоздал и в этот день. Здор остался в машине в качестве водителя, а Мандрыка пошел встречать дорогих гостей — номер вагона он уже знал и не спеша прогуливался по перрону, рассматривая товары в киосках — печенье, воду, пиво, конфеты.

Гриша и Валера выпрыгнули на перрон едва ли не первыми — вещей при них не было, разве что дорожные сумки на длинных ремнях. Оба были оживлены, улыбались, тем более что сразу увидели встречавшего их Мандрыку, человека, которого уже знали.

— Привет, ребята, — приветствовал их Мандрыка. Улыбался он по-столичному — широко, уверенно, вскинув голову и глядя прямо в глаза. — Как добрались? Были провожающие? — спросил Мандрыка, направляясь к подземному переходу, ведущему на привокзальную площадь.

— Какие провожающие, Вася! — воскликнул Гриша. — Да в Днепре вообще никто не знает о нашей поездке. Сказали, что на рыбалку отправились. Мы же сегодня рванем в обратную?

— Конечно. Нечего вам по Москве шастать. Обратные билеты взяли?

— За кого ты нас принимаешь? — весело рассмеялся Гриша. — Мы же старые по этому делу!

— Тогда нормалек! — ответил Мандрыка старым словечком, которым пользовался много лет назад, когда был молодым, нищим и пьяным.

— А что наш вопрос? — подал, наконец, голос Валера.

Мандрыка круто развернулся, так что оба парня почти уперлись ему в грудь, оттеснил их с прохода в полутемный угол, оглянулся опасливо — нет ли желающих подслушать, и, понизив голос, доверительно проговорил заранее заготовленные слова.

— Значит, так... Слушайте внимательно... На всю заявленную сумму надеяться сейчас не стоит. Поймите, я живу не на мешке с деньгами. И никто сейчас не живет на мешке с деньгами. Я вас втянул в это дело, мне и воз тянуть. Что мог,

сделал. Двести тысяч — крутые деньги. Сегодня сведу вас с людьми, которые принимают решения. Как договоритесь, так и будет. Может, через месяц. Мой совет — держитесь твердо. Сейчас и в самом деле денег нет, но через два-три месяца... Я не говорю, что будут наверняка. Ожидаются. Вот для вас самый ближний срок, чтобы получить вторую половину. За эти два-три месяца и держитесь. Я буду галдеть то в вашу пользу, то против — вы тоже меня поймите.

— Сообразим, — заверил Гриша и положил руку на грудь Мандрыке. — Сообразим, Вася. Если все получится — с нас причитается.

— Надеюсь, — многозначительно проговорил Мандрыка и поочередно посмотрел в глаза каждому — и Грише, и Валере. — Пошли, машина ждет.

Здор сидел за рулем, просматривая газету, на подошедших даже не взглянул. Сели на заднее сиденье и сели. Его это не касается. Мандрыка расположился впереди, оглянулся на ребята, как бы проверяя — все ли у них в порядке.

— В офис, — сказал он Здору. Тот молча кивнул. И машина тронулась.

— Значит так, ребята... Все, что вы проделали прошлый раз... Работа отличная. Замечаний нет. Но вас видели в гостинице, да?

— Дежурная, может быть, — неуверенно проговорил Гриша.

— Там менты хорошо потрудились. Горничная, дежурная, швейцар... Ваши описания у них есть. Конечно, по этим портретам не узнать, я их видел, ничего общего, но все же... Шататься по Москве не надо. Ни к чему. Я сейчас выйду, мне нужно в офис. Миша, — Мандрыка кивнул в сторону Здора, — отвезет вас на нашу базу. Это рядом с Москвой по Минскому шоссе. Встречаемся в два часа дня. За час решаем все наши проблемы. И Миша опять отвозит вас на вокзал. Вы придете на Курский минут за десять до отхода. Там тоже не надо светиться. За десять минут до отхода поезда, это примерно в 19.15 вы будете на вокзале. За пять минут добираетесь до своего вагона. Пять минут на всякие случайности — нога подвернется, ширинка на штанах расстегнется, шнурок развяжется и так далее...

— Это что же получается, — начал было Гриша, но Мандрыка его перебил:

— Повторяю. Сейчас около одиннадцати. В половине первого вы будете на нашей базе. Отдохнете часок, попьете пивка... Пиво в Москве лучше, чем в Днепре... Кроме пива — ничего. Ясно? — Он резко обернулся назад. — С такими деньгами...

— Ва-а-ся! — протянул Гриша. — Будь спок.

— Встречаемся в два. Я приезжаю с генеральным и с двумя его замами.

— И привозишь деньги?

— Они привозят деньги. А я присутствую. В пять выезжаете в обратную сторону. На этой же машине. Миша вас довезет в лучшем виде.

Дальше ехали молча. Здор перестроился вправо, еще правее, съехал на крайний ряд, из чего можно было заключить, что Мандрыка скоро должен сойти. Проехав Крымский мост, метро Парк культуры, Зубовскую площадь, Здор свернул в неприметный переулок и, наконец, остановился.

Мандрыка открыл дверцу, обернулся.

— До встречи? — спросил он.

— До встречи, Вася! — бодро ответил Гриша. — Все в порядке. Спасибо.

— Через полтора часа будете на месте, — еще раз заверил их Мандрыка и, выйдя, с силой бросил за собой дверцу.

Здор тут же тронул машину с места, дал задний ход и, только выбравшись на кольцо, шумно и облегченно вздохнул. Весело обернулся назад, подмигнул.

— Фу! — сказал он. — Наконец-то остались без начальства. Не могу, когда начальство рядом. Скажешь — не то, повернешь — не так, пукнешь — опять нехорошо.

Ребята за его спиной засмеялись. Одобрительно засмеялись, сразу почувствовав, что водитель — парень свой в доску, с ним можно быть свободнее, откровеннее.

— А что Мандрыка у вас — большой начальник?

— Ха! Третий человек! После Генерального директора и первого зама идет ваш приятель Мандрыка.

— Круто! — одобрительно произнес Гриша. — Хорошие деньги зашибает?

— Очень хорошие, — ответил Здор и больше ничего не добавил. Ребята поняли — не велено об этом говорить с посторонними. И подумали — правильно. Так и должно быть. О своих деньгах тоже не заговорили, опять же с водителем о таких вещах не говорят.

Все, что делал Здор, все, что говорил, как себя вел, даже его переговоры с Мандрыкой по мобильному телефону, бестолковые, в общем-то, разговоры, все убеждало Гришу и Валеру в истинности происходящего. Ничто не настораживало, ничто не вызывало ни малейшего подозрения. Все шло естественно, нормально, иначе и быть не могло.

— Сейчас остановимся в одном хорошем месте, — проговорил Здор. — Не надо вам, как я понял, особенно мельтешить на московских улицах... Забегу, пивка возьму. Пиво на базе кончилось. Водка есть, виски полно, шампанского вообще... Залейся. А пиво кончилось.

— Бывает, — обронил Гриша, рассматривая в боковое стекло дома, прохожих, витрины, девушек с голыми коленками. — А ничего город Москва, — наконец, произнес он. — Жить можно.

— И хорошо можно жить! — рассмеялся Здор несколько нервно, но этого никто не заметил, да он сам тоже, наверно, не вполне осознал собственную нервозность.

Перестроившись в правый ряд, Здор заехал в тень и выключил мотор.

— Пошли, — сказал он доверительно и даже как-то заговорщицки. — Кое-что покажу...

— Куда? — спросил Валера. — Вася сказал, чтобы мы из машины и носа не показывали.

— Вы больше Васю слушайте. — Здор подмигнул ребятам, и в этой его grimase было столько непосредственного и добродушного, что ребята послушно вышли из машины. Пройдя шагов двадцать, они свернули с тротуара и оказались в небольшой пивной под открытым небом. Беленькие столики на тонких ножках и такие же пластмассовые стульчики, похоже, только и ждали, когда приедут, наконец, днепропетровские гости, чтобы принять их достойно и радушно.

— Садитесь. — Здор показал на столик в тени, прикрытый листвою деревьев — сразу и не рассмотришь, кто за столиком сидит да и сидит ли там вообще кто-нибудь.

Едва ребята успели сесть, едва осмотрелись по сторонам, как появился Здор с двумя золотистыми кружками пива.

— Каково? — спросил он, устанавливая пиво перед Гришей и Валерой. — Лучшее московское! “Золотая бочка” называется. Выпьете по бочке, и рвем дальше.

— По бочке? — озадачился Гриша.

— Пиво так называется — бочка! — расхохотался Здор. — “Золотая бочка”. По бочке — это значит по бокалу! Деревня! — Здор, вынув из кармана, положил перед ребятами на белый пластмассовый столик два пакетика с фисташками. Гриша и Валера взяли их осторожно, с опаской, раскрыть пакетики им удалось не сразу, но удалось, и они пригубили холодного, свежего разливного пива.

— А что! — сказал Гриша. — Ничего!

— Хорошее пиво, — кивнул Валера. — Может, помочь? — спросил он у Здора, проходящего мимо с ящиком пива.

— Балдейте! — весело ответил тот. — Еще нарабатаетесь!

— Там, на базе, нас работа ожидает?

— Какая работа! Жизнь впереди! — рассмеялся Здор и, раскрыв дверцу машины, поставил на пол ящик пива. Через две-три минуты он поставил туда еще один, чуть сместив его в сторону сиденья — для устойчивости. Отлучившись на несколько минут, принес гостям еще по кружке пива.

— А не многовато? — спросил Гриша.

— Фирма угощает!

— От угощения грех отказываться. — И Гриша придвинул к себе второй бокал. Валера склонил голову к плечу, вскинул бровь в легком недоумении, но от пива не отказался и через

десять минут, оставив на столе четыре пустых бокала, все трое уже рассаживались в роскошной машине “шевроле” темно-вишневого цвета с металлическим отливом.

Машина снова оказалась на Садовом кольце, Здор воспользовался просветом в потоке машин и, проскочив под Новым Арбатом, выехал на Кудринскую площадь, развернулся в обратную сторону, проехал мимо американского посольства, свернул вправо и вырвался на прямую трассу, которая постепенно превращалась в Кутузовский проспект, потом в Можайское шоссе и, наконец, в Минское.

— Ребята, вы это... Не стесняйтесь... Пока пиво холодное. — Здор кивнул на ящики. — “Золотая бочка” в бутылках даже лучше, чем разливная. Можете поверить моему богатому опыту. Чего вам скучать да по сторонам глазеть... город миновали, скоро будем на месте.

— Было бы предложено, — протянул Гриша и, привстав со своего сиденья, взял из ящика две бутылки.

— Держи. — Не оглядываясь, Здор протянул назад скобку для сковыривания пробок. — С бокалами в машине напряженка, пейте из горла, так даже вкуснее.

— Нам не привыкать. — Гриша открыл свою бутылку, открыл бутылку для Валеры. Запрокинув голову, он припал к холодному, свободно льющемуся пиву. — Какой балдеж, какой балдеж!

— Пиво ничего, конечно, хорошее пиво, — сдержанно сказал Валера. — Только я вот думаю... Не пора ли нам на минутку остановиться?

— Зачем?

— Так вроде того, что организм требует.

— А! — расхохотался Здор. — Ведь вы уже по паре бокалов опорожнили. А мне и невдомек. Ну, вы даете, ребята... Значит, так, вопрос в лоб — десять минут сможете выдержать? Мы сейчас проезжаем гаишный пост, как раз напротив Одинцово, и высказываем на оперативный простор. А там хоть по маленькому, хоть по-большому... Так что?

— Выдержим, — сказал Валера. — Десять минут выдержим. Гриша, ты как? За себя отвечаешь?

— Беру обязательство — пятнадцать минут, — твердо сказал Гриша и опять запрокинул голову, вливая в себя сверкающую в солнечном свете струю.

Миновали поворот на Внуково, проехали гаишный пост с указателем на Одинцово, дальше дорога пошла свободнее, по обе стороны стояла стена соснового леса, начиналось Подмосковье — зеленое, лесистое, манящее. Мощный мотор “шевроле” нес машину со скоростью более ста километров в час, и ребята не заметили, как пролетели и десять минут, и пятнадцать, а когда Валера напомнил Здору о своих проблемах, они уже успели проскочить Голицыно, и теперь сплошная стена леса шла по обе стороны шоссе.

— Виноват, немного увлекся, — сказал Здор. — Значит, так, ребята, просьба... Не надо прямо на обочине, не принято... Пройдите в лесок, в деревья, там и перекурить можно, и дух перевести, а то я после этой Москвы еле живой... Задыхаюсь. Договорились, да?

— Заметано, — сказал Гриша.

Здор притормозил машину, проехал еще сотню-вторую метров и свернул на обочину, присыпанную щебнем. Ребята, не задерживаясь, вышли на обе стороны машины и устремились в лесок. Сразу от дороги шла глубокая канава с маленьким ручейком на дне, они перешагнули сырое место и углубились в придорожный кустарник. Здор не торопясь, но и не медля, вышел из машины, приподнял сиденье, взял пистолет с глушителем и, сунув его в петлю на подкладке пиджака, пошел вслед за ребятами. Они стояли рядом, к нему спиной, в двадцати метрах от опушки и с чувством величайшего облегчения опорожняли свои мочевые пузыри. Здор, не теряя ни секунды, вынул из петли пистолет и, на ходу передвинув кнопку предохранителя, подошел почти вплотную, на расстояние двух метров.

— Тоже приспичило? — спросил Гриша, не оборачиваясь, увлеченный собственными делами.

— Маленько есть, — ответил Здор и, подняв пистолет на уровень плеча, выстрелил в одну спину, потом в другую. И еще до того, как Гриша и Валера успели упасть или обернуться, снова дважды выстрелил. Оба упали, так и не успев сделать свои дела, не успев заправить штаны. Ребята были еще живы, и единственное, что можно было увидеть на их лицах в эти мгновения, — удивление, бесконечное удивление происходящим.

— Ничего, ребята, ничего, сейчас все кончится. — Здор подошел сначала к Валере, он почему-то казался ему более опасным. Приставив срез глушителя к голове, как раз между ухом и виском, нажал курок. Валера дернулся и затих. То же самое он проделал с Гришей. После первых выстрелов Гриша был в сознании и попытался повернуться, убрать голову от пули, но Здор все-таки выстрелил, пуля вошла в лицо и только со второй попытки попал именно в ту точку, в которую и следует стрелять в подобных случаях.

Он обернулся, прислушался — в лесу стояла полная тишина. Где-то совсем рядом пронеслись машины, и никому в голову не приходило остановиться у его "шевроле". В таких случаях если и останавливались, то метрах в ста, в двухстах. Тормозить рядом со стоящей у обочины машиной считалось почти неприличным.

Пистолет Здор бросил между телами, а сам направился к машине. Подождя, пока мимо пронесутся несколько легковушек, несколько тяжелых грузовых машин, он открыл ба-

гажник, вынул канистру, скорее всего, она была десятилитровой и, захлопнув крышку багажника, вернулся в лес. Подойдя к трупам и убедившись, что они перестали дергаться и хрипеть, обшарил карманы, и брючные, и на пиджаках, снял часы, часы тоже могли вывести на след, и, собрав документы, кошельки, билеты, особенно билеты, чтобы никто никогда не догадался, откуда они и куда собирались. Все это он ссыпал в заранее приготовленный целлофановый пакет. Свинтив крышку с канистры, Здор щедро полил оба тела, стараясь, чтобы бензин хорошо пропитал одежду, чтобы его достаточно скопилось в волосах. В какой-то миг ему показалось, что кто-то из ребят вздрогнул, зашевелился, и он еще раз полил лицо бензином, стараясь, чтобы наполнился рот, ноздри, уши. Вылив весь бензин, он бросил канистру тут же и, отойдя на несколько шагов, вынул заранее приготовленные спички. Чиркнув о серную поверхность коробка, Здор, не дожидаясь, пока сера разгорится, бросил спичку в сторону тел.

Огонь не просто вспыхнул, он как бы взорвался с жадным гулом. И запылала одежда, запылали волосы, лица, все сразу в одно мгновение было охвачено яростными, нетерпеливыми языками пламени.

Подхватив пакет с документами, Здор шагнул в листву кустарников. Напоследок, прежде чем скрыться в зарослях, оглянулся на секунду-вторую.

— Простите, ребята, — пробормотал он. — Так уж получилось... Сами виноваты. Жадность фраера сгубила.

Выйдя к машине, Здор, не задерживаясь, не глядя по сторонам, сел, включил мотор, сразу набрал скорость и унесся, унесся подальше от этого места, неприятного, какого-то гнетущего места, рядом с которым даже находиться не было никаких сил. Проехав километров десять, он развернулся и помчался в обратную сторону. И сколько ни всматривался в знакомую ему обочину, так и не смог увидеть дыма. Отвратно запаха горелого человеческого мяса тоже не почувствовал. У поворота на Одинцово Здор уже смог неплохо управиться с тормозами, вовремя остановился перед красным светофором, дождался зеленого, с места тронулся без спешки, как это делают люди добропорядочные и законопослушные.

Когда он вошел в кабинет Выговского, то застал там и Мандрыку. Оба сидели в креслах. К Здору не бросились, только головы повернули, только пальцы и у одного, и у второго глубже впились в мягкие подлокотники кресел. И молча, в каком-то оцепенении смотрели на Здора. А он тоже не произносил ни слова и не потому, что играл в какую-то значительность, у него попросту не было никаких сил, да и вообще все слова казались совершенно излишними. Бросил целлофановый пакет с документами Гриши и Валеры на стол Выговско-

го и уже этим как бы зачислив его в соучастники, Здор, наконец, сел в кресло.

— Если вы сейчас же, сию минуту не нальете мне стакан текилы, то я... То я умру.

И эти его слова прозвучали как отчет об успешном выполнении опасного задания.

— Ты хочешь сказать... — начал было Выговский и замолчал.

— Да, — сказал Здор.

— Все нормально? — спросил Мандрыка негромко.

— По плану.

— Без накладок?

— Без.

— Там, на обочине, где ты остановился, земля... — И Выговский опять замолчал.

— Щебень, — ответил Здор.

— Это хорошо. Значит, текилы, говоришь?

— Не шампанского же! — воскликнул Здор почти возмущенно.

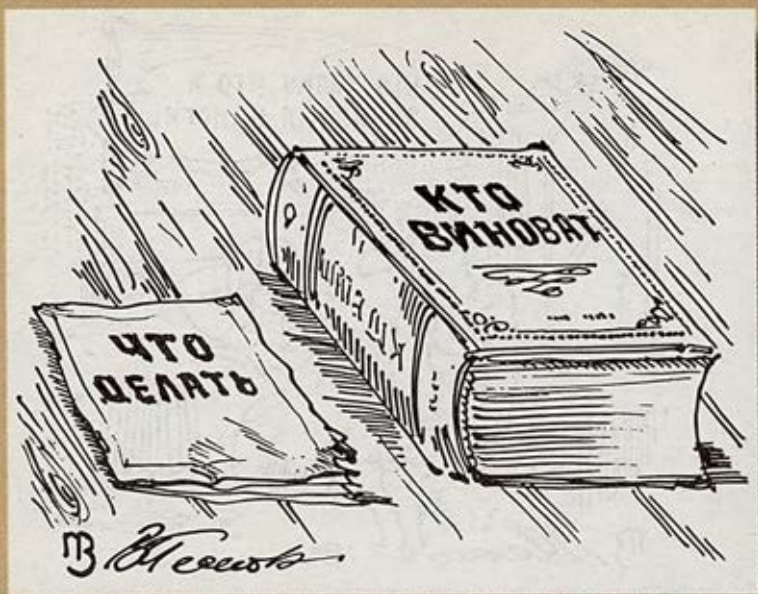
Он начал приходить в себя. ■

Окончание следует.

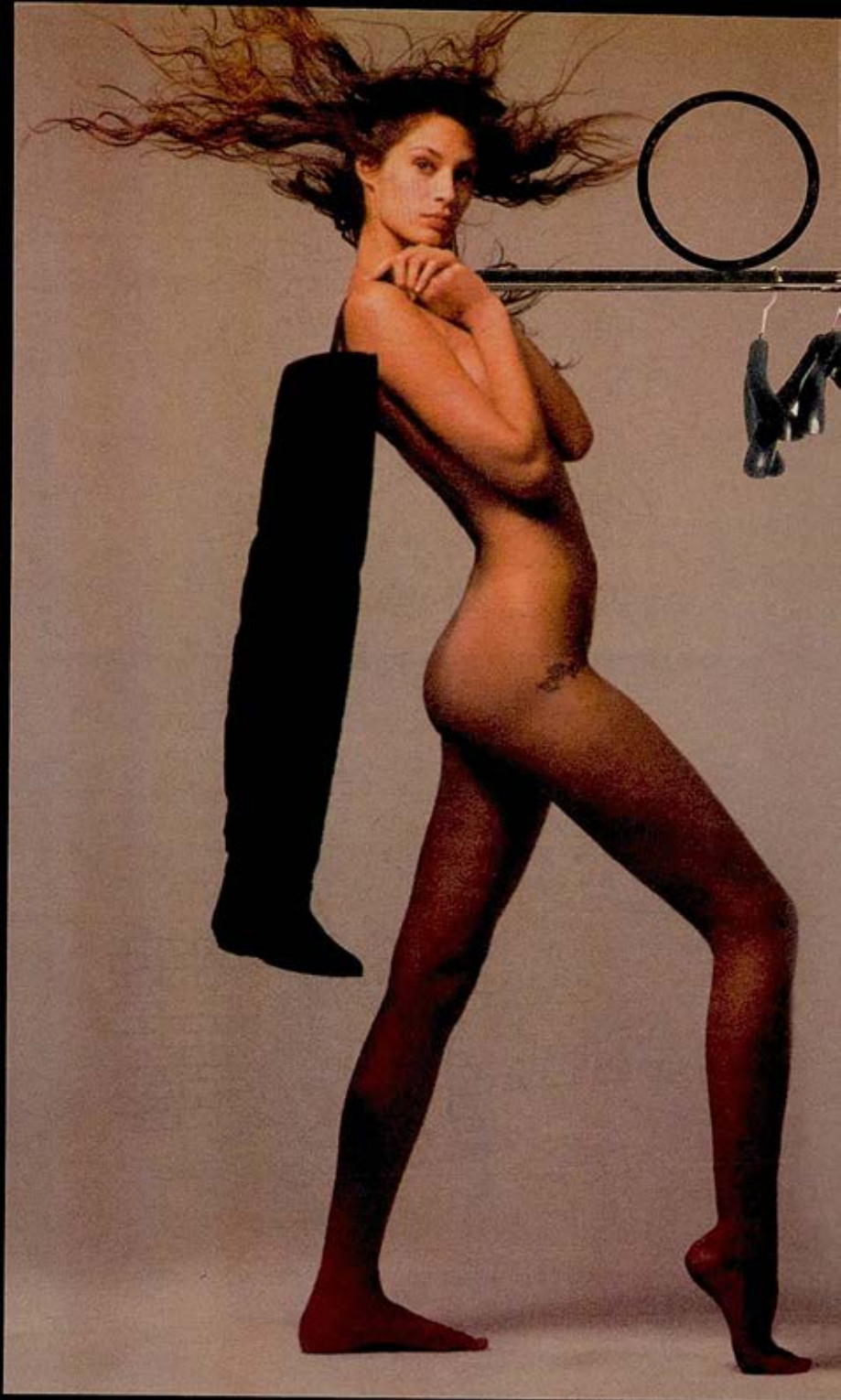

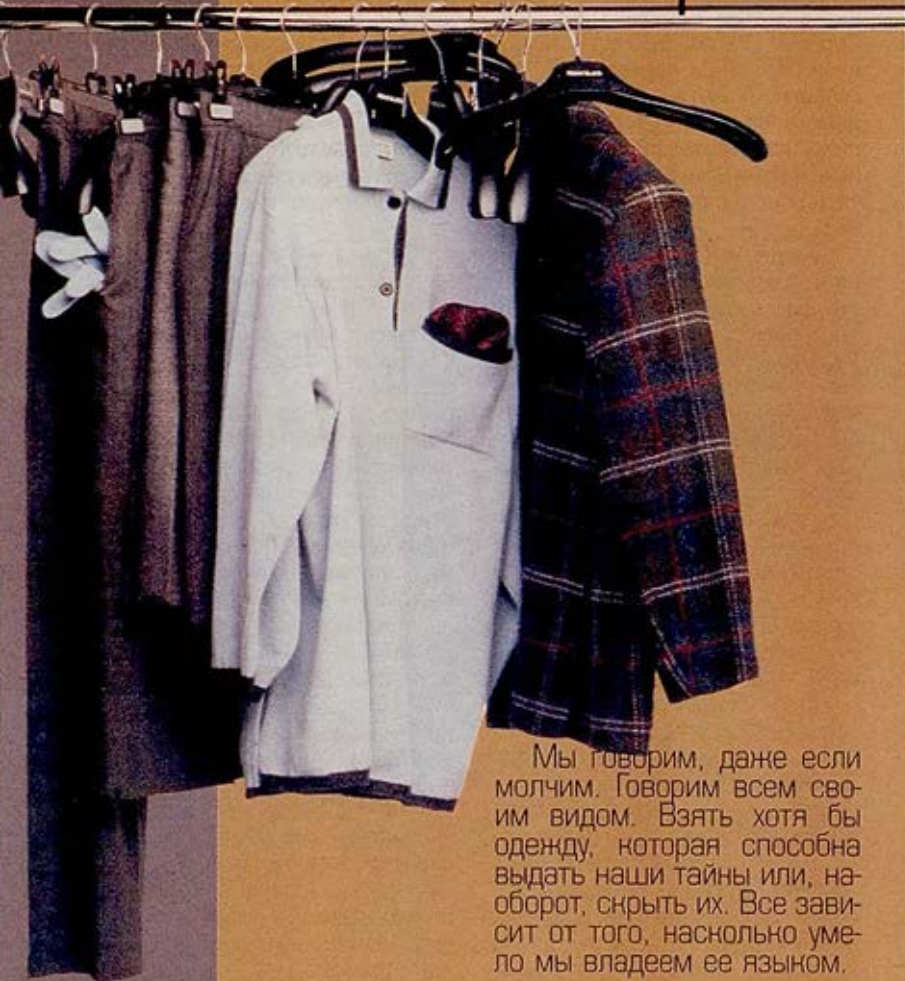

Алина ПЕСЦОВА

ДЕЖДА ГОВОРИТ

Мы говорим, даже если молчим. Говорим всем своим видом. Взять хотя бы одежду, которая способна выдать наши тайны или, наоборот, скрыть их. Все зависит от того, насколько умело мы владеем ее языком.

Наука или искусство?

Наша одежда — то, во что мы облачаемся, порой нас же и... разоблачает. Я убедилась в

этом на личном опыте. Однажды на спор открыла свой гардеробчик перед двумя дамами, которые видели меня впервые, и уже через несколько минут они многое порассказали обо мне. Это были сестры Надежда и Елена Сорины, соответственно конструктор одежды и психолог. Я пригласила их на интервью к себе домой специально, чтобы проверить, действительно ли бездушные тряпки-шмотки могут выболтать сокровенное об их владельце.

Увидев отглаженные, далеко не новые и не слишком разнообразные вещички, разложенные по полочкам в идеальном порядке, отметив, что мне не свойственна экстравагантность, и если я думаю о моде, то только, чтобы не задевать впусы окружающих и не привлекать к себе внимания, сестры сделали вывод, что главные мои особенности — педантичность, неуверенность и тревожная мнительность. Я замкнута, нерешительна, добросовестна, надежна и самокритична. Испытываю невероятные муки, прежде чем купить обновку, поэтому одежда успевает истрепаться до того, как выйдет из моды. Мне хорошо только в привычной обстановке, а в новом обществе я теряюсь, забиваюсь в угол. На языке психологов это означает, что я — психастеноид.

Мои близкие не дадут содрать, все эти нелцеприятные, особенно для журналиста, слова попали не в бровь, а в глаз. Последней каплей стало "прозрение" Елены. Она предположила, что, пришивая пикантную заплатку на любимые джинсы, я вслух ругала штаны за выход из

строая. И объяснила, почему я так привязана к этим брюкам. Мол, все, что случилось со мной хорошего, когда я была в своих "левисах", я ставила им в заслугу, и теперь мне кажется, что без этой тряпочки цвета индиго я просто не смогу быть счастливой.

Как Елена проникла в мои мысли? Для меня это было сродни колдовству! Но оказалось, что догадка психолога — обыкновенное чудо профессионализма.

Сорины — ученые, написавшие на двоих более ста научных работ. Елена — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Московского Открытого педагогического университета, Надежда — доцент Московского государственного университета дизайнера и технологии. Докторская диссертация старшей сестры, Елены, посвящена общению без слов — трем молчаливым языкам, благодаря которым мы вольно или невольно обмениваемся информацией. Первый язык — знаки тела — морщины, осанка, телосложение. Второй — знаки движения — мимика, жесты, пластика. Третий — знаки оформления внешности — одежда, прическа, манияж. Докторская младшей, Надежды, — об основах "импрессионного проектирования" костюма, когда модели создаются с обязательным учетом впечатления, которое человек хочет и может производить на окружающих. Девиз психологического моделирования таков: одевать надо не тело, а душу!

Пожалуй, пока так поступают только швейники Японии. Шьют,

например, 60 образцов юбок и поочередно надевают их на манекен, которому задается определенная мера колебания бедер. И особыми опросниками "замеяется" реакция зрителей.

Сорины проводят аналогичные исследования. Не так давно Надежда предложила полную классификацию форм русских женских ножек (представьте, есть четкие национальные особенности!) и теперь проектирует женские брюки. С учетом того, что захочет сказать миру их "носительница" — доставить эстетическое удовольствие окружающим, шокировать их, соблазнить или даже оттолкнуть кого-то.

По сути сестры Сорины пытаются создать в стране новую науку "Психологию одежды", без которой российской швейной промышленности не быть конкурентоспособной в будущем.

Наряд как "диагноз"

— Одежда может стать средством внутренних перемен, — утверждает Елена Сорина. — Однажды к нам обратилась худенькая симпатичная девушка, со слезами признавшаяся, что готова покончить с собой из-за — не поверите! — маленькой груди. Несчастливая уверяла, что из-за ее "дефекта" у нее никогда не было и не будет личной жизни. "Вы просто не умеете одеваться", — сказала я и предложила ей сменить имидж. Какие мы были счастливые, когда после наших советов у девушки изменилось настроение и отношение к себе, а через некоторое время появился друг!

По поводу изъянов фигуры к сестрам обращались многие, и

они сделали вывод: физический недостаток фатально не обуславливает судьбу. Оказывается, истинные размеры и особенности тела вторичны при восприятии. Люди больше обращают внимание на социальный и психологический облик человека, выраженный в одежде, причёске и т.д., "оформленный" хорошо или не очень. Поэтому лучший друг женской фигуры и души — наряд — универсальный, самый простой и беспроблемный путь к гармонии. Ведь он может сбалансировать не только любой силуэт, но и... характер.

— Стать гармоничной личностью — цель самосовершенствования, — рассуждает Елена Сорина. — Кому-то это дано от природы. Но очень часто у людей преобладают те или иные черты характера, которые и определяют поведение. В психологии выявлено более десятка таких типов характера. Приведем для примера лишь некоторые.

"Сверхцелеустремленный" — такой человек зацелен на какой-то идее и идет напролом и потому энергичен, категоричен, независим. Обычно таким поведением отличаются политики высшего эшелона власти, или, скажем, революционеры. Людей с характером такого типа много среди ученых, политических и общественных деятелей. Здесь уместно вспомнить Маргарет Тэтчер, а из наших политиков — Ирину Хакамаду, Владимира Брынцалова. Как мы угадываем "целеустремленного" по одежде? Он не следит за модой, хотя может вдруг одеться стильно, если это надо для достижения его цели. Он покупает толь-

но ту одежду, что целесообразна. Может приобрести дорогую, но обязательно удобную вещь и потом носить ее "в хвост и гриву", не жалея. Всегда знает, что ему надо в магазине одежды. Обновка, призванная лишь украсить шкаф, — не для него. Редко меняет силуэт и цветовую палитру своего "прикида". На критику внешнего вида обижается.

"Возбудимый" — консерватор и исполнитель, человек, любящий порядок. Его одежда подчеркнута аккуратна, без пятнышка, без торчащей из шва ниточки. Придерживается классического стиля и общепринятой моды. Гардероб продуман до мелочей, новые вещи повторяют старые. Между прочим, именно так относятся к одежде Михаил Горбачев, Геннадий Бурбулис и Евгений Примаков.

"Сверхактивный" — подвижный, тип людей с постоянно поднятым настроением. Про таких говорят — приятно возбуждены на всю жизнь. Одеваются они неоднородно, не придерживаясь какого-то стиля. Во что бы ни оделся "сверхактивный", в облике его чувствуется некоторая небрежность: галстук завязан слабо, воротник расстегнут.

"Демонстративный" всегда стремится быть в центре внимания, он демонстративен во всем. Таким поведением отличаются артисты Валерий Леонтьев, Филипп Киркоров, Ирина Понаровская, Сергей Пенкин и многие другие. Это артистические натуры, которым непременно нужны зрители. Их одежда в чем-то необыкновенна: или сверхмодная, или сверхдорогая, или сверхъяркая, или даже сверхскромная на

общем фоне. Люди этого типа стремятся к авангардному стилю, у них много экстравагантных ярких нарядов, они любят блестящие ткани, эксцентричные, эксклюзивные модели.

Совсем невредно свой акцент — "выпирающую" часть натуры — смягчить, умерить, даже если она кажется достоинством.

— Наверное, можно подобрать себе костюмчик, который будет как тренажер воспитывать желаемые черты, уравнивающие норов?

— Конечно, — соглашается Надежда. — Еще Ремарк заметил, что в новой одежде человек становится иным. И это не просто маскарад. Тот, кто по-настоящему умеет носить вещи, перенимает что-то от них. Как ни странно, платья и люди влияют друг на друга. В этой взаимности проявляется и наука психология и ... волшебство.

Что, например, можно порекомендовать слишком целеустремленной личности? Хотя такие люди мало внушаемы, все же рискнем... Откажитесь от классики, почаще разнообразьте одежду, попробуйте одеваться в разных стилях — спортивном, романтическом, ретро. Приобретите и носите костюм из бархата или велюра, а другой — из легко драпирующейся ткани. Не пренебрегайте длинноворсным мехом. Все это напомним вам о мягкости, гибкости в отношениях с людьми. Возьмите за правило хоть раз в день сделать комплимент другому человеку по поводу его манеры одеваться. Если самому трудно, передайте приятные слова через посредника. Вы убедитесь, что люди гораздо ча-

ще "транслируют" чужие комплименты, чем критику.

"Возбудимому" вместе с другими методами психокоррекции будет полезно одеваться строго по рекомендации близкого человека, — продолжает Надежда. — Реализуйте его желания в вашей одежде. Одевайтесь для любимого. почаще создавайте в своем внешнем облике образ "художественного беспорядка".

"Сверхактивному" стоит взять за правило раз в месяц проводить ревизию одежды, избавляясь от лишних вещей. Не допускайте импульсивных покупок. Идя в магазин одежды, следуйте заранее составленному плану. Не носите красного. Выбирайте пастельные тона. Чаще используйте классический стиль. Надевайте узкие прямые юбки или брюки в сочетании с высоким каблуком — поможет выработать менее энергичную, более плавную походку.

Чтобы уравновесить вызывающую демонстративность, дамы с преобладанием такого акцента могут попробовать носить строгие, закрытые платья, жестко фиксирующие фигуру и хоть немного сковывающие свободу движения. Зауженный низ изделий обяжет женщину следить за собой, а не за вниманием окружающих и приучит ее к более сдержанной пластике.

Словом, сестры Сорины рекомендуют найти в себе преобладающую черту характера, понять, как она отражается в одежде, и уменьшить количество этих вещей в гардеробе, заменив их противоположными по духу. Результат не замедлит сказаться. Я убедилась в этом на своем

опыте. Вспомните, что мой диагноз — психастеноид. Мне пришлось через "не могу" покупать новые вещи. Муж для этого раз в неделю буквально силой тащил меня в магазин или на рынок. Выбросила все старье, что-то изрезала на кусочки и сшила одеяло в лоскутной технике, что-то сгодилося на пару пугал для дачи. Теперь понемногу создаю новое "собрание" костюмов. Пусть что-то недорогое, но регулярно! Сменила черно-синюю гамму на яркие, насыщенные цвета.

Что я почувствовала? Что больше люблю и ценю себя.захотелось делать зарядку, холить свое тело в ароматических водах ванн. Перестала смотреть видак и отправилась в кинотеатр, чего не делала лет пять. А недавно даже сходила к начальству и попросила о прибавке к зарплате. Вот каких невероятных высот достигла моя самооценка!

Наряд как открытая книга

Как понять другого по его облику, если нет возможности сильно углубляться в анализ свойств его личности? Можно ли научиться читать намерения и подспудные желания человека, как открытую книгу? Да еще и между строк? Есть простые, стереотипные приемы расшифровки сигналов одежды, которые сознательно или бессознательно подают нам люди. Вот один из них. Черты, присущие одежде, мы вполне имеем право перенести на ее владельца. Этот прием психологи называют "нравственным символизмом".

• Ваш друг регулярно приходит на свидания в строгом офи-

циальном костюме? Не напрягайтесь, это свидетельствует всего лишь о чистоте его моральных побуждений. Очень возможно, что в скором времени последует предложение руки и сердца.

• Ваш шеф позволяет себе появляться в офисе в джинсах или в костюме "пижамного" стиля? Да он у вас демократ! К тому же уверенный в своем профессионализме и непоколебимости собственного авторитета. Коллега вот уже месяц ходит, как монашка, в однотонном блеклом балахонообразном платье? Она погружена в себя, сосредоточена на чем-то важном.

• Если во время разговора ваш собеседник вдруг безотчетно начинает застегиваться на все пуговицы, вы вправе подозревать, что сейчас он что-то недоговаривает. И наоборот, психологи советуют входить в кабинет начальства либо на собеседование к работодателю, постепенно расстегивая пуговицы пиджака или жакета, тем самым демонстрируя открытость, искренность и полное доверие.

• Мужчина, предпочитающий стиль авиатора (мощные ботинки, куртка-пилот, рубашка и брюки со множеством спортивных деталей, на всем — "патина" поношенности), своим видом говорит о стремлении к внутренней свободе, раскованности, независимости. Тот, кому органично присуще чувство свободы, часто выбирает спортивный стиль одежды.

• Если на улице не сильный мороз, а дама пронеслась мимо вас, кутаясь в шаль, плотно запахиваясь в широкую куртку, ли-

бо надвинув на лицо капюшон-чехол, она в глубокой тревоге. Высокий воротник, куда можно "нырнуть" по самый нос — тоже знак тревожности, он служит заменителем "домика", островка, где мы "вне игры", убежища, где хотим отсидеться.

Наряд как знак профессионализма

Представьте, идет международная конференция. Лето, жара, но ранг форума столь высок, что приглашенные парятся в пиджаках и жакетах. И вдруг на трибуну поднимается эффектная блондинка в романтическом платьице без рукавов. Сразу после красотки выступает ее конкурентка, затянутая в строгую классику. Обе женщины представили на суд уважаемых слушателей весьма любопытные результаты собственных исследований, обе нуждаются в дополнительных ассигнованиях для завершения работы. Одна нашла в зале поддержку и спонсора, другая — нет.

Нетрудно угадать, что блондинка, несмотря на свою привлекательность, осталась ни с чем. Оттого, что презрела (или не знала?) правило, сформулированное сестрами Соринскими.

— Правило гласит: если вы хотите, чтобы в вашей квалификации не сомневались, ориентируйтесь в одежде на шаблоны восприятия, на то, как другие, в том числе и коллеги, представляют себе людей вашей профессии, — объясняет Елена Сорина. — И вот парадокс: даже если вы большой оригинал, одевайтесь на работе как все, носите только корпоративное! (Иск-

лючение составляют гении, те, кому уже не нужно ничего про себя доказывать, а также люди творческих свободных профессий.) Чем более стандартные костюмы вы себе подбираете, чем меньше в них видна ваша индивидуальность, тем лучше. Наши исследования показали: если человек на работу оденется не стереотипно, ему начнут приписывать разные личные свойства, как правило, подрывающие доверие к нему, как к специалисту. Люди должны думать о нас только то, что мы им позволим. Особенно на работе. Таков грамотный подход к своему имиджу.

— Вероятно, — догадываюсь я, — о той ученой блондинке на симпозиуме коллеги подумали, что она слишком легкомысленна, женственна и красива, чтобы можно было положиться на ее зрелый ум, кропотливость, деловитость или что там еще приписывают соискателям грантов? Тогда встает вопрос, как узнать эти стереотипы, чтобы попасть точно "в масть", принять всеми ожидаемый облик?

— Специальное исследование, проведенное нами в 1999 году, помогло выявить такие стандартные обобщенные имиджи массовых профессий. Хорошо, если предусмотрена униформа, сконструированная знающим стилистом. Во многих странах в крупных компаниях, где введен фирменный стиль, в начале рабочего дня контролер проверяет, чтобы сотрудники были одеты четко по форме. За нарушения штрафуют.

Какой представляется среднестатистическому покупателю хорошая продавщица? С деловой стрижкой, одетой скромно и

просто. Либо в платье прямого покроя умеренной длины, либо в водолазке в сочетании с прямой узкой юбкой, чуть закрывающей колено. В образе должна чувствоваться честность, поэтому никаких дорогих украшений не должно быть.

Бухгалтеру, чтобы выглядеть квалифицированным, лучше придерживаться консервативной манеры одеваться, выбирая классику и деловой стиль. Возможны ткани темных оттенков серого цвета, синего, коричневого и зеленого. Всё это не допускает сомнений, что специалист наделен такими качествами, как серьезность, аккуратность, педантичность, надежность, осмотрительность.

— Для учителя сегодня оптимален деловой костюм: юбка плюс жакет, — продолжила свои рекомендации Елена. — Длина юбки чуть выше или чуть ниже колена. Деловое платье допустимо для учителей постарше. Абсолютно неприемлемы брюки в сочетании с блузками, свитерами, джинсы, спортивный стиль. Романтические платья приводят к оценке учительницы как "серенькой", малоинтересной личности. Фольклорный стиль в школе воспринимается как старомодность и ограниченность. Авангард просто неуместен. Предпочтительны в учительской одежде оттенки синего, голубого, фиолетового. Вся гамма синего цвета считается максимально деловой и официальной. В Советском Союзе было распространено мнение, что коричневый для учебного процесса — то, что надо. А он, как свидетельствуют наши исследования, категорически от-

вергается и учениками, и их родителями.

Геометрическая фигура, которую напоминает силуэт одежды, тоже информативна сама по себе. "Овал" не отвлекает от общения, неконфликтен и, значит, подходит для тех, кто работает с людьми. "Прямоугольник" свидетельствует о критичности, серьезности, упорстве, самоуверенности, осторожности, твердости, трудолюбии, уме. Ученые, журналисты, бизнесмены, желающие обладать этими качествами, должны постараться почаще выглядеть "прямоугольными". "Бантин" (X-образный приталенный силуэт) говорит о веселом нраве, легкой возбудимости. Учительницам наверняка "бантин" повредит, а вот актрисам, художницам будет в самый раз.

Зато в платьице "бантином" учительница может отправиться в

театр, на концерт, на свидание. Большая ошибка ходить вне работы в том, в чем появляешься на службе, утверждают Сорины. Еще хуже одеваться во всех ситуациях, как на работу. Особенно часто этим грешат "педагогини". Они и дома в своей "униформе" остаются строгими наставницами.

Одежда — язык хотя и безмолвный, но очень... громкий. Порой человек молчит, но всем своим видом, мимикой, жестами, одеждой... кричит. Или ворчит. Или поет. По мнению психологов, с помощью безмолвных языков от человека человеку передается 85 процентов информации. Так, может, безмолвными языками овладеть не менее необходимо, чем иностранными? Чтобы нас заметили. Чтобы оценили и полюбили. Чтобы нас всегда понимали правильно. ■

..... Регулярные рейсы в 121 пункт 64 СТРАН МИРА!

**«АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЙ РЕЙС**

..... с 15 апреля 2001 года

**МОСКВА -
ТАШКЕНТ-
МОСКВА**

*Вылет из Шереметьево-1 по вторникам, четвергам
и воскресеньям на самолете Ту-154*

*Информация и бронирование по телефону представительства
Аэрофлота в Ташкенте: (998-71)152-30-18*

*ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ И БРОНИРОВАНИЯ АВИАБИЛЕТОВ В МОСКВЕ:
(095) 753 - 55 - 55: <http://www.aeroflot.ru>*

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

как убить

ЭЙ

Недавно приехал в Москву и зашел ко мне в гости друг моей юности... Сразу после окончания школы послали меня родители поступать в МВТУ имени Баумана. Вроде как соображал я в математике и физике. А "Бауманка" во все времена считалась конторой серьезной. Поступить-то я поступил. И даже на второй курс перешел. С него-то меня и выгнали. И правильно сделали. Но за это время я успел подружиться с Лешкой. Вот этот Лешка, Алексей Иванович, и приехал в Москву из Сибири. Он, в отличие от меня, не всегда играл в футбол и не каждый вечер дулся в преферанс в общаге напротив Измайловского парка. Я, стало быть, ушел. А Лешка остался и успешно закончил институт. Настолько успешно, что потом, изрядно хлебнув конструкторской работы, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. И вот уже довольно долго преподает в институте — в родном своем сибирском городе. А каком — уточнять не буду. И настоящую фамилию Лешкину не назову.

Мы с ним, естественно, встретились, посидели, повспоминали. Но заметил я, что как-то изменился мой товарищ. И не то чтобы постарел, а как-то самоуглубился. А ведь всегда был весел и остроумен, мы с ним, помнится, еще в КВН-е межфакультетском участвовали. Я ему и предложил не маяться, а рассказать, что случилось. Он и рассказал...

Через десять минут я попросил его попрiderжать коней. И выволок диктофон. То, что успел сообщить Лешка, показалось мне необыкновенно важным. "Ага, — сказал друг моей юности Лешка, — ты с этой пленкой да прямо в прокуратуру. Там ее у тебя с руками оторвут". Я принялся крыть его на чем свет стоит за это гнусное подозрение. И свято обещал, что никогда, ни за что и никому не скажу ничего, что могло бы хоть как-то уточнить его анкетные данные и координаты. "И вообще, — спросил я его, — неужто ты даже мне не веришь?" "Эх, брат, — грустно ответил Лешка, — я и себе-то, если на то пошло, верить перестал. Ну да ладно. Включай свою шарманку".

Леонид ШАРОВ

ЧШТЕЙНА

Алексей ПЕРМИНОВ

И было мне знамение... Можете надо мной смеяться, но именно так я думаю. Даже уверен в этом. Стоял я на лестничной площадке и курил. И вдруг мимо меня два человека в камуфляже и один в штатском провели старшего преподавателя NN. Наручников на нем я не заметил, но по тому, как он нескладно двигался, можно было понять, что их на него нацепили. NN был лицом даже не бледен — сер. И глаза вроде как неживые — словно у куклы. Меня арестант не заметил.

В ту минуту я меньше всего на свете хотел, чтобы он обратил на меня внимание — кивнул там, или пожал плечами, дескать, вот так проходит мирская слава, все там будем... Впрочем, мы с ним знакомы не были — он работал на другой кафедре, но в коридорах раскланивались. То, что он взяточник, я знал. Точнее, мне об этом говорили многие. И говорили не то чтобы с осуждением или возмущением, а с деловитым опасением — уж больно беззастенчиво он это делает.

Мне сделалось страшно. Хотя, в отличие от NN, я взяток от

студентов не брал. Мне их давали. Прошу почувствовать разницу! То есть я никогда не намекал ребятам: мол, жизнь дорога и трудна, супруга сидит без работы, детям нужны витамины, машина требует ремонта, на даче прохудилась крыша...

Просто как-то пришел ко мне пересдавать экзамен студентешко — изрядный лоботряс и в предмете моем абсолютный ноль. В аудитории, слава Богу, никого не было. Протянул зачетку. Я ее открыл. И увидел сто долларов. Посмотрел на лоботряса. А он глаза отвел в сторону — так деланно безразлично. Я облился горячим, как кипяток, потом, но купюрку ту мокрой ручонной накрыл, придвинул к себе... А лоботряс продолжал смотреть в сторону. Ну, я денежку и донес до кармана. И через полминуты мы расстались — удовлетворенные друг другом. В буквальном и переносном смысле. С тех пор и пошло.

При этом я старался быть объективным. Экзамены принимал обычным порядком. Соображаясь с истинными знаниями сту-

дентов. И никогда никого специально не заваливал. Впрочем, и не вытягивал за уши на "тройку". Сдал — молодец. Не сдал — иди готовься к пересдаче. И с "хвостистами" тоже соблюдал объективность. Сумел преодолеть премудрость моей науки — иди с миром и отметной. Нет... Вот тут начинала действовать альтернатива: или ты остаешься без сданного экзамена с перспективой на отчисление, или можешь купить себе "индугенцию". Понятно, что далеко не всякий мог положить в зачетку сто долларов, но я не гнушался и рублями — пятьсот-шестьсот рублей тоже вполне годились в хозяйстве. И, надо полагать, не слишком обременяли студентов.

Мне было противно, но почему-то не стыдно. И я исправно накрывал — уже привычно — ладню засунутые в зачетки купюры и смахивал их со стола. О том, что за мной придут, не думал. Думал о другом.

О чем? Ну, во-первых, о российском взяточничестве. И в конце концов пришел к выводу, что без взяток государственная жизнь в России замрет, государство рухнет, наступит хаос и катаклизм. Вывод, как вы понимаете, особой оригинальностью не отличается. Впрочем, это известно и понятно всем, кто хоть раз серьезно задумывался над сей проблемой. Поэтому: не я первый, не я последний. Делалось немного комфортнее.

Во-вторых, спрашивал я себя, во что меня — доктора наук, доцента и в ближайшей перспективе профессора — превратили? Как было уютно 30 лет назад смотреть спектакль "Кремлев-

ские куранты" — по пьесе Николая Погодина. Особенно первую сцену, в которой профессор Забелин, знатный энергетик, считайте, мой коллега, в послереволюционную разруху на московской толкучке торговал спичками. Никому в голову не могло прийти, что наступит время, которое повторит эту дикую ситуацию.

Советские профессора жили сытно, по нашим тогдашним понятиям богато. И уж во всяком случае — спокойно. И что, наверное, важнее всего, достойно. Они... Да и не только они, — всякий преподаватель высшей школы был востребован. Вообще это было здорово: поступить в институт, получить диплом, заняться наукой, хоть прикладной, хоть академической, написать и защитить диссертацию, преподавать в институте. Прекрасная, престижная работа, можно было уважать себя. Вполне заслуженно уважать.

Нынче же я вульгарно борюсь за выживание. И весь мой прежний жизненный опыт ничем мне помочь не может. При этом я чувствую некоторую неловкость, потому что получаю в институте от двух до трех тысяч в месяц, что-то дают консультации дипломников, стану профессором — будут мне платить за аспирантов. Жена, помучившись в безработных, принялась вязать свитера на заказ. Это все мне напоминает тонкую струйку воды из-под крана: не напьешься, но и от жажды не околеешь. У многих других, в том числе и у моих коллег, нет и этой струйки.

А тут тебе за абсолютно необременительное и мало к чему

обязывающее действие предлагают деньги. Это даже не соблазн. Это пресловутая суровая правда жизни, против которой может попереть только фанатик или сумасшедший, что в принципе одно и то же. Унижение? Да! Но только от того, что ты позволяешь себе всего лишь слизывать крохи...

Я, доцент, почти профессор, уподобил себя водопроводчику, телемастеру, которым за немудрящую их работу клиенты суют некоторую сумму, эквивалентную стоимости бутылки дешевой водки. Но вот ежели бы я брал за экзамен по тысяче долларов, то об унижении забыл бы раз и навсегда. Меня бы тогда грыз страх. Не тот, который я каждый раз испытываю, вытягивая денежку из зачетки. И даже не тот, который я ощутил на лестничной площадке, став невольным свидетелем краха преподавателя NN.

Страх окончательно скурвиться, простите за высоний штиль, потерять себя. Но это, как говорится, совсем другой коленкор. И я к нему обязательно позже в своих размышлениях вернусь.

Наконец, в-третьих... Иной студент в наше время живет куда благополучнее — упакованнее, если воспользоваться современной терминологией, — преподавателя, будь этот преподаватель хоть академиком. И я честно признаюсь: виню в этом злую несправедливость. Ну и черт с ним, с таким студентом, думаю я. Я его считаю паршивой овцой. А с нее хорош и клочок шерсти. Вот и пусть платит. Пусть, как они говорят, отстегивает, отслывливает.

В этом убеждении меня укрепил разговор с одним сдававшим

мне переэкзаменовку жлобом. Он оказался щедрым. И я, не удержась, его спросил: "Ну, хорошо, а что дальше-то? Так и будете каждый экзамен сдавать?" Он ответил: "Мне сразу диплом предлагали купить. Но я решил, чтобы все было по-честному". Я затннулся. "По-честному" — это что же, в рассрочку? А он добавил: "Вообще-то мне некогда лекции слушать, зачеты сдавать. Мне деньги зарабатывать надо. Дела крутить".

Впрочем, позже на холодную голову я должен был хотя бы отчасти признать его правоту. Я, конечно, не знаток, но полагаю, что купить диплом о высшем образовании в нынешней России можно без труда. И сравнительно недорого. Особенно, если этот диплом — фальшивка. И то: на современной полиграфической да к тому же еще и компьютеризированной технике, которой оснащены многие фирмы, сварганить любой официальный документ — дело плевое. Но при желании вполне возможно приобрести и настоящий диплом с настоящими печатями и подписями. Надо нацупать вуз, в ректорате коего трудятся не обремененные законопослушанием индивидуумы. Выйти с ними на связь.

Риск? Он, конечно, есть, но в пределах допустимого и разумного. Для того, чтобы разоблечь обладателя фальшивого или купленного диплома, надо сильно заподозрить человека в некомпетентности... А как это сделать, если он по указанной в дипломе специальности не работает. Да пусть и работает — мало ли у нас ни черта не знающих специалистов.

У меня сестра живет в Калининграде. В школе, где учится ее дочь, случился скандал. Туда устроился на работу один деятель... Преподавателем русского языка и литературы. Так его еще и зовучем назначили. Школьное и прочее "просвещенное" начальство радовалось: отхватили кандидата наук, который до того, как приехать в Калининград, аж в самом МГУ преподавал. Он и документы соответствующие представил с нотариальным удостоверением.

А в провинцию его занесла романтическая история — прямо из мыльной оперы. Дескать, жена у него умерла. Так он женился на американке, которая работала в посольстве, в Вильнюсе. Вот для того, чтобы быть поближе к возлюбленной половине, он героически бросил столичную жизнь и решил учить грамоте калининградских ребятишек. От Калининграда до Вильнюса — руно подать.

И никто его из взрослых дяденек и тетенок ни в чем не заподозрил. Наоборот! Его всячески поддерживали, особенно с его идеей организовать какие-то платные курсы. Племянница же рассказывала сестре, что мужик он, конечно, веселый, но занятия ведет странно: ничего не объясняет, говорит "читайте учебник", о всяких там образах Татьяны и Печорина — складывалось такое впечатление — особого понятия не имеет. Потом выяснилось, что это давно уже разыскиваемый мошенник. У него и среднего образования не обнаружили. И уж потом, задним числом, убедились: документы его — хорошо сработанная подделка.

Но этот, который вознамерился купить диплом в рассрочку, уже абсолютно ничем не рискует. После него в институте останется множество документов — за все пять с лишним лет. Да таких, что комар носа не подточит...

Сегодня у нас принято хаять все. В том числе и высшую школу. Я, проварившийся в ней без малого тридцать лет, знающий все ее минусы и провалы, позволить этого себе никак не могу. У нас была нормальная, даже эффективная система высшего образования. Во всяком случае она давала самое главное: возможность молодому человеку стать специалистом.

Взять ту же мою альма-матер — МВТУ имени Баумана. Для того, чтобы сдать вступительные экзамены, вовсе не надо было усиленно заниматься с репетитором. Поступить мог любой паренек или девушка, соображающие в математике и физике на уровне школьной программы. Ничего более демократичного и справедливого придумать невозможно. А вот учеба была зубодробительная.

Профессора наши были великолепны и беспощадны. Деканаты отсеивали народ не за понюх табану. Но уж зато те, кто выдерживал, становились блестящими инженерами. Да и тот вуз, где я нынче служу, тоже поднакопил традиций... И дело даже не в муштре. Люди стремились знать! Уметь! Постичь! Мы думали, что это самое главное.

Мог человек со способностями затеряться в той системе? Вообще не попасть в нее? Мог. Но и шансов прорваться у него было достаточно. Неизмеримо больше, чем сегодня.

Глядя на нынешних студентов, одетых в импортные, недешевые куртки, джинсы, обутых в немислимой конфигурации сапоги, дымящих в курилках "Мальборо", беззастенчиво покупающих во время большого перерыва у невесты как оказавшихся в институте наркоторговцев травку, а то и что похуже, не вылезающих из дискотек и баров... Глядя на них, вспоминаю парня по имени Яша.

Я с ним слушал лекции в одном потоке в МВТУ. Фамилия стерлась — какая-то она у него была очень простая, незаметная. Яша всегда ходил в одном и том же дешевейшем костюме, носил одну и ту же, судя по всему, вечно стираемую рубашку в полоску — такие вышли из моды еще до войны, на ногах огромные, грубые ботинки.

Яша приехал из глухой деревни. Отца у него не было, зато количество младших братьев и сестер достигало поистине астрономической цифры. Я жил в соседней с ним комнате в общежитии. И перед праздниками видел, как он несет кипу поздравительных открыток — каждая сестра и каждый брат писали ему отдельно. Так у них было заведено. И только тогда на лице Яши можно было различить скупую улыбку. Так он еще половину стипендии отправлял домой! А платили нам тогда по сорок пять рублей — на червонец больше, чем во всех прочих московских вузах. За вредность, надо полагать, учебного процесса.

Яша был удивительно молчалив, не пил, не курил и, кажется, даже не ел. Он учился! Вот уж кто грыз науку! Как медведь по

весне. Кое-что ему давалось легко. Все, что не давалось, он высиживал в читальном зале — к четвертому курсу стал одним из первых. И насколько я знаю, его взяли в какое-то жутко секретное КБ.

Вот и спрашивается, мог бы сегодня сын нищей многодетной русской крестьянки, будь он хоть трижды семи падей во лбу, учиться в нынешнем институте? Между тем в МВТУ 60-х годов Яша никаким феноменом не считался. Чуть ли не в каждой группе можно было встретить собратьев Яши по социальному и материальному положению. Они сражались за высшее образование — за то, чтобы сделаться знающими спецами. Сражались честно — только тем, что имели. Мозгами. И себя в этой борьбе не жалели. И посторонней жалости не принимали.

Сегодняшняя высшая школа подверглась немалой девальвации. Потому что со временем в стране стали ценить не само высшее образование, то есть достигнутый человеком определенный уровень знаний (этот уровень по определению обязан был быть много выше среднего), а документ о приобретении таких знаний — пресловутый диплом. Бумажку с гербовой печатью. С дипломом ты — начальник. Без диплома — шестерка. Вот и пошла, прошу прощения за блатной жаргон, липа. Чем дальше — тем больше. И шире.

О каких взятках в институтах тогда могла идти речь? И представить-то себе такое было невозможно. Разве что в виде, скажем так, неформальных отношений бонвиванистого профессора

и смазливой студенточки. Но ведь это и не взятка, а пошлый адюльтер. Возможно, думали мы, кто-то кое-где у нас порой и берет мзду за возжеленное поступление в вуз, но наверно никто этого не знал. Да и знать не хотел.

Ну, а потом, когда я уже начал сам преподавать, всяких блатных и других протезе сменили южные люди. Они приезжали поближе к сессии. И исчезали сразу после ее окончания. Хорошо еще, что моя энергетическая специальность не пользовалась у южан популярностью. Их почему-то интересовали малопонятные, но усиленно пропагандируемые автоматические системы управления.

А вот диссертацию за какого-то среднеазиатского начальника и сына еще большего начальника мне писать предлагали — за крутейшие по тем временам деньги. Был молод, горяч, непоследователен. Отказался. Жалею теперь. Мог бы купить машину. И в наши дни заниматься частным извозом — вместо того, чтобы позорно потеть, выцарапывая из зачетки заветную купюру. Однако, когда это было... Не дождала бы машина, давно бы уже развалилась.

Существовало и нигде не делось еще одно обстоятельство, девальвирующее систему высшего образования. Это, разумеется, армия. Огромное число ребят, сломя голову, неслось сразу после школы поступать в вузы, чтобы не загреметь под призыв. Вуз значения не имел. Лишь бы поступить. Лишь бы потом из него не вылететь. Ясно, что без мздоимства тут обойтись никак не

могло. И сколько мы получили в результате этой борьбы с военкоматами специалистов, люто ненавидящих свою профессию, — уму непостижимо! Представляете: целая армия неучей с высшим образованием. Кто-то потом ухитрялся выучиться на другую профессию и заняться любимым делом. Но терялось колоссальное количество времени.

Я и сам не раз и не два становился "жертвой" этого явления. Приходили парни. Царь в голове у них в связи с моим предметом и не ночевал. Зато в глазах стояла неподдельная тоска. Просили: поставьте "удочку", а то вышибут из института, а военкомат — тут как тут и цап-царап. И я брал грех на душу. Или, наоборот, не брал. Отпускал их с миром. К тому же у меня самого подрастал сын и мне очень не хотелось вести его на сборный пункт.

Как-то вместо студента пришла его мать. Предложила взятку за экзамен, боялась, что парня забреют в Афганистан. Мать прогнал взашей. Экзамен принял. Даже не принял, а выхватил из рук пацана зачетку и с остервенением расписался в ней. Но его все равно выгнали из института. И он все равно попал в Афган. Его там не убили. Я его потом встретил. Он меня скупко поблагодарил. Хотел я ему на прощание пожать руку... Глядь, а трех пальцев на руке нет. Нечего жать.

И вот с этими колоссальными изъятиями, но все еще способная производить "быстрых разумом Невтонов", высшая школа сверзилась в рынок. И рыночные отношения моментально, по-нашему, по-научному выражаясь, экст-

раполировались в отечественную высшую школу.

И ввели у нас в институте платное образование. То есть, вступительных экзаменов можешь не сдавать — знай себе плати и учишься. Говорили, что только так сможем выжить, сохранить заслуженный институт. Говорили еще, что тем самым обеспечим приемлемый уровень зарплаты профессорско-преподавательскому составу. Потом сдали в аренду часть институтских помещений. Дескать, надо же искать приварок к скудным бюджетным дотациям. Стали к институту подъезжать грузовики, подчас весьма подозрительные, шастать в коридорах более чем сомнительные личности.

Существенного повышения оклада содержания нам так наблюдать и не довелось. Наблюдали мы несколько иное. Институтское начальство начало кататься в иномарках, кого из ректората не хватить — нету, изволили отбыть за границу, о загородных хоромах наших администраторов поползли слухи. Впрочем, о чем это я... Доказательства сей теоремы тривиальны.

Платное обучение резко снизило количество толковых студентов. Те, кто платил, отбывали номер. И даже огрызались: я плачу — твое дело плясать под мою дудку. И кто же посмеет "платного" студента отчислить, будь он хоть трижды бестолочью? Кто разрешит резать курицу, несущую золотые яйца? Ему каждую сессию будут выносить уже заполненную зачетку. А через пять лет — диплом.

Можно было ожидать, что в числе "бесплатных" студентов к

нам повалят сплошь гении. Ведь конкурс из-за уменьшения обычных студенческих мест ужесточился. Не спорю, попадают очень хорошие ребята. Но именно что попадают. Эти хотят того, что я назвал главным: знаний. У них есть мечта. На мой взгляд, наивная. Закончить вуз, стать классным специалистом и уехать за границу. Продать иностранцам мозги. Или найти работу — пусть и в России, но обязательно на иностранной фирме. Я их понимаю. Сам бы уехал читать лекции в какой-нибудь высшей технической школе. В Париж, например. Сам бы устроился со своими не слишком еще постаревшими идеями в какой-нибудь российский филиал шведского или канадского концерна, производящего генераторы. Да только у них своих лекторов и специалистов хватает — девать некуда.

Современный студент изрядно посерел. Беда, наверное, в том, что конкурс конкурсом, а уровень знаний, демонстрируемый абитуриентами, в лучшем случае остался прежним. Но сдается, что снизился. Часть абитуры — тут гадать не приходится — принимают по блату. У нас, как, впрочем, и в других российских вузах, существует давно отлаженная система — через репетиторов, которые работают в приемной комиссии. Так что платить за поступление многим все равно приходится, однако не такие крутые деньги, нежели тем, кто имеет возможность поступить в институт без экзаменов.

Тут, замечу, придумали у нас лунавую систему. Не сдал экзамен, неси в наассу за пересдачу пятьдесят долларов. Нас в этой

связи начали нацеливать на уже-сточение требований. Чтобы, значит, побольше можно было состричь с хвостистов. Если разобратся — то же вымогательство взятки, только легализованное. Слава Богу, приезжала какая-то столичная комиссия, и даже кто-то суровый из прокуратуры заглядывал. У администрации возникли неприятности. Пришлось ей эти поборы отменять.

Подробности о потерпевшем фиаско преподавателе NN ждать себя не заставили. Наши коридорные аналитики относили начало его мздоимства на момент, когда оставшиеся неизвестными воры "раздели" старый его автомобиль. А как раз наступала весенняя дачная страда. Кстати, и скромная "фазенда" его требовала срочного и денежного ремонта. Вот тут и возник некий пройдошистый студент, которому позарез надо было сдать зачет и который прознал про неприятности NN. Студент сноперировался с еще двумя сокурсниками, которые тоже страдали от пустот в зачетных книжках. И в один то ли прекрасный, то ли отвратительный день они приволокли преподавателю колеса. Сделка состоялась.

Чувство меры и осторожности сразу изменили преподавателю. Он стал брать за курсовые и зачеты не только деньгами, но и натурой: накими-то лампами, запчастями, канистрами с бензином и даже сантехникой. Но и деньги NN брал с удовольствием. Поговаривали, что некоторые студенты сдавали ему зачет непосредственно на "фазенде", латая крышу и вскапывая огород. Заложил NN супружеская студенческая

пара. Он с молодоженов потребовал автомагнитолу. Ни этого аппарата, ни денег у них не было. А предмет, который вел у них NN, они, как ни странно, знали неплохо. Получалось: нет магнитолы — нет зачета. Вот и пошли ребята в милицию. Там их очень внимательно выслушали, потому как всегда приятно сажать в тюрьму представителя интеллигенции. Эта процедура, насколько я могу судить, всегда вселяла в отечественных правоохранителей чувство глубокого внутреннего удовлетворения и самоуважения. Дескать, и мы не одним только лыком шиты. Выслушав, снабдили автомагнитолой (для такого случая милиции ничего не жалко). С ней преподавателя NN и застали. К тому же супруги-студенты пришли к нему, обвешанные хитроумной записывающей аппаратурой.

Но, утверждали аналитики, NN надо считать дилетантом. В техническом университете (бывшем политехе) соседней области заместитель проректора поставил мздоимство на поток, выработав единую для всех тансу. Заплатил — сдал экзамен. Не заплатил — заплатишь вдвойне за пересдачу. Тройка стоила, кажется, пятьсот рублей. Четверка — семьсот. А за пятерку студент должен был выложить тысячу. Причем, дань сам этот заместитель проректора не собирал. Для этого у него был доверенный человек, который встречался со студентами в столовой.

Еще чуть позже разговорился с коллегой, который незадолго до этих событий перевелся к нам из Ростова. Оказалось, что в тамошнем институте существует

уже не поток, а целая система поборов со студентов. Участвует в ней множество преподавателей под чутким "экономическим" руководством заведующего кафедрой. Лаборанты заранее перед каждым экзаменом составляют списки студентов — отдельно тех, кто сдал деньги, и отдельно черный список отказников. Перед началом экзамена зачетные книжки раскладываются на преподавательском столе в определенном порядке: с левой стороны заплативших "белоподкладочников", с правой — неимущего племса. О рублях и речи быть не может — только валюта. Цены колеблются с учетом имущественного, так сказать, ценза — от трехсот долларов до тысячи. Народ в тех местах живет побогаче нашего. К тому же Ростов с советских еще времен считается одной из крупнейших в России цитаделей оголтелого взяточничества и взяточничества.

И я окончательно понял, что высшее образование в России в самом ближайшем будущем станет фикцией. А вся моя теперешняя и будущая работа свелась и будет сведена к абсолютной бессмыслице.

Можно ли творимое мною назвать преступлением? Наверно. Если посмотреть на меня со стороны. Только я на себя со стороны посмотреть не могу. Я сижу в своей родной шнуре. И она мне, как вы понимаете, очень близка. И мне, если честно, плевать, что из стен некогда уважаемого высшего учебного заведения выйдет не специалист, а в лучшем случае халтурщик. Да и вряд ли этот мой выпускник когда-нибудь бу-

дет работать по специальности. Хотя бы потому, что и работать-то негде. Все позакрывалось, все развалилось. Российский космос и тот приказал долго жить вместе с утопленной станцией "Мир", будем наночить перед американцами — дяденьки, дайте полетать на орбите. Уйдет мой выпускник в бизнес, начнет покупать и продавать. В этом занятии он, если судить по тому, как он ловко и ненарочито купил меня, весьма преуспел еще в институте. И хорошо еще, что не продал — должно потому, что выгоды не обнаружил.

За ту мерзость, что я совершаю каждую экзаменационную сессию, меня могут отдать под суд, как увиденного мною в наручниках преподавателя NN. Надо сказать, что будучи человеком дотошным, я через своих поднаторевших в юриспруденции знакомых осторожно выяснил насчет тенденций в судебной практике. И примерил ее на себя. Вышло, что не посадят. Закон к таким преступлениям сильно помягчал. Скорее всего, ограничатся условным наказанием. А могут вообще амнистировать. Даже позора можно не бояться. Более того — мне будут сочувствовать. Как мы все сочувствовали NN.

А вот будущее мое преступление меня страшит, хотя судить за него меня не будут. И сейчас самое время вернуться к тому страху, о котором я говорил поближе к началу этих заметок. Сижу я в аудитории. Уже окончательно скурвившийся. Замаслившийся. Милицию и прокуратуру бояться перестал, потому как из своих ставших постоянными и немалыми гонорами имею возмож-

ность оплачивать их невнимание ко мне. И приходит ко мне сдавать экзамен какой-нибудь невзрачный паренек. А я его отправляю восвояси, потому как не заплатил он за мою роспись в зачетке. Паренек тих и скромненький. Жаловаться не пойдет. Мне все равно, что у него в голове, мне безразлично, как и для чего он учится. Всякий студент стал для меня средством получения материальных благ. Паренек исчезает...

Но вот каким-то образом узнаю я, что паренек-то этот... Тут фантазия моя разыгрывается... Что он мечтал создать антигравитационный двигатель, а способности его находились на уровне этой фантастической, сказочной мечты. Это я невольно проецирую на паренька устремления своей юности. Потом-то меня убедили, что такое невозможно, что научная мысль еще очень далека от таких немислимых высот. Но тридцать лет назад и клонирование человека представлялось пусть и научной, однако фантастикой. А что такое гипотетический антигравитационный двигатель? Это возможность человека летать наяву. По крайней мере...

Но пусть будет не переворот в науке, но что-то новое, оригиналь-

ное, хотя бы просто толковое. А я этого гения, этого кандидата в Эйнштейны, взашей... Не знал, не предполагал? Да я обязан в каждом студенте, желающем честно исповедаться передо мной в моей науке, предполагать мессию. Дабы, если таковой появится, осенить его своим благословением. Мне за это нашими научными богами тоже зачтется...

Я еще не окончательно замаслился. Вот и вышло мне знамение — встреча с арестованным коллегой. Именно эта встреча и подвигла меня к этим размышлениям. Но сколько нынче таких, каким я мог бы и все еще, увы, могу стать в будущем? Не знаю, но уверен, что не единицы и да не десятки. Рыночников. Вынужденных жить в волчьем мире и быть по-волчьи, да некоторые наверняка уже родились волками. Страшно подумать, что уже вступил в силу закон больших чисел, резко повысивший вероятность убийства Эйнштейна... Просто талантливых, просто толковых убивали достаточно — тут сомневаться не приходится.

Но от того, что не я, а кто-то другой, более циничный, убьет или уже сподобился убить Эйнштейна, мне, откровенно говоря, не легче. ■

Отдых — дело серьезное

Игорь ЛОГВИНОВ

Приближается время отпусков, пора раздумий, куда поехать, чтобы отдохнуть и набраться сил. К сожалению, многие выбирают курорт наобум, забывая предварительно проконсультироваться с лечащим врачом, и отдыхают без всяких ограничений. А в результате вместо оздоровления наносят себе вред и узнают об этом слишком поздно, когда дают о себе знать симптомы обострившихся старых болячек и появившихся новые. Мы решили спросить о том, как избежать неприятных последствий во время летнего отдыха, врачей-консультантов.

Мягкая акклиматизация

Для того, чтобы житель Заполярья или Крайнего Севера мог полноценно отдохнуть на юге, ему нужно адаптироваться к новым климатическим условиям. Об особенностях акклиматизации рассказывает старший научный сотрудник Отдела медицинской курортологии и бальнеотерапии Российского научного центра восстановительной медицины и курортологии Минздрава России кандидат медицинских наук **Ася Ивановна Уянова**.

— Ася Ивановна, обычно, приезжая на курорт, первые несколько

но дней испытываешь легкое недомогание. С чем это связано?

— Человеческий организм реагирует на изменения погоды даже в привычном климате. А когда человек переезжает в другой климатический регион, эти проявления носят уже более выраженный характер. Такие явления мы называем реакциями акклиматизации или адаптации.

Акклиматизация к холодному климату связана с резко охлаждающим влиянием температуры, влажности, ветра. Попадая в жаркий, сухой и влажный климат субтропиков и тропиков, человек ощущает термический дискомфорт, страдает от духоты, перегрева, дефицита кислорода в воздухе. Особенно тяжело эти явления переносятся больными с хронической кислородной недостаточностью, заболеваниями эндокринной системы, людьми старших возрастных групп.

Кроме того, меняя климатический регион, человек оказывается не только в иных природных условиях, но и в новой социальной среде, поэтому эффективность его адаптации зависит не только от метеочувствительности организма, а и от социально-бытовых условий и психологической настроенности.

— Нановы симптомы и продолжительность акклиматизационных реакций организма?

— Процесс акклиматизации протекает в несколько этапов. Первая фаза связана с фактором "новизны", при ней может наблюдаться общая заторможенность, снижение работоспособности, сонливость или, наоборот, бессонница, неустойчивые психоэмоциональные реакции. Вторая фаза —

повышенной реактивности — характеризуется преобладанием процессов возбуждения, уменьшением общей физиологической устойчивости организма. В этот период снижается надежность функциональных систем организма в целом и, прежде всего, тех из них, которые повреждены или по той или иной причине ослаблены.

Характер и длительность акклиматизационных реакций довольно разнообразны — начиная от сердечно-болевого синдрома до общей слабости, разбитости, бессонницы или сонливости, в общем, дискомфортного состояния. Как правило, резко выраженные жалобы наблюдаются в течение первых пяти-шести дней, то есть в период острой акклиматизации. Если отрицательные реакции не проходят, а, наоборот, приводят к дальнейшему углублению уже имеющихся заболеваний или к проявлению новых патологических сдвигов, необходимо срочно вернуться в привычные климатические условия.

— С точки зрения адаптации к новым условиям что лучше: санаторные путевки на 12 дней или на 24 дня?

— Как я уже говорила, реакция акклиматизации длится от 5 до 7 дней. И если у вас путевка на 24 дня, то вы успеете адаптироваться к новым климатическим условиям и нормально пролечиться. Сейчас появились краткосрочные путевки, туры на 7-8 дней. За это время человек, попадая в совершенно другой климат, попросту не успевает акклиматизироваться, а ему уже надо возвращаться домой. И получается, что, не успев отдохнуть и поправить здоровье, он возвращается на свое постоянное место жительства, где происходит реакция

реанклиматизации, которая порой протекает гораздо сложнее и тяжелее, чем реакция акклиматизации.

Организм не справляется с такими встрясками. Появляется недомогание, выявляются скрытые патологические процессы. В результате получается, что люди уезжают отдыхать совершенно здоровыми, а возвращаются с юга с обострениями хронических заболеваний, кожной патологией, нарушениями в работе желудочно-кишечного тракта.

Поэтому желательно удлинить срок пребывания на курорте. Только пройдя фазу акклиматизации, человек может полноценно отдохнуть и поправить свое здоровье. Особенно это относится к тем, кто едет на юг из Заполярья или Крайнего Севера. Им требуется больше времени для того, чтобы адаптироваться в новых условиях.

— Какие профилактические средства вы бы посоветовали нашим читателям для того, чтобы акклиматизация была как можно более мягкой?

— Нами разработан целый ряд специальных лечебно-профилактических мероприятий. Прежде всего это лекарственные средства из группы адаптогенов — корень элеутерококка — по 40 капель три раза в день за 30 минут до еды, корень женьшеня — по 20-30 капель три раза в день за 40-45 минут до еды, готовые лекарственные формы — бальзам Биттнера, капли Береш плюс, Гериавит Фарматон и другие.

Эти препараты оказывают на организм антистрессорное действие и, что очень важно, снижают повышенную чувствительность к резким колебаниям погодных условий.

Для оптимизации климато-адаптационных механизмов необходимо в малых (щадящих) дозах применять лечебную физкультуру и климатолечебные процедуры, которые есть во многих лечебных и лечебно-профилактических учреждениях. Хороший эффект наблюдается, например, при дозированной азротерапии (использование в лечебных целях свежего воздуха) и лечебной физкультуры в комплексе.

— Кому надо быть особенно бдительным при перемене климата?

— Особенно осторожными в период акклиматизации нужно быть людям, страдающим сердечно-сосудистыми и бронхо-легочными заболеваниями, патологией опорно-двигательного аппарата, и, конечно, детям. В последнее время мы выделяем группу людей с психо-эмоциональными расстройствами. Такие реакции протекают довольно сложно у людей более пожилого возраста. Поэтому, отправляясь на юг, этим категориям граждан нужно обязательно запастись лекарствами.

Прежде всего, в дорожной аптечке должны быть медикаменты от вашего основного заболевания — в качестве первой медицинской помощи. Естественно, возьмите с собой желудочно-кишечные средства, потому что многие люди не могут быстро адаптироваться к иным условиям питания. Обязательно надо иметь под рукой средства защиты от ультрафиолета, сейчас очень много хороших защитных кремов, как зарубежных, так и отечественных.

Не лишним будет запастись и препаратами от кожных заболеваний. Если раньше бывало мне-

ние, что при псориазе, нейродермитах солнце полезно, то сейчас врачи пересмотрели свои взгляды. У многих на юге кожные болезни обостряются. На солнце эти высыпания могут быть не так уж и заметны, но, вернувшись с юга, люди часто приходят к нам уже с ярко выраженной клинической картиной обострения псориаза, нейродермита. Поэтому мы рекомендуем таким больным загорать под тентами, в защищенном от солнца месте.

— Приходилось слышать, что после 50 лет жителям средней полосы, а тем более, северных регионов, врачи не рекомендуют отдыхать на юге?

— Действительно, врачи, и не только кардиологи, но и дерматологи, гинекологи пришли к выводу, что после 45-50 лет людям все-таки надо более осторожно выбирать условия для летнего отдыха. Особенно это относится к женщинам. Если у нее есть какие-то гинекологические отклонения, нарушения менопаузы, ей лучше воздержаться от поездки в жаркие климатические условия, а лечиться или отдыхать в привычном климате.

Но в каждом конкретном случае вопрос о смене климатических регионов надо решать индивидуально, с учетом общего самочувствия, возраста, наличия того или иного заболевания, метеочувствительности организма, а также медико-климатической характеристики того региона, куда вы собираетесь поехать. Когда это делается разумно, по рекомендациям врача, я думаю, что ничего плохого не будет.

Например, недавно к нам пришла женщина, которой предложи-

ли путевку в Kislovodsk, а у нее гипертония. Мы убедили ее, что Kislovodsk считается среднегорным курортом и больным с нестабильным артериальным давлением в этих условиях находиться противопоказано. Другая собиралась купить семейный тур в Австралию, а у ее мальчика бронхиальная астма. Наши специалисты подняли многолетние данные и объяснили ей, что в Австралии совершенно аномальная влажность, которая очень тяжело переносится людьми с бронхиальной астмой. Если бы она вовремя не проконсультировалась со специалистами, то вместо оздоровительного отдыха у мальчика могли бы начаться тяжелые приступы астмы.

Отдохнуть на курорте — это благо для здоровья. Но чтобы это благо не обернулось неприятными последствиями, нужно все делать разумно, по рекомендациям врача, и тогда ничего плохого не случится.

— Многие предпочитают отдыхать на юге дикарями, без всяких ограничений. Что им посоветуете?

— Мы в свое время проводили интересное исследование: посылали две группы студентов из Москвы в Сочи на 24 дня. Одна группа, как мы говорим, отдыхала дикарями — делали, что хотели, загорали и купались, сколько хотели. Другая группа отдыхала под нашим наблюдением, мы четко дозировали им пребывание на солнце, нахождение в воде, лечебные процедуры. После возвращения с юга обе эти группы были нами обследованы.

У тех, кто отдыхал дикарями, иммунологические сдвиги после пребывания на курорте были настолько выражены, что они вернулись к норме только через шесть месяцев после возвращения в

привычный климат. У тех же, кто отдыхал по научным рекомендациям, эти сдвиги были минимальны, и вскоре после отпуска их состояние нормализовалось.

Поэтому даже на этом маленьком примере понятно, что отдыхать надо правильно. На хороших курортах, как правило, вывешивают дозиметрические таблицы, где по минутам с учетом температуры, влажности, радиационной обстановки расписано, в какие часы и сколько следует загорать. Солнечные и морские ванны, купание, фрукты очень полезны для здоровья, они укрепят ваш организм и подготовят его к следующей зиме.

Загорать надо правильно

Солнечные лучи обладают не только целебными свойствами, они могут оказывать и негативное воздействие на организм человека. О том, как обезопасить себя от вредного воздействия солнца, рассказывает ассистент кафедры кожных и венерических болезней Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова, заведующая отделением фотохимиотерапии (ПУВА), кандидат медицинских наук Ольга Юрьевна ОЛЕСОВА.

— Ольга Юрьевна, к каким последствиям может привести умеренная инсоляция?

— Солнце может производить как негативный, так и положительный эффект. Под воздействием солнечных лучей укрепляется иммунная система, улучшаются обменные процессы, вырабатывается витамин Д. Многие вполне здоровые люди на солнышке чувствуют себя хорошо. Они едут на юг, на Черное, Мертвое или Сре-

диземное море и возвращаются оттуда еще более здоровыми и отдохнувшими. Поэтому мы не можем умалять достоинства ультрафиолетовых лучей. Но надо четко знать: кому можно, а кому нельзя загорать на солнце

Солнце является провоцирующим фактором в развитии разных заболеваний. Последствием чрезмерной инсоляции может быть аутоиммунное заболевание — красная волчанка. При ней сначала появляется покраснение, высыпания увеличиваются в размерах, уплотняются, к ним присоединяется шелушение и заканчивается это все рубцовой атрофией кожи. Конечно, таким больным загорать категорически нельзя. Им надо пользоваться защитными кремами в любую погоду и широкополыми шляпами для защиты лица от солнечных лучей.

После пребывания на юге могут возникнуть различные фотодерматозы — актинический ретикулоид, солнечная крапивница, розовые угри. Но самое неприятное, что может развиться после чрезмерных инсоляций — это злокачественные опухоли кожи. Во всех таких случаях нужно обращаться к дерматологу за квалифицированной помощью и консультацией, а не заниматься самолечением.

— У меня на юге под воздействием солнца на спине, плечах, руках высыпают то ли веснушки, то ли какие-то темные пятна. Причем зимой они исчезают. Это не опасно?

— Это не что иное, как скопление меланина, пигмента в коже, который образуется под воздействием солнечных лучей. Если вы смотрите латиноамериканские сериалы, то наверняка обратили внимание на то, что все эти красивые,

эффектные женщины имеют крапчатую пигментацию. Такие пигментные пятна у них везде — на груди, на плечах, на руках, разве что на лице их нет — скрывает грим.

Иногда эти пятна остаются на всю жизнь — такая стойкая крапчатая пигментация. Но часто от них можно избавиться с помощью специальных средств. Например, очень неплохим отбеливающим эффектом обладают кремы "Скинорен" и "Ахромин". Ну, а если говорить о народных средствах, то еще наши прабабушки при выведении пигментных пятен и веснушек пользовались соком свежего огурца или лимона. Отлично подойдет для этих целей и сок грейпфрута, маски из земляники, клубники, мякоти дыни, которые надо накладывать на пигментные пятна на 10-15 минут и затем смывать теплой водой.

— Правда ли, что избыточная инсоляция приводит к появлению преждевременных морщин?

— Ультрафиолетовые лучи иссушают кожу и приводят к преждевременному ее старению. В результате чрезмерного увлечения инсоляцией у людей очень часто развивается так называемый солнечный эластоз. То есть кожа становится более грубой, неровной, появляются преждевременные морщины, кератотические высыпания или пигментные пятна, о которых мы уже с вами говорили. Поэтому, загорая на солнце, нужно обязательно пользоваться специальными средствами с высокой степенью защиты. Необходимо наносить фотозащитные кремы перед походом на пляж и увлажняющие средства после загара. Чтобы подкрепить кожу, я бы посоветовала в таких случаях при-

менять жирные кремы, содержащие коллаген, витамины А и Е.

Избыточное ультрафиолетовое облучение часто приводит к тому, что волосы теряют влагу, деформируются, истончаются. Ногти могут тускнеть, слоиться, на них появляются поперечные или продольные черточки. В таких случаях помимо обычных рекомендаций надо обязательно принимать антиоксиданты — витамины А, С, Е, селен в виде препаратов или пищевых добавок.

— Какие эффективные средства от солнечного ожога вы бы посоветовали тем, кто уже "сгорел"?

— От физического воздействия ультрафиолетовых лучей у отдыхающих часто развивается простой дерматит. Вначале он проявляется в виде покраснения кожи, про таких людей мы говорим: красный, как рак. Следующий этап — это уже ожог второй степени, появление пузырей. Затем появляются язвенные дефекты. Что нужно делать в такой ситуации? Обязательно применять увлажняющие средства. Если дело зашло слишком далеко, нужно принять успокаивающие и противовоспалительные средства, включая гормональные мази и аэрозоли.

Опять на помощь может придти народная медицина. При солнечных ожогах хорошо помогают листья квашеной капусты или капустная кашица со взбитым яичным белком. Можно сделать маску из картофельного пюре со сметаной или сливками, она накладывается в теплом виде на 10-15 минут. На худой конец просто приложите обожженные места сырой картофель или осторожно смажьте их мякотью арбуза или дыни — это поможет вам снять воспаление.

— Я где-то читал, что на пляже нельзя пользоваться одеколоном, почему?

— На пляже нельзя ни в коем случае пользоваться ни дезодорантами, ни духами, ни туалетной водой. Углеводороды, входящие в состав косметических средств, при взаимодействии с солнцем могут вызвать фототоксическую или фотоаллергическую реакцию, появление красных высыпаний как от ожога. Помимо косметических средств при принятии солнечных ванн не рекомендуется принимать тетрациклин и сульфаниламидные препараты, которые могут усилить действие солнечных лучей и вызвать нежелательную реакцию по типу фотодерматоза. Это может привести к серьезному ожогу.

Конечно, мы не можем всем людям дать совет ехать на море, но для здоровья морская вода, безусловно, в тысячу раз полезнее стоячей. купание в море, морские прогулки насыщают организм йодом, которого нам всем так не хватает. Тем не менее, многие проводят свой отпуск в деревне, купаются в прудах. Знайте, что в закрытых водоемах много всяких микроорганизмов, бактерий, они могут вызывать аллергические реакции. Если вас беспокоит зуд, то в таких случаях хорошо помогают антигистаминные препараты — кларетин, гисмонал, тот же диазолин, пепольфен, супрастин. Если же раздражение не аллергического, а паразитарного характера, тогда нужно прибегать к противопаразитарной терапии.

— Можно ли принимать солнечные ванны людям с родимыми пятнами?

— Все пигментные образования нужно защищать от солнца.

Особенно внимательно следует относиться к тем родимым пятнам, которые возвышаются над уровнем кожи или находятся в местах трения нижнего белья. Такие места надо покрывать фотозащитным кремом с высокой степенью защиты, либо просто заклеивать лейкопластырем. Во всяком случае солнышко на них попадать не должно. Потому что под воздействием инсоляции родимые пятна могут переродиться и превращаться в опухоль.

Женщинам находиться под солнцем с открытой грудью категорически противопоказано. Это может привести к очень серьезным последствиям. Если обнаружилось какое-то уплотнение на груди, то надо как можно скорее показаться либо хирургу, либо маммологу и обязательно сделать маммографию. Никак не реагировать на этот симптом нельзя. Вы не должны принимать препараты, которые назначают при мастопатии, они могут вызвать обратный эффект. И обращаться к народным средствам тоже ни в коем случае нельзя, потому что момент может быть упущен.

Под воздействием ультрафиолетовых лучей многие скрытые процессы в организме обостряются. Поэтому излишне увлекаться солнцем не надо. Солнышко надо принимать умеренно и в определенные часы. Несколько больше находиться на солнце могут позволить себе люди со смуглой кожей. Во всех остальных случаях, как сказал один очень известный профессор-дерматолог, знакомиться хорошо на солнышке, а любить друг друга уже где-нибудь в тени. ■

A photograph of Maxim Nikulin, a middle-aged man with short grey hair, smiling broadly. He is wearing a grey blazer over a dark t-shirt. He is gesturing with his right hand, palm up. The background features a framed abstract painting on the left and patterned wallpaper on the right.

**МАКСИМ
НИКУЛИН:**

**“Цирк
должен
удивлять
и немного
пугать”**

В

от уж поистине, цирк — это таинственный и загадочный мир. Только здесь можно распилить прелестную женщину напополам, чтобы затем она, мило улыбаясь, жива-живехонька вышла к нам с грациозным поклоном. А где еще встретишь царя зверей, который бы очаровательным оскалом приветствовал зрителей и выделял сногшибательные номера, совершенно не присущие ему в естественной среде обитания. Действительно — только в цирке. Именно таким "хозяйством" руководит Максим Никулин, сын знаменитого отца... Когда-то он закончил журфак МГУ и успешно работал радио- и тележурналистом, а сегодня Максим Юрьевич директор и худрук Московского цирка Никулина на Цветном бульваре.

— Цирк, как всякое классическое искусство, мало подвержен

изменениям. И все же. Один из самых эффектных номеров вашей прошлой программы необычайно прост по реквизиту: девушка-гимнастка Мария Андреева и канат. Стремление к простоте — это тенденция?

— Одна из тенденций. У любого серьезного дела в искусстве, и у цирка тоже, много разных составляющих. Цирк — массовое искусство. Он основан на тяге людей к воспоминаниям детства, а значит, должен сохранять традиции и слегка отставать от моды. Я недавно был на фестивалях в Монте-Карло, во Франции — идет откат от новшеств, потому что люди устали от слишком быстрых перемен. Появляется очень много нового, но его не успевают переваривать и большей частью отвергают на подсознательном уровне. Професси-

оналы цирка говорят: должна быть стабильность, — когда человек идет в цирк и ведет туда своих детей, он ждет определенных впечатлений, и если их не получает, то ощущает себя обманутым.

— Значит, экспериментировать здесь не любят?

— Любой эксперимент в цирке — всегда эксперимент на живых людях. Я за осторожный поиск. Не люблю слово "альтернативное" — в нем уже заложен протест, однако новое, конечно, появляется, и то, что приживается, становится со временем частью классики. А придумать что-то новое крайне сложно: жанры ограничены. Трюк — основа цирка. И сегодня особенно важным становится качество исполнения трюка, мастерство артиста, подкрепленное грамотной режиссурой, светом, музыкой. Но внешние эффекты не должны подменять главного. Конечно, цирк, как и театр, может быть элитарным, не для всех. Образ нового цирка — канадский Дю Солей, но настоящим цирком его не назовешь: это высокотехнологичное дорогое шоу с впечатляющими светом, звуком, машинерией. Плюс цирковые жанры, плюс история, великолепно рассказанная режиссером, автором сценария, художником. Все выглядит эффектно. Но эффект скорее сценический. Этаний шоу-бизнес, спрессованный с цирком. Он предназначен для взрослых, а детям неинтересен.

— А сочетание жанров: фокусник — он же жонглер, или пластический номер девушки-змеи с настоящей живой змеей на шее, — такое было раньше?

— Обычно программы по сути — дивертисмент, но, надеюсь, пример того, как при профессиональной работе можно из номеров не экстракласса выстроить легкое динамичное цирковое зрелище.

— В последнее время по российским циркам прокатилась волна неприятностей: в разных городах животные наносили травмы дрессировщикам, в вашем цирке во время исполнения трюка упал с высоты 17-летний акробат... Как он сейчас?

— Пробыл на бюллетене две недели с диагнозом "легкое сотрясение". Ему повезло: когда летел, один из артистов подтолкнул его руками, изменив динамику падения. Перед исполнением трюка случайно отцепилась страховка. Все, кому положено следить за этим, получили по "шапке".

— А что в таких случаях необходимо делать по технике безопасности? Продолжать номер во что бы то ни стало?

— По технике безопасности нельзя идти на трюк без лонжи.

Но артисты в манеже — люди не очень управляемые, они в кураже, набрали адреналину, и остановить их очень трудно.

— Может, тот акробат физически был не готов?

— Нет, артист цирка никогда не будет скрывать своего состояния: от этого зависит не только номер, но и судьба партнеров. У артистов цирка хорошо развит "физиологический разум": здесь, например, не приживается пьянство — и даже не потому, что пить вредно, а просто работать не сможешь и партнеров подставишь. А за это, кстати, могут и побить. В цирке с детства приучаешься к тому, что все зависит друг от друга.

— А как становятся "цирновыми"?

— Разными путями: это династии — в основном в дрессуре, либо дети цирковых, которые выросли на манеже, либо из циркового

училища. А в силовые жанры — в основном из спорта. Спорт ведь жестокая вещь — там лет в двадцать ты можешь оказаться бесперспективным, и никто не будет с тобой серьезно заниматься. В цирке же акробатом или гимнастом можно работать лет до тридцати. А потом — либо менять жанр, либо на пенсию. Но из цирка мало кто уходит: меняют жанры, идут ассистентами, в униформе стоят.

— Если артист получает травму и должен какое-то время лечиться, что предусмотрено на этот счет?

— Есть медицинская страховка на первое время: оплата лечения, кроме стоматологии. А потом государство оплачивает инвалидность. Мы, конечно, стараемся помогать — деньгами, лекарствами, просто вниманием, общением, совместными праздниками. При нашем цирке есть благотворитель-

ный фонд, опекающий ветеранов.

— А как за рубежом со страховкой тамошних артистов?

— Страхуют профессиональный риск. Страховка дорогая. И если не соблюдаются меры безопасности: трюки делаются без лонжи и партнер вас уронит, то ничего не заплатят. Самоубийца страховать никто не станет. Я видел двух итальянцев в Монако — они отрывные трюки на трапеции работают без лонжи: раз 50 он может кинуть партнершу удачно, а на 51-й — не поймать. В Париже перед фестивалем видел программу, в которой был такой номер — артист из арбалета стреляет в ассистентку — ну и попал ей в глаз. Вот тут страховка обязательна.

Но, к счастью (стучу по дереву), в нашем цирке давно не было серьезных травм. Переломы случаются. У нас вообще нет нетравмоопасных жанров, ни одного. И дрессировщик, и гимнаст — все рискуют. В разной мере, естественно... Однажды, года два назад, мальчик упал с двадцатиметровой высоты во время репетиции воздушного аттракциона "Прометей". Получил ушибы, растяжения. Но вышел на арену уже через две недели. Артисты умеют падать, их этому даже учат, как в спорте. В фигурном катании, например, если из пируэта не выйдешь, можно так загреметь, что костей не соберешь. Группируются, тормозят падение... Но дело даже не в падениях. Работа в некоторых номерах — очень сильные нагрузки на кости, суставы, сухожилия, позвоноч-

ник — у нижних в колонне, например...

— Отдельные номера акробатов с подкидными досками или воздушных гимнастов смотреть страшно. Оправдан ли безумный риск?

— Отец говорил: цирк должен радовать, удивлять и немного пугать. Такие номера в цирке — нашем, и еще китайском — достаточно традиционны. Они, конечно, развиваются, усложняются. Но в наших номерах нет смертельных трюков.

— Ваш цирк кому-то подчиняется?

— Нет, никому. Мы, наверное, самая большая частная цирковая компания в России. Мне говорили: вы что, с ума сошли, все разваливается, а вы затеиваете частную компанию... Но наша задача — не зачеркивать то, что сделано государствен-

ными цирковыми структурами за 70 лет, ведь сделано очень много: сохранили артистов, сплотили, собрали их воедино. Стали строить стационарные цирки, гостиницы для артистов, выпускать новые программы. И то, что наш цирк сегодня остается одним из лучших в мире, — заслуга компании.

— И тем не менее артисты охотно переходят из госкомпании к вам.

— У нас другое отношение: работаем для артистов. Хотя и не можем пока платить такие гонорары, какие получают звезды на Западе. Гонорары ведь складываются из цен на билеты. У нас от 20 до 250 рублей, и самые дешевые — по 20 и 40. Это верхние места, с которых, однако, все прекрасно видно. У нас в чем слож-

ность — очень дорогое здание, больших денег требуют свет, тепло... Прибыль, которую получаем, уходит на развитие цирка, на создание новых номеров.

— Вы часто говорите, что цирк — самое честное искусство, без дублеров и фонограмм. Но это замечательное искусство, в отличие от шоу-бизнеса, так не раскручивается.

— В шоу-бизнес люди идут за деньгами. Берут посредственность, вкладывают в нее деньги и раскручивают до уровня звезды. А в цирке так не получится. Истатьи, на Западе цирковые звезды в основном работают не в цирке, а в казино, крупных шоу. Конечно, мы стараемся о себе рассказывать, например, ведем передачу на канале "Культура" — "Мой цирк". Это передача с сюжетами на самые разные темы: о цирковых династиях, артистах и их детях, животных, о номерах, жанрах, истории, о различных фестивалях и событиях. Этакая несколько хаотичная семейная передача с полезной информацией.

— У вас очень холёные животные: на их питании явно не экономят. Наверно, и ветеринарный врач свой, а может, и зоопсихолог?

— Нет, до зоопсихологов мы еще не доросли пока, а ветеринарный врач, конечно, есть. Как и просто врач, для оказания первой помощи артистам и зрителям.

— Максим, вы хоть и с детства в цирковом мире, но профессия у вас все же другая. Артисты вас считают своим?

— Свой для артиста — только артист. Это такое братство, где все взаимосвязаны. Мне

важно, чтобы они мне верили и доверяли. Пона я, по-моему, еще никого не обманул. Вот что главное. Наши цирковые считают себя прикрытыми, скажем так. Знают, если что, не дай Бог, случится, им помогут.

Наш цирк — один из немногих оставшихся постановочных цирков: здесь изготавливают реквизит, шьют костюмы, пишут музыку, работают режиссеры, балетмейстеры, художники, то есть идет работа на артиста, на номер. А в других местах все сами себе предоставлены: если нужен новый костюм, ищут материал, художника, сами чинят реквизит... Как на Западе: приезжаешь в цирк работать и что-то сломалось — директор палец о палец не ударит. Там жесткая система. У нас — отголоски прошлого: то, что сложилось, мы стараемся не

растерять, работая иной раз в ущерб себе. Но когда вкладываешь в искусство, о выгоде не думаешь. Мы купили в Финляндии специальное оборудование, и сейчас у нас цирк на льду, программа "Свет хрустальных звезд". Коллектив "Шангри-Ла" под руководством Сергея Рыжкова. Другой проект — хотим купить шапито. В прошлом году программа "Золотой цирк Никулина" ездила по стране. В этом — хотим отправить уже три программы.

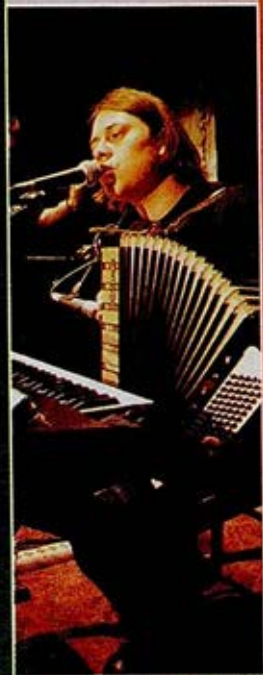
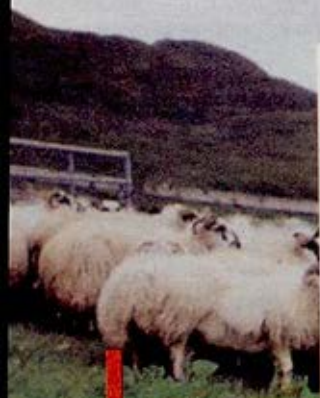
— Скажите, а почему за последнее время не появилось ни одного клоуна, сопоставимого с вашим отцом, клоуном-личностью?

— Потому что это единственный жанр, которому нельзя научить. Клоун — состояние души. ■

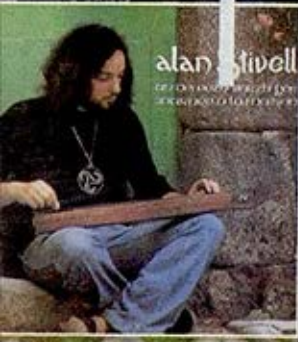
Беседовала

Мargarита БЕЛАЯ.

от вольтынки

до жалейки...

Волынка — инструмент с неукротимой энергетикой, мобилизующей дух. Не зря в XVIII веке, после шотландского восстания, английские власти за игру на нем сажали в тюрьму и выслали в Америку. Ныне на волынке учится играть каждый второй шотландский школьник. А вот мы свою волынку, она же дуда, давным-давно забыли, причем добровольно, а ведь она куда древнее, чем балалайка и гармонь. Зато игру на волынке шотландской ныне можно все чаще услышать в московских клубах и престижных концертных залах. Москов-

ские группы играют кельтскую музыку в собственном ключе, со своим придуманным образным строем. Кельтомания захватила Россию вслед за всем остальным миром. Без особых натяжек это явление можно назвать новым Ренессансом, ответом Европы на американо-американскую культурную интервенцию. И есть надежда, что новая мода поможет вернуть нам собственные культурные традиции. Во всяком случае, в этом уверен один из лидеров кельтской музыки в России, руководитель группы "Арт Нейли", композитор и продюсер первого в нашей стране альбома кельтской музыки "Кельтомания" Михаил Смирнов.

— Откуда у российских музыкантов такая тяга к кельтской музыке?

— Не только у российских и не только к кельтской — вообще к этнической музыке, которая сочетает народные традиции с современной музыкальной формой и объединяет разные интонации и направления в культуре. Для поиска новых идей и форм музыки такое возвращение к корням совершенно необходимо. Культура кельтских народов — ирландцев, шотландцев и бретонцев — богата традициями. Кстати, не только музыкальными. К примеру, кельтским преданиям мировая литература обязана целым рядом персонажей: среди них король Артур и волшебник Мерлин, поэт Оссиан и герой Кухулин, Тристан и Изольда.

Две с лишним тысячи лет назад кельты — широколицые, темноволосяе и темноглазые бритты, скотты, гельветы, сенваны и другие племена — населяли огромную часть Европы, от Британских

островов до Балканского полуострова. И несмотря на постоянные исторические катаклизмы и борьбу с многочисленными врагами, совершенствовались не только воинские доблести, но и искусство. В древней Ирландии весьма почитались поэты: хранители саг — филиды и барды, поэты-певцы. В школах бардов, просуществовавших до XVII века, обучалось до трети населения. Само слово "бард" первоначально значило "певец хвалы": анкомпанируя себе на лире, а позднее на арфе, бард исполнял песни, прославляющие благородство правителей и подвиги героев. Однако иные арфисты, если верить преданиям, могли своей музыкой навеять смертельный сон или, снажем, с помощью особых песен наслать болячки. Прекрасную музыку кельты считали атрибутом Иного мира. О лучших музыкантах говаривали, что они учились у эльфов, и с удовольствием рассказывали истории, как маленькие сверхъестественные существа, известные под именем "тихого народа", заманивали легкомысленных музыкантов в свой подземный дворец поиграть на балу.

— Михаил, название вашей группы — "Арт Нейли" — тоже дань кельтской традиции?

— Да. У ирландцев и шотландцев с древних времен и по сей день существуют праздники (Нейли), на которых народ соревнуется в пении, танцах, сказительстве. Да и просто вечером в пабе собираются люди — один принес гитару, другой вытащил скрипку — и ну молотить. А в другом кельтском регионе — Бретани, с давних времен сохранился традиционный "фест ноз", праздник ночи.

Дети, старики, молодежь — собираются в каком-нибудь кабачке или клубе, где играют музыканты, берутся за руки и всю ночь до рассвета водят что-то вроде хоровода — по спирали, сходясь и расходясь, выходя из помещения и возвращаясь обратно. На таких праздниках начинали свою карьеру многие ставшие потом знаменитыми музыканты. "Фест ноз" — сугубо бретонское явление.

Здесь музыкальная традиция испытала сильное влияние европейского стиля барокко, позаимствовав его пышность. Однако сохранила и тонкое своеобразие: в инструментальной музыке и вокальной существует, к примеру, особая форма переключки между исполнителями: двумя поющими, солистом и хором, или, скажем, вольной и бомбардой (старинным предком гобоя, весьма любимым в Бретани). Изюминка такой переключки в том, что исполнители начинают свои "реплики" не с новой строки, а с последнего слова или даже слога фразы партнера. В почете у бретонцев и разнообразные вольники (их целое семейство, а вольночные оркестры есть в каждом городе) и кельтская арфа. А в современной Ирландии процветает древний вокальный стиль "шэн нос", что означает "старый путь", — идущее от бардов вокальное мастерство. Москву недавно посетил с концертом лучший современный исполнитель стиля "шэн нос", — Ирла О'Лионард, увенчанный совершенно официальным титулом Хранителя песен. В общем, традиции живы.

Традиции, конечно же, живы, но современные исполнители переносят их на совершенно новую почву. Певец Ирла О'Лионард со-

прягает древний вокальный стиль с современным электронно-музыкальным пространством, его концерты — мультимедийное шоу с использованием компьютера. В танцевальных жанрах кельтской музыки — свой герой: танцовщик Майкл Флэтли, чемпион мира по ирландским танцам. В 1994 году он буквально взорвал помпезный песенный конкурс Евровидения и мгновенно свел с ума весь мир своим "River Dance Show". Флэтли показал семиминутную композицию из традиционных кельтских жиг (народных танцев), раскрепостив их дикую красоту и вулканическую энергию своими новаторскими приемами. В результате школы танцев теперь осаждают толпы желающих освоить нелегкое искусство жиги и рила.

— *Михаил, а лично вы от него подхватили "кельтоманию"?*

— От бретонца Алана Стивелла (кельтское слово *Stivell* означает "родник"). Сплавив воедино рок-музыку с музыкой кельтской, Стивелл создал бретонский рок открыл миру самобытную кельтскую Бретань и в начале 70-х "заrazil" кельтоманией весь мир.

Отец Алана, Жорд Ношевелу, скромный служащий французского минфина, был истинным бретонцем: знал свои корни, тяготел к традициям и в свободное время по старинным чертежам реставрировал музыкальные инструменты. Его победой стало воссоздание бретонской арфы с ее особым неповторимым звуком. Этот звук завоорожил Алана уже в раннем детстве, и с восьми лет он начал выступать на публике, а в семнадцать — записал свою первую пластинку традиционной кельтской

музыки. Это случилось в начале 60-х, в эпоху музыкальной революции "Битлз". Битломания как особое ощущение музыки, работа "Битлз" с нетрадиционными для рока инструментами — например, виолончелью, аранжировки Джорджа Мартина, смесь рок-музыки с народной и классической, — все это подтолкнуло Алана к стремлению и в собственном творчестве соединить традицию и современность. Он хотел играть на традиционных инструментах, но играть рок-н-ролл, чтобы зацепить, увлечь своей музыкой молодежь. И все получилось. Путь Стивелла — путь побед, начавшийся с триумфального концерта в престижнейшем парижском зале "Олимпия". "Мы взяли Париж приступом, но не с оружием в руках, а с полынками и электрогитарами", — говорил Стивелл. Концерт был записан, а запись его продана в Европе в количестве полутора миллионов экземпляров, став абсолютным бестселлером кельтской музыки. Так

появился бретонский рок и так началась кельтомания. Вот уже тридцать лет Алан Стивелл выпускает по альбому практически каждый год. Они становятся "золотыми", объявляются дисками года, номинируются на Грэмми... Среди них есть и полностью акустические, и с мощным роковым драйвом, и смесь фолка с джазом и прогрессивом, и эксперименты с электроарфой. Сейчас все это богатство вполне доступно российским меломанам. Но вот десять лет назад...

— Десять лет назад, услышав диск Стивелла, я был потрясен. В детстве мы слушали хороший рок, но потом началось нашествие диско, в музыкальном отношении совершенно неинтересное... Мы ощущали себя в вакууме. И тут — новая, совсем свежая музыкальная волна, кельтская — а за ней целый мир, древняя культура. К тому же сочетание фольклора и современного звучания, рок с народным колоритом, народные пес-

ни, и исполняющиеся живо, искренне, тепло.

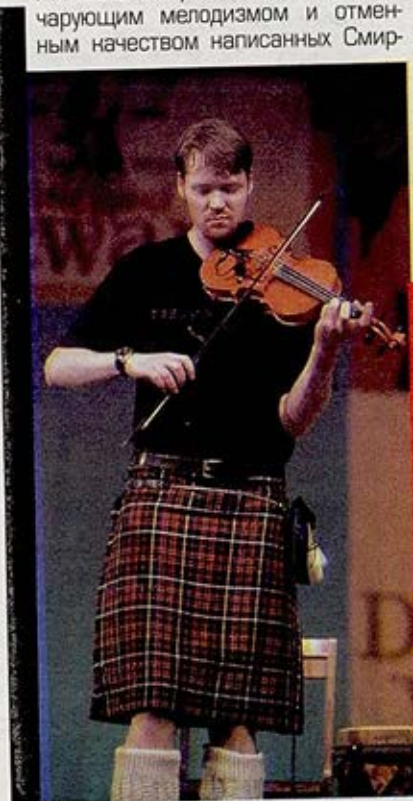
Альбом "Кельтомания" великолепен. Традиционные танцы, песни и романтические баллады виртуозно сыграны на шотландской волынке, ирландском барабане, скрипке, акустической гитаре, продольных железных флейтах. Треки "Арт Кейли" наполнены современными аранжировками, здесь акустика смешана с электроининой, хотя ведущие инструменты — акустические, и в их числе народные русские жалейки, свирели, рожки. Авторские композиции Олега Бойно и Михаила Смирнова завораживают чарующим мелодизмом и отменным качеством написанных Смир-

новым английских текстов. Однако Смирнов уже идет вперед и вплотную работает над русским проектом. Это, как он считает, гораздо сложнее — не на кого оглянуться.

— Не хочется замыкаться на кельтском, но именно кельтская музыка дает перспективу: понимаешь, что можно делать с нашим фольклором. У нас разорвана связь времен, и чтобы возобновить настоящую традицию пения, надо абстрагироваться от авторской песни и рокерского андеграунда. Думаю, нашу народную не имеет смысла исполнять, как "бабушки пели". Ее надо доносить иными средствами — в 60-х был рок, а сегодня может быть эйсид-джаз и другие направления вплоть до авангардных электронных. Хотя традиционные вещи исполнять по-новому не так просто, потому что у нас никто этого не делал. Но ориентиром для нас все равно является кельтская музыка. Методы, принципы работы подходят, инструменты похожи: жалейка и бомбарда — почти одно и то же. Мелодика, ритм, дух — конечно, отличаются. У меня есть уже две инструментальные вещи, сделанные из четырех русских песен. Правда, возникла проблема, ведь большинство песен предназначено для женского исполнения: плачи, причитания, свадебные обрядовые песни. Есть, конечно, лирические мужские, например, казачьи песни, но я ищу другое... А пока пишу инструментальную музыку, где тема самодостаточна без текста. Еще решил создать продюсерский центр, куда вошли бы поклонники этнической музыки. ■

Беседовала

Грета ВОРОНЕВИЧ.

Аудиотеатр "Чистые пруды" предлагает записи литературных и литературно-музыкальных произведений:

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".

Музыкально-поэтическая композиция по роману в стихах А. С. Пушкина и одноименной опере П. И. Чайковского.

Читает Яков Смоленский, участвуют солисты, хор и оркестр ГАБТ СССР.

Дирижер Марк Эрмлер.

Продолж. зв. 1 час 56 мин. 36 сек. В 2-х кассетах.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.

Рассказы.

Читает Александр Котов.

В сборник включены рассказы: "День человеческий", "Под столом", "Ностя", "Страшный мальчик".

Продолж. зв. 1 час 07 мин. 1 кассета.

"СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА".

Литературная композиция по произведениям А. К. Толстого.

Читает народный артист России Рафаэль Клейнер.

"Средь шумного бала", "То было раннею весной", "Колокольчики мои" и другие стихи, отрывки из романов "Князь Серебряный", "Царь Борис", "Смерть Иоанна Грозного".

Продолж. зв. 1 час 29 мин. 40 сек. 1 кассета.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

Рассказы о любви.

Читает Александр Котов.

"Рассказ о старом дураке",

"Жениться — не напасть, как бы не пропасть", "Мелкий случай из личной жизни", "Свадебное происшествие", "Забавное приключение". Послесловие.

Продолж. зв. 57 мин. 1 кассета.

"НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ".

Стихи Лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского.

Автор композиции и исполнитель народный артист России Рафаэль Клейнер. В сборник включено 21 стихотворение.

Продолж. зв. 1 час 21 мин. 56 сек. 1 кассета.

САША ЧЕРНЫЙ.

Солдатские сказки.

"Штабс-капитанская сласть",

"Солдат и русалка".

Читает Виктор Шимановский.

Продолж. зв. 55 мин. 48 сек. 1 кассета.

"РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА"

(на русском языке).

Аудиоспектакль по трагедии

Вильяма Шекспира

в переводах Александра Соколовского и Бориса Пастернака

Продолж. зв. 2 часа 10 мин.

37 сек. В 2-х кассетах.

По вопросам приобретения обращайтесь письменно по адресу: 117218, г. Москва, а/я 95 или по телефону: (095) 125-03-08.

НАШИ ЦЕНЫ ДОСТУПНЫ!

**Российская выставка продуктов питания
и напитков**

РОСПРОДЭКСПО-2001

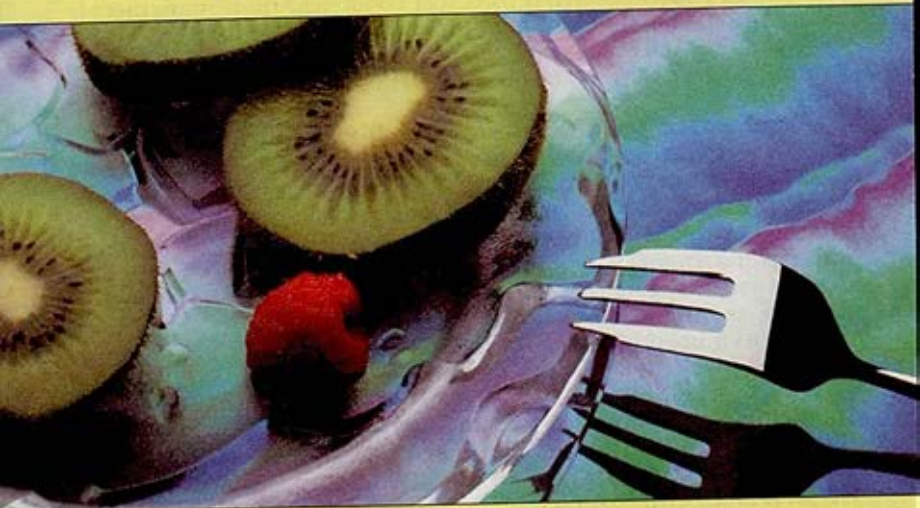
**31 августа — 04 сентября 2001 года,
ЦВЗ "Манеж", Москва**

Организаторы:

Министерство сельского хозяйства
Российской Федерации,
Правительство Москвы, фирма "Агроэксспосервис"

Тематика:

детское и диетическое питание;
кондитерские изделия;
упаковка, этикетка;
холодильное, торговое оборудование;
спиртные и безалкогольные напитки;
бакалейные товары;
молочные продукты, мороженое;
ингредиенты и пищевые добавки;
мясо, рыба, птица, морепродукты;
фрукты, ягоды, мёд, овощи, консервы.

107139, Москва, Орликов пер., 1/11.
Телефакс: 975-1979, 975-4730, 207-5429, 207-8326

Большие возможности маленького телефона

НПО "Ремикон" производит различные кнопочные телефонные аппараты, от простых моделей до сложных.

Самые простые кнопочные телефоны серии "РЕМ" обладают небольшим набором функций: тональный набор номера, повтор последнего номера, отключение микрофона во время разговора, некоторые модели имеют часы и несколько ячеек памяти для телефонных номеров.

Более сложные аппараты (телефоны с Автоматическим Определителем Номера — АОН) обладают большим набором функций и способны значительно облегчить Вашу жизнь. Главная способность телефона с АОН — определение номера звонящего Вам абонента. Все входящие звонки, даже в Ваше отсутствие, будут записаны в записную книжку аппарата с указанием времени звонка. Аппарат с АОН может попросить абонента перезвонить по другому номеру или после определенного Вами времени, может сообщить на пейджер о поступившем звонке. Вы можете занести в записную книжку телефонные номера и производить набор этих номеров одним нажатием кнопки. Телефон с АОН сам дозвонится до нужного абонента, даже если его номер занят, и известит Вас после удачного соединения. Часы, встроенные в АОН, покажут Вам дату и время. Наличие нескольких будильников позволит не только информировать о нужном событии, но и произвести телефонный звонок по заданному номеру. Многие модели телефонов с АОН имеют встроенный калькулятор. НПО "Ремикон" выпускает телефоны с АОН шести различных модификаций.

Если у Вас уже есть хороший аппарат, но Вы хотите, чтобы он обладал дополнительными возможностями телефона с АОН, можно установить приставку с АОН. Это небольшая коробочка способна выполнить многие функции телефона с АОН. Она обладает записными книжками телефонных номеров, имеет часы с несколькими будильниками, способна определять номер входящего звонка и осуществлять автоматическое дозванивание до нужного абонента. НПО "Ремикон" выпускает приставки с АОН трех разных видов.

Подробную информацию можно получить по тел.:

(095) 534-22-77, (095) 455-19-77.

E-mail: remicon@orc.ru

<http://www.remicon.ru>

Мини-АТС

АОНЫ

Телефоны

Устройства
защиты и адаптации
телефонных линий

Гармония связи

Передумавший платит дважды

"Договорились о продаже квартиры. Покупатели уплатили нам задаток. Но сделка расстроилась: другая сторона передумала покупать квартиру. Должны ли мы возвращать им задаток?"

А.Р. и В.П.Васильевы,

Алтайский край

Правила внесения и возврата суммы задатка установлены в статьях 380-381 Гражданского кодекса РФ. Задаток является одной из форм обеспечения обязательства, поэтому возврат задатка представляет собой меру ответственности, которую несет сторона, не исполнившая обязательство по своей вине. Возврат задатка не связан с виновным поведением одной из сторон только тогда, когда обязательство прекращается до начала его исполнения по соглашению сторон либо вследствие невозможности исполнения. При этом невозможность исполнения обязательства, согласно ст. 416 ГК РФ, должна происходить по причинам, за которые ни одна из сторон не отвечает.

Если сделка срывается вследствие отказа покупателя от приобретения квартиры, и это не связано с нарушением условия договора про-

давцом, то сумма задатка остается у продавца квартиры. Если же покупатель отказывается приобрести квартиру из-за того, что сам продавец не выполнил необходимые условия, установленные договором, то покупатель в соответствии с ч. 2 ст. 381 ГК РФ может требовать от продавца возврата суммы задатка в двойном размере. Кроме того, ответственный за неисполнение обязательства должен возместить убытки с зачетом суммы задатка.

Требования арендодателя правомерны

"Наша небольшая фирма арендует помещение под офис в жилом доме. Жилищные органы требуют оплату за устранение неисправностей в системе отопления, водоснабжения и т.д. Договором аренды этого предусмотрено не было. Правомерны ли такие требования?"

А.Ульянов, *Волгоград*

Жилищно-эксплуатационный отдел, скорее всего, прав.

В соответствии со ст. 616 Гражданского кодекса РФ на арендодателе лежит обязанность производить капитальный ремонт помещения. В свою очередь арендатор обязан поддерживать имущество в надлежащем состоянии, производить за свой счет текущий ремонт и нести расходы на содержание имущества. Это правило не действует в том случае, если иное установлено законом и самим договором аренды. То есть арендатор обязан в силу закона вносить плату за устранение неисправностей, которые можно отнести к текущему ремонту, если в договоре аренды не была прописана обязанность арендодателя нести данные расходы за свой счет.

Если же работы, за которые взимается плата с арендатора, представляют собой капитальный ремонт, арендатор не должен вносить эту плату (кроме случаев, когда данные расходы в соответствии с договором аренды возлагаются на арендатора).

Перерасчет в соответствии с законом

"В нашем доме был произведен перерасчет оплаты за коммунальные услуги. Имел ли право ЖЭК взыскивать новую сумму оплаты за прошлое время?"

С.Колышева, Московская обл.

Предоставление коммунальных услуг и оплата за них производится на основании договора, который в соответствии со ст.426 Гражданского кодекса РФ является публичным договором. При этом цены устанавливаются и регулируются уполномоченными на то государственными органами. Изменение размера оплаты за коммунальные услуги является изменением условия договора о цене. Согласно ч.2 ст.424 ГК РФ такое одностороннее изменение цены после заключения договора может быть произведено только на основании закона или в предусмотренном законом порядке.

В нормативном акте, предусматривающем повышение тарифов на оплату коммунальных услуг, должны быть предусмотрены условия перехода на повышенную оплату. В частности, должно быть указано, на какие договоры распространяется данное изменение цены на услуги: на вновь заключаемые или все, заключенные ранее. Если повышение цен насадется всех пользователей коммунальных услуг, то новая

оплата должна взиматься с них не ранее того дня, когда новый акт вступил в действие. Перерасчет будет произведен, скорее всего, уже после начала действия нормативного акта. Соответственно, может возникнуть необходимость взыскать недоплату за прошлое время. При этом плата за прошедшее время может быть взыскана только за период со дня вступления нормативного акта в действие. Этот срок не должен превышать трех лет в соответствии с правилами исковой давности, установленными в ст.196 Гражданского кодекса РФ.

Подряд — тоже труд

"В последние годы я работал не по трудовому договору, а по договорам подряда, имел при этом более высокий заработок. Будет ли он учитываться при назначении пенсии?"

М.Синьков, Нижегородская обл.

Безусловно, заработок, полученный по гражданско-правовым договорам (в том числе, по договору подряда), будет учитываться при исчислении пенсии. В соответствии со ст.100 Закона РФ "О государственных пенсиях в Российской Федерации" в заработок включаются все виды дохода, на которые начисляются страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 7.05.97 г., относит выплаты по договорам гражданско-правового характера к тем, на которые страховые взносы начисляются. Соответственно, заработок по договорам подряда следует учитывать при исчислении и перерасчете пенсий. ■

**Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам**

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

70. В. КОСТЕНКОВ
Ижевск

2

71. А. КОШЕЛЬКОВ
Псков

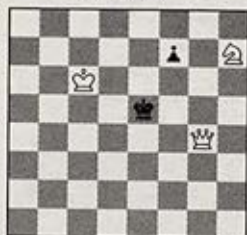
2

72. Л. ЛЕБЕДЕВ
Беларусь

б) n.f4-d6 # 2

73. В. КОЗЫРЕВ
Эстония

3

74. Ф. КАНАБАДЗЕ
Грузия

3

75. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

3

76. А. ЕПИФАНОВ
с.Новотроицкое
Кировской обл.

4

77. Е. БОГДАНОВ
Украина

4

78. А. ЛОБУСОВ
Москва

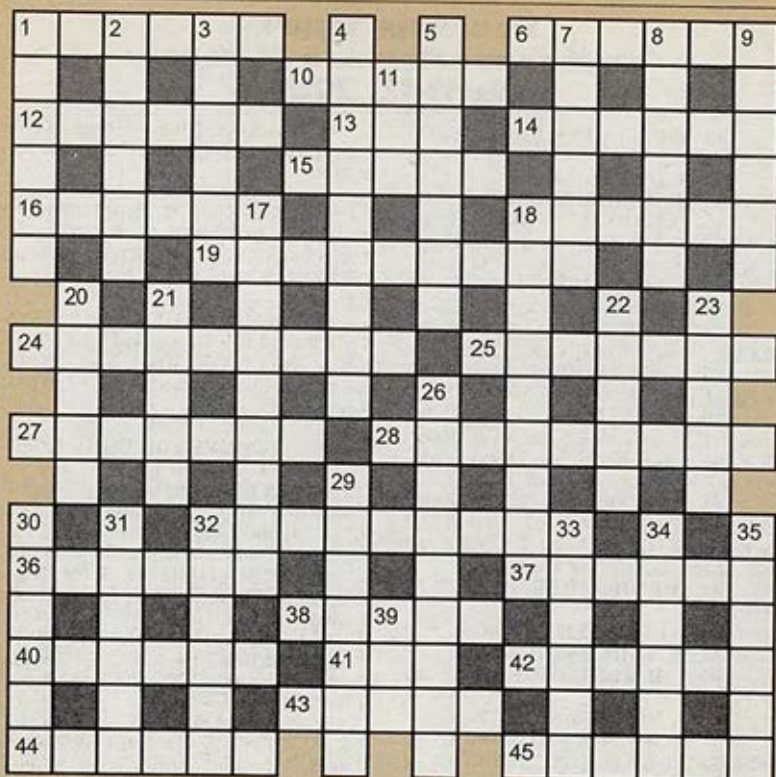
13

**Решения задач,
опубликованных в "Смене"
№№ 11-12, 2000 г.**

133. В.КАЛАНДАДЗЕ. а) 1.e8C
б) 1.Kpg2
134. Э.ЛАБАЙ. 1.Кре6
135. Ю.ПОДБЕРЕЗСКИЙ. 1.Фа3
136. Д.БАКЧИ, Л.ЗОЛТАН. а)
1.Фг7 Kph1 2.Kpg3 б) 1.Фд5 Kpg1
2.Kpg3
137. Е.БОГДАНОВ. 1.Лс5 Kpd4
2.Фf2, 1...Kpf4 2.Фf2, 1...Kpf3 2.Лс3
138. Д.ГИЖКО. 1.Cf2 Кра7
2.Cg3, 1...ef 2.Крс7, 1...e2 2.Лb1
139. Е.БОГДАНОВ. 1. Кра4 Кра6
2.Лс7 Kpb6 3.Кb5 Кра5 4.Лс6
140. С.МАТВЕЕВ. 1.Кpg3! h5
2.Крh4! Кра8 3. Сg1 Kpb8 4.Сh2 Кра8
5.Кpg5 h4 6.Кpf6 h3 7.Сb5 Kpb7
8.Кре7 Крс8(a8) 9.Са6(с6)х
141. М.ХОФМАН. 1.Kd5 Кра2
2.Крс2 Кра1 3.Кb4 h6 4.Крe1 h5
5.Кс2 Кра2 6.Кd4 Кра1 7.Крс2 Кра2
8.Ке2 Кра1 9.Кс1 a2 10.Кb3х
142. А.ЕПИФАНОВ. а) 1.Cf3 б)
1.Ked4
143. В.КОВАЛЕНКО. 1.Ка4
144. А.ПАНКРАТОВ. 1.Фс4
145. В.МЕЛЬНИЧЕНКО. а)
1.Kde5 б) 1.Kbd4
146. А.КОШЕЛЬКОВ. 1.Кс5
147. Б.ЖЕЖЕРУН. а) 1.Cb8 б)
1.Лa6 с) Лa6 z) 1.Фа6 d) 1.Лb7
148. Л.ПРОНИН. а) 1.Кре2 Кре4
2.Сe6 б) 1.Cd7 Крс5 2.Сс7
149. Е.БОГДАНОВ. 1.Кс3! Кре5
2.Kd5, 1...Kpg5 2. Kpf2, 1...Kpg3
2.Kpf1; 1.Kd4? Kpg3 2.Ке2, 1...Kpg5
2.Kpf2, 1...Кре5!
150. Е.ФОМИЧЕВ. 1.Кре4 Cf8
2.Kf6, 1...Cf6 2.Kf8, 1...Kpg8 2.Kf6
151. М.ЧЕРНУШКО. 1.c7 g1Ф
2.c8K 1...g1K 2.c8Ф
152. Г.КОЗЮРА. 1.c7 Kpd5
2.c8C, 1...Kpd7 2. Фb7, 1...Kpf7
2.c8Ф
153. В.МАТЭУШ. 1.Кра3 a1Ф
2.Ла2, 1...a1K 2.Лb2
154. В.ИВАНОВ. 1.Лh4 Kph4
2.Kpf6, 1...Kpg6 2.Лb5, 1...Kpf5
2.Лg4
155. А.КАРГАПолов. 1.Лf1
Kpd4 2.Лf4, 1...Kpd3 2.Kpd5,
1...Кре5 2.Cb2
156. В.КОЗЫРЕВ. 1.Фе8 Кре5
2.Фf8, 1...Kpf5 2.Фh5, 1...Kpg5
2.Ce3
157. В.КОЗЫРЕВ. 1.Фг8 Кре4
2.Фd5 Kpf4 3.Kpf2, 1...f5 2.Кс4 Кре4
3.Фd8.
158. В.ЛЕВОЧКИН. 1.Лh2 Kpg5
2.Kph3 Kph5 Kpg3, 2...Kpf4 3.Kph4
159. Е.БОГДАНОВ. 1.Кс3 Kpd4
2.Kpf3 Kpd3 3.Ла6 Kpd2 4.Лd6,
1...Kpf4 2.Кс3 Kpg3 3.Лh5 Kpf4
4.Kpf2
160. В.МЕТЛИЦКИЙ. а) 1.Kf5
Kpf1 2.Kh4 Kрe1 3.g5 Kpf1 4.Ce2, б)
1.Kf5 Kpf1 2.Cd5 Kрe1 3.Cf3 Kpf1
4.Кс3, с) 1.Kd5 Kpf1 2.Kf4 Kрe1
3.Кс3 Kpf1 4.Ке4, z) 1.Kpb2 Kpd2
2.Кс2 Kpd1 3.Кс1 Kpd2 4.Лg3
161. В.ДЖУРАШЕВИЧ. 1.Фb3
b5 2.Фс2 b4 3.Фb3 ba 4.Фс2 a2 5.Фс1x
162. А.СЫГУРОВ. 1.Фd3 Kpb7
2.Фd7C — 3.Cd5 Кра6 4.Фb5, 1...Cс5
2.Cс8 Kpb6 3.Фb3 Kрe1 4.Фb5,
1...Cd4 2.Фd4 Kpb7 3.Фb2 Крс6 4.Cс8
163. М.МАТРЕНИН. 1.Kg4 Cg4
2.Лg4 Kpf7 3.Лg6 Kpf8 4.Крe6,
1...Kpf7 2.Ке5 Kpf6 3.Kd7 Kpf7 4.f6
164. А.ВАРИЦКИЙ. 1.Kpd1 e3
2.Kf3 e2 3.Крe1 g4 4.Kd2 g3 5.Фс4,
1...g4 2.Kg4 e3 3.Kh6 e2 4.Крe1 Крe4
5.Крe2
165. С.ТКАЧЕНКО. 1.h7 Kph4
2.Kpf4 Kph5 3.h8Ф Kpg6 4.Фg8 Kpf6
5.Фg5, 2...Kph3 3.h8Ф Kpg2 4.Фb2
Kpf1 5.Kpf3
166. В.ВОИНОВ. (бел.п.с4)
1.Kpg5 Крe6 2.Kpg6 a5 3.Cf8 a4. 4.c5
a3 5.Cd6, 1...a5 2.c5 Крe7 3.c6 Kpd8
4.Cd6 a4 5.Kb6
167. В.МОРОЗОВ. 1.Фс7 Кра3
2.Фа5 Kpb2 3.Крe6 Kрe1 4.Фe1 Kpb2
5.Kpb5 Кра3 6. Фс1
168. М.НЕДЕЛЬКОВИЧ. 1.Кра2
d2 2.Kpb3 d1Ф 3.Крс3 Фе2 4. Фg1
Фd1 5.Фс3 Kpb1 6.Фb6 Фb3 7.Фb3

Победителями конкурса решения шахматных задач "Смена-2000" по сумме результатов стали: В.КОЖАКИН (Магадан), Г.ПОПОВ (Якутск), В.СИМОНОВ (Самара), А.РОГАНИН (пос.Строитель Белгородской обл.) и А.МОТОВИЧЕВ (Архангельск). Они награждаются дипломами журнала "Смена" и книжными призами.

Редакция поздравляет победителей и желает им новых успехов!

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Знаменитый режиссер, снявший в Голливуде знаменитый фильм "Птицы". 6. Соглашение, неподвластное инфляции. 10. Фраза о порядке цветов в радуге: каждый охотник желает знать, где сидит ... 12. Русский поэт, знавший наизусть почти всего Пушкина. 13. Холодный друг холодной Барби. 14. "Овес" для лошадиных сил. 15. Туристический приток реки Москвы. 16. Археологическая местность вонруг новостройни. 18. Съемная часть белого продукта. 19. Публичный спор. 24. Киноактриса, которую Н. Рыбников взял в жены с ребенком. 25. Пронладчин курса и в воздушном, и в соленом океанах. 27. Прекрасный юноша из греческих мифов, умерший от неутолимой страсти к самому себе. 28. Жених, крадущий невесту. 32. Группа людей, повелеваемая словами: "Посмотрите направо! Посмотрите нале-

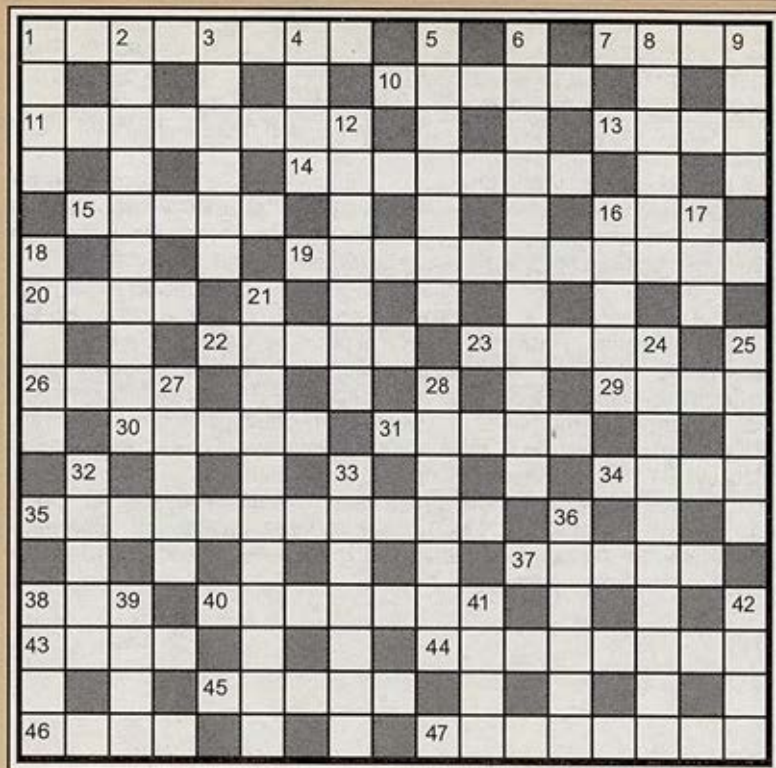
во!" 36. Недуг, хватающий за горло. 37. Монтаж на русском языке. 38. Отметина на подмоченной репутации. 40. Событие, когда много цветов и хвалебных речей, а ты еще жив. 41. Нкут. 42. Месяц, краснеющий за предшественника. 43. Ядовитый газ с чесночным запахом. 44. Родная сестра сарназма. 45. Певица, озабоченная погодой в собственном доме.

По вертикали. 1. Русский сплин. 2. Сказочное наполнение решета. 3. Участок для чужих камней. 4. Певица, в Большом театре замечательно певшая в операх, а в концертах столь же замечательно исполнявшая русские народные песни. 5. Художник, пишущий картины на бытовые темы. 7. "Весельничанье". 8. Человек, с которым говорят тет-а-тет. 9. Построение в шеренге по росту. 11. Брат инса и игрена. 17. Официальная специальность Нэт в сериале "Семнадцать мгновений весны". 18. Знановая часть языкознания. 20. Автоотстойник. 21. Инструмент и кузнеца, и чаевника в старину. 22. Ни два, ни полтора. 23. Пернатая лягушатница. 26. Тушканчик, любящий новыльную степь. 29. Середина осени. 30. Город, переименованный О. Бендером в Нью-Москву. 31. "Присобаченная" сказка Х. Андерсена. 32. Персидский поэт, развивавший "иракский" стиль панегирической поэзии. 33. Фрунт познания и раздора. 34. Инструмент лобового удара. 35. Басенный слушатель, не теряющий аппетита. 39. Хвойное дерево, чьи красные ягоды неотразимо привлекают птиц. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Эскадра. 7. Протоплазма. 10. Наука. 11. Ингибитор. 15. Штраф. 16. Зависть. 17. Мойра. 22. Юнга. 23. Витамин. 24. Турбоход. 27. Умывальник. 28. ...Кристофоро... 30. Квартира. 31. Фортуна. 32. Штат. 35. Щигры. 36. "Хуторок". 37. Жизнь. 40. Гиппарион. 41. Миска. 43. Достоевский. 44. Бальзак.

По вертикали. 2. Сеть. 3. Аппендицит. 4. "Реалисты". 5. Прокл. 6. Ямщик. 8. Запах. 9. Водосброс. 12. Отыгрывание. 13. Саламин. 14. Прихвостень. 18. Любушна. 19. Бильярд. 20. Чурсина. 21. Едность. 25. Настурция. 26. Прутков. 29. Гонобобель. 33. Субретка. 34. Шипна. 38. "Шпион". 39. Циник. 42. "Асса".

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Один из сидевших на золотом крыльце в считалке. 7. Часть света, обозначенная на карте Исидора Севильского (VII век) как Сим. 10. Сводная сестра гитары. 11. Животное из Центральной и Южной Америки, у которого рот не открывается. 13. Профессия, какой мастер на все руки овладел между жатвой и игрой на дуде. 14. Злая змея, побежденная Ринки-Тикни-Тави. 15. Эрмитажная "Мадонна Бенуа" Леонардо да Винчи как произведение, каким его считали бродячие итальянские актеры, у которых она была куплена. 16. "Игрушечный" город на одноименном озере США. 19. Веселое чесание языка. 20. Чудовище в мифологии ингушей и чеченцев, охраняющее вход в ел — мир мертвых. 22. Продуция фабрики, на которой в юности работал Ч. Дикенс. 23. Темница для серого вещества. 26. Пищевой продукт, самые древние образцы которого нашли в Швейцарии — им около 6 тысяч лет. 29. Судно, на котором Афанасий Никитин вез из Ормуза в Индию коня. 30. Первый импрессионист в скульптуре. 31. Самый трудный процесс на пути рождественского гуся к столу. 34. Поясной "цветок" на спине японки, одетой в кимоно. 35. Главный порт по вывозу зерна из

Египта в Константинополь, столицу Византии. 37. Итальянский композитор с самой короткой автобиографией: "У меня под руками оказался жалкий спинет, и вскоре я стал писать ноты, вот и все". 38. Швейцарский художник XV вена, по чьим популярным картинам ткали ковры. 40. Денабрист, которому Тобольская губерния обязана женским образованием. 43. Скандинавский бог, чье имя связано с шаманским экстазом. 44. Составляющая географической системы или ее вид. 45. "Нервный узел" повествования (А. Веселовский). 46. Корона, накой на Руси увенчивали новобрачную. 47. Высказывание, от которого, как говорят в народе, хоть стой, хоть падай.

По вертикали. 1. Единственный тихоокеанский лосось, нерестящийся только на дальневосточном берегу. 2. Тупейный художник. 3. Художник, по чьим картинам Людовик XIII повелел выткать гобелены, подаренные им Петру Первому. 4. Самый похожий на автора герой Д. Лондона. 5. "Обитель снегов" у непальцев. 6. Первая в Англии манекенщица по национальности. 8. Единица эквивалентной дозы излучения. 9. Съедобный овал. 12. Каждый из вдохновляемых Л. Арагоном художников, подготовивших почву для сюрреализма. 16. О. Уайльд по художественным принципам. 17. Любимое дерево А. Ахматовой. 18. Народ, давший миру Шота Руставели. 21. Венец византийского императора и императрицы из полос драгоценных металлов в виде купола с крестообразным завершением. 24. Мудрец, с чьим именем связан первый натеизис йоги — "Йога-сутра". 25. Остров, куда после смерти Колумба перевезли его тело. 27. Самое маленькое философское жилище. 28. Бесцветный газ, сырье для производства синтетического научука. 32. "Психический тон", излучаемый человеком, у спиритов. 33. "Модный" русский модельер. 36. Форма прически, канюю носила Мария Стюарт. 38. Священный зверь самнитов. 39. Самое популярное зрелище в Древнем Риме. 41. Стихотворение, где В. Маяковский назвал толпу "стоглавой вошью". 42. Самая частая весенняя и осенняя добыча в ягдташе охотника. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Планета. 10. ...бледность... 11. Жалобщик. 12. Идеология. 13. Маун. 14. Роз. 17. Верблюд. 20. Янорь. 21. Шлем. 23. Юлиан. 25. Роллан. 26. Мангал. 27. ...стадо... 28. Цинк. 30. Пиопи. 31. Стряпня. 36. Инс. 37. Глаз. 38. Череповец. 40. Гледичия. 41. Философия. 42. Квартет.

По вертикали. 2. Лилиуоналани. 3. Наби. 4. Таиров. 5. Альдобрандини. 6. Однолюб. 7. Хобот. 8. Ятник. 9. Днами. 15. Землетрясение. 16. Орган. 18. Благополучие. 19. Емеля. 22. Крица. 24. Дания. 29. Этиолог. 32. Янулов. 33. ...изъян. 34. Девиз. 35. Щегол. 39. Удар.

Живопись Михаила необычайно разнообразна. Он работает в разных жанрах — пейзажи, натюрморты, портрет, историческая картина, тематическая композиция. Пейзажи его созерцательны и романтичны. Пишет в основном красивые места Подмосновья, как говорит сам художник, "дачную местность". И уверяет, что именно на природе его посещает особое состояние сродни пушкинскому "леность праздная, подруга размышлений". Вот в таком состоянии расслабленности ему открываются тайны природы и приходит вдохновение. Впрочем, природа на его холстах не

только красива и уютна, ласкает взгляд и приводит зрителя в умиротворение, но и настраивает на философское размышление о всеильности природы и слабости человека, хотя он и стремится ее переделать, покорить... Да и в своих натюрмортах Михаил создает определенную психологическую ситуацию. Он убежден, что у каждой вещи, к которой прикасается художник, своя душа, и надо только вступить с ней в диалог как бы соединив две реальности — явную и тайную.

Михаил очень любит Москву и потому создал целый цикл картин ей посвященных. Но картины не о сегодняшней процветающей столице. Эпиграфом к серии могут служить знаменитые строчки Тютчева: "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые", так как посвящена она драматическому времени. Началом стало полотно "Революция в Москве". А уже затем появились герои серебряного века. Выполнены работы в стиле неомодерн. От модерна художник унаследовал поэтичность символов, изящность и утонченность, лирическое толкование линии и пространства, яркий, декоративный цвет. Но если модерн пронизывала какая-то щемящая грусть, некая эстетика умирания, как напоминание о хрупкости и недолговечности бытия, то творчество Михаила, напротив, наполнено радостным восприятием мира, воспеванием его красоты и гармонии. "Появление неомодерна закономерно в наше время, — считает художник, — когда на стыке веков творческая личность возвращается к романтизму и философичности образов". ■

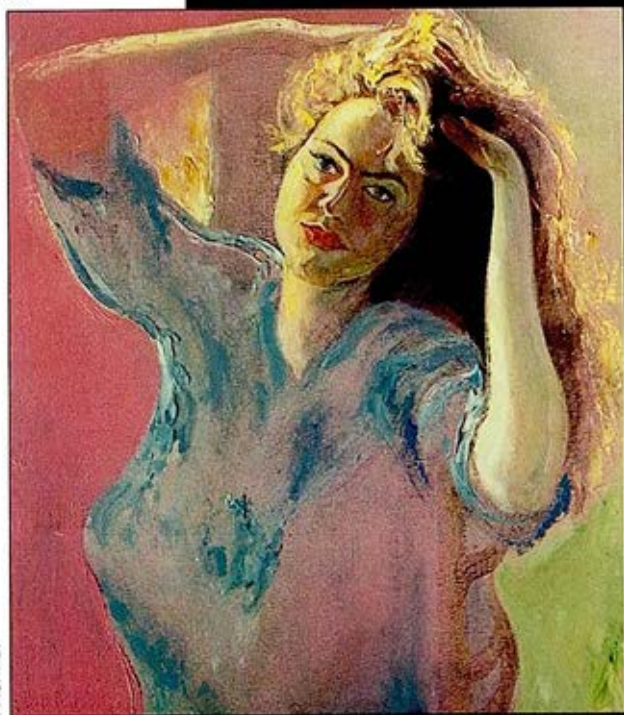
Людмила КАНДАЛОВА

На даче.

Розовая Венеция.

Жанна.

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени
помола кофе
Подогрев чашек,
таймер
Счетчик чашек

*Изумительный
эспрессо
и капучино*

**за 20
секунд**

**20 сортов
свежеобжаренного
колумбийского кофе**

Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

